

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

*Под редакцией Евг. Быковой,
Б. Карпушкина, В. Новиковой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ

*Перевод с бенгальского
и английского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

И (Инд.)
Т—13

Редактор переводов
Б. Карпушкин

Комментарии
Э. Комарова

Оформление художника
Н. Крылова

СТАТЬИ

1891—1941

«РАДХИКА» ВИДЬЯПАТИ

Как известно, физической энергии присущи такие несходные между собой свойства, как движение и теплота; точно так же в творениях двух поэтов — Видьяпати и Чандидаса — любовь отличается совершенно разными чертами. Чандидас изображает любовь как несоборимую силу чувства, горячий жар души, пламень сердца. Видьяпати же рисует ее как игру, перелив едва уловимых чувств. Поэтому стихи Видьяпати так певучи, так богаты рифмами, они как бы переливаются всеми красками радуги. Это зыблющееся море красоты, радости, счастья. Любовь в его стихах — это свободно льющаяся песня, которая брызжет чистым восторгом юности. Видьяпати не избегает минорных тонов, но он отгораживает радость от печали. Или счастье, или горе, или радость встречи, или томление разлуки — это разграничение проведено у него до конца. Он не перемежает счастье с горем, радость свидания с горечью одиночества, как Чандидас. Видьяпати славит в любви прежде всего ее юную свежесть, новизну, Чандидас же отдает предпочтение глубокому, зрелому чувству.

Юность обычно делит все на черное и белое, середины она не признает. Она колеблется между двумя крайностями: счастьем и горем, добром и злом. Во всем она стремится к цельности. Одного хорошего качества ей достаточно, чтобы домыслить остальные достоинства, так же как довольно одного недостатка, чтобы составить

самое отрицательное представление. Едва ей улыбнулась жизнь, как она забывает о всех своих огорчениях; печаль тотчас вытесняет всякую радость из ее сердца. Поэтому голос Видьяпати всегда звучит звонко; в его поэзии — вечная весна. Для Радхи только наступила пора цветения; красота ее распускается как цветок. Первая встреча с Кришной наполняет ее трепетом полудетского чувства. На губах ее витает лукавая улыбка, в глазах искрится кокетство. Конечно, где-то на дне ее души таится тревога, надежда сменяется разочарованием, но все это глубоко не задевает сердца.

Когда красу ее мои вливают очи —
Мне вечность кажется мгновения короче ¹, —

пишет Чандидас.

Радха не знает такой силы страсти, она чувствует только легкое бурление в крови. Душа ее открыта наполовину; лишь иногда внезапный порыв ветра поднимает покровы и позволяет заглянуть вовнутрь. Радха совсем еще девочка, она не постигла ни себя, ни окружающего мира. Вдали вся она — воплощение веселого кокетства, вблизи же похожа на робкого, испуганного зверька. Побуждаемая любопытством, она касается любви своими прекрасными, точно лепестки, пальцами, но в тот же миг, испуганная, готова убежать без оглядки. Радха — как несмелое дитя, которое любит животных; она не знает нрава лани и поэтому, едва прикоснувшись к ней, обращается в бегство. Но мало-помалу страх исчезает.

О светлая заря жизни, когда весь мир полон неразгаданной тайны! Юное сердце впервые вдыхает свой аромат, оно только начинает понимать себя. То смущенное, то испуганное, то обрадованное, то терзаемое сомнениями, оно не знает, открыть ему дверь любви или не открывать:

То распустит волнистые кудри, то снова
Их в прическу начнет собирать,
То укроется ими, как пышным покровом,
То за плечи закинет опять.

Юное сердце стремится в полет, но его останавливает страх перед неведомой далью. Увлекаемое острым любо-

¹ Стихи к статье переведены Н. Стефановичем.

пытством, оно выглядывает наружу, но тут же прячется в свое одинокое гнездышко.

Видьяпати с большей охотой изображает радости, нежели муки любви. В чувстве, которое охватывает его героиню, нет непоколебимой решимости, это всего лишь шаловливое увлечение. Мы как бы видим перед собой море, волнуемое легким ветерком. В его волнах отражаются скользящие тени облаков, щедро рассыпаны искры солнечных лучей. Кругом слышатся неумолчные всплески смеха и царит радостное оживление. Это ликующий ритм, танцы и песни, волнующий зов, игра света и красок. В стихах Видьяпати отражена многообразная красота зарождающейся любви; но у нее нет глубины моря, нет его безмолвия, нет самозабвения, заслоняющего весь окружающий мир.

Иногда мы видим, как Радха купается в Джамуне или возвращается домой после купания. Ее зыбкий, как отражение в воде, облик постоянно ускользает от нашего взора. Мы не можем заглянуть в глубь ее сердца. Все, что мы замечаем, это:

Вот сари чуть откинула рука.
Усмешкой губы тронуты слегка.
Бросает взор летучий и мгновенный, —
В глазах огромных трепет сокровенный.

Поэтому:

Она чужой для Кришны остается.

Радха появляется и снова исчезает: в ее словах звучит притворство, настроения поминутно меняются, она терзается страхом и тревогами. В прекрасные весенние дни Радха ходит на свидания, но она не знает единения двух беззаветно любящих сердец. Часто, сидя в укромном уголке, девушка советуется с подругой: рассказывает ей обо всем, что случается, хотя и не говорит, что это происходит с ней. В юной любви Радхи столь же много очарования, сколь наивности и любопытства.

Чандидас волнуется глубиной чувства, Видьяпати пленяет красотой юности.

О юность, о весна! Деревьев обновленье!
Весь мир зацвел!
И снова ветра пир весенний
И опьяненность первых пчел.

В прибрежной роще, светлой и зеленой,
Блуждает юноша влюбленный.
Всесильна первая любовь.
И почки налились весенним свежим соком,
И птицы в небе кружатся высокою.
И девушкам весна волнует кровь, —
Ты, темный лес, приют им приготовь.
С подругой Кришна, — их свиданьям
Улыбки шлет весенний небосклон...
Бессмертной юностью и вечным ликованием
Видьяпати, как хмелем, опьянен.

Для полноты картины хочется привести следующие строки:

Опять весна, земли расцвет веселый.
Опьянены цветов нектаром пчелы.
Как Вриндаван цветет свежо и пышно!
И как хорош всегда беспечный Кришна.
Играет, веселится, а вокруг —
Задорный смех и голоса подруг.
Чудесен шуршал — какие песни!
Но коротал звенит еще чудесней.
Танцующих ритмичные движенья
Исполнены огня и вдохновенья.
И песни о любви — сладчайший мед:
Видьяпати их сказочно поет!

На этом можно было бы и остановиться. Но, пожалуй, еще слишком рано ставить точку. Песня не допета, еще не прозвучал ее последний аккорд. И вот тогда Видьяпати сказал нечто такое, что совмещает в себе конечность с бесконечностью. Стихи эти возвещают все новые и новые бури чувства:

На красоту твою всю жизнь смотреть готов,
Ношу тебя в душе столетий миллионы.
И знаю, что вовек, что до конца веков
Любовь останется моя неутоленной.

Новое время потребовало новых мелодий, нового ритма. Вечно юная любовь сказала свое слово. А затем явился Чандидас и начал песнь о старой, как мир, любви.

СОЦИАЛИЗМ

Как явствует из сообщений английских газет, европейские социалисты с каждым днем заявляют о себе со все большей решительностью. Рано или поздно их деятельность может привести к крупной социальной революции. Поэтому небезынтересно узнать, в чем состоит сущность социалистического учения. Социалисты далеки от подлинного единства взглядов, и подробно рассмотреть их воззрения — дело отнюдь не легкое. Я ограничусь пересказом общих положений, выдвинутых в книге г-на Белкорта Бэкса.

«Либералами» в Англии называют тех, кто в недалеком прошлом стремился к исправлению некоторых общественных установлений, а также их нынешних последователей. Г-н Белкорт Бэкс рассматривает в своей книге различие между либералами и социалистами.

Некогда король и знать, говорит он, обладали всей полнотой власти. Движение за ограничение их власти получило название «либерализм». Благодаря ему каждый гражданин получил право неограниченного владения материальными средствами и имуществом. Усилиями либералов была обеспечена неприкосновенность имущества каждого гражданина.

Однако эта свобода привела к новой зависимости. Повсюду утверждается власть капитала. Охраняя капитал, либерализм служит интересам богачей и лишает народные массы равного права на счастье и прогресс.

Социализм стремится уничтожить власть богатых и установить свободу для народных масс.

Возникновение заводов и фабрик положило начало новому общественному перевороту, породив два класса: растущий новый класс фабрикантов и класс тех, кто на них трудится: этот последний класс состоит из бывших ремесленников.

Пока производство основывалось на индивидуальном мастерстве ремесленников, они пользовались относительной самостоятельностью.

Развитие фабричного производства приводит к исчезновению самостоятельности ремесленников и росту могущества богачей-фабрикантов.

Социалисты хотят, чтобы производство и распределение находились в руках всего общества, а не отдельных лиц. Они заявляют, что производство и распределение материальных благ — это дело всего общества.

Сейчас же производство материальных благ определяется волею и интересами богатых, и поэтому народные массы не могут улучшить свое положение.

Не так-то просто бороться с господством капитала. Грабитель, с пистолетом в руках, требует: «Кошелек или жизнь!»; фабрикант же заявляет: «Зарабатывай себе на пропитание или погибай!» Неимущий же совершенно беззащитен. Переход капитала и земли в собственность народа устранил возможность такого рода принуждения.

Резко повысится и качество выполняемой работы. Представьте себе, например, что социалистическое государство поручает кому-нибудь выпекать хлеб. Если пекарь будет работать плохо, небрежно, используя недоброкачественные продукты, он не только не получит от этого никакой выгоды, но и пострадает сам, вместе со всеми другими. Ведь он будет работать не ради платы или прибыли, а во имя общества. Поскольку он не заинтересован в выпечке плохого хлеба, в то время как выпечка хорошего принесет удовлетворение и ему, и всем остальным, естественно, что он будет выпекать хороший хлеб. Капиталист же стремится к удешевлению стоимости работы, ему отнюдь не свойственно бескорыстное стремление к повышению качества.

Многие считают, что между богатством и свободой существует неразрывная связь. Человек, лишенный богатства, неизбежно оказывается в зависимости, и поэтому якобы стремление социалистов освободить бедняков противоречит самой природе вещей. Автор соглашается с утверждением, что свобода немыслима без богатства; потому-то и необходимо, считает он, чтобы богатство принадлежало всем, ибо только тогда свобода станет достоянием всего народа.

Из сказанного вытекает, что цель социализма — свобода для всех и каждого. На это может последовать возражение: осуществление этой цели приведет к результатам, противоположным ожидаемым. Ведь именно эгоистический интерес заставляет ныне человека трудиться; этот интерес — движущая сила всей работы, выполняющейся в обществе. Если же не станет стимула к обогащению, обществу самому придется заставлять людей трудиться, и в этом случае оно вынуждено будет прибегнуть к сильному принуждению. Общество не может существовать, если каждый волен предаваться безделью. Понадобится какая-то система принуждения. Автор подтверждает, что мир пока еще не может обойтись без принуждения. Но при нынешнем устройстве в обществе господствует слепое принуждение. При социализме же принуждение будет осуществляться в обществе разумно, обоснованно, лишь по мере необходимости и под тщательным контролем. И поскольку принуждение в социалистическом государстве не связано с чьими-либо своекорыстными интересами, можно рассчитывать, что надобность в нем будет постепенно сокращаться.

Г-н Бэкс говорит, что люди в первобытном обществе сообща владели имуществом, но с развитием цивилизации этому был положен конец. Каждый стал стремиться к тому, чтобы быть самому себе хозяином. Стремление к главенству обычно вызывало появление двух антагонистических классов. В результате единство общества сменялось разобщенностью. Если в прошлом вражда и соперничество проявлялись по отношению к чужим племенам, то теперь, под влиянием стремления к превосходству, они стали разъедать общество изнутри. Таков был закономерный итог развития цивилизации. Ее главная отличительная

черта — конфликт между обществом и личностью: каждый в отдельности стремится приобрести большее могущество, чем весь коллектив.

Социализм стремится к возрождению былого единства, к равномерному распределению материальных благ между всеми и тем самым к обеспечению возможно большей свободы для всех. Цель его — добиться единства и свободы в человеческом обществе.

ЧТО МЕШАЕТ ОБРАЗОВАНИЮ

Несомненно, у нас еще плохо обстоит дело с выпуском литературы на родном языке. Не хватает даже учебников, не говоря уже о серьезных научных трудах по философии. Поэтому изучение иностранного языка остается единственным путем для приобретения знаний. Если положение не изменится и в самое ближайшее время мы не выпустим хотя бы несколько школьных учебников, образование будет обречено на застой.

У нас выходит достаточно много книжонок наподобие «Борнободха», «Шишушикха», «Нитипустока», но их, на мой взгляд, нельзя считать полноценными учебниками.

Все книги можно разделить на две группы: книги для учения и книги для мучения. Издания, рекомендованные «Текст Бук Камити», следует отнести ко второй группе.

Надеюсь, меня не поймут превратно. Комитет, безусловно, учреждение полезное: благодаря ему у нас появились свои маслобойни, свои кирпичные заводы; многое сделано им в сфере политики и по организации праздников. Но до сих пор, к сожалению, комитет не ведет никакой работы в области образования. Богиня просвещения только тогда может уделять достаточное внимание каждому из детей, когда их немного. Чем же объяснить то, что комитет подбирает пустые, низкопробные книги? Даже малые дети знают, что, после того как

сахарный тростник побывал в прессе, в нем совсем не остается сока.

Я не хочу говорить, что комитет — это неизбежное зло, я хочу только подчеркнуть, что книги, которыми пользуются в наших школах, не являются книгами для чтения. Грамматика, лексикон, география и правила поведения — все это можно только изучать, но не читать для удовольствия.

Мы не можем сводить свою жизнь к удовлетворению повседневных нужд; эти нужды лишь наполовину сковывают нас, наполовину же мы свободны от них. Средний человеческий рост — три с половиной локтя, но нельзя построить дом такой же высоты. Для свободы движения требуется простор; если этого простора нет, страдает не только наше удобство, но и наше здоровье. То же самое верно и в отношении образования. Если учить детей лишь самому необходимому, их способности никогда не получат полного развития. Ребенок должен читать не только учебники, но и другие книги, по своему выбору. Если он будет лишен этой возможности, его умственное развитие застынет на месте, он так никогда и не сделается взрослым.

На нашу беду, у нас совсем нет времени для настоящей учебы. Ведь мы должны как можно скорей выучить иностранный язык, получить диплом и устроиться на службу. Поэтому дети торопливо зазубривают учебники. Вперед, вперед! Нечего глазеть по сторонам. Тут уже не до художественных произведений! Да и где они, эти произведения? На бенгальском языке нет почти ничего, кроме переводов «Рамаяны» и «Махабхараты». Дети не настолько хорошо владеют родным языком, чтобы они могли сами, без чужой помощи, почувствовать красоту бенгальской поэзии. Плохо знают они и английский язык, поэтому английская детская литература недоступна им. К тому же эта литература описывает чужую, незнакомую жизнь, она настолько своеобразна, что иной раз ставит в тупик даже взрослых бенгальцев, имеющих степень магистра или бакалавра искусств.

По воле злой судьбы у бенгальского ребенка нет никаких книжек, кроме грамматики, словаря и географии. Несчастнее его, верно, нет никого на свете. Сердце

сжимается, когда видишь, как он сидит на школьной скамье, болтая своими худенькими ножками. В то время как детей других стран угощают конфетами, бенгальского ребенка угощают ударами палки. Приправой к этому «угощению» служат ругательства учителя.

Такая грубая пища может испортить самый хороший желудок. Бенгальские дети лишены подвижных игр, питаются они впроголодь; не удивительно, что они отстают в своем умственном и физическом развитии. Хотя многие из нас получают степени бакалавра и магистра искусств и даже пишут собственные сочинения, мы до сих пор так и не достигли зрелости. Мы не можем создать ничего законченного, ничего прочного. Мы говорим, думаем, поступаем не как взрослые, а как дети; нищету своей души мы пытаемся прикрыть преувеличениями, чванством и самым беззастенчивым бахвальством.

Причина заключается в том, что с самого детства мы не получаем никакой радости от образования. Мы только выучиваем самое необходимое. В результате работа у нас кое-как идет, но развитие топчется на месте. Для утоления голода необходима еда, а не воздух, без воздуха желудок не работает. Нельзя освоить учебники, если читать только их, и больше ничего. Здесь требуется художественная литература; она прививает любовь к чтению; под ее воздействием ребенок развивается легко и естественно, учится наблюдательности, тренирует сообразительность и память.

Как же избежать этого безрадостного, уродующего души детей образования? Ответить на этот вопрос не так-то легко.

Первая трудность, с которой мы сталкиваемся, — английский язык. Язык этот совершенно чужой для нас, его синтаксический строй резко отличается от бенгальского. Вторая, быть может, еще большая, трудность состоит в том, что мы не знаем ни жизни, ни образа мышления англичан. Мы вынуждены зубрить без понимания, проглатывая неразжеванную пищу. Представьте себе, что в английском школьном учебнике рассказывается о сенокосе или о том, как Чарли поссорился с Кэtti, играя в снежки. И тот и другой рассказ вполне могут заинтересовать английских детей, потому что близки и понятны

им. Но они ничего не говорят нашим детям, в их воображении они не вызывают никаких ярких картин. Читая их, наши дети как бы ошупью бродят в потемках.

Положение усугубляется тем, что учителя начальных классов плохо подготовлены для своей работы. Некоторые из них даже не имеют аттестата зрелости. Они сами не знают как следует ни английского языка, ни английской жизни и литературы. А ведь они должны заложить основы знаний английского языка. Ко всему еще они не знают и своего родного языка. Их спасает только то, что дети не могут уличить их в невежестве. Преподавать они не умеют, умеют только обманывать: в этом умении они достигли большого искусства.

Но можно ли во всем обвинять бедняг-учителей? Отсутствие точных эквивалентов при переводе с английского языка на бенгальский неизбежно приводит к искажению смысла. Как, например, перевести предложение «Horse is a noble animal»?¹ Сказать ли: «Лошадь — сильное животное», «Лошадь — полезное животное» или «Лошадь — очень хорошее животное»? Здесь по-бенгальски нет и не может быть адекватного перевода. И сколько таких смысловых неточностей при изучении элементарных основ английского языка! Нет им числа! Нетрудно понять, почему дети не проявляют интереса к английскому языку. Никто даже и не пытался привить им этот интерес, потому что это бесполезно. Ученики и учитель заявляют в один голос: «На что нам любовь к языку? Лишь бы кое-как понимать смысл: этого достаточно, чтобы сдать экзамены и поступить на службу». Как тут не вспомнить известное изречение Шанкарачарьи о «бессмысленном смысле», от которого нет ни радости, ни пользы?

Но этим не исчерпываются бедствия наших детей. Знай они свой родной язык, они хотя бы могли читать «Рамаяну» и «Махабхарату». А если бы они не ходили в школу, то проводили бы время в веселых забавах: играли бы в разные игры, лазали по деревьям, плавали в пруду и реке, собирали букеты цветов, словом, близко общались

¹ «Лошадь — благородное животное». Для перевода слова «благородный» в бенгальском языке нет соответствующего слова.

бы с природой и набирались сил. Мы учим английский язык, но не приобретаем знаний. У нас не было досуга ни для развлечений, ни для того, чтобы наслаждаться красотой реальной природы или литературы, являющейся плодом воображения. Человек — детище двух миров: внутреннего и внешнего; в них он черпает все свои жизненные силы. Эти миры сочетают в себе красоту формы, цвета и запаха, ритма и музыки, радости и любви. Но наши несчастные дети изгнаны оттуда; они томятся, заключенные в темницу английского языка. Они не знают сладости родительской любви, их не обнимают нежные руки матерей. Хотя дети и малы ростом, для их игр не хватает большого дома. Их заставляют проводить детство в узком мире грамматик и словарей, где нет жизни, веселья, движения. Поэтому дети вырастают бледными, хилыми, малокровными. Разве так надо развивать ум, воспитывать сердце и волю? Человек, который получил такое образование, не сможет твердо стоять на своих ногах, не сможет сам преодолеть препятствия, он будет только способен к зубрежке, слепому подражанию и раболепию.

Человеческая жизнь — в постоянном движении! Детство переходит в юность, юность сменяется возмужалостью. Едва наша молодежь начинает делать первые самостоятельные шаги, как сразу выясняется, что у нее нет некоторых навыков, совершенно необходимых в жизни. Навыки эти вырастают постепенно, как руки и ноги, их нельзя купить в магазине, как готовое платье.

Чтобы жить, человек должен обладать мышлением и воображением. Он не может обойтись без этих двух способностей, которые, собственно говоря, и делают его человеком. Давно известно, что мышление и воображение надо развивать с самого детства, ибо, когда мы станем взрослыми, будет уже слишком поздно.

Между тем наша система образования закрывает путь к развитию этих способностей. Многие годы уходят у нас на изучение английского языка, который, как я уже говорил, глубоко чужд нам по своей структуре и который мы изучаем с помощью людей, как правило, непригодных для этой цели. Зубрить язык еще не значит усваивать образ мыслей. Пока мы усваиваем чужой образ мыслей,

наше мышление бездействует и; стало быть, не развивается. Пока мы получаем среднее образование и проходим промежуточный курс, еще можно с грехом пополам пользоваться разговорным английским языком. Но для того чтобы получить степень бакалавра искусств, надо изучать труднейшие книги, требующие глубокого осмысления. Для этого у нас нет ни сил, ни времени. Поэтому мы глотаем эти книги большими порциями, спеша и давясь; нетрудно угадать, что в голове у нас образуется каша.

Читать, не вникая в содержание, все равно что копить строительные материалы, но ничего не строить. Мы сваливаем в одну огромную кучу все, что получаем: кирпичи, цемент, балки, песок, известь. И вдруг приходит строгий приказ немедленно закончить строительство дома. Мы тотчас влезаем на гору сваленных материалов и утрамбовываем их, создавая подобие плоской крыши. Но у кого повернется язык назвать домом это хаотическое нагромождение? Может ли оно, лишненное воздуха и света, служить жилищем? Может ли защитить от палящего зноя и дождя? Где у него строгая красота и гармония?

Бесспорно, мы накопили уже много необходимого для возведения величественного дворца духовной жизни. Никогда еще, за всю нашу историю, у нас не было столько материалов для этой цели. Но собирать материалы — еще не значит уметь строить. Работа идет только тогда, когда материалы употребляются в дело, а не лежат на строительной площадке.

Прежде чем строить дворец, надо знать свойства материалов, знать, как их применяют. Вот тут и должно пригодиться образование. Пока же в нашей стране происходит нечто странное, уму непостижимое: человек у нас сам по себе, знания сами по себе; кладовые ломятся от избытка продуктов, а желудки пусты, их разъедает выделяемый сок.

Если мы хотим, чтобы наши дети стали взрослыми, нужно следить за их ростом, не то они навсегда так и останутся детьми. Наряду с развитием памяти следует развивать мышление и воображение. Мало пахать и бороновать целину. Для того чтобы получить богатый урожай, надо, чтобы в почве было достаточно жизненных

соков. Точно так же мало только наказывать учеников и натаскивать их к экзаменам. Рисовые поля нуждаются во влаге. Если долго не было дождей, потом уже ничто не спасет урожай. И, повзрослев, человек нуждается в живости ума и пылкости воображения. Однако юность зачахнет, если ее не оросит благодатный дождь литературы. Вот из мрака земли выбиваются первые нежные побеги человеческой души. С любопытством, удивлением и восторгом взирают они на новый для них мир. Если их озарит свет любви и радости, они будут быстро расти и набираться сил. Но если их засыплет сухая пыль и горячий песок, они неминуемо завянут и погибнут. Их не сможет оживить даже сияние правды, богатство идей и величие мысли, присущие европейской литературе. Для чего же лишать детей жизненной силы, скрытой в литературе?

В нашем образовании обычно упускается самый благоприятный момент. Все свое детство и юность, до самой зрелости, мы неторопливо тащимся по дороге, сгибаясь под бременем немногих выученных английских слов. Когда же наконец мы достигаем царства английских идей, они оказываются чуждыми нам. Мы едва понимаем их и не можем проникнуть в их суть. Хотя мы и щеголяем знакомством с ними, мы убеждаемся, что они неприменимы в наших практических делах.

В течение двадцати — двадцати двух лет мы приобретаем знания, не связанные органически с жизнью. Это накладывает странный отпечаток на наши умы. Знания оттуда постепенно выветриваются, остаются лишь немногие, да и те бесполезны. Это не мешает нам разгуливать с гордостью дикарей, которые испортили красоту и блеск своей кожи красками и татуировкой. Вожди дикарей не сознают, как смешно они выглядят в европейской одежде, увешанные дешевыми стеклянными побрякушками. Так и мы, усвоив несколько ходячих английских выражений, преисполняемся гордости и начинаем употреблять их к месту и не к месту, сами не сознавая, какой у нас при этом жалкий вид. Всякого, кто посмеет улыбнуться, мы осаживаем, приводя тьму примеров из европейской истории.

Если бы мы смолоду усваивали идеи вместе с изучением языка и следовали им на практике, мы могли бы

выработать в себе глубоко верные воззрения и стать настоящими людьми, могли бы внести подлинную гармонию в свою жизнь. Но, как я уже говорил, наше обучение совершенно оторвано от жизни. В наших книгах не найти картинки, которая изображала бы Дом нашего Будущего, нет в них и высоких общественных идеалов. Они молчат о самом дорогом для нас: о наших отцах и матерях, братьях и сестрах, друзьях и подружках. В них не показан наш повседневный труд, не звенят песни нашего ясного неба и широкой земли, сияющего утра и прекрасного вечера, песни плодородных полей и рек, которыми судьба щедро одарила наш народ. Вот почему между нашим образованием и жизнью был и остается разрыв, мешающий преодолению наших слабостей и недостатков. Наши корни ушли далеко в сторону от места, орошаемого живительными потоками Знания; скудные брызги, все же долетающие до нас, недостаточны, для того чтобы напоить наши корни. Наши знания позволяют нам только быть чиновниками или торговцами; мы складываем их в тот же сундук, где пылится наша одежда, ибо они ни на что не пригодны. Винить в этом должно нашу систему образования, а не учеников и студентов, которые разрываются между тем, чему их учат, и правдой жизни. Единственное связующее звено здесь — грамматика и словарь. Не удивительно поэтому, что среди нас встречаются люди, которые проштудировали европейскую философию, науку и логику, но упорно цепляются за кастовые ограничения и вековые предрассудки. На словах проповедуя благородные идеалы свободы, они живут в рабском подчинении; мало того, они хотят, чтобы и другие жили, как они. Они хорошо изучили лучшие творения классики, но даже не думают следовать ее высоким идеям, а заняты низким стяжательством. И это естественно, ибо между знаниями и их применением — непреодолимая преграда.

Разрыв не сокращается, а, пожалуй, даже увеличивается. У нас постепенно зарождается недоверие и даже презрение к знаниям, противоречащим всему, что мы видим вокруг себя. Всюду нам мерещится ложь, и мы начинаем думать, что европейская цивилизация целиком основана на лжи, в то время как индийская цивилизация зиждется на правде, и что, таким образом, английское

образование указывает путь лишь в царство обмана, ложно именуемое цивилизацией. Мы не задумываемся над тем, почему наше образование не приносит никакой пользы, и думаем, что оно само виновато в своем бесплодии. Чем меньше мы верим в наше образование, тем меньше становится его влияние на нас. Не в силах захватить наши души, оно все более отдаляется от реальности. Уродливое образование приводит к уродливости жизни. Как два шута, осыпают они друг друга язвительными насмешками.

Треть нашей жизни уходит на получение образования, которое оторвано от действительности, и у нас не остается времени для самообразования. Как же мы можем добиться каких-то успехов?

Сблизить образование с реальной жизнью — вот наша насущнейшая задача. Осуществить ее можно только с помощью бенгальского языка и литературы. Журнал «Бонгодоршон», который издавал Бонким-бабу, появился на нашем небосклоне, как заря. Все наше образованное общество было чрезвычайно обрадовано его появлением. И знаете почему? Не потому, что «Бонгодоршон» сделал новые открытия, еще неизвестные европейской науке: философии, истории, — с помощью «Бонгодоршона» могучий гений сломал перегородку между нашим образованием и душой, идеалы и жизнь воссоединились после долгой разлуки. Блудный сын наконец возвратился домой; и в его честь засияли праздничные огни. В те дни, когда Кришна властвовал в Матхуре, посланцы его возлюбленной Радхи долго умоляли привратника, чтобы он пропустил их. «Бонгодоршон» выслал своих послов и возвратил Кришну в наш Вриндаван. Наши дома, наше общество, наши сердца — все озарилось ярчайшим сиянием. В каждой женщине мы увидели Шурджомукхи и Комолмони. Чондрошекхор и Протан стали идеалом бенгальского мужчины. Наша скромная повседневность заблистала в лучах Величия.

«Бонгодоршон» дал мощный толчок развитию нашей духовной жизни — благодаря ему наши образованные люди стали смелее выражать свои мысли на родном языке. Они поняли, что английский язык пригоден только для деловых целей, но не для литературы. Несмотря на

все усердие, с которым мы изучаем английский язык, то немного, что есть подлинно долговечного в нашей литературе, написано на бенгальском языке. Это очевидная истина. Бенгальцы никогда не будут знать английский язык настолько хорошо, чтобы свободно выражать свои мысли в литературе. И даже если они в совершенстве овладеют английским языком, они не смогут живо передать на нем мысли и чувства, характерные для бенгальцев. Неповторимая красота, воспоминания, которые мы стремимся запечатлеть в литературе, наши духовные черты, складывавшиеся на протяжении долгих веков, — все это не может найти живого выражения на чужом языке.

Понятно, что наша интеллигенция стремится выражать свои чувства и мысли на бенгальском языке. Но увы, где он — наш гордый язык? Откроются ли его красота и величие тому, кто чванится своим английским образованием?

О высокоученый педант! Не тебе оценить всю чистоту и нежность этой юной девушки — нашей речи! Понимал ли ты когда-нибудь глубокий ум, тонкий юмор, затаенную печаль, нежную любовь и преданность, что светятся в ее глазах. Ты думаешь: «Я прочитал Милля и Спенсера и сдал все экзамены на ученую степень. Я молод, неглуп и независим. Несчастные отцы, у которых много дочерей на выданье, обивают мой порог, предлагая богатое приданое. Эта ничтожная бенгальская речь, которая звучит в устах невежественных мужланов, пусть скажет мне спасибо за то, что я обратил на нее внимание. По одному моему знаку она должна броситься мне на шею, осчастливленная. Ведь я знаю английский язык и все же снисхожу до того, чтобы писать на бенгальском. Может ли быть для него большая честь? Я мог бы стяжать славу, если бы писал на английском языке, но я приношу себя в жертву этой обездоленной стране. Так пусть же все препятствия исчезнут с моего пути, как оборванные нищие, поспешно расступавшиеся при появлении царя. Подумайте только, как много добра я могу сделать своим соотечественникам! Я могу научить их политической экономии, могу рассказать все, что я знаю о теории эволюции, начиная с возникновения жизни и кончая появлением человеческого общества и духовного мира. Я не

утаю ничего. В своих исторических и философских статьях я могу привести цитаты и примеры, заимствованные из трудных английских книг; мои соотечественники узнают, что говорил такой-то английский критик о таких-то английских книгах. Но если этот убогий и дряхлый бенгальский язык не будет слушаться каждого моего слова, пусть пеняет на себя! Я сделаюсь адвокатом или судьей и буду писать передовые статьи в английских газетах. Страшно даже подумать, какая это будет потеря для нашей страны!»

Увы, потеря эта не страшит бенгальский язык. Пока еще застенчивый и не проявляющий своей полной силы, но быстро развивающийся, этот язык не уважает «милейших молодых людей», и рассерженные молодые люди отвечают ему непризнанием: по возможности они избегают его как в своих письмах, так и в дружеских беседах. Книги на бенгальском языке они пренебрежительно третируют как «женское чтиво». Сей грех, может быть, и невелик, но за него последует тяжкое наказание.

Я уже упоминал о том, что в детстве и юности мы изучаем язык в отрыве от идей, которые он выражает. Когда же мы становимся взрослыми, то, наоборот, нашему усвоению идей мешает недостаточное знание языка. Не в силах постичь идеи, содержащиеся в английской литературе, многие наши интеллигенты проникаются отвращением ко всей западной мысли. В то же время они презирают и родной язык, с которым у них нет кровной связи. Конечно, они не признаются в том, что плохо знают родной язык; нет, они говорят: «Какие мысли можно выражать на бенгальском языке? Он слишком примитивен для таких умных людей, как мы». Виноград висит слишком высоко для них, поэтому они делают вид, будто пренебрегают им.

Нарушена всякая гармония между нашим языком, нашей мыслью и нашей жизнью. Вне общества человек не может принести пользы; он лишается внутреннего единства и силы и не получает того, что ему требуется.

Где-то я читал рассказ о нищем, который побирался всю зиму, чтобы купить себе теплую одежду. Но тут приходило лето. Пока нищий копил деньги на летнюю одежду, наступал месяц огрохайон. Наконец бог сжалился

над ним. «Скажи, чего ты хочешь, и я исполню твое желание!» — пообещал он. «О боже! — ответил нищий. — У меня к тебе одна-единственная просьба: сделай так, чтобы я получал зимнюю одежду к зиме, а летнюю к лету. Больше мне ничего не надо».

О том же молим и мы. Зимнюю одежду мы хотим получать к зиме, а летнюю — к лету. Все необходимое у нас есть, но мы не можем получить его своевременно. Пусть же всевышний насыщает нас, когда мы голодны, дарует одеяние, когда мы замерзаем от холода. Пусть соединит он наш язык с нашей мыслью и образование — с жизнью.

Я вспоминаю следующее двустишие:

Веселым смехом рассмеется каждый,
Узнав, что мы в воде томимся жаждой.

Вода у нас есть, но мы все-таки томимся жаждой. У других это вызывает смех, а у нас самих — слезы. Но пить мы так и не научились.

«РАДЖ СИНГХ»

Если перелистать «Радж Сингха», то невольно напрашивается вывод, что каждая глава лаконична, действие происходит непрерывно. Повествование настолько увлекательно, что роман проглатывается одним залпом.

Добиваясь стремительного развития действия, Бонким-бабу выбросил из каждой главы своей книги не только все излишнее, но и многое важное, оставив лишь самое необходимое.

Если бы роман вышел из-под пера писателя менее смелого, чем Бонким, он, вероятно, изобиловал бы всякими объяснениями. Стремление предупредить вопросы, которые могут возникнуть у читателя, несомненно, привело бы к разжевыванию всего недоговоренного.

Пришлось бы подробно рассказать о том, как Мубарак, проникнув во дворец, предавался любовным усладам с дочерью падишаха, и о том, как принцесса Джодпури послала к Чанчал-кумари свою служанку, чтобы передать ей несколько слов и вручить печатку; надо было бы прояснить смысл разговоров Дарии, этой дерзкой торговки благовониями, и подольше остановиться на том эпизоде, где она пленяет военачальника своими танцами, переодевается мужчиной и садится на коня. Конечно, тут нет ничего невероятного, но для полной достоверности, бесспорно, требуются веские доказательства. В нескольких небольших главах Бонким-бабу так легко и непринужденно рассказывает обо всем этом, что ни у кого не

возникает никаких подозрений. Писатель несмелый, возможно, проявил бы колебания, но его многословные разъяснения только бы насторожили читателя.

Бонким-бабу даже и не думал оправдываться; более того, кое-где он не преминул пустить шпильку по адресу ни в чем не повинных читателей. Помните, как Маниклал встретился на краю дороги с незнакомой ему Нирмал? Он предложил ей сесть на его коня, но, прежде чем принять его предложение, она заручилась обещанием, что он женится на ней. Писатель не только не смущен, говоря мягко, необычным поведением своих героев, он еще решается упрекать недоумевающих:

«Возможно, этот роман не особенно понравится нашим читателям. Ни слова о любви, никаких ухаживаний, ничего похожего на любовные восклицания: «О жизнь моя, о любимая!» Но что поделаешь?»

Все герои романа, и прежде всего женщины, исполнены порывистости. Они действуют бесстрашно и умело, но без всяких предварительных размышлений. Красавица достигает своей цели с быстротой молнии, пронзающей облака, ничто не может остановить ее губительный порыв. Она действует не раздумывая — как это свойственно женщинам. Разумеется, Бонким-бабу должен был рассказать читателю, как, повинаясь властному зову сердца, женщина вырывается за круг обыденной семейной жизни, мелких домашних дел, но он не пожелал сделать это в полной мере.

При первом чтении «Радж Сингха» испытываешь странное чувство: кажется, будто намного уменьшилась сила земного притяжения. Там, где мы передвигаемся с трудом, герои совершают головокружительные прыжки. В реальной жизни мы обременены сомнениями и страхом, но в мире, который изображает «Радж Сингх», люди словно бы и не чувствуют собственной тяжести.

Те, кто читает много английских романов, без сомнения, будут удивлены такой легкостью. Современный английский роман и шагу ступить не может без тяжеловесных описаний: всякий незначительный случай вырастает в большое событие, — дело, может быть, и пустяковое, но к нему прилагаются кучи документов. Теперешние романисты боятся хоть что-нибудь упустить, все для них

исполнено значения. Поэтому в английском романе уделяется непомерно большое место семейной жизни. Не знаю, как для англичан, но для нас, бенгальских читателей, это крайне утомительно.

Вот почему современный роман открываешь с опасением. Жизнь сейчас настолько тяжела, что человеческое сердце не выдерживает ее бремени. Если же и литература не приносит утешения, тогда совсем беда. Правда жизни, но не ее бремя — вот что нам нужно от литературы.

Правда должна обладать весомостью, только тогда она по-настоящему убедительна и радует сердце, только тогда то, что создано воображением, облекается в реальную осязаемую плоть и обретает бессмертие.

На мой взгляд, Бонким-бабу не придавал своему роману достаточной весомости. Этот недостаток он искупил стремительностью действия. Он не добивался полной правдоподобности, не вызывающей решительно никаких сомнений, но он построил действие так естественно и динамично, что сделал излишними всякие вопросы. Если машинист паровоза не уверен в прочности моста, он проскакивает его на такой скорости, что мост не успевает разрушиться. И это понятно. Когда армия выступает в поход, солдаты не берут с собой весь свой скарб. Им приходится оставлять даже самые необходимые вещи, затрудняющие передвижение. Лишь человек, который живет дома, может обременить себя большим имуществом.

«Радж Сингх» напоминает военный поход: события движутся вперед развернутым строем, словно войска, идущие в бой. И военачальники, что бы они ни переживали в душе, не могут остановиться, они вынуждены принаравливать к быстрому шагу других.

Хочу привести такой пример. Некоторые читатели и, надо думать, многие читательницы разочарованы тем, что любовь Радж Сингха и Чанчал-кумари не достигает наибольшей глубины и силы. Бонким-бабу упустил такой выигрышный момент: он мог поразить своих героев всеми пятью стрелами бога любви Кандарпы, а заодно и стрелами бога вод Варуны: слезы лились бы рекою!

Увы, для этого у него не было времени. Когда пенный поток истории с громовым ревом устремляется в узкую теснину, горе утлой лодчонке, случайно попавшей в него,

Тут уж не до того, чтобы расписывать все перипетии любви.

Поэтому любовь в «Радж Сингхе» изображена так лаконично и скупо, без каких бы то ни было лишних подробностей. Это не счастливая брачная ночь весенней поры, а темная, ненастная ночь, в которую подкрадывается смерть, — испуганная героиня, отбросив гордость и стыд, трепетными руками обвивает шею своего возлюбленного. У них нет времени на долгие и нежные объяснения. Удар, который наносит смерть, возрождает во всех сердцах страстную жажду жизни.

Вот юная девушка, выросшая на женской половине дворца в маленьком княжестве Рупнагар. Со временем, вероятно, она стала бы одною из ста жен какого-нибудь мелкого раджпутского князька. Она сидела бы на роскошном ковре в бедоламных покоях, где изображены сказочные птицы, качающиеся на причудливых лианах, и, под насмешливыми взглядами других княжеских жен, потягивала дым из кальяна. Кто мог предугадать, что в этой хрупкой, будто цветок, девушке обнаружится столь неодолимая сила души, которая, словно грозный вал наводнения, смогла поколебать делийский трон. Красавица Зеб-ун-ниса жила во дворце Великих Моголов, в Рангмакале, который украшен драгоценными камнями. Она утопала в роскоши, и, наслаждаясь цветами удовольствий, старалась усыпить свое сердце. Внезапное прикосновение смерти пробудило ее ото сна. Какая могучая духовная сила сжала его в своих безжалостных объятиях? Как же случилось так, что дочь падишаха поддалась всепоглощающему горю, которое уравнивает обительницу царского дворца с дочерью крестьянина, живущей в хижине? Обеим им уготовано одно ложе — ложе скорби. Разбойник Маниклал стал подлинным героем; в ослеплении красотой Мубарак низринулся в море смерти; Нирмал-кумари вылетела, словно птица из клетки, на волю, в этот бушующий мир, а легкомысленная, как бабочка, летящая на огонь, Дария, распустив волосы, с громким смехом начала свой танец смерти.

Как ожидать, что в ужасном полуночном шуме зазвучит нежное воркование горлицы, которая свила себе гнездо в полдневную пору?

Мне кажется, не стоит огорчаться по поводу того, что «Радж Сингх» не стал вторым «Ядовитым деревом» — романом, который с самого начала поражает крутыми новоротами судьбы, неожиданными сменами страдания и радости, а к концу совсем ошеломляет бедного читателя. Первые главы «Радж Сингха» не производят такого сильного впечатления. Это происходит потому, что «Радж Сингх» — роман совершенно другого плана.

Раз уж я взялся писать статью, нужно откровенно высказать свое мнение. Зачем винить во всем некоего воображаемого читателя? Когда я начал читать роман, и меня одолевали сомнения. «Для чего такая торопливость? — думал я. — Даже в любви герои объясняются так, словно у них нет ни одной лишней минуты. Зачем скользить по верхам? Неужели нельзя было вспахать почву чуточку поглубже?» Но эти сомнения я испытывал лишь до того, как вчитался в роман.

Когда вы смотрите на ручьи, стремглав сбегаящие с гор, кажется, что они созданы лишь для игры, не для какого-нибудь серьезного дела. Ручьи не оставляют за собой глубокого следа. Но спуститесь вниз по течению — и вы увидите, как они сливаются в один горный поток. Все глубже, все шире становится он и наконец превращается в большую реку, которая гордо и величаво катит свои воды, пока не достигнет великой своей цели — безбрежного моря.

Таков и «Радж Сингх». Его начальные главы похожи на ручьи: с легким журчанием, играя солнечными бликами, быстро несутся они вперед. В шестой части журчание переходит в шумный плеск, глубина растет и вода приобретает темный цвет. В седьмой части поток начинает вздымать высокие волны, слышится громоподобный голос Рока, громкие рыдания человеческой души; затем доносится отчаянный вопль с чьей-то жизненной ладью, которую угрожает поглотить разбушевавшаяся стихия. И среди всей этой ужасающей пляски разрушения невозможно движется история, создаваемая людьми и временем, — происходят события, знаменующие конец одной и начало другой эпохи.

«Радж Сингх» — роман исторический. Часть героев тесно связана с историей; это Аурангзеб, Радж Сингх и

Создатель. Кто же главный из героев романтических? Этого я не могу сказать, но героиня, безусловно, — Зеб-ун-ниса.

В те тяжелые дни Радж Сингх, Чанчал-кумари, Нирмал-кумари, Маниклал и другие герои тащили колесницу индийской истории по трудному и неровному пути. Многие из них, вероятно, выдуманы писателем, тем не менее и они связаны с историей. Сама по себе их жизнь, исполненная радости и горя, не имеет большого значения, она остается за страницами романа.

Зеб-ун-ниса, бесспорно, также связана с историей — не будь этой связи, она не имела бы права на существование. Связь эта настолько слаба, что Зеб-ун-ниса сияет прежде всего светом собственной жизни.

Величие свойственно не только истории, но и человеку. С изумлением и восторгом смотрим мы, как катится высокая колесница истории. Но если на своем пути она раздавит человеческое сердце, его стон, может быть, вознесется выше этой горделивой колесницы, упирающейся в самое небо.

В своем романе Бонким-бабу связал историю с человеком. В широкий поток нашей истории он влил потоки отдельных человеческих жизней.

Несметные богатства и неограниченную власть соединила в своих руках Могольская империя. Своекорыстие сделало ее слепой к радостям и несчастьям подданных. В своей слепоте она считала, что императору позволено все: он может попирать справедливость. И тогда наступил день пробуждения империи!

Избалованная роскошью Зеб-ун-ниса жаждала не любви, а лишь наслаждений. Она попирала добродетель и справедливость своей прелестной ножкой в туфельке, расшитой золотом и усыпанной драгоценными камнями. Но неожиданно, восстав из каких-то неведомых глубин, любовь поразила ее в самое сердце. Свершилось возмездие. Жгучий огонь запылал в ее пресыщенном теле, в медленно текущей крови; цветочное ложе, где она предавалась неге, стало жечь ее, как погребальный костер. Зеб-ун-ниса вырвалась на свободу. Откликнувшись на зов любви, которую прежде презирала, она смиренно надела на своего избранника венок богатства и счастья,

сама возвела страдание на трон своего сердца. Она утратила счастье, зато душа ее обрела жизнь. После жестоких мук Зеб-уц-ниса оставила великолепный, ко всему и всем равнодушный падишахский дворец и сошла на землю. Так она родилась заново в этом мире, так причастилась к бесконечности вселенной.

Заключительная часть «Радж Сингха» пронизана волнующей печалью и тревогой, бесконечной болью отзываются в ней страдания несчастной женщины, пробудившейся среди бурных событий истории. С ужасным грохотом рушится в ненастную ночь каменная громада могольского дворца, этот грохот заглушает тихие стоны женщины, которая отказалась от всего, что имела. Только Он, бодрствующий в темную ночь и молча управляющий сменой исторических эпох, замечает крохотное человеческое существо, простертое в пыли.

История и роман связаны одной уздой. Нельзя было отдавать предпочтение ни истории, так богатой событиями, ни человеческим переживаниям, составляющим излюбленную тему романа. Писатель сумел соблюсти правильную пропорцию. Если бы Бонким слишком подробно расписывал сердечные чувства своих героев, он задержал бы движение истории. Этого он не хотел, ему важно было другое: показать вместе и быстрый поток, и лодки. Поэтому лодки на его картине получились совсем небольшие, их трудно рассмотреть во всех деталях. Если бы, однако, художник приблизил лодки, он не смог бы изобразить большую часть реки. Возможно, некоторым любопытным читателям страшно хочется заглянуть в лодки, и если им это не удастся, они обратят свое раздражение против писателя. Но нам не подобает легкомыслие: подумаем лучше, чего добивался Бонким в своем романе и насколько ему удалось достичь своей цели. Зачем внушать себе ложные надежды, а затем обвинять писателя в том, что они не сбылись? Это противоречит элементарному здравому смыслу. Начиная читать роман, я и сам едва не впал в подобную ошибку. Вот почему мне пришлось открыто рассказать обо всем.

БОНКИМЧОНДРО

Словно богиня, держащая чашу амриты в руках, предстал пред бенгальским народом Бонкимчондро. Увы, современники встретили его произведения отнюдь не с тем уважением, какого они заслуживали.

Немало насмешек и порицаний пришлось вытерпеть Бонкиму. У него было много ненавистников, но как ни странно, больше всех ругали его подражатели, стараясь, видимо, замаскировать свою зависимость от него.

И до сих пор еще ни наша читающая публика, ни писатели не осознали всего величия Бонкима. Они, можно сказать, выросли на его произведениях, но так и не в силах понять, в каком долгу они перед ним.

К счастью, когда мы впервые встретились с Бонкимом, наши старые литературные и другие традиции не пустили еще глубоких корней, а новые были незнакомы и непривычны. Утро нашей жизни совпало с зарею бенгальской литературы. Как утреннее солнце, взошел Бонким на нашем небосклоне, и наши сердца распустились навстречу ему, словно лотосы.

Мы жили на рубеже двух веков и потому особенно ясно ощутили разницу между тем, что было, и тем, что стало. Куда только подевались мрак, дремота, однообразие! Куда исчезли все эти детские сказочки, «Биджой-бошонто», «Голебкаоли»! Откуда появилось столько света, столько надежд, столько музыки, столько многообразия! На всю страну зазвучал голос «Бонгодоршона», точ-

но гром, возвещающий начало дождей. В реки, ручьи и источники бенгальской литературы хлынула полноводная мысль — и вот они понеслись с шумом и веселым задором юности.

В несчетном множестве рождались поэмы, пьесы, романы, статьи; возникали все новые газеты и журналы. Всю Бенгалию заполнил их утренний разноголосый шум. В один миг кончилось детство бенгальского языка и наступило его отрочество.

Пора нашего возмужания стала великим праздником: мы увидели возрождение бенгальской литературы, орошенной могучим потоком мысли. Весь наш край был охвачен волнующей радостью и надеждой. Чем же объяснить разочарование, которое мы иногда замечаем сегодня? Может быть, тем, что мы еще не добились успехов, которые бы оправдали тогдашние великие надежды? Или тем, что жизнь утратила свой стремительный темп? Как бы то ни было, этот пессимизм не имеет под собой прочной основы. Новизна не может длиться вечно. Первые наши радости и надежды ушли в далекое прошлое. Флейте не звучать всю жизнь так, как она звучала в самый первый день свадьбы. За тем бесконечно счастливым днем тянется длинная череда лет. На пути семейной жизни встречаются и радость, и горе, и мучительные раздумья, и заботы, бывают встречи и разлуки. Но пусть музыка звучит не каждый день, воспоминание об одном-единственном дне — дне празднества — воодушевляет нас на исполнение трудного долга.

В нашей памяти навеки сохранится светлый, сияющий день прошлого, когда Бонкимчондро соединил нерушимым браком бенгальский язык и мысль. Сегодня среди нас идет ожесточенная борьба мнений. Поток нашей мысли то мелеет, то снова становится глубоководным. Так оно и должно быть. Но мы не должны забывать о тех, кому обязаны своим успехом. А мы поглощены собственными особами и всегда забываем о них.

За примером недалеко ходить. Мы уже не помним о Раммохон Рае, которого по праву можно назвать основателем новой Бенгалии. И в политике, и в науке, и в общественной жизни, и в языке — везде ему принадлежит первое слово. Даже интерес к изучению шастр зародился

у нас благодаря Раммохон Раю. Современное образование воспитывает пренебрежение к ведам, пуранам и тантрам; Раммохон Рай раскрыл значение этих полузабытых, недоступных широкому пониманию памятников старины и показал все их величие.

Почему же сегодня бенгальцы не проявляют сердечной благодарности по отношению к нему?

Раммохон Рай вытащил бенгальскую литературу со дна; Бонкимчондро удобрил ее плодородным илом. На этой земле мы смогли не только поставить свой дом, но и разбить поле. Так мы обрели родину, и теперь наш духовный хлеб растет у самых дверей наших.

Неужели кому-то понадобится объяснять, какую важную, неоценимую услугу оказал бенгальскому народу тот, кто вывел родной язык из первобытного состояния и придал ему подлинное величие?! Горько даже подумать об этом! А ведь было время, когда никто не проявлял уважения к бенгальскому языку. Ученые, изучавшие санскрит, считали его деревенским языком, английские же ученые — языком варваров. Им и в голову не приходило, что от бенгальского языка можно ждать чего-то хорошего. Лишь из снисходительности составляли они простейшие хрестоматии для чтения, предназначенные для женщин и детей. Тот, кто хочет познакомиться с этими элементарными пособиями, пусть почитает старый учебник для начального обучения бенгальскому языку, составленный почтенным Кришномохоном Бондопаддхаем. В те времена всеми презираемый бенгальский язык влачил жалкое существование. Бедность мешала проявлению всего, что в нем было истинно прекрасного и величественного. Презрение к родному языку неминуемо приводит к пустоте и обнищанию духовной жизни.

Бонкимчондро, один из образованнейших людей того времени, принес все свои знания, весь свой талант, весь жар своей души на алтарь бенгальского языка. Теперь трудно даже представить себе, как непомерно тяжела была проделанная им работа.

А ведь тогда было множество бездарных людей, невежд, которые умели вывести несколько слов по-английски и поэтому мнили себя гениями, уподобляясь белке, которая захотела перегородить необъятный океан.

Поистине безгранично было мужество, проявленное Бонкимчондро. Подавив в себе всякое тщеславие, не ища никакой личной выгоды, не обращая внимания на пренебрежение ученых, он посвятил себя развитию бенгальского языка и литературы. Какая убежденность, какая сила воли нужна была для того, чтобы удержаться от искушения завоевать уважение и славу среди себе равных, чтобы всю свою молодую жизнь, все надежды, способности и силы отдать делу, вызывающему у других презрение, и пойти по новой, непроторенной дороге.

Бонкимчондро относился к бенгальскому языку с глубоким уважением, без тени снисходительности. Все свои чаяния, свою любовь к прекрасным и великим идеалам, к родине, все сокровища могучего, высокообразованного ума Бонкимчондро без всякого колебания пожертвовал нашему родному языку. И свершилось чудо: всеми пренебрегаемый, отвергнутый язык наш засверкал невиданной дотоле красотой.

Его юная прелесть одного за другим очаровывала тех, кто раньше не замечал его; он делался им все ближе и ближе. Началось быстрое развитие бенгальской литературы, которая с каждым днем завоевывала все большую славу.

Только Бонким мог взвалить на свои плечи подобное бремя: никто другой не выдержал бы такой тяжести! Прежде всего, надо обладать большой проницательностью, чтобы поверить и затем доказать на практике, что образованный человек вполне может изъяснять свои мысли на бенгальском языке. А какое величие души требовалось для того, чтобы, не гоняясь за легкими успехами, неутомимо следовать трудной дорогой к совершенству, хранить верность своим высоким идеалам, — и это в стране, где литература не выработала никаких идеалов; ведь наши читатели не надеются найти что-нибудь истинно выдающееся, поэтому они снисходительно принимают любую небрежно написанную книгу, самые скромные удачи они приветствуют с восторгом, а неудачи даже не считают нужным порицать! Нет ничего более тягостного, чем всеобщая инертность, застой, отсутствие энтузиазма. Даже в наше время люди, выступающие на литературном поприще, понимают, сколько труда и усилий

надо затратить на преодоление косности, господствующей в обществе. Попробуйте же вообразить, насколько это было труднее тогда! Когда никто даже не смеет порицать небрежность, настолько она распространена повсюду, надо быть подлинно великим человеком, чтобы выступить против нее.

Огромный труд, который свершил Бонким, следуя велениям своей души, свидетельствует о поразительной силе его таланта. Как небо от земли, отличается бенгальская литература до и после него. Те, кто бывал в Дарджилинге, видели, как высоко поднялась снежная корона царя гор над другими безмолвными вершинами: кажется, что она упирается в самое небо, сверкая в лучах восходящего солнца. Вот так же вознеслась и бенгальская литература благодаря Бонкиму. Достаточно сравнить ее прошлое и настоящее, чтобы понять, как велик был его гений.

Бонким не только сам уважал бенгальский язык, но и от других требовал уважения. Он резко осуждал легкомысленный подход к литературе, и тот, кого он осудил, не осмеливался больше проявлять несерьезность.

То были трудные времена. Бонким как бы олицетворяет собой возрождение страны. Многие умы пробудились тогда к жизни, и трудно даже сосчитать, сколько людей пытались одним махом стать писателями, переоценивая свои возможности. Желание писать было, но не было ничего достойного служить образцом. Бонким поддерживал огонь и в то же время гасил его, так как никто не решался вступить в соревнование с ним. Он один нес все бремя литературы: и как писатель, и как критик; благодаря ему литература быстро двинулась вперед. Много трудностей пришлось испытать ему. Выступая с критическими статьями в своем «Бонгодоршоне», он нажил себе немало врагов. Сотни ничтожных людей завидовали ему и всячески старались умалить его превосходство.

Колючка, даже самая маленькая, всегда причиняет боль, а писатели, с их тонкой нервной организацией, более чувствительны к оскорблениям, чем обычные люди. Конечно, Бонкима не могли не уязвлять эти мелкие уколы, но ничто не заставило бы его свернуть с раз и навсегда намеченного пути. Человек сильный духом, уве-

ренный в себе, он никогда не отступал от своих намерений. Он не боялся никаких происков, зная, что сумеет отразить все нападки ничтожеств, составлявших армию его врагов. Смело и гордо катилась его колесница: ничто не в силах было замедлить ее стремительный бег.

В литературе есть две группы людей: созерцатели и делатели. Первые в уединении предаются своим размышлениям; их произведения воспринимают обычно как откровение свыше. Но Бонким принадлежал ко второй группе, он был вершителем. Не для него была замкнутость в себе. Он радостно откликался на любой призыв литературы, и не только литературы, но и науки, истории, религии; и всегда он являлся во всеоружии. Бонким стремился создать образцы во всех жанрах молодой бенгальской литературы. Всякий раз, когда бенгальский язык попадал в беду и громко взывал о помощи, он спешил к нему в облике милосердного Вишну.

Бонким не только нес слова одобрения и любви, не только творил новое, небывалое, но и вел борьбу. Многие сейчас признают величие бенгальской литературы, день и ночь из их уст льются хвалы Бенгалии, но Бонким не только славил наш родимый край, но и боролся за его лучшее будущее. Не будь Бенгалия так безучастна, так равнодушна ко всему, она, вне сомнения, была бы больно ранена ударом, нанесенным Бонкимом в его «Жизни Кришны» прогнившему индуистскому обществу, а также извращенному индуизму, — тогда, может быть, она пришла бы в себя. Никто, кроме Бонкима с его могучим, неустрашимым гением, не осмелился бы столь решительно и открыто выступить против исконных обычаев и традиций. Даже к такому вопросу, как изучение шастр, он сумел подойти по-новому, с исторической точки зрения; он разобрал шастры, отделив зерна от плевел, и с такой глубиной и смелостью проанализировал все истинное и ложное в них, что и по сей день никто не может превзойти его.

Бонким должен был вести борьбу на два фронта: против тех, кто отрицал земные воплощения богов и не хотел признавать божественность Кришны, и против тех, кто, хотя и верил в каждую букву шастр и благоговейно чтит традиции, все же сомневался в том, чтобы богов

можно было создавать по образу и подобию человека, как это утверждают шастры. Другой на месте Бонкимчондро старался бы заручиться поддержкой хоть одной из враждующих сторон. Но не таков был великий Бонким: он рассылал свои стрелы налево и направо и уверенно шествовал вперед, полагаясь лишь на силу своего гения. Он недвусмысленно высказывал свои взгляды, не пытаясь никого обмануть ложным красноречием.

Воображение и вымысел — далеко не одно и то же. Воображение отталкивается от реальных фактов, вымысел же содержит только намек на действительность, намек, приобретающий порой крайне причудливые очертания. Он не отличается ясностью, зато туманности в нем хоть отбавляй. Вот почему бездарные литераторы часто обращаются к вымыслу: он, как всякий туман, занимает много места, но почти ничего не весит. Есть читатели, — и, к стыду нашему, таких немало, — которые с упоением читают всякий более или менее искусно сплетенный вздор.

Бонким особенно дорог нам своей сдержанностью, ибо мы живем в стране неумного, необузданного воображения. Какой бы страстный пыл он ни проявлял в «Жизни Кришны», его воображение не выходит из определенных границ, за которыми начинается беспорядок и хаос. Он всегда подчиняется сдерживающей силе логики. Во всем, что он написал, чувствуется дар божий, но в не меньшей степени чувствуется этот дар и в том, о чем он умалчивает.

Возьмись за подобную тему какой-нибудь заурядный бенгальский писатель, уж он-то не упустил бы случая порыдать, воздевши руки к небу, он дал бы полную волю своей буйной фантазии и чувствам, переполняющим его сердце. Конечно, такой писатель не стал бы стремиться к объективности или постижению суровой истины. Избегая простых, общедоступных путей, он своим изощренным умом выдумывал бы что-нибудь сногшибательное, пытаясь завлечь всех длинными рассуждениями.

Только Бонким мог раскрыть реальную историческую основу наших шастр, никому другому это не было бы по плечу. Европейцы не могли постичь истинное значение шастр, индусы безоговорочно верили им; первые знали их недостаточно, зато вторые слишком хорошо изучили

их и потому слепо повиновались укоренившимся обычаям и традициям. Необходимо было избавить историю от той и другой крайности. Любовь к родине должна была помогать в постижении шастр, а любовь к истине — содействовать отрешению от всего ненужного в них. Каждый настоящий писатель должен уметь обуздывать себя. Бонким в большой степени обладал этим умением. Незадолго до своей кончины он собрал большое количество древних вед и пуран и приступил к их изучению. Его исследования могли обогатить бенгальскую литературу, но, к сожалению, были прерваны смертью. Кто знает, когда теперь будет сделано то, чего он не успел завершить в свое время?

Бонким всегда соблюдал чувство меры, избегая всего противоречивого. Все знают, как мастерски пользовался он юмором в своих произведениях. А юмор — это сияющий луч логики, перед которым отступает все недепое и преувеличенное. Не у всех есть чувство юмора, но те, у кого оно есть, всегда — если не у себя, то у других — ощущают тонкую границу, отделяющую великое от смешного.

Бонким первый употребил в бенгальской литературе светлый, чистый и сдержанный юмор. До него юмор не мог соседствовать с сильными чувствами, ему отводилось самое последнее место. Когда в пристойных, а когда и в непристойных выражениях он потешал почтенную публику. В те времена он состоял в близком родстве с эротикой и всячески обыгрывал эту пикантную тему. Юмор, этот дерзкий шут, мог быть всеобщим любимцем, но не пользовался уважением. Серьезный разговор, считалось, исключает легкомысленный смех.

Бонким, как я уже говорил, первый оценил роль юмора в нашей литературе. Он понимал, что цель его — не в том, чтобы смешить читателей. Подлинное остроумие пробуждает интерес, способствует глубокому пониманию вещей во всей их многогранности. Он первый доказал на практике, что юмор не только не умаляет значительности произведения, но придает ему красоту и привлекательность, оживляет его и делает более динамичным. Бонким изобразил скорбные чувства, и он же озарил блеском юмора возрождавшуюся литературу Бенгалии.

Для того чтобы не перейти границы допустимого, границы хорошего вкуса и приличия, необходимо чувство меры, отсутствующее иногда у самых одаренных людей. Гений Бонкима сочетал в себе силу с изысканностью. К хорошему вкусу и приличиям Бонким относился с таким же уважением, с каким люди воспитанные относятся к женщинам. Лучшее тому доказательство — его творения. Хороший вкус Бонкима бросается в глаза каждому, кто впервые знакомится с его книгами.

Как-то один из моих родственников, уважаемый писатель г-н Шёуриन्द्रомохон Тагор, собрал всех, кто учился с ним вместе в колледже, в своем Моркеткундже. Я был совсем еще мальчиком и не помню точно, когда это было. Собралось множество тогдашних знаменитостей. Среди них был одетый в чапкан человек средних лет, высокого роста, с веселым, лукавым лицом и с усами. Он стоял, скрестив руки на груди, и сразу обращал на себя внимание своей задумчивостью и сосредоточенностью. В этом многолюдном сборище он казался бесконечно одиноким. У меня не было желания познакомиться с кем-либо, но он с первого взгляда заинтересовал меня и моего друга. Лишь потом я узнал, что это был прославленный Бонким, с которым я давно уже мечтал встретиться. Помнится, меня поразило его лицо, говорившее о незаурядной внутренней силе и уме, такое не похожее ни на чье другое лицо.

Впоследствии я не раз имел счастье видеть его, он ободрял и воодушевлял меня своими советами. Его приятное лицо всегда светилось доброй улыбкой. До сих пор не могу забыть первого впечатления, которое оно произвело на меня своей необычной проницательностью. Он чем-то походил на меч, вырванный из ножен.

По случаю торжества какой-то пандит читал патристическое стихотворение, написанное на санскритском языке, комментируя его по-бенгальски. Бонким стоял в углу, слушая. Неожиданно пандит, говоря о некоем павшем сыне Индии, пошутил на старинный, тяжеловесный лад, причем шутка его отнюдь не отвечала строгим требованиям приличия. Бонким страшно смутился; закрыв лицо правой ладонью, он выбежал из комнаты.

Много воды утекло с тех пор, но эта сцена по-прежнему жива в моей памяти.

Бонким был учеником Ишшорчондро Гупто, прежнего нашего властителя дум. Чему бы ни учила тогда литература, бесспорно одно: она не могла научить хорошему вкусу. Трудно было сохранить хороший вкус и такт в ожесточенных словопрениях тех лет, не растратив ненависть ко всему подлому и низменному! Динобондху был современником и другом Бонкима, но при всех достоинствах его произведений в них не хватает благородной чистоты, присущей Бонкиму, слишком явственно проступает влияние времени Ишшора Гупто.

Мы, писатели, никогда не должны забывать о том, что мы в вечном долгу перед Бонкимом. Когда-то наш бенгальский язык был похож на актару с одной-единственной струной, под ее аккомпанемент можно было петь только религиозные гимны. Бонким превратил наш язык в многострунную вину. Теперь этот инструмент способен воспроизводить сложнейшие мелодии, достойные того, чтобы их слышал весь мир. Бенгальский язык оплакивает ныне того, кто выпестовал и взлелеял его с такой любовью, но Бонким уже не слышит этих рыданий, окончился его тяжкий путь, и он вкушает безмятежный сон в своей тихой обители. Смерть просветлила его лицо, наполнила глубоким спокойствием, чуждым всяких тревог. Кажется, будто, спасая от нестерпимого полуденного жара, она приняла его в свои прохладные материнские объятия. Отныне мы остались наедине со своей скорбью, со своим преклонением перед ним. Этот великий человек обрел вечный покой: он уже не услышит наших рыданий, наших запоздалых сетований, не ощутит всей нашей любви к нему. В утешение нам осталась лишь скорбь да благоговение перед ним. Пусть вечно сияет явленный им великий пример служения литературе. Если мы не сможем поставить ему памятник каменный, создадим ему, осознав его величие, вечный памятник в наших сердцах. Не вечно же будет длиться английское владычество! Политические, общественные и религиозные воззрения могут еще тысячу раз измениться. События и дела, которые своей лихорадочной суматохой заслоняют сегодня якобы второстепенные общественные проблемы, пройдут, не оставив никакого следа. Но тот, кто сделал наш язык способным выражать любые мысли и чувства, подарил

нашей прекрасной Родине нетленное сокровище, не имеющее цены. Он указал единственное надежное средство для национального возрождения. Он открыл неиссякаемый родник, откуда мы черпаем утешение в горе, надежду в часы отчаяния, облегчение от усталости, вечную красоту среди нищеты и бедности. Он придал могучую силу нашему родному языку, являющемуся единственным средством для сохранения, развития и выражения всего, что в нас есть великого, что может притязать на бессмертие.

Оценка того или иного литературного произведения может оказаться ошибочной; время меняет вкусы, наклонности, нравы, и то, что мы теперь осыпаем похвалами, наши потомки, возможно, отвергнут как порочное и неприемлемое для них. Но нет никаких сомнений в том, что Бонким действительно способствовал расцвету бенгальской литературы и родного бенгальского языка. Как новый Бхагиратх, низвел он на землю бенгальской литературы великую Гангу мысли, ее святая вода смыла проклятье, тяготеющее над нами и обрекающее нас на застой, и возродила наше бывшее величие. Думаю, что никто не станет оспаривать это мнение: оно не нуждается в доказательствах и не зависит от вкусов, — это историческая правда.

На этом я прощаюсь с духовным наставником бенгальских писателей, с другом бенгальских читателей, с великим, любимым сыном нашей «полноводной, плодородной, ласкаемой южными ветрами» Бенгалии, который безвременно ушел в конце прошлого века, передав свое дело нам, его наследникам, гораздо менее ярким светилам на небосклоне бенгальской литературы.

БЕНГАЛЬСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бенгальское слово «шахитто» (литература) восходит к слову «сахит» («вместе», «сообща»). В слове «литература», таким образом, содержится понятие общности. Это не только единение мысли и языка, не только единение, так сказать, поверхностное; в литературе прежде всего проявляется внутреннее единение человека с человеком, прошлого с настоящим, далекого с близким. В стране, не имеющей своей литературы, отсутствует живая связь между людьми. Хуже того, там нет и подлинной связи с прошлым, ибо косные вековые обычаи и традиции не могут обеспечить преемственность поколений, — эту преемственность может обеспечить лишь литература, создающая сознательную духовную связь между людьми.

Такое же положение и в нашей стране: хотя узы обычаев и традиций связывают современность с прошлым, мы не можем проследить свои духовные истоки, где-то в нашем сознании порвалась соединяющая нить. Мы не знаем достаточно глубоко ни образа жизни, ни мыслей наших предков, мы не знаем, как они вырабатывали учения, как силой своего ума и души создавали поэмы и эпосы, религию и политику; мы очень смутно представляем себе развитие нашего общества — как оно изменялось, росло вширь, приспособляясь к новым условиям. Между веком «Махабхараты» и нашими днями

пролегла непроходимая бездна. Когда мы стоим в потрясении перед храмами Бхубанешвара и Канарака, украшенными изваяниями, мы невольно вопрошаем себя: не сотворены ли эти чудесные памятники искусства какой-то волшебной сверхъестественной силой, — так сильно мы отделились от их творцов. С каким поразительным трудолюбием и умением воздвигли они эти воплощения красоты, порывающейся ввысь! Мы же равнодушнозираем, как гибнут эти прекрасные создания искусства, не желая и пальцем пошевелинуть ради их сохранения. Что же так разделило нас? Почему бывшее сделалось неразрешимой загадкой для нас? Кто вырвал целые страницы из истории нашего народа, лишив нас возможности понимать прошлое? По всей Индии щедро рассеяны изумительные творения рук человеческих, но, увы, мы не ведаем, кому обязаны богатством. Мы как будто живем среди руин древней столицы и пытаемся что-то восстановить, но тайны зодчества безвозвратно утеряны.

Мы так далеки от своих предков, что даже не сознаем всей глубины разницы между ними и нами. Нам кажется, что нынешняя Индия — естественная наследница прежней, только ее древнее сияние померкло, а силы утрачены. Стоит лишь позолотить ее, думаем мы, и она возродится во всем блеске своей славы. Мы уже позабыли о том, что наши предки были, как и мы сами, людьми из плоти и крови; они рисуются нашему воображению своего рода одушевленными шастрами: отвергнув суетный мир, который для них лишь иллюзия-майя, они проводят свои дни в молитвах и созерцании бога. Мы, конечно, слышали о том, что они воевали, обороняясь от нападений врагов, занимались наукой и искусством, торговали с заморскими странами, что и у них шла борьба между добром и злом, разбирались дела в судах, вспыхивали мятежи и бунты; слышали, что у них были свои воззрения на вещи, одним словом, мы знаем, что они жили полнокровной жизнью, но мы не можем почувствовать ее сердцем. Поэтому, когда мы думаем о древней Индии, в нашем воображении встает образ брахмана, каким его изображают в наших календарях.

Одна из важнейших причин, почему мы утратили связь с прошлым, состоит в том, что наша литература не

донесла свой живой поток до этих дней. До нас дошли лишь отдельные, разрозненные произведения. Древняя Ганга мыслей и чувств высохла, лишь в самой середине ее русла сохранились небольшие озерки, их уже не питают ключи, и теперь трудно понять, какая культура заполнила их влагой своих дождей: древняя или современная. Мы уже не можем проплыть в ладье литературы там, где некогда струился могучий животворный поток. Мы выбираем любое озерко — какое нам больше нравится — среди этого иссохшего русла, и утверждаем, что это и есть индийская культура. Индийская культура, в нашем понимании, — культура мелкая, замкнутая; она распадается на множество частей, принадлежащих разным хозяевам. Она отнюдь не является достойной представительницей единой могучей индийской культуры, которая охватывает и Канву, и Канаду, и Рагхава, и Кауравов, и Нанду, и Упананду, и всех нас.

Отсутствие общей литературы нарушило прежние живые связи между индийцами. А общей литературы не было потому, что не было национального единства. Каждая народность — и в Канаудже, и в Кошале, и в Каши, и в Канчи — жила обособленно, владыки их не упускали случая, совершив приношение коня, поживиться за счет своих соседей. Нигде в нашей стране — ни в Индрапратхе, о которой мы читаем в «Махабхарате», ни в Кашмире, как его описывает «Раджатарангини», ни в Магадхе, принадлежавшей роду Нандов, ни в Удждайни, столице Викрамадитьи — нет непрерывного потока истории, есть лишь отдельные, разъединенные звенья цепи. Сердце народа не билось в едином ритме, поэтому не было и прочной основы для общенациональной литературы. Кое-где мудрые цари покровительствовали нашим поэтам: Викрамадитья покровительствовал Калидасе, Притхвираджд — Чандабардаи, Чандрагупта — Чанакье. Так были созданы отдельные прекрасные произведения, но даже им не удалось перебросить мост между прошлым и будущим не только во всей Индии, но хотя бы в тех краях, где жили их творцы.

Лишь тогда может литература широко раскинуть свои крылья, когда она вьет свое гнездо в сердце единого на-

рода. Общность — необходимейшая предпосылка для развития литературы, которая объединяет все частное и расцветает лишь там, где имеется единство. Литература, действительно заслуживающая этого названия, не может возникнуть там, где каждый живет сам по себе, где деревни как стеной отделены друг от друга, где нет непрерывной связи во времени. Что объединяет людей в нашей стране? Религия. Поэтому у нас существует только религиозная литература. Недаром древняя бенгальская литература представлена лишь сборниками тантрической и вишнуитской поэзии. Раджпутов объединяла общая борьба с врагами; естественно, что героизм — господствующая тема раджпутской поэзии.

Наконец и в нашей небольшой Бенгалии подул свежий ветер: зародилась национальная литература. Своим появлением она обязана проповедникам. Затем к ним подключились люди, изучившие английский язык в надежде заслужить милости британской короны; в основном это были торговцы; корыстные и алчные, они, разумеется, не могли принести пользу общему делу. Никто тогда не думал о просвещении народа, каждый заботился только о своем благе.

Миссионеры, как я только что говорил, первыми почувствовали необходимость обратиться прямо к народу. Надо было сделать бенгальский язык пригодным для целей образования и распространения научных знаний. Однако, как и следовало ожидать, выполнение этой задачи оказалось не по плечу иностранцам. Бенгальская проза впервые достигла совершенства под пером Раммохон Рая, которому столь многим обязана новая Бенгалия.

В прошлом бенгальская литература исчерпывалась поэзией. Этого было недостаточно для целей, которые ставил перед собой Раммохон Рай. Его не удовлетворял язык, способный лишь к выражению чувств и воспеванию прекрасного; ему нужен был язык, подчиненный строгим правилам логики, пригодный для описания реальной жизни, язык всеохватывающий и общепонятный. Поэзия обслуживала лишь избранный круг людей; но проза посвятила себя всему народу. Никакая литература не может достичь расцвета без сочетания поэзии с прозой, ибо она должна служить не только отдельным избранным.

кам, но и всему народу, только тогда она сможет удовлетворить всех подданных великой царицы Сарасвати. Раммохон Рай первый отворил широкие врата, ведущие в ее владения.

С самого детства мы говорим прозой, но одно дело говорить, а другое — писать прозой. Сочинения наших первых прозаиков наглядно показывают, как велики были стоявшие перед ними трудности. После каждой стихотворной строки наступает пауза; в двух или четырех строках обычно содержится законченная мысль. Но в прозе невозможно такое четкое членение, предложения должны быть неразрывно связаны между собой, их внутренняя структура должна отражать логическую связь. Поэзия скользит по течению размера, но прозе, чтобы не потерять равновесия, приходится искать свой ритм. Если его нет, стиль лишается ясности и точности, становится сбивчивым и путаным. Теперь мы уже привыкли к прозаической речи, но еще совсем недавно дело обстояло иначе: трудно было не только писать прозу, но и понимать ее: настолько необычной она казалась. Некогда земля представляла собой единый обширный океан, так и литература в самом начале представляла собой океан поэзии. Думается мне, что поэзия воспринималась так легко благодаря прежде всего своей лаконичности, законченности мысли, благодаря стройному размеру и звонкой рифме.

Для того чтобы следовать за свободным ритмом прозы, мысленно соединять ее части в единое целое, необходимо умственное напряжение. Своему переводу «Веданты» на бенгальский язык Раммохон Рай предпослал введение, где объясняет, как следует читать прозу. Я хочу процитировать отрывок оттуда:

«До сих пор в бенгальской литературе не писали прозой; непривычность создает некоторые трудности для понимания. Это особенно сильно чувствуется, когда необходимо определить основные требования и правила».

Далее автор говорит о том, как строится прозаическая речь:

«Особое внимание надо обратить на начало и конец предложения. Если во второстепенном имеются такие слова, как «когда», «который», «как», то в главном следует употреблять соответствующее слово: «тогда», «та-

кой», «так». Заканчивать можно только после того, как употреблен глагол...»

В пуранах рассказывается о том, как с помощью чудодейственной йоги древние отшельники угощали царей со всей их свитой, когда те неожиданно посещали лесную обитель. Йога была их единственным спасением, потому что вблизи не было ни лавки, ни базара, а скудная аскетическая пища не годилась для царской трапезы. В краю, где обитал Раммохон Рай, также не было ничего готового: ни самой прозы, ни умения ее понимать. В те времена приходилось объяснять, что главное предложение должно быть как-то связано с второстепенным, а при подлежащем полагается иметь сказуемое. Какую же духовную пищу предложил Раммохон Рай своим читателям? Он перевел такие сложнейшие книги, как «Веданта», «Брахмасутра», «Упанишады». Раммохон Рай слишком уважал свой народ, чтобы подсовывать ему дешевое чтиво. Он первый провозгласил, что народ — подлинный владыка страны. «Я хочу воздать подобающую честь Властелину по имени Народ, — говорил он. — В моем лесу нет ничего, что было бы его достойно, но я добьюсь суровым подвижничеством, чтобы ему был оказан царский прием».

Высокообразованный человек, Раммохон Рай при желании легко стяжал бы себе славу мудрейшего среди мудрых, ослепив пандитов блеском своей учености, но его не прельстил этот путь. Он сошел с безлюдной вершины науки, чтобы насытить народ хлебом знаний, напоить его нектаром мысли.

Так в Бенгалии воцарился новый государь. Впервые бенгалец венчал на царство свой родной народ и заложил прочное основание для дворца бенгальской литературы. Этот дворец будет, этаж за этажом, подниматься все выше и выше, пока не достигнет небес.

Писатели, которые создавали бенгальскую литературу, руководствовались самыми благородными чувствами. Много препятствий пришлось им преодолеть: бенгальский язык не пользовался популярностью, он не приписал ни славы, ни денег, выражать свои мысли на нем было так же трудно, как и распространять эти мысли в народе. Ему не покровительствовали цари, за него не ратовал просвещенный народ. Люди с английским образованием

пренебрегали им, и даже те, кто говорил на нем, не поддерживали своего родного языка.

Только взорам зачинателей бенгальской литературы открыто было далекое будущее их народа, чья поддержка является прочной основой для развития всякой поистине великой литературы; ее цель не богатство и слава, поэтому она стремится выйти на широкий простор мира, чтобы утвердить себя в веках. Литература объединяет людей, она связует духовной нитью прошлое и настоящее; в этом и есть ее предназначение.

Недалеко, верю я, то время, когда развивающаяся бенгальская литература не только сплотит воедино наш родной народ, но и начнет оказывать влияние на другие индийские народы; она станет для них хранилищем знаний, кладезем глубочайших мыслей.

До сих пор пылкие поборники бенгальской литературы действовали распыленно, каждый сам по себе. Но много ли можно сделать в одиночку, особенно в литературе, основанной, как я говорил, на общности? Литература не терпит духовного застоя, она требует постоянного общения. Мысль рождается в столкновении умов, а литература — в столкновении мыслей. Духовный обмен — неперемное условие ее широкого распространения. Тяжело приходится тому, кто лишен живительного людского общества. Только воля и упорство поддерживают его на суровом жизненном пути. Терзаемый мучительными раздумьями, такой человек делает отчаянные попытки преодолеть равнодушие. Долгие годы пытается он взрастить древо своих мыслей, но так и не знает, оправдаются ли усилия всей его жизни. Страдает не только он сам, страдает и дело, которому он служит. Цветы литературы тускнеют, и плоды недоспевают. Она не греет своим теплом и не светит своим светом.

Как утверждают ученые, земная атмосфера преломляет и равномерно рассеивает солнечные лучи. Не будь воздуха, даже в полдень местами сиял бы ослепительный свет, а местами царила непроглядная тьма.

Такой же атмосферой должен быть окружен и мир нашего знания, нашего ума. Нам нужен воздух для преломления и рассеивания лучей знания и разума.

В те времена, когда в Бенгалию только-только проникало английское образование, у нас еще не было такой духовной атмосферы; знание и невежество были четко отграничены друг от друга, как белые и черные клетки на шахматной доске. Все люди распадались на две группы: на тех, кто знает английский язык, и на тех, кто его не знает. Между ними не только не было никакой связи, но и происходили бесконечные столкновения. Многие образованные презирали необразованных, но не хотели делиться с ними своими познаниями.

Мы должны не только брать, но и отдавать. Лишь дети и женщины могут пользоваться благами жизни, ничего не отдавая взамен. Некоторые наши ученые мужи, получившие английское образование, сумели приобрести большие познания в науках, но, замкнутые в своем узком кругу, они не делились ими с соотечественниками, поэтому на них смотрели с недоверием и враждой. Их ученость была бесполезна для других; она таила свой жар в себе и не давала света.

Конечно, плохо, что образование принимало уродливые формы, но еще хуже то, что оно не позволяло отличить главное от второстепенного. Первые бенгальцы, которые выучили английский язык, смотрели свысока на всех окружающих. Признаки культуры они видели в том, чтобы пить вино, есть мясо и болтать на светские темы.

Перед тем, как перебрать рис, нужно высыпать его из мешка. Так и с образованием: для того чтобы очистить его от всякого сора, надо распространить его среди народа. Не надо отчаиваться, если на первых порах образование не принесет желанных плодов и даже породит крайности. Не следует ограничивать свободу его развития, это только повредит делу, ибо свободное развитие — кратчайший путь к самосовершенствованию.

Когда английское образование охватывало лишь небольшой круг людей, недостатки английской культуры как бы представляли в концентрированном виде, заслоняя ее достоинства. Теперь английское образование распространяется все шире и шире, и одновременно происходит переоценка ценностей.

Ошибочно полагать, будто своим распространением английское образование обязано лишь английскому языку.

В свое время Бенгалия помогла установлению английского господства в Индии. Подобным же образом бенгальская литература способствовала внедрению английской мысли. А когда английская мысль пустила прочные корни в Бенгалии, наше сознание достаточно созрело для того, чтоб отказаться от рабского преклонения перед английской культурой. Теперь, когда английское образование распространилось в нашем обществе, мы можем сами судить о его достоинствах, отделить главное от второстепенного. Это образование влилось животворной струей в наши умы; и сейчас происходит обратное: наши умы вливают жизнь в образование.

Так создавалась духовная атмосфера вокруг мира нашего познания. Прежде мы не чувствовали большой потребности в ней, но с развитием нашего разума эта потребность ощущается все острее.

Долгое время мы дышали воздухом английской литературы; этот воздух мы получали небольшими порциями, как водолазы, мы и теперь не можем обойтись без него. Но постепенно жизнь пробуждается в нас, создается духовная атмосфера. Повеял освежающий ветер родного языка и литературы.

До того, как подул этот ветер, бенгальская литература опиралась на плечи отдельных титанов, и поэтому мы не могли многого от нее требовать. Нынче же она проникла в народное сердце, получила неограниченное право на жизнь, вошла в наши дома, как самый близкий родственник, и заняла почетное место на ученых собраниях. Теперь люди с английским образованием считают для себя долгом чести уметь выражать свои мысли на бенгальском языке, и даже самые ревностные приверженцы английского образования не гнушаются популярностью среди бенгальских читателей.

Вначале, когда английское образование только еще прокладывало себе путь в наше общество, знания, которые оно несло с собою, лежали, как песчаная отмель, посреди течения нашей жизни. На этом зыбком песке нельзя было ни возвести прочный дом, ни вырастить хлеб насущный. И лишь после того как песок занесло плодородным илом бенгальской литературы, стало возможным не только объединить наш народ, но и обеспечить его

кровом и пищей. Вечно живой бенгальский язык громко заявляет о своих правах!

Настало время организовать движение за развитие родного языка. Сейчас ставится вопрос о том, чтобы уделяли ему больше внимания. Почему? — вы спросите. Да потому, что только с помощью бенгальского языка можем мы удовлетворить желания и потребности, возникшие благодаря образованию. Ведь мы должны изучать бенгальский язык не для того, чтобы служить у какого-нибудь сахиба или в правительственном учреждении. Образование подсказывает нам другую цель — народное благо. Мы должны посвятить себя родному народу: распространять среди него знания, развивать его ум, объединить его в сплоченную нацию. Эту миссию мы никогда не сможем выполнить без помощи родного языка и литературы, они единственное средство поделиться с народом тем, что мы получили от других.

Под влиянием английского образования у нас крепнет решимость выполнить свой долг перед народом, доказать ему свою преданность, поделиться с ним всем, что мы имеем. Но, увы, до сих пор мы не знали, как это сделать. Английское образование помогло нам уяснить цель, но не дало средств для достижения этой цели.

Есть люди, утверждающие, будто незачем вводить обучение бенгальскому языку в наших школах и колледжах. Наши писатели, говорят они, получили английское образование, но им не пришлось прилагать особых стараний, чтобы выучить бенгальский язык.

Как я уже упоминал, времена изменились, бенгальская литература перестала быть монополией отдельных талантов, она стала достоянием всего образованного общества. Наше общество теперь требует, чтобы всякий образованный человек умел изъяснять свои мысли на бенгальском языке.

Не у всех людей одинаковые способности, не все могут с легкостью одолеть язык без учебы и без хорошей практики. Кроме того, бенгальский язык еще не достиг зрелости; для того чтобы пользоваться им, надо иметь хорошую подготовку.

Сейчас Бенгалия призывает своих сыновей: «Развивайте родную литературу». Этот призыв раздается везде:

в газетах, в журналах, на собраниях, в кругу близких. Многие не решаются еще ему последовать, так как чувствуют себя недостаточно подготовленными. Но никто, кроме самых бесстыдных наглецов, не решается бравировать незнанием родного языка. К сожалению, знания, которые дают в наших учебных заведениях, далеки от наших сегодняшних идеалов, они не подготавливают к борьбе за всеобщее благо; ни школа, ни колледж не учат, что надо делать для просвещения народа; хотя учащиеся и сознают, как нуждаются в них близкие, они не могут оказать им никакой помощи; все это означает, что наши учебные заведения совершенно не отвечают требованиям времени.

Рыболов не знает, какова пойманная им рыба, пока не вытащит ее на берег, — в воде она всегда кажется крупнее, чем на самом деле. Только после того как писатель облекает свою мысль в словесную оболочку, может он оценить ее по достоинству. Пока мысль еще не кристаллизовалась в его уме, она кажется необыкновенно важной и новой, но стоит запечатлеть ее на бумаге, как от ее новизны и величия не остается и следа — двух слов достаточно для ее выражения. То, что поражает своим величием во сне, наяву оказывается мелким и ничтожным.

Пока мы не втащим английское образование в свою лодку, мы и понятия не имеем о том, как велик наш улов. Наши знания быются, словно рыба на удочке. Мы восхищаемся их предполагаемой величиной, но когда мы извлечем их из воды, возможно, мы увидим, что они не так уж велики. Но не в этом суть. Важно, что они пригодны для еды. Богиня — хранительница нашего дома сумеет приготовить из них лакомое блюдо.

В Библии говорится, что дается только имущему. Судьба обделяет неимущего. Вода удерживается в полном озере, но не сохраняется в пустыне. Мы мечтаем о том, чтобы у нас расцвели науки, но где для них подходящее хранилище? Не опустеет ли наш пруд, если мы станем эгоистически опустошать его ради удовлетворения своих мелких нужд? Расцветет ли в нем столепестковый лотос богини Сарасвати? Отразится ли в его зеркале небосвод? Зарастут ли нежной зеленью его берега? Дарует ли он векам и людям чистую влагу радости?

Хочу сказать еще несколько слов в защиту бенгальской литературы. Ни одно учение не утверждается без широкой полемики. Никакая наука не получит практического значения, пока не преломится в различных умах. Там, где наука издавна развивается в спорах, где она проникает всю жизнь: быт, язык, общественные отношения и взгляды, — там она входит в самую плоть и кровь народа, ей не угрожает опасность выродиться в схоластику. Там естественно рождается горячая любовь к науке, а научные воззрения отличаются глубиной. Постоянно питаюсь мыслями разных людей, наука там обретает большую жизненную силу. То же справедливо и в отношении литературы. Там, где ею интересуются широкие массы народа, а не избранный круг лиц, где она, как воздух, принадлежит всему обществу и связана с ним тысячами нитей, там, как и следует ожидать, она встречает большую любовь и понимание. До развития бенгальской литературы у нас почти не было широкого обмена мнениями, да и сейчас положение не намного изменилось к лучшему. Между тем ученые не могут жить без такого обмена: они замыкаются в себе, и древо их мудрости не получает необходимых животворных соков.

Скучная, безрадостная жизнь, которую ведут наши образованные люди, объясняется прежде всего отсутствием литературы. Мы не знаем, чем занять свое время. По утрам мы сосем трубку, в полдень отправляемся на работу, вечером приходим домой и усаживаемся играть в карты. У нас нет никаких интересов, которые могли бы стать соединительным звеном между нами. Мы живем в кругу своей семьи, едим, спим, а когда приходит время, — обычно раньше времени, — умираем. Мы не можем преодолеть своей духовной разобщенности. Наше образование оторвано от жизни; мы не умеем следовать своим идеалам, не умеем воплощать свои замыслы в конкретные дела; мы бесконечно далеки от окружающего мира. Мы знаем историю героического прошлого, но сами не способны на героизм, читали много статей о прекрасном, но не в состоянии создавать его, мы много передумали, но не находим вокруг себя никого, с кем могли бы поделиться своими мыслями. Мыслям тесно в нашем уме, поэтому они принимают уродливый вид. Истина, верная

для другой страны, у нас выхолащивается, доводится до нелепой крайности.

От снега не было бы никакой пользы, если бы он не таял, а скапливался на гималайских вершинах, угрожая страшными обвалами. К счастью, снег тает; потоки воды устремляются в долины, чтобы напоить иссохшие поля. Легче становится и гималайским вершинам: с их плеч спадает тяжкое бремя. Пока английское образование доступно немногим, оно подобно бесполезному скоплению снега, но если его растопить теплом нашей литературы, оно может оросить наши поля знаниями, может утолить всеобщую жажду. Чувства, которые мы держали взаперти, выйдут тогда наружу, исчезнут извращения и крайности. Из английских идей наш народ воспримет только идеи общечеловеческие, а не чисто британские. Наши мысли сольются в единый духовный поток; мы объединимся в радостном сознании общности идеалов. Образование будет проверено в горниле жизни; люди будут смело обмениваться мыслями и чувствами; дома учащиеся найдут подтверждение тому, чему их учат в школах; им не придется оставлять свои знания за дверьми школы, как ненужный скарб; будет устранен разрыв между школой и домом, школой и работой, человеком и его ближними. Объединенные родной литературой, бенгальцы обретут самих себя; образование встанет, наконец, на верный путь, а жизнь наполнится новым содержанием.

К прискорбию, среди нас до сих пор не перевелись люди, считающие, что нашим детям не для чего изучать родной язык, и даже возражающие против предложений, направленных на улучшение его преподавания. На прямой вопрос, должны ли мы пропагандировать знания на родном языке, должны ли уметь выражать свои мысли на нем, они отвечают утвердительно. Но они против специального обучения бенгальскому языку: ребенок-де сам может выучить его при желании.

Но будет ли у него желание? Разве не случается так порою, что человек, вначале равнодушный к чему-нибудь, загорается интересом при близком ознакомлении. Почему бы не создать условия для пробуждения интереса? Надо хоть немного расчистить путь, чтобы облегчить начальные шаги. Нехоженые тропы привлекают далеко не всех,

Боюсь, однако, что мои рассуждения останутся втуне. Есть среди нас люди, у которых к бенгальскому языку нет ни любви, ни интереса, ни уважения. Стрелка их компаса всегда указывает на английский язык. Любопытно, что многие из них презирают английскую еду и одежду. Они против того, чтобы наш народ носил заморское платье, но их нисколько не смущает то, что наш ум щеголяет в чужих обносках и питается с чужого стола, а ведь платье — это только внешнее украшение человека, ум же — его внутреннее содержание. Англоманы, которые противятся обучению своих детей на родном языке и даже со своими близкими переписываются по-английски, которые вольно обращаются с бенгальской грамматикой и орфографией, но приходят в ужас от малейшей описки в английском языке, которые спокойно выслушивают слово «болван» по-бенгальски, но сгорают от стыда, если их обзовут «невеждой» по-английски, только позорят английское образование. Вразумить их, к сожалению, бывает необычайно трудно.

Я бы не хотел порицать нашу молодежь за то, что она гордится знанием английского языка и презирает бенгальский. Мне вполне понятна ее любовь к английской речи, этой королевской дочери, которая стала нашей второй супругой. Она не только хороша собой и богата — благодаря ей мы можем рассчитывать на милость королевского двора. Иногда ее покровительство помогает нам добиться расположения наследного принца, но бывает и так, что нас треплют за уши: мы делаем вид, что это милая шутка, но на глазах у нас выступают слезы.

Несчастливая наша первая жена — бенгальская речь — не выходит из кухни. Нельзя сказать, чтобы ее заботы не приносили нам никакой пользы — совсем наоборот. И все-таки мы стыдимся признавать ее. У нее грязный вид, поэтому мы прячем ее от богатых свойственников, а когда о ней спрашивают, притворяемся, будто не знаем, где она.

Она девушка из бедной семьи, отец ее не из царского рода. Она приносит с собой только свою любовь, но не богатое приданое. Ее возлюбленного не повысят в чине, ему не прибавят жалованья, его не примут при царском дворе. Все, что он может получить, — глубокая любовь.

Но уж если человек вкусил этой любви, он не променяет ее ни на какие земные блага.

Как и в сказке, наша молодая любимая жена — английская речь — оказалась бесплодной. Мы носим ее на руках, холим и лелеем, а все зря: с ее помощью мы не можем выразить ни одного живого чувства. Все ее дети умирают, едва увидев свет. Мертворожденными были и стихи, которые появлялись в самое первое время, и статьи, которые и поныне усеивают страницы журналов. Колыбель оказывается для них могилой.

Зато у нашей нелюбимой жены родилась чудесная дочь — бенгальская литература, наша надежда, единственная наша гордость. Мы не заботимся об этой девочке, она бегаёт где-то на задворках, и всякий раз, когда о ней заходит речь, мы укоризненно восклицаем: «Только посмотрите на эту замарашку, на ней не только нет никаких украшений, даже и одежды-то нет».

Все это верно. Но она живой ребенок. Вот погодите, подрастет девочка, и вы увидите, как она хороша. Но как бы мы ни бились, мы не сумеем вдохнуть жизнь в мертворожденных детей нашей любимой жены — английской речи.

Родная речь — вот что привело нас сюда. Давайте же, радостные и ободренные, возьмем свою запыленную, полуголую дочь на руки — пусть только кто-нибудь посмеет возразить! Тогда, верю я, будут довольны все: от самых надменных до самых скромных. Конечно, книги, которые мы печатаем на свои последние гроши, по-прежнему будут валяться на полках книжных лавок: кому охота тратить деньги на сочинения, написанные на языке нашей презираемой, порабощенной страны? Спасибо хоть, что нам не запрещают гордиться, — конечно, не нашим настоящим, а нашим будущим — будущим Бенгалии и всей Индии. Что же станет с нами, с нашими победно развевающимися знаменами? Впрочем, так ли уж это важно? Важно, что наша литература расцветет; нарядная, в сверкающих украшениях, она будет пленять сердце нашего народа. Может быть, она вспомнит друзей своего детства, и это будет для нас высшей наградой.

Сейчас еще рано утверждать, будто наша юная бенгальская литература заняла место среди лучших мировых литератур. У нее еще слишком мало славных имен и слиш-

ком мало произведений, достойных внимания. Но я не считаю, что она заслуживает презрения. Отнюдь. Я верю в ее будущее не потому, что ослеплен любовью, нет, я знаю, что бенгальская литература достигла возраста, когда она уже хорошо сознает свои силы и возможности; какими бы скромными ни казались ее успехи, пренебрегать ими нельзя. Наша литература сейчас похожа на лес, пробуждающийся при первом дыхании весны; в каждой ветке бродят жизненные соки, и хотя еще не проснулись корни, а почки не распустились, лес этот как бы озарен отсветом своей грядущей красоты, грядущего величия. Бенгальская литература наливается соками жизни, ее наполняет великая вера в себя; она ощущает каждое биение сердца своего народа, живет его радостями и печалью, его заботами и надеждами. Бенгальская литература проникла в наши сокровенные покои; она уже не стоит, одетая в рубище, под дверьми сильных мира сего; с каждым днем она все больше сознает свое достоинство. Отныне для бенгальца она будет и во сне и наяву, и в горе и в радости, и в бедности и в богатстве

Хозяйкою, наперсницей, подругой,
Любимою в искусстве ученицей.

Новая бенгальская литература существует уже почти сто лет. Если спустя век состоится юбилейное заседание нашего общества, то те, кому посчастливится на нем выступить, будут говорить не о первых приметах будущей славы бенгальской литературы, но о ее подлинном величии. Они увидят, как сбудутся наши надежды и чаяния, как оправдается наша горячая любовь. В их голосах зазвучит не слабое, робкое пение одинокой птицы, слишком рано проснувшейся в лесу, еще объятom сном, — нет, в их голосах зазвучит ликующий хор, встречающий появление солнца. Никто даже не вспомнит о том, что когда-то была ночь, не вспомнит о нас, успокоившихся вечным сном, после того как мы несмело допели в предутренней мгле свои песни, полные надежды и отчаяния, усталости и спокойствия.

БИДДАШАГОР

Наиболее яркой чертой характера Биддашагора было его неколебимое мужество, и я не выполню своего долга, если не воздам ему подобающей хвалы. Именно мужество помогло ему вырваться из теснины деревенской жизни и застоя современной ему Бенгалии и в одиночку, смело и решительно действовать не на благо индуизма или какой-либо небольшой секты, а на благо всех людей, достойных глубокого сострадания.

История его жизни оставляет неизгладимое впечатление, потому что он был не только великим сыном Бенгалии или добрым индусом, но и человеком в полном смысле этого слова. Слава его жизни — в редкой человечности; в свете его изумительного благородства меркнет даже величие его дел.

Главным его достижением было развитие бенгальской прозы. И если когда-нибудь эта проза разовьется в литературу, которая обогатит сокровищницу человеческой мысли и приумножит ценности мировой культуры, если она превратится в святилище великих идеалов посреди моря обычного мелочного самодовольства, если станет прибежищем для всех изнуренных жизненными невзгодами, только тогда будут должным образом оценены заслуги Биддашагора. Его роль в развитии бенгальской прозы истине велика, потому что он был первым подлинным ее мастером. До него бенгальская проза была лишена художественности. Его творения доказывают, что язык —

это не просто сосуд, в который можно кое-как затолкнуть любую мысль. Излагать свои мысли следует просто, увлекательно, стройно. Сейчас это уже не кажется столь сложным. Но так же, как для внутреннего развития человека необходимы социальные установления, так неизбежны и художественные нормы, для того чтобы можно было создать подлинную литературу. Сражаться способны лишь солдаты, а не разобщенная, недисциплинированная, не поддающаяся руководству толпа. Биддашагор дисциплинировал бенгальский язык, придал ему ясность и сдержанность, непринужденность и выразительность. Легко теперь другим «генералам» с помощью его оружия преодолевать все преграды, стоящие на пути творческого самовыражения, открывать и завоевывать новые царства; но признательность за эти победы заслужил тот, кто первый создал дисциплинированную армию.

Освободив бенгальскую прозу от бывших тогда в ходу длинных словосочетаний и усовершенствовав синтаксис хорошо построенными фразами, Биддашагор придал нашему языку легкость, гибкость и изящество. Благодаря соразмерности и гармонии звуков, ненавязчивым ритмам, простым и удачным словам проза его стала красивой и богатой по своему строению. Избавленный от узколобого педантизма и грубости, бенгали обрел благородство формы, достойное цивилизованного общества. Наш язык несет на себе следы высокого мастерства и творческого таланта Биддашагора.

Однако чтим мы Биддашагора не за его талант, тем более что объект его таланта язык — вечно движущийся и изменяющийся, подобно реке, на чьей глади никто не может запечатлеть своего имени. Чтобы отыскать ключи, питающие поток, надо взобраться, идя вверх по течению, на недостигаемые вершины древности. Любой книге, картине или скульптуре присуще своеобразие; произведения искусства сохраняют память о своем творце. Но язык не помнит о своем прошлом; он обогащается благодаря бесчисленному множеству людей, великих и малых, не сохраняя ничьего имени. И не нужно сожалеть об этом: ведь слава Биддашагора покоится не на одном только литературном даре.

Гений не исчерпывает всей сущности человека, он всего лишь часть его. Гений подобен вспышке молнии среди туч, в то время как характер сродни вечно льющемуся, всепроникающему солнечному свету. Гений — это лучшее, что есть в человеке, характер же всеобъемлющ, он проявляется в каждый момент жизни. Подобно молнии, гений поражает своим ослепительным блеском, и благородство, как рассеянный свет, кажется тусклым в сравнении с ним. И все же несомненно, что истинное величие человека — в величии его характера.

Для раскрытия истины и красоты в языке, в камне или на полотне нужно высокое мастерство и умение преодолеть множество преград. Но гораздо труднее выразить истину и красоту в своей собственной жизни; здесь на каждом шагу нужно преодолевать препятствия, а для этого требуются природная острота ума, отменное мастерство, самообладание и духовная сила.

Искусство создания характера не следует ни расовым, ни общинным законам. Так же как труд истинного поэта выше всех правил поэтики и в то же время гармонирует с неписаной общечеловеческой поэтикой, так и мораль, которой придерживается каждый настоящий человек, заключена в его собственной душе, но согласуется со всеобщей моралью человечества. Таким образом, оригинальность, то есть единственность, присущая гению во всех его проявлениях, обнаруживается и в величии характера. Некоторые считают, что Биддашагору не хватает оригинальности гения. С их точки зрения оригинальность может проявиться только в искусстве, философии или науке. Но гениальность Биддашагора проявилась в его совершенном душевном складе. Явление это настолько редкое в истории нашей страны, что за последнее столетие я могу припомнить лишь несколько подобных примеров. Прежде всего назову Раммохон Рая, который на мой взгляд достоин особого внимания.

Было бы ошибочным рассматривать оригинальность узко, как качество одной только личности, без взаимосвязи ее с другими людьми. Ведь мы настолько связаны и скованы законами, обычаями и условностями, что действуем вслепую под гнетом обычаев, напоминая марионеток в руках общества. Мы не знаем, да и не желаем

знать, что такое индивидуальность в подлинном смысле слова. С самого рождения и до самой смерти наша внутренняя сущность, как правило, погружена в глубокий сон; вместо нее действует автомат. И лишь неукротимую силу тех, кто обладает неподдельной человечностью, не могут подавить ни обычаи, ни привычки, какими бы древними они ни были. Это они завоевывают право на самоуправление в царстве характера. Такая внутренняя независимость и называется индивидуальностью. Хотя индивидуальность присуща лишь одному человеку, она имеет общечеловеческое содержание. Благодаря ей великие люди выделяются из общей массы, будучи в то же время связанными с нею крепкими узами родства.

Это мы видим на примере жизни и Раммохон Рая и Биддашагора. Оба они были плоть от плоти индийского народа, но в их характере — много черт, присущих европейцам; однако черты эти не были заимствованы. Оба они во всем оставались истинными бенгальцами, не знали себе равных в знании древней мудрости своей родины, оба заложили основы образования на родном языке и в то же время, подобно великим европейцам, отличались непоколебимым мужеством, человеколюбием, решимостью и уверенностью в своих силах, так же неуклонно следовали принципам истины и добра. Еще одна европейская добродетель — глубокое чувство собственного достоинства — проявилась у них в презрении к внешнему подражанию европейцам. Не только с европейцами, но и с простыми наивными санталами было у Биддашагора много общего, и в определенном, чисто человеческом, смысле он, пожалуй, чувствовал себя ближе к ним, чем к бенгальцам.

Нельзя не удивляться тому, что время от времени провидение неожиданно допускает поразительные отклонения от установленного им самим привычного порядка. В самом деле, почему среди сорока миллионов оно вдруг создает одного или двух настоящих людей? Законы, определяющие появление великого человека, загадочны в любой стране; но у нас на родине, где люди в большинстве своем мелкодушны и робки, загадка эта вдвойне непостижима. Появление Биддашагора тоже загадка, хотя, очевидно, характер его был отлит по совершенному

образцу; черты величия щедро проявлялись в жизни его предков.

Прежде всего нашего внимания заслуживает его дед Рамджой Торкобхушон, человек поистине замечательный.

Дом его предков находится в деревне Бономалипур округа Миднапур. После смерти отца он не поладил с братьями при разделе наследства и покинул деревню. Вернувшись туда через несколько лет, он узнал, что братья плохо обращались с Дургадеби, его женой, и она уехала в свою родную деревню; однако и там, в деревне Биршингхо, ее родной брат с женою так низко с ней обошлись, что Дургадеби пришлось перейти в расположенную неподалеку хижину, которую нашел для нее отец. У нее было шестеро детей — два сына и четыре дочери, — и она едва зарабатывала на жизнь своей прялкой. Глубоко оскорбленный Торкобхушон решил порвать с братьями. Он даже отказался от земли предков и уехал с женой в другую деревню, где они жили в нужде. Однако бедность не может обеднить человека, которому присуще внутреннее благородство. Позволю себе привести отрывок, посвященный Биддашагором деду.

«Он был, — пишет Биддашагор в своей биографии, — чрезвычайно гордым человеком; никогда не унижался и не терпел ни малейшего неуважения к себе. В своих поступках он был независим; покоряться было противно его натуре. Он не умел ни прислуживаться, ни подлаживаться в надежде на милости».

Легко понять, почему такой человек, как он, не мог ужиться в большой семье. Их было пятеро братьев, но, подобно метеору, отрывающемуся от туманности, он вырвался из семейного круга силой своей воли. Даже могучая власть семьи была не в состоянии раздробить крепкое ядро его духовной независимости.

«Его шурин, Рамшундор Биддабхушон был деревенским старостой и отличался надменностью и себялюбием. Он надеялся, что Рамджой станет его приспешником. Но плохо он знал своего зятя! Когда Рамджою пригрозили, что он попадет в беду, если не подчинится шурину, он ответил, что скорее покинет деревню, чем сдастся. Его всячески травили, но он оставался тверд и непоколебим».

Когда помещик хотел освободить его как брахмана от налога на землю, на которой Рамджой построил свой новый дом в Биршингхо, тот из гордости отказался, и это также свидетельствует о его духовной силе. Многие в деревне советовали ему воспользоваться этой возможностью, но он никого не послушался. Для такого человека сама бедность становится благом; чем он беднее, тем ярче сверкают его природные достоинства.

Рамджой с его сильной волей никогда не смотрел свысока на простых людей и не сторонился их. По словам Биддашагора, он был весьма любезен и скромен, обращался со всеми, независимо от их положения, доброжелательно и сердечно. Разумеется, он избегал тех, кого подозревал в неискренности. Он был человеком прямым и мало заботился о том, что может вызвать чье-либо неудовольствие. Но он в такой же степени был и справедливым, никогда и ничто не могло заставить его поступить не так, как он считал нужным. Учтиво он обращался только с теми, кто проявлял учтивость; людей грубых, даже если они обладали богатством, властью и ученостью, презирал.

Сила его и мужество не знали границ. В те времена, опасаясь разбойников, никто не решался путешествовать в одиночку. А Рамджой странствовал, вооруженный одним только железным прутом. Случалось, на него нападали разбойники, но он умел проучить их. Когда ему шел двадцать второй год, однажды он повстречался с медведем. «Медведь рвал когтями его тело, но Рамджой не переставал осыпать его ударами своего толстого прута. В конце концов, зверь обессилел и, получив несколько пинков в брюхо, свалился замертво». Сильно помятый, весь в крови, Рамджой прошел восемь миль до Миднапура, где долго отлеживался в доме своего родственника. Только через два месяца раны его зажили, и он вернулся домой.

Чтобы полнее обрисовать характер этого человека, следует рассказать еще об одном случае. 26 сентября 1820 года отец Биддашагора Тхакурдаш Бондопаддхай отправился в Коморгондж на базар. Рамджой вышел поискать его — у него были хорошие вести для сына, — и, повстречав его, сообщил, что в их хозяйстве родился бычок. Но когда дома Тхакурдаш направился было к хлеву,

его остановил радостный голос отца: «Да нет — ступай сюда», — и он, отведя сына в комнату роженицы, показал новорожденного Иншера Чондро.

Умение шутить в этом сильном и возвышенном характере можно, пожалуй, сравнить с лучом солнца, который коснулся хмурой горной вершины. Если бы такие идеально смелые, прямодушные и веселые люди почаще встречались в Бенгалии, наш народ не страдал бы недостатком мужества.

Я потому столь подробно остановился на характере этого брахмана, что, хотя он и не приобрел богатства, зато оставил в наследство старшему внуку нерушимое благородство духа, наследство, которым награждает только сам бог.

Тхакурдаш, отец Биддашагора, также был личностью незаурядной. Четырнадцать лет от роду, оставив мать, которая содержала детей, занимаясь прядением, он отправился в Калькутту, где поселился у родственника Джогонмохона Торкалонкара, и так как шансов получить работу было больше у тех, кто знал английский язык, Тхакурдаш начал брать уроки у клерка, служившего в конторе судовладельца. Возвращаясь домой поздно вечером, он всякий раз узнавал, что для таких, как он, лишних ртов, время обеда давно миновало, и голодный ложился спать. Через некоторое время он перебрался к родственнику своего учителя, но и там влачил полуголодное существование, потому что самим хозяевам часто нечего было есть. Однажды, не в силах вынести голода, он попытался продать медную тарелку и кувшин, составлявшие все его имущество. Торговец оценил их в рупию с четвертью, но покупать отказался: рискованно покупать старую посуду у незнакомого человека.

Как-то в полдень Тхакурдаш отправился бродить по улицам, чтобы хоть немного заглушить чувство голода. «Через некоторое время он почувствовал себя совершенно обессиленным и остановился перед лавкой, где женщина средних лет торговала рисом в патоке. Она очень любезно и почтительно спросила, зачем он там стоит. Тхакурдаш ответил, что его мучит жажда, и попросил напиться; она ласково пригласила его присесть и, так как брахманов не принято угощать одной только водою, дала ему

еще риса с патокой. Заметив, с какой жадностью он проглотил рис, и узнав, что в тот день он ничего не ел, женщина воскликнула: «Погодите, не пейте воды», — и побежала в соседнюю лавку. Она быстро вернулась и принесла ему немного творога, к которому добавила еще порцию риса с патокой. Когда же она услышала о его бедственном положении, то пригласила заходить всегда, когда он голоден.

Тяжело досталось Тхакурдашу изучение английского языка. Наконец он получил работу, за которую ему платили две рупии в месяц. Через два-три года он получал пять рупий, а к двадцати трем годам он стал получать уже восемь рупий в месяц, и мать женила его на Бхогоботи Деби, второй дочери Рамконто Торкобагиша из Гогхата.

Великое счастье для Бенгалии, что Бхогоботи Деби оказалась замечательной женщиной. В биографии Биддашагора, написанной Чонди Чорон Бондопаддхаем, есть ее литографический портрет. Обычно мы задерживаемся взглядом на портрете всего лишь несколько секунд, и этого вполне достаточно, как бы хорош он ни был. Но в чистых чертах лица Бхогоботи Деби столько глубины и благородства, что от ее портрета нельзя отвести взора. Высокий лоб, указывающий на глубокий интеллект, большие пронизательные ласковые глаза, прямой, красивый нос, добрый рот, волевой подбородок, — весь ее облик проникнут такою сдержанной и в то же время величавой прелестью, что, глядя на ее портрет, мы возносимся далеко в заоблачные выси. Чтобы удовлетворить чувство благочестия, Биддашагору не нужно было посещать храмы богинь, перед ним всегда был божественный лик.

Ее беспредельная доброта изливалась на всех жителей деревни. Она ухаживала за недужными, кормила голодных, утешала несчастных. Когда дом их сгорел и Биддашагор хотел увезти мать к себе в Калькутту, она отказалась: «Если я уеду, кто будет кормить бедных деревенских мальчишек и отправлять их в школу?»

Доброта свойственна почти каждой женщине, но Бхогоботи Деби отличалась тем, что была лишена какого бы то ни было предубеждения. Благие дела часто подобны спичкам, которые хранятся в коробке условностей и вспыхивают лишь на мгновение. Душевная щедрость Бхо-

гоботи Деби струилась, как яркий солнечный свет, не ограничиваясь ни правилами, ни обычаями. Однажды Биддашагор, по свидетельству биографа — его брата Шомбху Чондро, спросил мать, что бы она предпочла: тратить ежегодно шестьсот—семьсот рупий на празднество Пуджи за один день или распределить эту сумму на ежемесячную помощь деревенским беднякам. Мать ответила, что, если бедняки смогут ежедневно получать какую-то пищу, то надобность в празднестве Пуджи вообще отпадет. Нелегко было произнести в то время подобные слова. Когда я думаю о том, с какой легкостью сбросили с себя оковы древних обычаев ее проницательный ум и сияющая благожелательность, меня охватывает удивление; ведь узы условностей связывают женщину необыкновенно сильно, но с какой поразительной естественной мудростью она избавляется от этих уз и постигает истину: служить человеку — значит поклоняться богу! В ее сердце были запечатлены самые древние заповеди человечества.

Когда м-р Гаррисон, высокопоставленный английский чиновник, посетил Миднапурский округ, Бхогоботи Деби пригласила его к себе в дом. Ее третий сын Шомбху Чондро так описал это событие: «Когда сахиб сел за стол, мать осталась в комнате, чтобы присмотреть за слугой, который подавал обед. Сахиб удивился, что пожилая индийская женщина сидит на стуле, когда сахиб ест, и беседует с ним. Он вел себя почтительно, по индусским обычаям. Разговор их касался самых различных предметов. Моя мать была женщиной благородной, лишенной всяких предрассудков. Она относилась ко всем совершенно одинаково, будь то богач или бедняк, ученый или неграмотный, человек высшей или низшей касты, мужчина или женщина, индус или человек другой веры».

В другом месте он пишет: «Между 1859 и 1865 годами многие вдовы вторично вышли замуж. Мой старший брат сделал все возможное, чтобы защитить их от преследования, и иногда приглашал этих женщин в свой деревенский дом. Чтобы оградить женщину от оскорблений, мать ела с ней из одной тарелки».

Небезынтересно, что активные противники замужества вдов готовили тогда покушение на Биддашагора.

Даже пандиты лихорадочно рылись в шастрах, чтобы обосновать свои ложные обвинения против Биддашагора, и, изоощряясь в выборе наиболее колких слов, обрушивали на его голову самую гнусную клевету. Его мать не нуждалась в шастрах; все заповеди были записаны рукой самого всевышнего в ее собственном сердце, и Биддашагор усвоил их до своего рождения, подобно Абхиманью, который постиг искусство боя еще во чреве матери.

Боюсь, как бы критики не упрекнули меня в том, что в столь коротком очерке я слишком много места уделяю матери Биддашагора, но ведь характером сын пошел в мать, они похожи друг на друга, словно две капли воды. Великий муж увековечивает себя своими трудами и деяниями, а великая жена оставляет частицу себя в характере и труде своего сына или супруга, только имя ее почему-то нередко забывается. Рассказ о Биддашагоре будет поэтому далеко не полон, если мы не упомянем о характере матери, воплотившемся в жизни сына. Я несколько не сомневаюсь, что, если бы дух ушедшего от нас великого человека, чью память мы собрались сегодня почтить, оказался бы среди нас и услышал своего недостойного почитателя, он был бы глубоко тронут именно той частью моей речи, в которой я прославляю благородство и величие его матери.

В первой части своего «Борнопоричоя», букваря для бенгальских детей, Биддашагор описывает примерного мальчика Гопала, который во всем слушается своих родителей. Но когда Биддашагор был в возрасте Гопала, он скорее напоминал озорника Ракхала из его книги. Он не слушал отца и делал все наоборот. Шомбху Чондро пишет: «Отец хорошо изучил характер старшего брата и знал, как нужно с ним обращаться. Если в доме не было чистой одежды, он просил Биддашагора переодеться, прежде чем тот пойдет в колледж, на что незамедлительно следовал ответ: «Нет, сегодня я так пойду». Если он не хотел, никакая порка не могла заставить его совершить омовение. Когда его брали к Минт Гхату, он оставался на ступенях и только после нескольких шлепков отца неохотно влезал в воду». А те штуки, которые он выкидывал в возрасте пяти-шести лет по дороге в школу, чтобы подразнить жену соседа Матхура Мондола, заставили

бы смутиться самого Ракхала из его знаменитого букваря.

В нашей стране, населенной робкими людьми, нет недостатка в пай-мальчиках. Если бы вместо этих безобидных созданий у нас было бы побольше мальчиков, наделенных неукротимым духом Ракхала и его творца Ишшора Чондро, давно бы стерлась печать слабости, которой отмечены бенгальцы. Разумеется, пай-мальчики успешно сдают экзамены, находят работу, получают порядочное приданое, когда женятся; но гораздо больше пользы могут принести нашей стране ее несносные, непослушные и буйные сыновья. Много лет назад Сачи из Навадвипа подарила своей родине такого сына, который оправдал ее надежды.

В одном отношении, однако, Ракхал и его жизнеописатель серьезно отличались друг от друга. «Ракхал играет по дороге в школу, зря тратит время и приходит на урок позднее всех». А Ишшор Чондро никогда не выказывал ни малейшей лени в занятиях. Упрямство, которое понуждало его совершать поступки, негодные отцу, проявлялось и в учебе. Оно свидетельствовало о силе сопротивления враждебным обстоятельствам. Когда своевольный мальчик отправлялся из своего дома около Боробазара в Санскритский колледж в Потолданге, с большим раскрытым зонтом в руках, люди думали, что зонт сам по себе несется по дороге. Исполненный неукротимого духа, мальчик был небольшого роста, с огромной головой на истощенном теле. Однокашники дали ему поэтому кличку «джошурей кой», и он и впрямь был похож на эту маленькую рыбку с большой головой. Когда кто-нибудь называл его так, он от гнева терял дар речи, тем более что в то время он заикался.

Бывало, что он отправлялся спать в десять часов и просил отца разбудить его в полночь. Когда смолкал последний удар колокола в армянской церкви, отец будил сына, и тот проводил всю ночь в занятиях. Он пренебрегал своим здоровьем тоже из упрямства, и здоровье мстило ему за это. Он часто хворал, хворал серьезно, но и болезни не могли сломить его неукротимый дух.

Ему приходилось много работать по дому. Он жил с отцом и средним братом, а поскольку прислуги не было,

все заботы по приготовлению пищи лежали на нем. Об этом пишет его брат Шомбху Чондро. На рассвете, проснувшись, он некоторое время читал книги, потом совершал омовение в Ганге и, возвращаясь с реки, покупал рыбу и овощи на базаре Кашинатха-бабу. Придя домой, он молол пряности, разжигал огонь в очаге и готовил еду. После каждой трапезы он чистил и мыл посуду и лишь после этого мог приняться за книги. Он читал во время стряпни и по дороге в школу.

И несмотря на столь суровый образ жизни, он не забывал о товарищах, которых во время большой перемены угощал сладостями; на них он тратил свою стипендию. Он даже занимал деньги у сторожа, для того чтобы подарить бедным ученикам новую одежду. Приезжая после праздника Пуджи в деревню, он всегда помогал людям в беде. Говорили даже, что он роздал всю свою одежду нуждающимся.

Там, где другой думает прежде всего о себе, Ишшор Чондро заботился о других. С самого детства Ишшор Чондро непрерывно сражался со всякими трудностями и неизменно одолевал их. Продолжать занятия в его положении было очень трудно, но этот малорослый деревенский мальчишка с большой головою за удивительно короткое время сумел добиться звания Биддашагора, означающего «Океан учености». Благотворительность была делом отчаянно трудным для такого бедняка, как он. Но ни разу в жизни его собственные стесненные обстоятельства не помешали ему прийти на помощь другим. Вот почему этот сын бедняка и сам бедняк получил второе звание, которое прославило его навеки, — звание Дояршагор («Океан милосердия»); этого звания так и не смогли добиться раджи и другие великие мира сего, несмотря на свое богатство и власть.

После окончания колледжа Биддашагор был назначен старшим пандитом колледжа в Форте Уильяма, а затем поступил помощником секретаря в Санскритский колледж. Он завоевал уважение и дружбу высокопоставленных английских чиновников, с которыми сталкивался по долгу службы. Многие из нас унижали и самих себя, и свою родину, стремясь добиться милости англичан. Бид-

дашагор никогда не раболепствовал ради того, чтобы получить из рук сахибов почетный тюрбан, и не пытался снискать уважение ценой отказа от собственного достоинства, как это делали некоторые индийцы — прислужники англичан. Вот пример этому. Однажды он явился к главе Хинду колледжа сахибу Кэри по служебному делу. Англичанин, кичившийся своей высокой культурой, не пожелал проявить вежливость к индийцу и принял его, сидя в кресле и положив ноги в ботинках на стол. Через некоторое время этот Кэри появился в Санскритском колледже. Биддашагор принял посетителя в кабинете, положив свои ноги в туфлях на стол. Вряд ли англичанин остался доволен столь точным подражанием.

Должность помощника секретаря Ишпор Чондро покинул из-за разногласий с властями по поводу методов обучения в колледже. И как ни убеждали его секретарь Рошомой Дотто и директор просветительного общества господин Мойет взять обратно прошение об отставке, ничего не помогло. Когда друзья и знакомые поинтересовались, на что же он собирается жить, он ответил, что будет продавать овощи или станет бакалейщиком. В то время он содержал человек двадцать школьников. Однако ни одного из них он не отослал прочь, а отец его, которого Биддашагор уговорил уйти на покой и поселиться в деревне, ежемесячно получал от сына пятьдесят рупий, которые Биддашагору приходилось занимать. В это время по просьбе сахиба Мойета он начал давать уроки бенгали и хинди некоему капитану Бэнку. Но когда капитан предложил ему плату за уроки, ответил: «Вы друг господина Мойета, а он мой друг. Я не могу принять от вас деньги».

В 1850 году Биддашагор был назначен профессором литературы в Санскритском колледже, а еще через год стал его главой. В течение восьми лет он весьма успешно занимал эту должность, но в 1858 году подал в отставку, не сойдясь во взглядах с новым директором департамента образования, молодым чиновником индийской гражданской службы. Природа наделила Биддашагора крайне независимым характером. И он терпеть не мог, когда ему мешали поступать согласно собственному стремлению. Никакое начальство не могло заставить его хотя бы на

шаг отклониться от избранного пути. Со служебной точки зрения такое поведение никак нельзя было назвать похвальным. Но судьба предназначала ему приказывать, а не подчиняться. Бенгалия не ощущала недостатка в чиновниках, годных лишь на то, чтобы выполнять чужие приказания, и судьба, очевидно, сочла излишним и нелепым послать Биддашагора в мир лишь для того, чтобы увеличить их число.

В разгар своей деятельности в Санскритском колледже Биддашагор принял участие в бурном общественном движении. Однажды, когда он сидел в молельне своего деревенского дома и беседовал с отцом о делах сельской школы, к ним подошла мать. Не сдержав слез, она рассказала о печальной участи совсем еще юной девушки из их деревни, которая на днях овдовела, и спросила сына, неужели шастры не указывают на какое-нибудь средство, чтобы облегчить судьбу девочек-вдов. И сын, во всем похожий на свою мать, стал искать выход.

Он искренне преклонялся и благоговел перед женщинами; это было одной из отличительных черт характера этого благородного мужа. Мы обыкновенно несправедливы к женщинам, то, что приносит им радость, у нас вызывает злую насмешку. И это тоже одно из свидетельств нашей ничтожности и трусости. Еще в детстве о нем заботилась женщина по имени Раймони, некоторое время он жил в доме ее брата. «Я никогда не забуду той любви и заботы, которыми окружила меня Раймони», — пишет он в автобиографии. «Ее единственный сын Гопал Чондро был мне ровесником, и я не сомневаюсь, что она расточала Гопалу больше любви, чем обычно мать отдает ребенку. Но я искренне уверен еще и в том, что точно такое же чувство она испытывала и ко мне, не делая между нами никакого различия. Правда, я никогда не видел женщины, способной сравниться с ней в доброте, нежности, вежливости, искренности, благоразумии и других добродетелях. Ее образ, словно лик богини, навеки запечатлен в святыне моего сердца, и я едва сдерживаю слезы, когда заходит разговор о ней и я вспоминаю ее несравненные качества. Меня обвиняли в том, что я passionately отношусь к прекрасному полу; обвинение это, признаюсь, не беспочвенно. Только последний негодяй

мог бы поступить иначе, испытав на себе любовь, милосердие и доброту Раймони».

Вряд ли найдется среди нас несчастный, кому неведомы женская забота и нежность. Однако низкие души тем и отличаются, что чем больше добра они получают от других, тем большей неблагодарностью платят за это. Все, что им даруется, они воспринимают как должное и забывают о том, что и они должны отдавать что-нибудь взамен. Каждый из нас встречает в жизни свою Раймони, но когда она принимается служить нам, мы воспринимаем это, как нечто само собой разумеющееся, как будто, разрешая ей ухаживать за нами, мы оказываем ей милость! Если она склоняется к нашим стопам, мы изнеженно протягиваем ей свои ноги. Исполненные наглой гордыни, мы ведем себя как боги в человеческом облике, считая, что имеем безусловное право на женское поклонение. Наше равнодушие к женщинам, прислуживающим нам и чтящим нас, не исчезает, и все потому, что женские заботы мы рассматриваем только с точки зрения наших эгоистических интересов; они не трогают наших сердец и не вызывают у нас чувства благодарности.

Биддашагор вместе с господином Бетюном впервые занялся распространением женского образования в Бенгалии. Позднее, когда он стал бороться за право несчастных девочек-вдов на вторичное замужество, по всей стране поднялся ужасный шум и гам — санскритским цитатам вторили грязные оскорбления на бенгали. Но героический брахман не отступил перед градом цитат и ругани; он вышел победителем из этой борьбы, доказав, что вторичное замужество вдов не противоречит шастрам, и сумев добиться узаконения вторичных браков.

Заслуживает упоминания еще одна битва, правда, не столь значительная, в которой Биддашагор победил. В Санскритский колледж имели право поступать только брахманы; низшие касты изучать санскрит не смели. Биддашагор ликвидировал кастовые ограничения и даровал право учиться в Санскритском колледже и низшим кастам.

Главным его делом после ухода со службы было основание Метрополитэн колледжа — первого высшего учебного заведения, созданного и руководимого бенгальцами;

это первая попытка поставить на прочную основу английское образование в Бенгалии. Прежде он был последним бедняком, а теперь прославился как самый щедрый даятель; он происходил из древнего рода брахманов, придерживавшихся старинных обычаев, и вел тяжкую борьбу, для того чтобы освободить общество от оков этих обычаев; он овладел самыми глубокими тайнами санскрита, и он же утвердил английское образование в Бенгалии.

Остаток жизни он самоотверженно и нежно пестовал свой колледж и школу при нем, заботился о бедных и больных, прощал неблагодарных, горячо любил своих друзей, и сердце его, нежное, как цветок, и могучее, как гром, мужественно сносило все горести и страдания.

Он скончался в ночь на 13 срабона в 1891 году. Память об этом благородном, мужественном и независимом человеке навсегда запечатлена в сердцах его соотечественников.

Биддашагор завоевал неувядаемую славу своими благодеяниями — ничто не способно растрогать бенгальское сердце так, как милосердие. Но его доброта проистекала не из одного мягкосердечия, столь характерного для его соплеменников; она основывалась также и на силе характера, столь редкой среди них. Он творил благо не под влиянием минуты, а сознательно и постоянно, и в этом его величие. Он не раздумывая шел на трудности, старался помочь другим. Когда в Санскритском колледже, где он работал, освободилось место преподавателя грамматики, Биддашагор попросил г-на Маршалла назначить на эту должность Таранатха Торкобочошпоти, но г-н Маршалл хотел удостовериться в согласии Таранатха. И Биддашагор отправился пешком за шестьдесят миль в Кальну, деревню, где учительствовал Таранатх. На следующий день, заручившись согласием Таранатха и рекомендательными письмами, он отправился в обратный путь и в назначенное время предстал перед г-ном Маршаллом. В этом весь Биддашагор; он не жалел сил своих, желая помочь ближнему, и тут тоже проявлялось его врожденное упрямство. Не всегда доброте сопутствует настойчивость. А от доброты, лишенной упорства, мало проку: суть ее выхолащивается.

Истинная доброта — это мужская добродетель, она требует огромной силы и непреклонного упорства. Это не минутный порыв самопожертвования, не обильное излияние чувств, не облегчение отягощенного сердца. Наоборот, истинная доброта выбирает дальние и нелегкие цели, день за днем преодолевая препятствие за препятствием.

Однажды не в меру ретивый правительственный чиновник явился в Джаханабадский округ, чтобы установить размеры подоходного налога. Там жили мелкие торговцы, доходы каждого из них в отдельности не подлежали обложению, но этот хитрец сгруппировал их по двое и по трое, так, чтобы они попали в его сеть. Узнав о таком произволе, Биддашагор отправился к чиновнику и заявил протест. Тот оставил протест без внимания и строго выговорил жалобщикам, заставив их немедленно уплатить налог. Биддашагор тут же отправился в Калькутту и подал жалобу вице-губернатору. И тогда для расследования в эту округу был направлен г-н Гаррисон, в то время коллектор в Бурдване. Вместе с ним Биддашагор ездил из деревни в деревню, помогая проверять конторские книги налогоплательщиков. Забросив все свои дела, он целых два месяца занимался только этой работой и, наконец, добился восстановления справедливости.

Можно привести множество примеров того, как трудился Биддашагор на благо ближнего — а это так редко в Бенгалии. Мы повсюду твердим о своем мягкосердечии, но сразу снижаем при хлопотах и неприятностях. Так называемое миролюбие, а точнее говоря, безразличие затягивает нас в топи себялюбия и даже бесчеловечности. Европейский моряк без малейшего колебания бросается в воду на помощь утопающему; между тем в нашей стране мимо тонущей лодки сплошь и рядом проходят другие лодки, и никто не думает протянуть руку помощи. Доброта бесполезна, если ей не сопутствует сила.

Наша изнеженная доброта боится трудностей, избегает опасностей и, уж конечно, не приблизится к ограде правил и установлений, которыми общество стремится защитить свою так называемую чистоту. Однажды на деревенской ярмарке умер брахман. Он не жил в этой деревне, и никто из крестьян, в которых было сильно

предубеждение к чужаку, не позаботился о сожжении тела. Неизгладимо было горе родных усопшего, когда они узнали о том, что тело его не сожгли, а бросили на съедение шакалам.

С присущей нам сентиментальностью мы легко раздражаемся слезами и всячески выражаем свое сочувствие; но как только доходит до дела, мы сразу же пугаемся тысячи препятствий — истинных и вымышленных. Благodeяния Биддашагора были по-мужски смелыми и потому простыми и искренними; он никогда не вступал в хитроумные споры, никогда не веротил носа от чего-либо непривлекательного, без страха и колебаний шел прямо к цели. Вызывающие всеобщее отвращение болезни не могли удержатъ его от помощи страдальцу. Чонди Чорон-бабу пишет, что однажды в Карматаре он поселился в хижине заболевшей холерой уборщицы и ухаживал за ней. Когда он жил в Бурдване, то заботился о своих бедных соседях-мусульманах так, будто они были его родственниками. Вот еще интересное место из его биографии, написанной Шомбху Чондро Биддаротно: «У женщин, которые приходили есть в богадельню, волосы не были смазаны маслом и выглядели отвратительно. Мой старший брат заметил это и сразу устроил так, что они стали получать масло. Каждой из них выдавали по две ложечки масла. Но люди, которым была поручена раздача, старались избегать прикосновения к людям из низких каст. Тогда брат сам взялся за дело и собственно-ручно стал смазывать маслом волосы неприкасаемых». Благоговение охватывает наши сердца, когда мы слушаем этот рассказ. Мы преклоняемся не только перед добротой Биддашагора, но и перед той бесстрашной силой, которая кроется за ней. И хотя мы привыкли глядеть свысока на людей низкого происхождения, такой пример силы, сочетающейся с нежностью, глубоко затрагивает наше сердце и вызывает большое уважение.

Мужество, на котором зиждется его сочувствие, проявляется во всей его жизни. Люди, прославившиеся своей добротой, обычно робки и пугливы. Они никогда не могут причинить боль другим. В доброте Биддашагора не было и следа подобной трусости. В бытность студентом он испытывал глубокую привязанность к своему учителю

веданты — Бочошпоти. Но когда Бочошпоти на старости лет снова решил жениться и объявил об этом своему любимому ученику, Ишшор Чондро выразил резкое неодобрение, и никакие объяснения бывшего учителя не поколебали его мнения. Бочошпоти тем не менее женился, и красивая девушка оказалась под угрозой раннего вдовства. Для продолжения этой истории предоставим слово Чонди Чорону Бондопаддхаю.

«Бочошпоти взял Ишшора Чондро за руку и сказал: «Посмотри на нее», — и попросил служанку приподнять покрывало невесты. При виде юного личика Ишшор Чондро не мог сдерживать слез; он расплакался, как дитя, предвидя судьбу, ожидающую эту девочку. Учитель поторопился увести его: слезы считались дурным предзнаменованием, — всячески старался успокоить своего ученика, напоминая ему различные заповеди из шастр. Затем он начал угощать Ишшора Чондро. Но тот умел быть твердым как скала. «Я никогда и капли воды не возьму в рот в этом доме», — заявил он».

Ум его отличался такой же силой, как и его чувства. Природа наделила бенгальцев умом настолько острым, что он способен легко расщепить волос, но не может рубить крепко затянутый узел; в нашем уме больше изощренности, чем силы. Подобно рысаку, наш ум резво несется по запутанному пути хитроумных споров, но не в состоянии сдвинуть с места телегу дела. Хотя Биддашагор был брахманом, начитанным в священных текстах, у него было много здравого смысла. Если бы не здравый смысл, он, с детства привыкший жить впроголодь, никогда бы не посмел отказаться от обеспеченного существования, которое давала ему государственная служба, и не смог бы добиться успеха при его независимом образе жизни. Удивительно, что такой человек, как он, принесший бесчисленные жертвы, пренебрегавший мелочными соображениями, которые могли бы унижить его достоинство, и стойко отвергавший все искушения, способные заставить хоть на волос отклониться от начертанного его волей прямого пути, сумел разбогатеть с помощью одной лишь мудрой рассудительности и твердой решимости и облагодетельствовать тысячи людей. Как гималайский кедр, растущий под губительными холодными дождя-

ми, раскидывает могучие ветви, благодаря своей неукротимой жизненной силе, и в своем величии достигает самих небес, так и этот сын брахмана лишь силой своего необъятного ума сумел преодолеть знакомые ему с детства бедность и лишения и стать таким простым, сильным, великим, богатым.

Один, без чьей-либо помощи, он сумел уберечь Метрополитэн колледж от всех опасностей и трудностей и слил его с Калькуттским университетом. Это свидетельство не только его патриотизма и ума, но и большого умения вести дела. Это настоящий мужской ум. Подобное умение не дает запутать себя в паутине хитроумных доводов о воображаемых трудностях и догадок о том, к чему может привести то или иное действие. Оно с первого же взгляда определяет сложность любого дела, сразу схватывает суть проблемы и доводит ее решение до конца, преодолевая всяческие препятствия. Такой сильный здравый смысл редко встречается у бенгальцев.

Ту же решимость, что и в делах, Биддашагор проявлял в вопросах добра и зла. Только наделенный силой здравый смысл может привести к добру. Пути справедливости, говорит поэт, сложны. Принципы ее, однако, просты и всеобъемлющи — они одинаковы для всех веков и всех людей, хотя и не доступны пандитам. К великому своему несчастью, люди как-то умудряются все запутать и усложнить. Все простое, естественное, открытое и щедрое, дарованное нам провидением, подобно воздуху и свету, человек делает дорогостоящим и труднодоступным. И тогда люди начинают ждать появления истинно великого человека, который принес бы им простое слово и ясную мысль.

В высказываниях Биддашагора о справедливости и уместности вторичного замужества девочек-вдов нет ничего поразительно нового или мудрого. Он не тратил своих сил на то, чтобы, пренебрегая действительностью, создавать волшебные замки. Это явствует из его книги о вторичном замужестве вдов, где он с горечью обращается к своим читателям: «Увы, мужи Индии! Ваш разум и чувство справедливости настолько испорчены и подавлены обычаями, что, когда вы видите несчастную участь вдов, ваши сухие сердца не наполняются жалостью, а все шире разливающееся море прелюбодеяния и

преступное умерщвление плода во чреве матери не вызывают у вас отвращения. Вы готовы обречь своих любимых дочерей на агонию вдовства и в то же время смиряетесь с тем, что они поддаются искушению, забыв о своей добродетели, и даже помогаете им в этом. Из страха перед обществом, перед религией вы навлекаете грех на всю свою семью, содействуя уничтожению еще не родившегося ребенка. Но почему же вы не следуете шабтрам и не разрешаете молодым вдовам выходить замуж, ведь тем самым вы оградили бы их от ужасной судьбы, а себя от всяческой опасности?! Вы, очевидно, считаете, что после смерти мужа женщина превращается в камень и ей чужды какие бы то ни было страсти. Но ведь факты на каждом шагу опровергают это ваше предположение. Подумайте хотя бы о том, какие ядовитые плоды с дерева семейной жизни вы вкушаете из-за вашей неразумности».

Итак, вы видите, что Биддашагор не был склонен посылать к небу вздохи по поводу божественной женской природы и святости девочек. Напротив, его сердце, от природы наделенное сочувствием, и могучий разум позволили ему вскрыть истинные причины общественного недуга. Как гласит бенгальская поговорка, тот, у кого нет творога, чтобы положить в рис, пытается заменить его словами. Но Биддашагор не испытывал недостатка в твороге, и ему не надо было прибегать к словесным выкрутасам. Милосердие как бы само идет к тому, кто нуждается в нем. Биддашагор хорошо понимал, что, овдовев, девочка не может превратиться в богиню и что обитаем мы на земле, а не на чистых и ничем не запятнанных небесах; поэтому, как мы замечаем это каждый день, вдовство не только приносит огромные страдания отдельным людям, но и становится источником неисчислимых бедствий для всего общества. Если мы вполне удовлетворяемся лирическими картинами идеального вдовства в мире нашей фантазии, то Биддашагор не успокоился до тех пор, пока не нашел путь к предотвращению несчастий и позора. И действительно, если Биддашагора, столь справедливого по натуре, глубоко волновало все окружающее, то нас, говоря по правде, это окружающее мало трогает. Касаясь проблемы вдовства, мы скорее прояв-

ляем искусность, чем искренность. Подлинная искренность всегда сочетается с истинной силой.

Эта искренность проявлялась не только в мыслях, но и в повседневной деятельности. Как-то Биддашагор отправился в Бенарес навестить отца. Тамошние алчные брахманы стали просить у Биддашагора деньги. Не питая ни малейшего уважения к этим попрошайкам, Биддашагор прямо ответил, что не такой уж он глупец, чтобы считать их земными богами лишь потому, что им посчастливилось жить в священном Бенаресе. Они спросили в ярости: «Во что же ты веришь?» И последовал ответ: «Вон там мой отец и мать — в них вся моя вера, они мои боги».

Он не раздумывая давал деньги беднякам самых низких каст, чтобы помочь им в беде, но не захотел стяжать славу благочестивого человека, удовлетворив жадность брахманов из Бенареса. В этом — присущие ему здоровая искренность и подлинная мужественность.

Одевался Биддашагор скромно и пищу ел самую простую. В этом тоже проявилась его сила. Я уже упоминал о том, что ни при каких обстоятельствах он ни на йоту не поступался своим достоинством. Чтобы произвести на кого-либо впечатление, мы часто корчим из себя сахиба или наваба. Но легкомысленность тщеславия никогда не была присуща Биддашагору. Безыскусная простота была его главным украшением. Когда они с братом учились в Калькутте, то обычно носили одежду из грубой ткани; пряжу для этой ткани делала их мать. На протяжении всей своей жизни он с гордостью носил одежду из этой грубой ткани — она была для него символом материнской любви, чье сияние озаряло бедность. Несколько раз его приглашали в резиденцию вице-губернатора г-на Холидея, который относился к нему весьма дружелюбно, — но на прием нужно было надевать парадное платье. Два или три раза Биддашагор стерпел это унижение и оделся, как положено. Но потом сказал Холидею: «Если я должен непременно надевать это платье, то вынужден буду отказаться от приглашения». И Холидей попросил его являться в обычной одежде. Пандита в его грубом дхоти уважают повсюду; поэтому даже на прием к представителю короны Биддашагор не хотел надевать

ничего другого. Его одежда считалась приличной в его обществе, и он не хотел унижать себя и свое общество переодеванием. Скромному белому дхоти и чадору он придавал особое достоинство. Мы же, одеваясь в модные черные костюмы наших нынешних властителей, еще больше черним себя. Трудно постичь тайну появления в нашей униженной стране столь выдающегося примера мужественности, как Ишшор Чондро. Кукушка иногда кладет яйца в гнездо вороны; так и судьбе угодно было на земле Бенгалии взрастить мужество Ишшора Чондро.

И поэтому он был одинок. Ни одной родственной души не нашел он среди своих соплеменников. Он был изгнанником в собственной отчизне, поскольку никто не разделял с ним его идеалов и трудов. Он не был счастлив; в людях, окружавших его, не было и следа присущей ему подлинной человечности. За добро ему платили неблагодарностью, за помощь — равнодушием. День за днем он наблюдал за нами и видел, что мы никак не могли закончить ничего начатого; мы делали все лишь для видимости, а не для дела; мы не верили в то, за что брались, а то, во что верили, не претворяли в жизнь. Мы предавались бесконечному словоплетению, но не способны были на малейшую жертву; нам доставляло удовольствие гордиться собой, но мы никогда не заботились о том, чтобы оправдать эту гордость; мы во всем полагались на других, но стоило нам в ком-нибудь найти недостаток, как мы в гневе сокрушали небеса. Мы почитали за честь подражание другим, чувствовали себя польщенными, завоевав их милость, мы пытались пускать им пыль в глаза и называли это политикой. Главную цель своей жизни мы видели в самоупоенном произнесении глубокомысленных речей. Биддашагор питал бесконечное презрение к этой слабой, подлой, бессердечной, ленивой, надменной породе пустословов! Во всех отношениях он был противоположен им. Подобно тому как могучее дерево растет, поднимая свою вершину к небу высоко над подлеском, так и Биддашагор, постепенно мужая, одиноко возносился в спокойные выси над низкорослой чащей бенгальского общества. Он осенял прохладной тенью усталых и наделял плодами голодных; но он держался в стороне от болтовни,

от бесконечного словоговорения, от многочисленных недолговечных обществ и собраний, появившихся в то время как грибы.

Его уже нет с нами, он больше не может помочь сиротам и беспомощным, но его пример возвышается, подобно возросшему на бенгальской почве могучему дереву, к корням которого стекаются, как паломники, люди всего бенгальского племени. Там мы научимся, как отбросить мелочность и притворство, изощренную софистику и неподвижность, обрести простоту, силу и величие. Биддашагор для нас — олицетворение мудрости и милосердия. И когда мы ступим на эту землю, станем настоящими людьми, когда мы, как и подобает настоящим людям, войдем в широкие, изобилующие препятствиями поля действия, сами познакомимся с героизмом и благородством, тогда мы поймем, что главными добродетелями Биддашагора были все-таки не милосердие и не глубокая ученость, а непокоримый дух и нестигаемое мужество. Когда мы осознаем это всем своим существом, можно будет считать, что мы восприняли то, чему он учил, и, таким образом, исполнится воля провидения. Тогда идеалы Биддашагора навечно утвердятся в национальной жизни Бенгалии.

ШАКУНТАЛА

Между шекспировской «Бурею» и «Шакунталой» Калидасы напрашивается невольная аналогия. В этой статье я хотел бы поговорить об их внешнем сходстве и внутреннем различии.

Есть много общего между любовью выросшей в одиночестве Миранды и принца Фердинанда и любовью юной отшельницы Шакунталы и царя Душианты. Сходно и место действия — пустынный остров, окруженный морем, и священная роща.

Нетрудно отыскать сходство и в фабуле обоих произведений. Однако внимательный читатель немедленно обнаружит, как глубоко различен их поэтический дух.

Духовный отец европейских поэтов Гете, не прибегая к подробному разбору, в одном-единственном четверостишии раскрыл весь смысл «Шакунталы». Его четверостишие — всего лишь язычок пламени, но оно ярким светом озарило всю «Шакунталу». Гете писал: «Если кто-нибудь хочет увидеть вместе мир земной и небесный, пусть прочитает «Шакунталу».

Многие не вникают в значение его слов, считая их художественным преувеличением. По их представлению, Гете хотел только сказать, что «Шакунтала» вполне достойна того, чтобы ее прочитали. Мнение это ошибочно. Четверостишие Гете не гипербола, а суждение знатока. Поэт внимательно всматривается в метаморфозы, происходящие в «Шакунтале»: цветок превращается в плод,

мир земной — в мир небесный, природные инстинкты — в моральные принципы. В поэме «Облако-Вестник» изображены две тучи — восточная и северная. Вместе с первой тучей читатель странствует над многоликой красотой земли, а со второй тучей прибывает в вечно прекрасный город — Алаку. В «Шакунтале» есть первая и вторая встреча. Вся пьеса представляет собой движение от прекрасной и волнующей встречи в земном мире к радостному соединению навеки в священной роще мира небесного. Цель ее — не только провести определенную мысль и раскрыть характеры, но и показать, как из прекрасного мира природы любовь возносится в вечную райскую обитель Красоты и Добра. Об этом я уже подробно писал в другой статье, и, думаю, нет никакой нужды в повторении.

Слияние земного и небесного осуществлено Калидасой с удивительной легкостью. Он так искусно превратил цветок в плод и соединил границы земли и рая, что никто не замечает различия между ними. В первом действии поэт правдиво изобразил земное чувство, охватившее Шакунталу. Он ясно показал, как сильно взаимное влечение отшельницы и царя. Поэт описал и жар юности, и волнение страсти, и борьбу между желаньем и жгучим стыдом. Шакунтала была простая неопытная девушка. Она не была подготовлена к внезапно вспыхнувшему чувству. Она не умела владеть собой и подавлять свои желания. Нетрудно поразить стрелой лань, не знающую, что такое охотник. Шакунтала ничего не ведала о пяти стрелах бога любви Кандарпы, и потому сердце ее было беззащитно. Она не могла не поверить Кандарпе и Душианте. В лесу, где часто охотятся, охотник должен прилагать много стараний, чтобы дичь его не заметила, — так и в обществе, где мужчина и женщина часто встречаются, бог любви действует исподтишка, скрывая свое обличье. В священной роще и лань и девушка свободны от страха.

В Шакунтале чувствуется глубокая чистота и непорочность; быстрота, с которой она влюбляется в царя, не опровергает этого, а лишний раз свидетельствует о ее простоте. С искусственных цветов, которые стоят в комнате, каждый день надо смахивать пыль. Но кому придет в голову делать то же самое с лесными цветами? Пыль, оседающая на них, не лишает их чистоты

и прелести. Шакунтала даже не подозревала о том, что ей грозит. Она, как доверчивая лесная лань, как вода быстрого ручья, легко очищалась от всякой грязи.

Шакунтала, с ее цветущей юностью, неопытна, но Калидаса не мешает ей следовать велениям своего сердца: до самого конца она остается верной самой себе. Шакунтала скромна, стоически переносит несчастья, она — воплощенная женская добродетель. Как деревья, лианы, плоды и цветы, она не сознает своей красоты и повинуетя власти чувств, которыми ее наделила природа. Сдержанная и терпеливая, она всецело занята подвижничеством и живет лишь одним стремлением — стремлением к Добру. С необычайным искусством поместил ее Калидаса на грань, отделяющую чувственные наслаждения от сдержанности, природные склонности от установленных правил, реки от морей. Отец ее — великий мудрец, мать — небесная дева, родилась Шакунтала благодаря нарушению обета, выросла в священной роще, где естественные человеческие слабости не мешают подвижничеству, а красота уживается с воздержанием. Тут нет искусственных установлений общества, тут господствуют суровые правила религии. Такова и природа свободного брака гандхарвов: он сочетает естественный порыв с социальными узами. И там, где брачные узы противостоят полной свободе от всяких уз, «Шакунтала» приобретает особую, неповторимую красоту. Все радости и горести, встречи и разлуки, о которых повествует пьеса, — в столкновении этих двух начал. По здравом размышлении нетрудно понять, почему Гете провозгласил «Шакунталу» своего рода единством противоречий.

В «Буре» Шекспира этого нет, да и не могло быть. Шакунтала — красавица, Миранда тоже красавица, но это, пожалуй, единственное, что есть общего между ними. Их положение, приключения, которые с ними происходят, их характеры — все совершенно различно. Миранда с детских лет жила в одиночестве. Шакунтала не была одинока. Миранда выросла в обществе отца; это нарушило естественность ее развития. Шакунтала же выросла в окружении сверстниц, все они развивались естественно, подражая друг другу, обмениваясь мыслями и чувствами, смеясь и болтая, а иногда и ссорясь. Если бы Ша-

кунтала все время находилась в обществе мудреца Канвы, ее развитие было бы затруднено, и тогда ее простота стала бы той простотой, которая сродни невежеству; Шакунтала превратилась бы в Ришьяшрингу, только женского пола. Простота Шакунталы дана ей от природы, а простота Миранды обусловлена внешними обстоятельствами. При том различии, которое существует в положении обеих девушек, это естественно. Простота Шакунталы не вызвана неведением, как простота Миранды. В Шакунтале просыпается женщина, и насмешницы-подружки не дают ей об этом забыть, судя по первому действию. Она даже научилась смущению. Но все это внешнее. Ее простота — простота внутренняя, чистота заложена в самой ее душе. Поэт ясно показал, что этой внутренней простоты не может затронуть опыт, приобретенный извне. Нельзя сказать, чтобы Шакунтала ничего не знала об окружающем мире, потому что священная роща не была изолирована от общества и в ней соблюдались законы человеческого общежития. Что-то она знала, хоть и очень немного; мы не можем упрекнуть ее в невежестве. Сердце ее отличалось доверчивостью. Эта доверчивость привела ее к большой беде, она же и спасла ее: помогла ей снести жестокий удар и укрепила в терпении, милосердии и добре. Простота Миранды не прошла сквозь испытание огнем, ей не пришлось пережить столкновение с житейским опытом. Миранда предстала перед нами в самом начале своего развития, а Шакунтала показана в развитии с начала и до конца.

Здесь бесполезен сравнительный критический анализ. Если сопоставить два этих произведения, то в глаза бросится скорее не их сходство, а различие. Но это различие может помочь в понимании смысла обеих пьес. С такой надеждой я и пишу эту статью.

Мы встречаемся с Мирандой на безлюдном скалистом острове, окруженном шумным морским прибоем, но ничто не связывает ее с природой этого острова, который был для нее родным с детских лет. Миранда лишена людского общества, и это отражается в ее характере, у нее нет никакой привязанности к окружающим ее горам и морю. Поэтому мы видим необитаемый остров только в описании автора, а не через восприятие самой Миранды.

Остров нужен лишь для развития сюжета, но не для развития характера героини.

Другое дело Шакунтала; она тесно связана со священной рощей. Не будь этой священной рощи, пострадал бы не только сюжет, но и образ Шакунталы; он стал бы неполным. В отличие от Миранды Шакунтала живет не сама по себе, она неразрывно связана со своим окружением. Ее нежная душа как будто вобрала в себя лесную прохладу; она цветет вместе с лианой, усыпанной пышными гроздьями, ее неудержимо манит наивное дружелюбие птиц. Природа, которую описал в своей пьесе Калидаса, не осталась где-то вовне, она расцвела в самой душе Шакунталы. Потому я и говорю, что Шакунталу трудно отделить от ее поэтического окружения.

Образ Миранды раскрывается через ее любовь к Фердинанду, а доброта ее опечаленной души показана через беспокойство о несчастных, потерпевших кораблекрушение в бурю. Образ Шакунталы гораздо более глубок. Даже если бы не было Душианты, ее прелесть все равно проявилась бы во всем многообразии. Лиана ее сердца обвиняла и украсила собой все окружающее: и живое и неживое. Деревья священной рощи, которые она поливала, были для нее как родные братья. Ее добрые глаза жадно пили лунный свет, озарявший лес, где смутно пестрели юные цветы, а сердце ее было полно нежности.

Когда Шакунтала покидала священную рощу, отправляясь к мужу, на каждом шагу ее что-то привлекало, что-то будило грусть в душе. Велика мировая литература, но только в четвертом действии «Шакунталы» можно видеть, какой горестной иногда оказывается разлука с лесом. В этой пьесе между человеком и природой такая же связь, как между чувствами и велениями морали. Такое необычайное единение противоречий невозможно, должно быть, ни в одной стране, кроме Индии.

В «Буре» природа олицетворяется Ариэлем, и все же она далека от подлинной близости с человеком. С ним у нее отношения слуги, неохотно исполняющего поручения хозяина. Ариэль хочет быть независимым, но он покорен и связан человеком; поэтому он повинует, как раб. В сердце его нет любви, глаза сухи. И Миранда равнодушна к нему. Когда они с Просперо покидают остров,

у Ариэля не находится ни одного приветливого слова на прощанье. В «Буре» царят насилие, принуждение, гнет. в «Шакунтале» — любовь, спокойствие, доброта. В «Буре» природа очеловечена, но она не связана с человеком сердечными узами; в «Шакунтале» травы и деревья, животные и птицы, хотя и остаются сами собой, скреплены с человеком тесными узами взаимной привязанности.

В самом начале «Шакунталы» раздается тревожный запрет, обращенный к вооруженному луком и стрелами царю: «Царь, остановись, эта лань принадлежит пустыни. ее нельзя убивать!» В нем уже слышится лейтмотив всей пьесы. Этот запрет относится не только к лани, но и к самой Шакунтале.

Отшельник говорит:

Не надо, не надо убийства,
Стрелу в эту лань не стреми,
Ведь это как если бы в чашу
Цветочную бросить огонь.
Ужели же нежное тело
Той лани — достойная цель
Для этой пронзающей, острой,
Для этой алмазной стрелы?
В колчан положи смертоносность.
Оружие ты получил,
Чтоб быть огорченным защитой,
Не смертью невинных существ.

В опасности и Шакунтала: ей угрожают стрелы любви, пущенные царем. Царь опытен и жесток в искусстве любви, — в этом убеждает другой эпизод пьесы. А эта простая и неопытная девушка так нежна и так трогательна. Увы, она нуждается в защите не меньше, чем лань. Обе они обитательницы леса.

Не успело отзвучать эхо запрещения, как перед царем предстала девушка-отшельница в одежде из древесной коры, поливавшая деревья вместе со своими подругами: так она служила своим братьям-деревьям и сестрам-лианам. Не только одеждой, но и своим гибким и стройным станом Шакунтала напоминает собой деревце или лиану. Недаром Душианта говорит о ней:

Ее руки — нежные побеги,
Ее губы — красные цветы,
Ее губы — жаркие расцветы,
Ее груди — свет цветочных чаш.

В начале пьесы перед нами проходит полная красоты и спокойствия жизнь в безлюдном царстве цветов и листьев с ее благочестием, гостеприимством, нежностью к подругам и любовью ко всему миру. Жизнь эта настолько цельна и радостна, что в душе невольно возникает опасение, как бы она не разбилась от случайного удара. Хочется остановить Душианту, воздев руки к небу: «Убери стрелу, убери стрелу, не разрушай этой всесовершенной красоты!»

С каждым мгновением любовь Душианты и Шакунталы становится все сильнее; к концу первого действия за сценой слышится тревожный призыв: «Отшельники! Отшельники, приготовьтесь защищать живые существа в благочестивой нашей роще. Царь Душианта охотится по соседству».

Это рыдающий глас всей священной рощи, Шакунтала — одно из живых существ, обитающих в ней, но девушку так и не сумели уберечь.

Когда Шакунтала покидает священную рощу, Канва говорит: «О вы, деревья рощи благоговейной, где живут существа незримые,

Услышите голос мой, она уходит,
Она, что не решалась испить,
Пока не напоит вас свежей влагой,
Она, что, украшения любя,
Цветов с ветвей зеленых не срывала
И каждой почке радовалась здесь,
И праздником ей был цветок здесь каждый,
Шакунтала идет к супругу в дом;
Благословите путь ее далекий
И ласковое молвите «прощай».

Таково внутреннее родство Шакунталы со всем живым и неживым миром, таковы узы любви и добра.

«— Приамвада, — восклицает Шакунтала, — мне очень хочется увидеть супруга, и все же ноги мои не хотят идти...

— Не только тебе грустно при этом расставанье, милая, — отвечает Приамвада. — Смотри, вся роща чувствует разлуку.

Лани роняют траву изо рта, не глотая,
Пляску не хочет продолжить павлин,
Желтые листья выюнок уронил, извиваясь,
Листья, как слезы, упали, грустя о тебе».

Шакунтала говорит Канве:

«— Отец, тут есть одна лань, у которой должен родиться скоро маленький. Когда она будет счастливой матерью, смотри непременно пошли мне кого-нибудь с этой вестью. Не забудь.

— Не забуду, дитя мое», — молвит Канва.

Почувствовав, что ее удерживают сзади, Шакунтала восклицает:

«— О! О! Кто это держит мое платье и не пускает меня?»

Канва отвечает:

Это лань, что когда-то обрезала губы
Острой осоки листом,
Ты ее исцелила смягчающим маслом,
Ты из рук ей давала пшена.
И она, полюбивши тебя благодарно,
Уж не хочет тебя отпускать.

Шакунтала говорит лани:

«— Милая, зачем идешь за мной, когда я уйду из дому. Твоя мать умерла, когда ты родилась, и я тебя вырастила. Теперь я тебя оставляю, и отец Канва о тебе позаботится. Иди назад. Иди назад».

И так простившись с деревьями, лианами, ланями и птицами, Шакунтала вся в слезах покидает священную рощу.

Между ней и священной рощей та же связь, что между лианой и цветком.

В драме «Шакунтала» природа — такое же действующее лицо, как Анасуйя, Приамвада, Канва и Душианта. Должно быть, нигде, кроме санскритской литературы, немой природе не отвели бы такую важную, можно сказать, незаменимую роль. В аллегорических пьесах природа иногда предстает в человеческом образе и обретает дар речи, но я нигде не видел, чтобы природа, оставаясь самой собою, была такой живой, такой осязаемой, такой близкой и всеобъемлющей, чтобы она играла такую большую роль. Там, где внешний мир считают далеким и чуждым, где от него отгораживаются стеной, нет и не может быть создано подобных произведений.

В «Уттара Рамачарите» также нашли выражение родство и дружба между человеком и природой. Даже в

царском дворце Сита тоскует по красоте весеннего леса. Там струится река Тамаса, там живут ее любимые подруги; павлин и слоненок — ее приемные дети, деревья и лианы — ее родные и близкие.

В «Буре» человек искал величие не в Добре и Любви, он хотел стать господином, унизив и подавив все окружающее. Борьба за власть, вражда и соперничество составляют основное содержание «Бури». Лишившись прав на княжество, Просперо, с помощью волшебства, устанавливает суровое владычество над царством природы. Кучка людей, чудом спасшихся от неминуемой гибели, готова на все: заговоры, предательство и коварное убийство, чтобы установить власть над почти безлюдным островом. В конце концов, козни их разрушаются, но никто не может поручиться, что это навечно. Природа в этой пьесе похожа на злое чудовище; ее укрощают, подобно Калибану, держат в подчинении и рабстве, но она каждый миг готова пустить в ход свои ядовитые клыки и когти. Каждый обретает то, что ему положено. Может быть, этого достаточно для людей деловых, но не для поэта.

Название «Буря» полностью соответствует сущности пьесы. Вражда между человеком и природой, вражда между людьми, и среди этой вражды — борьба за власть. Вся драма с начала и до конца полна борьбы и тревоги.

Да, непокорная человеческая природа нередко поднимает бурю. Ее дикие инстинкты приходится сдерживать, как хищного зверя, с помощью власти, насилия, подавления. Но сдерживание силы силой — это всего лишь паллиатив. Наш дух отказывается признать его всемогущей панацеей. Наш дух верует, что порок погибнет, растаяв в лучах Красоты, Любви и Добра. И эту веру не сломят никакие препятствия. Порукой в этом может служить литература. Благодаря ей Добро становится прекрасным, обогащая человеческое сердце, хорошее делается лучшим. Угрозами не наставишь человека на путь истинный, как это пытаются сделать проповедники морали, так как угрозы не затрагивают души. Классическая литература воздействует прежде всего на душу. Пятна позора она смывает искренними слезами, зло сжигает огнем презрения, а добродетель вознаграждает радостью.

Калидаса в своей драме погасил пламя жестоких устремлений слезами раскаяния. Но он не увлекался описанием болезни, только намекнул на нее и тут же набросил покрывало. То, что в жизни обычно случается естественно, он объяснил проклятьем Дурвасы. И это понятно. Ведь иначе происшедшее казалось бы столь ужасным и трагичным, что нарушило бы весь строй пьесы, где царят мир и гармония. И тогда цель, которую поставил перед собой Калидаса, не была бы достигнута. Поэт сохранил горестные переживания, но прикрыл завесой молчания все мрачное и отталкивающее.

Впрочем, Калидаса приоткрыл уголок этой завесы; заглянув за нее, мы догадываемся о свершенном зле. На этом нужно остановиться подробнее.

В пятом действии Душианта отвергает Шакунталу. В начале действия поэт как бы вскользь упоминает о том, что у царя есть новая возлюбленная. Эта возлюбленная — зовут ее Гансавати — задумчиво поет за сценой:

Медолюбивая пчела,
Цветок ты целовала манго,
Ты ранним летом отдала
Тому цветку всю нежность страсти,
Так как же может для тебя
Быть искушеньем белый лотос?
И, этот свежий мед любя,
Ты вправду чувствуешь блаженство?

Печальные, рыдающие звуки этой песни, доносящейся с женской половины царского дворца, поражают в самое сердце. Удар тем чувствительней, что мы еще находимся под обаянием любви Душианты и Шакунталы. Только что, в четвертом действии, Шакунтала выслушала благословение мудреца Канвы и пожелания счастья от всех лесных обитателей. Грустная, нежная, чистая и прекрасная, отправилась она к супругу. Мы уже надеялись, что ее ожидают любовь и семейное счастье. Но начало следующего действия показало, насколько ложна была картина, нарисованная нашим воображением.

На вопрос шута: «Ты что же, не понял смысла этой песни?» — царь, усмехаясь, ответил: «Мы предаемся любви только раз, а затем бросаем возлюбленных. Признаюсь, я

заслужил упрек. Друг Мадгавия, скажи Гансавати от моего имени: упрек ее был очень тонок. Скажи ей это со всей возможной обходительностью...»

Эта сцена, свидетельствующая о непостоянстве царя, имеет глубокий смысл. Порт с большим искусством дает понять, что происшедшее объясняется не проклятием Дурвасы, а характером самого царя. И то, что в драме изображается как случайное, на самом деле вполне естественно.

В четвертом и пятом действиях мы ощущаем дуновение нового ветра. Мы оказываемся в мире, где действуют иные духовные законы. Как может мелодия священной рощи сочетаться с мелодией этого мира? Тут неуместно все, что было так прекрасно и естественно в священной роще, и в душу закрадывается тревога. Вот почему, когда в начале пятого действия, очутившись во дворце, мы видим, что сердца здесь тверды как камень, любовь неверна и пути к воссоединению нелегки, наши прекрасные мечты близки к гибели. Ученик отшельника Сарнгарави сравнивает дворец с домом, объатым пламенем.

И Сарадвата подтверждает его слова:

Уйдя от мира и мирского,
На них на всех я так смотрю,
Как тот, кто только искупался,
На тех, кто в масле и в грязи,
Как чистый смотрит на нечистых,
Как умудренный на слепых,
Как тот, кто бодрствует, на сонных
И как свободный на рабов.

Юные отшельники сразу почувствовали, что попали в совершенно иной мир. С начала пятого действия порт исподволь подготавливает нас к несчастью, ожидающему Шакунталу, чтобы оно не явилось для нас слишком сильным ударом. Простая и грустная песнь Гансавати как бы является прелюдией к жестокому поступку царя. Как гром среди ясного неба, обрушилась беда на ничего не подозревавшую Шакунталу. В удивлении, страхе и горе смотрела она, как лесная лань, на любимого, который ранил ее своей безжалостной стрелой; в глазах ее загорелась мучительная тревога. Цветочную рощу объял огонь! Один миг — и навсегда сгинула священная роща,

которая зримо и незримо царила в душе Шакунталы, одаряя ее своей красотой и прохладой. Шакунтала осталась одна, без всякой защиты. Где отец Канва, где мать Гаутами, где Анасуйя и Приамвада, где узы ласки и нежности, связывавшие ее с деревьями, лианами, птицами и зверями лесными, где прежнее спокойствие и ничем не омрачаемая жизнь? Мы ошеломлены, видя, как мгновенный удар сражает Шакунталу. Мелодия, звучавшая в первых четырех действиях пьесы, резко обрывается.

Шакунтала, которая, повинувшись доброте своего сердца, считала весь окружающий мир родным, оказалась в полном одиночестве. Вокруг нее образовалась немая пустота. Эту пустоту она могла заполнить лишь своим великим горем. То, что Калидаса не возвратил ее в священную рощу Канвы, свидетельствует о его безошибочной поэтической интуиции. Связь с лесом порвана навсегда. До тех пор разлука со священной рощей была только временной, она стала окончательной после того, как Шакунтала покинула дворец Душианты. Прежней Шакунталы не стало. Ее отношения с миром изменились, и она не смогла бы жить, очутившись в прежней обстановке. Ее великое горе нуждалось в одиночестве. Калидаса не послал Шакунталу и в другую священную рощу, где она переживала бы свое горе вдалеке от подруг. Поэт молчит, но его молчание красноречивее слов: мы ясно чувствуем одиночество Шакунталы. Если бы она вернулась в обитель Канвы, поэт не смог бы сохранить молчание, оно было бы нарушено плачем деревьев и лиан, рыданием подруг Шакунталы. Но все спокойно и безмолвно в обители мудреца Касианы. Наш духовный взор видит лишь безграничное, но сдержанное и терпеливое горе Шакунталы, погруженной в глубокое раздумье. Поэт благоговейно останавливается перед этим горем; приложив палец к губам, он предупреждает все вопросы и как бы устраняет весь мир.

Теперь Душианту сжигают угрызения совести. В них — его искупление. Если бы он получил Шакунталу без этих мук, в этом не было бы его заслуги. Кроме того, получить — еще не значит обрести. Царь не обрел Шакунталу в тот миг, когда ее закружил внезапный вихрь опьянения юностью. Обретение требует подвижничества.

То, что достается без труда, легко и теряется. То, что рождается в мгновенном порыве, быстро умирает. Поэт обрек Душианту и Шакунталу на долгое и мучительное подвижничество, прежде чем они навсегда обрели друг друга. Если бы царь признал Шакунталу, как только она вошла в тронный зал, она стала бы еще одной Гансавати, довольствующейся крохами со стола царской любви. Женщины, легко уступавшие любвеобильному царю, были обречены на забвение, им оставалось лишь вспоминать свое недолгое счастье. «Мы предаемся любви только раз, а затем бросаем возлюбленных».

К счастью для Шакунталы, царь отверг ее со всей жестокостью, на которую был способен. Эта жестокость ударила по нему самому, именно она не позволила ему забыть о Шакунтале, обжигая его сердце нестерпимой болью раскаяния. Именно благодаря ей, этой жестокости, Шакунтала постепенно соединялась с царем, пока не заполнила собой все его существо. Никогда в жизни не испытывал Душианта ничего подобного, дела и развлечения занимали все его время, не оставляя места для подлинной любви. Он был несчастлив, потому что был царем. Все его желания удовлетворялись без труда, и сокровище, которое обретается ценой подвижничества, было ему недоступно. Только после того, как создатель обрек его на душевные муки, познал он подлинную любовь; с тех пор он уже не мог вести прежнюю суетную жизнь.

Таким образом Калидаса испепелил грех изнутри, а не присыпал его пеплом снаружи. Драма кончается победой над злом; успокоенный читатель видит, что все конфликты получают полное и бесспорное разрешение. Ядовитое дерево может вырасти из случайно упавшего семечка, но чтобы уничтожить это дерево, нужно вырвать корни, таящиеся в глубине. По замыслу Калидасы подлинное соединение Душианты и Шакунталы состоялось лишь после того, как они оба претерпели долгие страдания. Вспомним слова Гете: «Если кто-нибудь хочет видеть рядом цветы юности и плод зрелости, мир земной и мир небесный, он найдет их в «Шакунтале».

В «Буре» Просперо подверг любовь Фердинанда тяжкому испытанию: заставил таскать бревна. Но это испытание тела, а не души. Калидаса же показал, как под

давлением жгучих мук уголь кристаллизуется в алмаз. Он заставил засиять черноту, хрупкость превратил в твердость. В «Шакунтале» мы видим, что и в пороке есть свой смысл, эта пьеса — убедительное доказательство того, что по воле создателя в этом мире даже зло призвано служить добру. Только под ударами зла добро приобретает истинную силу и озаряется вечным сиянием.

В начале драмы Шакунтала жила в мире чистой красоты; безмятежно и радостно общалась она со своими подругами, деревьями, лианами и оленями. В этот рай незаметно просочилось зло, и красота, подобно цветку, который подточил червь, увяла, помертвела и погибла. Герои прошли сквозь стыд, сомнения, горе, разлуку и угрызения совести. И только в другом, более чистом небесном мире они извели прощение, любовь и покой. «Шакунтала» — это одновременно Потерянный и Возвращенный рай. Первый рай отличается хрупкостью и беззащитностью. Он прекрасен, но может, как роса на лотосе, исчезнуть в любой миг. Такую красоту, замкнутую в самой себе, следует отвергнуть, ибо она недолговечна и не дает полного удовлетворения. Зло ворвалось в этот рай, как буйный слон; его не могла остановить слабая преграда из лепестков лотоса; и вот уже тревога и волнение замутили сердце, возвещая гибель этого рая. Остался другой рай — вечный рай. И едва он был возвращен ценою душевных мук, ценою подвижничества, всем опасениям наступил конец.

Такова и человеческая жизнь. Простой мир, в котором живет ребенок, прекрасен, полон смысла, но слишком мал. Для полноты развития нужны тревоги и волнения зрелости, удары судьбы и мучения совести. Тщетно надеяться на покой в преклонном возрасте, если, покинув идиллический мир детства, не столкнешься с противоречиями и потрясениями зрелости. Вечерний покой нисходит на мир только после того, как полдневный жар прогонит утреннюю прохладу. Все бренное рушится под ударами злых сил, и в душевных муках создается вечное. В драме «Шакунтала» поэт описал разрушение одного рая и создание нового.

Земля кажется прекрасной и спокойной снаружи, но внутри нее постоянно работают титанические силы.

Аналогичная картина в «Шакунтале». Ни в одной другой пьесе нет такой сдержанности. Европейские поэты любят преувеличивать силу чувств, в их изображении они не знают никаких границ. В «Ромео и Джульетте» Шекспира и в других пьесах можно найти множество тому примеров. Среди пьес Шекспира нет ни одной, которая отличалась бы спокойной глубиной и сдержанностью «Шакунталы». Любовный диалог Душианты и Шакунталы необычайно краток, и большая часть его состоит из намеков и недомолвок. Там, где другой поэт дал бы полную волю своему перу, Калидаса его сдерживал. Вернувшись в столицу из священной рощи, Душианта не пытается разыскать Шакунталу. Разлука — прекрасный повод для того, чтобы героиня неистово рыдала и била себя в грудь, но Шакунтала ничем не выдает своего горя. Только по рассеянности, которая помешала ей заметить мудреца Дурвасу, можем мы представить себе ее состояние. А как немногословно, с какой сдержанной лаской выражает Канва свою безграничную любовь к Шакунтале в минуту прощания. Печаль ее подруг Анасуйи и Приамвады, кажется, вот-вот вырвется наружу, но каждый раз слова замирают у них на устах. В сцене непризнания есть и страх, и стыд, и обида, и мольба, и упрек, и слезы, но как все это лаконично выражено!.. Бездумно и легко отдала свою любовь Шакунтала; кто бы мог ожидать, что она встретит ужасное оскорбление с таким сдержанным достоинством, не проронив ни единого слова. Как глубоко и нерушимо молчание, последовавшее за признанием Шакунталы! Безмолвен Канва, безмолвны Анасуйя и Приамвада, безмолвна священная роща на берегу реки Малини, и безмолвнее всех Шакунтала. Разве в какой-нибудь другой пьесе упустили бы подобный случай трогать сердца читателей и зрителей? И то, что измена Душианты в какой-то степени оправдана проклятием Дурвасы, также свидетельствует о сдержанности Калидасы. Поэт удержался от искушения показать неприкрытый порок. Это ему запретила муза:

Не надо, не надо убийства,
Стрелу в эту лань не стреми,
Ведь это как если бы в чашу
Цветочную бросить огонь.

Появление Душианты, сеющего страшное смятение, поэт сопровождает такими словами: «Царь слонов, обезумев, ворвался в священную рощу».

Мир, который царил в пьесе, не мог не быть нарушен. Беда грозила не только священной роще, но и саду поэзии: вот почему Калидаса не дал разрастись беде, он сковал ее узами проклятья, стараясь не замутить пруд, где цветут лотосы.

На его месте европейский поэт рабски скопировал бы житейскую правду, изобразил бы все так, как обычно бывает в жизни. Он не стал бы объяснять происшедшее проклятьем или вмешательством сверхъестественной силы. Власть поэзии он променял бы на власть жизни. Калидаса же не ставил житейскую правду выше поэзии, он не хотел копировать все, что происходит в будничной жизни, ибо не мог не признавать над собой власти поэзии. Каждое событие в своей пьесе он должен был согласовать со всей пьесой. Внутреннюю суть правды он сохранил целиком, а ее внешний облик искусно сочетал с красотой своего творения. Он ярко осветил душевные муки и раскаяние в содеянном грехе, над самим же грехом он приспустил занавес. И это оправданно: в противном случае можно было утратить дух спокойствия и сдержанности, который царит в «Шакунтале», и нанести непоправимый ущерб ее красоте; копия была бы верна житейской правде, но муза получила бы жестокий удар. Искусное и тонкое перо Калидасы не могло допустить и не допустило этого.

Не нарушая покоя и красоты, поэт даже в молчании сумел сохранить внутреннюю силу своего творения. Природа его священной рощи неотделима от того, что происходит в душе у людей. То она расцветчивает яркими красками юную любовь Шакунталы, то сливает шелест своей листвы с благословением Канвы, то вносит грусть молчаливого прощания в тревожное смятение разлуки, озаряя, словно по волшебству, образ Шакунталы немеркнущим сиянием чистоты и прелести. В пьесе часто царит безмолвие, но больше всего безмолвствует священная роща. При всем своем безмолвии она все же действующее лицо пьесы, действующее в полном смысле этого слова. В ее действии нет суетливости Ариэля, связанного узами

рабства, это деяние красоты и любви, деяние братской дружбы, тайное деяние внутреннего мира.

В «Буре» господствует насилие, в «Шакунтале» — покой. В «Буре» победа достигается силой, в «Шакунтале» — благодаря добру. «Буря» задерживается на полпути, «Шакунтала» достигает полного завершения. Миранда очаровательна в своей простоте, но эта простота вытекает из неведения и неопытности, простота же Шакунталы — это простота, познавшая измену, страдание, терпение и милосердие, простота, умудренная опытом, глубокая и нерушимая. И мы повторяем вслед за Гете: «В «Шакунтале» красота юности достигла высшей зрелости и соединила мир земной с миром небесным».

ОБРАЩЕНИЕ К СТУДЕНТАМ

Было время, лет пятьдесят тому назад, когда мы нигде не могли спастись от засилья английского языка — он преследовал нас не только в аудиториях, но и дома. По-английски мы здоровались с друзьями, по-английски писали письма родным, в английских стихах выражали сокровеннейшие мысли, и даже на собраниях обращались к своему собственному народу на чужом языке.

Куда же нам направиться сейчас, когда мы освобождаемся из плена английского языка? Не к священному ли очагу нашей Матери? Увы, вместо этого, выполнив все учебные задания, мы с победным видом спешим на крикетные площадки. Что же потом? Неужели отблеск пламени вечернего светильника, зажженного руками Матери в окне, останется незамеченным? Можно ли презирать светильник за то, что он сделан из глины? Ведь в его пламени сияет величие нашей Матери. Да и кто виноват, что светильник глиняный? Почему бы нам не поставить золотой светильник в покоях нашей Матери? Там мы отпразднуем день радостного торжества, и не все ли равно, какой светильник будет нам сиять — золотой или глиняный. Если же нам суждено горе, мы перенесем его у себя дома — не будем же мы лить слезы, стоя на главной улице.

Покинув аудитории и спортивные площадки, мы собрались сегодня по зову Бенгальской литературной академии, именно здесь горит перед нами светильник нищей

Матери. Настало время на родном языке напомнить вам о родном доме. Для этого вас и собрала академия.

Не следует забывать о величии Родины, лежащей за стенами колледжей. Нужно установить естественную связь между колледжами и страной.

В других странах нет нужды об этом заботиться: учебные заведения там неотъемлемы от самой страны. Они не отделены от нее стеной, а являются закономерным результатом развития. У нас же нет такого естественного и полного единства.

Вот почему столь важно создать такую систему образования, которая была бы независима от колледжей, где хозяйничают иностранцы, и которая обеспечивала бы всем учащимся возможность свободного развития. Если мы не сделаем этого, об истинном образовании и мечтать нечего, образование так и останется книжным.

Образование тогда не знает застоя, когда оно находится в руках людей творческих, ищущих и создающих. Наилучшие формы обучения — беседа и спор; они развивают остроту ума, воспитывают стремление к общепольной деятельности и в то же время являются надежным средством в борьбе с недугом начетничества. Любыми способами надо покончить с властью книг над нашими умами. Да одержит верх разум!

Я призываю Литературную академию создать условия для развития истинного образования, лишь тогда студенты найдут применение своим способностям, почувствуют беспредельную силу разума и смогут раскрыть полностью свои дарования.

Наша академия изучает не только литературу, но и историю, язык и обычаи бенгальцев — словом, все, достойное изучения.

Стремление овладеть науками во всей их полноте должно стать для нас естественным. Не удивительно, что мы не проявляли к ним достаточного интереса — ведь наши школьные учебники написаны для английских детей; через них мы знакомимся с чужой страной, но не со своей собственной. И винить в этом некого. До сих пор мы не удосужились подготовить для самих себя достоверное описание своей страны. Мы живем в Индии, но почти ничего не знаем о ней! И это мешает нам по-

настоящему служить своей родине, не говоря уже о том, что в обучении следует идти от близкого к далекому, от известного к неизвестному, только тогда оно будет действенным. Знания, основанные лишь на том, что безмерно далеко от нас, не будут ни глубокими, ни основательными. Только изучив все то, что непосредственно касается нашей жизни, мы сможем заняться вещами, более далекими и чуждыми нам.

Наши иноземные учителя говорят, не скрывая иронии: «Сколько времени мы преподаем в ваших школах, и хоть бы в ком-нибудь обнаружили склонность к самостоятельному мышлению. Единственное, на что вы способны, — это заучивать наизусть уроки».

Даже если это обвинение справедливо, объяснить его можно лишь одним: отсутствием связи между образованием и окружающей действительностью. Факты и примеры, которые нам приводят на уроках, касаются совершенно незнакомых вещей. Мы учим книжную историю и забываем настоящую, ту, что открывается нам в жизни нашего народа, в бесчисленном множестве реликвий и примет прошлого, в наших домах и за их стенами. В конце концов, мы перестаем понимать, что такое история.

Мы вызубриваем филологию и лингвистику, чтобы получить высокую оценку на экзамене, но мало интересуемся эволюцией нашего родного языка, теми изменениями, которые он претерпевает на каждом этапе своей истории. Тайны его до сих пор не раскрыты для нас. Наверное, ни в одной другой стране мира нет стольких социальных укладов и религий, как в Индии. Терпеливое и тщательное их изучение обогатит наши знания об обществе и религии во сто крат больше, чем изучение трактатов о социальных и религиозных особенностях далеких стран.

О каком самостоятельном мышлении можно говорить, если мы смутно и неясно представляем себе окружающую действительность. Странно, я бы сказал даже, нереально смотрим мы на вещи. Мы читаем книги по истории, но не способны постичь ее смысла; мы изучаем научные труды, но не можем отказаться от самых нелепых фантазий, как будто и они относятся к области науки. Ни в религиозной, ни в общественной жизни, ни даже в лите-

ратурной критике мы не знаем чувства меры. Пренебрежение действительностью истощает и уродует наш разум, душу и воображение. Возьмите наш патриотизм; вы не найдете в нем и капли заботы о соотечественниках. Болезни, смерть, нищета, невежество и предрассудки окружают нас, но мы не боремся с этими бедствиями, и все же мним себя патриотами, изображая героев, известных нам по европейской литературе и истории. Вот почему нам до сих пор незнакомо чувство истинного самопожертвования. В странах, где патриотизм обусловлен самой действительностью, а не слепым подражанием книгам, люди с готовностью отдают свою жизнь во имя Родины. Мы же не хотим пожертвовать даже малой толикой денег или времени и не чувствуем ни малейшего желания близко познакомиться с народом. Все, я полагаю, слышали о японском патриоте Иосида Торахиро. Много лет подряд бродил он со своими скудными пожитками по всей стране и, лишь глубоко изучив свой народ, занялся преподаванием. Жизнь свою он пожертвовал Японии. Смысл такого патриотизма ясен. Он зиждется на истинном знании Родины и бескорыстном служении на благо ей, и потому дает хорошие плоды, он — как дерево, крепко связанное корнями с почвой. Если верно, что без связи с реальной жизнью наши знания и мысли не приносят никакой пользы, они мертвы, то совершенно необходимо перестроить наше образование.

Мы принадлежим Бенгалии, и не удивительно поэтому, что наша академия уделяет особое внимание языку, литературе, истории и социологии этой провинции. Хотелось бы, чтобы академия привлекла к своей работе студентов. Это разовьет их разум и наблюдательность, пробудит интерес к Родине, к окружающей жизни — словом, создаст серьезную основу для изучения самых различных предметов, не говоря уже о том, что в стремлении глубже узнать Родину проявляется истинная любовь к ней.

В Калькутту съезжаются студенты со всех концов Бенгалии. Почему бы не воспользоваться этим? Они помогут собрать интересные сведения о различных районах нашего края. Разрешите высказать несколько соображений по этому поводу.

Одна из основных задач академии — составление грамматики бенгальского языка. Задача, надо сказать, не простая. Научная грамматика бенгальского языка должна дать тщательное сравнение различных его диалектов, а собирать материалы чрезвычайно трудно. Тут-то и могут оказать помощь студенты.

Наша интеллигенция и не подозревает о том, что время от времени в Бенгалии среди простого народа складываются многолюдные религиозные общины. Неведомыми путями, в безмолвии движутся они вперед; не стоять же им на месте из-за нашего презрения. Эти общины изменяются под влиянием новых веяний. А без знания форм и смысла этих перемен невозможно глубоко узнать Родину.

Я вовсе не утверждаю, что узнать Родину — конечная цель образования. Но мы должны ясно представлять себе, какие силы оказывают воздействие на народ и каково противодействие народа этим силам. Для того чтобы проникнуть в сердце современников, мало знаний, которые мы черпаем в книгах, надо не только познавать, но и совершенствовать возможности нашего познания, а это неосуществимо при книжном обучении. Собирая, под руководством академии, материалы о различных религиозных сектах среди низших слоев населения, студенты воспитывают в себе наблюдательность и в то же время приносят пользу Родине.

Нельзя сказать, чтобы мы не читали книг по этнографии. Но стоит лишь убедиться, что эти книги не пробуждают ни малейшего интереса к живущим рядом с нами рыбакам, чистильщикам и людям из касты дом, чтобы понять, сколь сильно мы заблуждаемся, преувеличивая значение этих книг и презирая тех, о ком эти книги написаны. Если же, преодолев свою инертность, мы войдем в царство подлинных знаний, в самую жизнь, нашему энтузиазму не будет границ. Пусть студенты займутся изучением людей, их окружающих. Сам этот труд будет им наградой.

Тематика, по которой можно собирать материалы, достаточно широка. Религиозные обряды и празднества в нашей стране весьма разнообразны, то же можно сказать и про обычаи. А стихи для детей, а народные песни,

поэзия — что может быть достойнее исследования? Нет такой области в жизни страны, которая не представляла бы интереса для ее граждан — об этом следует помнить Литературной академии при определении круга своих занятий. Пользуясь тем, что Литературная академия приняла мое предложение привлечь к своей работе студентов, я пригласил их на это собрание.

Призывая вас возложить на себя этот труд, я вспоминаю дни своей юности. Время моей молодости, может быть, и не столь отдаленно с точки зрения истории, но оно представляется мне совершенно иным. Не знаю, виноват ли в этом мой возраст или настолько разительны происшедшие перемены. Старики любят сравнивать прошлое с настоящим, причем не в пользу настоящего, потому что прошлое для них — пора юности и надежд, а настоящее — время подведения итогов. Старики забывают, что и нынешняя молодежь начинает жизнь с надеждой в сердце и ей пока рано нацеплять очки на нос и подводить итоги. Поэтому трудно судить о том, действительно ли произошли столь серьезные изменения, как это мне кажется; решайте сами.

Я не могу настаивать на своей абсолютной правоте, но, по-моему, в наше время мы были гораздо моложе теперешних молодых людей. Можно спорить, хорошо это или плохо, однако молодость давала нам несомненные преимущества. Надежды наши были беспредельны, мы не видели для себя ничего невозможного. Наши собрания, общества, планы вызвали бы у вас лишь улыбку. Именно поэтому, видимо, в некоторых произведениях нашей литературы мы выведены в комическом свете.

Вы были бы сильно удивлены, расскажи я вам, что в те дни к молодежи причисляли себя люди различного возраста; седовласые были полны надежд и энтузиазма, как самые юные. Я никогда не забуду, как всем нам, и молодым и старым, удалось полностью изжить в себе страх, робость, пессимизм. С тех пор мы, несомненно, продвинулись во многих направлениях, но свет надежды, струившийся с небес, словно померк, и нет той жизнерадостности, какая должна быть у людей, стремящихся вперед.

Почему так случилось? Виноваты в этом, боюсь, не нынешние времена, а мы сами. Разве не ощущаем

мы сейчас пустоты оттого, что где-то в пути теряли багаж надежд, с которым отправились в дорогу. Беспредельная надежда и энтузиазм — главное богатство молодежи. Этим богатством одаряет каждого человека в начале жизни святая Мать, благословляя в дорогу. Но подобно тому, как деньги сами по себе еще не еда, а лишь средство, чтобы купить ее, так и надежда еще не есть ее осуществление, и чтобы достичь успеха, нужно немало потрудиться. Мы, однако, в наше время довольствовались одной надеждой. Младенец в колыбели шевелит руками и ногами — эти, на первый взгляд, бессмысленные движения имеют смысл; со временем он научится ими управлять, если ему не помешает какая-нибудь болезнь.

Так и каждое наше раннее начинание — плод нашей жизнерадостности — вызывало много ненужного шума, однако тогда это не казалось неестественным или смешным. Шло время, а мы продолжали лежать в постели и дрыгать ногами, считая это наилучшим способом движения вперед. Не удивительно, что у нас возникли серьезные сомнения и радость наша поухлила.

В дни нашей юности обрели новый смысл слова Мать-Индия и Лакшми-Индия. Они поразили наше воображение. Но мы не задумывались над тем, каков истинный лик нашей Матери, а Лакшми так далека была от нас, что даже ее золотой совы мы ни разу не видели. Мы читали стихи Байрона и биографию Гарибальди, опьяняясь патриотическими чувствами. Как алкоголик предпочитает вино еде, так и мы предпочли патриотические чувства самой Родине. Мы считали себя патриотами несмотря на то, что забыли язык родной страны, пренебрегали ее историей и обычаями, чуждались ее печалей.

Поскольку истинной связи с Родиной у нас не существовало, мы смотрели на двор иностранного владыки как на единственное поле деятельности для нашего патриотизма. Но надеяться на успех в подобных условиях — не значит ли это обманывать всевышнего?

Сколь бы велика ни была идея, надо сначала попытаться осуществить ее в чем-то малом. Тогда, по крайней мере, ложный шаг будет замечен уже в самом начале пути. Единственный способ приблизить далекое — пойти

ему навстречу. Не самообман ли думать, что Мать-Индия восседает на неприступной вершине Гималаев и наигрывает томную мелодию на своей вине! Нет, она сидит на берегу затянутого тиной деревенского пруда с больным, измученным лихорадкой младенцем на коленях и в отчаянии глядит на пустой амбар, зная, что ей нечем накормить ребенка. Легко склоняться, почтительно сложив руки, перед Матерью-Индией, поливающей деревья шами в священном лесном уединении мудрецов Вьясы, Вашиштии и Вишвамитры. Но одними поклонами не поможешь той, одетой в лохмотья, изможденной Матери-Индии, которая, сама голодная, трудится на чужой кухне, стремясь выучить сына в английской школе, чтобы потом он познал всю унижительность положения мелкого служащего.

В сущности, нам пока ничего не удалось добиться. Мы выступили в поход как гордые победители, но оказались нищими просителями у чужих дверей и кончили тем, что обзавелись семьями и, сидя на веранде, изучаем свои счета в банке. Жизнь показала, что семья и пустой желудок намного реальнее, чем Мать-Индия и Лакшми-Индия, раскрашенные поэтами во все цвета радуги, но обитающие в стране иллюзии. Неопровержимо также, что звон монет, получаемых правительственными чиновниками, более приятен для слуха, чем печальная мелодия, которую наигрывает Мать-Индия на своей вине.

Человек, окрыленный великими идеями и благородными порывами, терпит поражение, если не знает, как воплотить их в жизнь. Когда человек готов пожертвовать всем, но не может решить, во имя чего, он, по существу, только тешится добрыми намерениями и со временем настолько ожесточается, что, едва завидев умирающих с голоду соотечественников, торопится захлопнуть дверь: как бы у него не попросили милостыню. Это неизбежно, ибо даже великая идея, оставаясь голой абстракцией, гибнет при малейшем соприкосновении с действительностью.

Итак, повторяю: идеи, почерпнутые из книг, — для нас непозволительная роскошь, средство тешить собственное самолюбие; следуя им, мы погрязаем в сентиментальной косности, клонимся все ниже и ниже под бременем усталости и отчаяния. Только труд во имя достижения вели-

кой и реальной цели может излечить нас. Бессмысленно все время мечтать о великом, выпрашивать милости и предаваться пустословию, мы должны заняться пусть небольшими, но близкими нам делами. Рыдать у дворцов иноземных правителей бесполезно; надо пойти на свои собственные поля и выполоть все сорняки. Только тогда мы обречем силу, проложим дорогу к свободе, а свобода всегда несет в себе огромную радость.

Я уже не могу читать в душах молодежи и поэтому не способен постичь ваши надежды, идеалы и стремления во всей их полноте. Но память о юности все еще тлеет под сединами. Я уверен, что сокровенные струны ваших сердец не успели заржаветь от бездействия: стоит коснуться их — и они откликнутся мелодией великих порываний; они дрожат и сверкают, как паутина, сотканная в воздухе лучами восходящего солнца. Я знаю также, что не погибло в вас естественное для человека стремление целиком и без колебаний посвятить себя великому делу; ни бесконечные неудачи, ни мелкие препятствия не смогли убить его. И когда Родину подвергают насмешкам и оскорблениям, ваши сердца вспыхивают, подобно разворошенному костру.

Вас не поглотили мелочные заботы и эгоистические желания, ни днем ни ночью не покидает вас мысль о том, как избавить Родину от нищеты и унижений. И еще я знаю, что, когда пример великих людей мировой истории, сумевших окружить сверкающим ореолом скорбь и страдания, презревших себялюбие и победивших самое смерть, позовет вас, вы не отмахнетесь со скептической улыбкой умудренного опытом человека. Именем лучших просвещенных умов нашей Родины я призываю вас, юных и чистых, не к роскоши и наслаждениям, но и не к нищете, а к напряженному труду. Пусть вход в мастерскую мало похож на величественные врата дворца. Зато в мастерскую вы войдете сами, вам не надо, словно нищим, унижаться, выпрашивать разрешение стражи на вход, вы войдете туда, повинувшись лишь велению всевышнего. Ни перед чем не должен человек склоняться — лишь перед собственными высокими идеалами, Родиной или перед самим всевышним, вознаграждающим смирение.

Любой призыв всегда находил отклик в вашей душе. Вы не стояли в стороне, когда Родина отправлялась просить милостыню под звуки иноземного марша. Вы приходили к королевскому двору, который древнее санскритское изречение приравнивает к погребальным кострам, и считали, что добились успеха. Сегодня к вам обращается Литературная академия, так неужели оставите вы без внимания ее призыв лишь потому, что он звучит на вашем родном языке, потому что вас призывают потрудиться на благо Матери-Родины? Народные песни, народная поэзия, стихи для детей, развалины древних храмов, старинные рукописи, деревенские обычаи и празднества, сельские хижины — во всем этом академия пытается снова открыть Родину. Подобные мелочи не привлекают любопытного взгляда чужеземцев, о них не трубят в заморских газетах. Занятие это не сулит вам никаких материальных благ. Но если материнское благословение значит для вас больше, чем объедки с королевского стола, тогда вы займете место в рядах тех, кто посвятил себя служению Матери-Родине, не требуя ни наград, ни славы. Тогда вы поймете, что энергия всегда найдет для себя поле деятельности, а любовь, так или иначе, отыщет способ выразить самое себя. Не надо ждать от правительства реформ или проводить дни и ночи перед запертой дверью, выклянчивая, как милостыню, те или иные права.

Боюсь, что моя речь затянулась не в меру. Ведь я хотел сказать совсем немного: старайтесь развивать родной язык, учите его грамматику, составляйте словари, ищите в деревнях материалы, необходимые для глубокого знания Родины. Кто-то может высказать недоумение, зачем столь пространно и высокопарно я излагал такие простые истины. Упрек будет справедлив, но, увы, и я сам — печальный пример подобного несоответствия, неизбежного в нынешнее время в нашей стране. Если бы я сказал: «Собирайте собрания, произносите речи, организуйте обсуждения и дискуссии», — мои слова встретили бы полное понимание. Но я заметил, что до людей с трудом доходит смысл призыва: «Сначала узнайте свою страну, а затем послужите ей». Поэтому прошу простить мне необычную для подобных обстоятельств многоречивость,

Густой предутренный туман не должен вызывать у нас уныния или нетерпения, потому что яркие лучи солнца рассеют его и озарят все вокруг. Я не жду сейчас многого, но с надеждой и радостью заглядываю в просветы, виднеющиеся в тумане, — солнечные лучи, словно острые клинки, рассекают завесу перед нашими глазами. Нам нечего страшиться; скоро у самых дверей нашего дома мы увидим путь, по которому следует идти, и тогда мы больше не будем сидеть по домам, рассуждая, какую избрать дорогу. Каждый пойдет своим путем в соответствии со своими способностями, оставив далеко позади бесконечные споры и затхлую атмосферу книг. Мы уже не будем пренебрегать предстоящей нам работой, пусть она лишена величия, — она очень важна и отнюдь не заслуживает презрения.

Я твердо верю в счастливое будущее и не стану отчаиваться, если вы не сразу поймете, как важно узнать свою Родину, и откликнетесь на призыв академии несколько позднее. Я заверю Родину, что ее сыны, которых она так долго ждала, скоро возвратятся. «Мать, — скажу я Родине, — час близок. Школы закрылись, собрания окончились, уже слышна твердая поступь твоих детей — они идут к родной хижине. В знак приветствия воструби в раковину, затепли свой светильник и будь готова даровать свое благословение, орошенное святыми слезами, нам, старикам и юношам, братски обнявшимся на твоей безгранично широкой и прохладной циновке».

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Мои друзья, члены Совета национального образования, люди весьма достойные, попросили меня подготовить программу для школьного отдела Совета.

Я согласился выполнить их просьбу, но оказалось, что это не так-то легко. Ведь я не знаю, что побудило их открыть новые школы, каковы их цели и задачи.

Согласно шастрам, источник жизни заключен в желании, а не в случайном слиянии материальных тел. С исчезновением желания жизнь отрывается от ее корня и цикл рождения и смерти обретает свое завершение.

То же самое можно сказать о цели — она как бы является корнем любого начинания. Дело, лишенное цели, гибнет, подобно растению с оторванными корнями, и тут не помогут ни разработанные правила, ни собранные деньги, ни комитеты.

Поэтому, мне кажется, прежде всего необходимо выяснить, для чего создан Совет национального образования. Каковы недостатки системы образования, ныне существующей в нашей стране? И каким образом Совет сумеет добиться их устранения в новых школах.

Если бы речь шла только о техническом образовании, я бы подумал, что Совет намерен ограничить свою деятельность этой узкой областью. Но вопрос поставлен более широко, поэтому не так важно само устройство школы, подбор учебников и тому подобное, как основные принципы новой системы образования.

Если Совет намерен создать систему национального образования, то сразу же встает вопрос, что в данном случае имеется в виду, потому что слово «национальный» так же, как и «ненациональный», понятие весьма растяжимое, каждый объясняет его по-разному, в зависимости от условий своего воспитания и жизни.

Поэтому необходимо широко обсудить с народом вопрос о главной цели, которую должен преследовать Совет образования, и сделать это таким образом, чтобы ни у кого не возникло и мысли, будто нами движет враждебность к британскому правительству — ведь мы объединились единственно для того, чтобы оказать стране помощь, в которой, как мы знаем, она крайне нуждается. Мы должны ясно представить себе конечную цель. От этого зависит успех нашей деятельности. И если по ошибке, или по причине умственной апатии, мы примем за истинную цель лишь нечто доступное или привычное, мы ничего не добьемся. Нас не спасут даже громкие имена, украшающие список наших сторонников.

Свою деятельность Совет национального образования должен начать с широкой дискуссии, чтобы выявить нужды и умонастроение народа. Это позволит установить, какие именно шаги следует предпринять в области образования.

Сегодняшним моим выступлением я и хочу открыть обсуждение этого вопроса. Считаю своим долгом изложить перед народом все те мысли, которые возникли у меня в связи с данной проблемой. Если они противоречат взглядам нашего просвещенного общества или вообще неприемлемы, можете отбросить их, как бесплодные мечты — плоды поэтической фантазии. Я же постараюсь утешиться надеждой, столь дорогой сердцу непризнанных поэтов, надеждой, что их поймут и достойно оценят благодарные потомки в далеком будущем. А пока умоляю вас сохранить терпение и снисходительность.

Нынешняя школа не что иное, как фабрика, а учителя подобны машинам. В половине десятого, по звонку, школа-фабрика открывается, учителя-машины начинают работать. В четыре часа школа-фабрика закрывается, учителя-машины прекращают работу. Ученики возвращаются домой, унося с собой некоторое количество знаний, от-

штампованных машиной. Впоследствии знания эти проверяют на экзаменах и наклеивают на них ярлыки.

У фабрики есть свое преимущество — она может выпускать товары по одному и тому же образцу и даже наклеивать на них одинаковые ярлыки, так что продукцию, выработанную на различных машинах, почти невозможно различить. Зато люди далеко не одинаковы, более того, один и тот же человек в разное время ведет себя по-разному. Машина никогда не сумеет заменить человека, ибо она только производит вещь, но не может пользоваться ею. Пресс, например, приготовляет масло для светильников, но он не способен зажечь светильник.

В воспитании европейца главную роль играет общество, а не школа. Образование в Европе не оторвано от жизни. Развиваясь и распространяясь в обществе, оно проявляется во всем, что люди говорят, думают и совершают в своей повседневной жизни. Школа там есть средство для овладения культурой, которая родилась в процессе длительного развития общества, благодаря разносторонней деятельности людей. Европейская школа неотъемлемая часть общества, она питается его соками и в свою очередь одаряет его своими плодами.

У нас же школы не имеют никакой связи с обществом, они навязаны ему извне. Поэтому занятия в наших школах протекают скучно и безжизненно, знания даются с мучительным трудом; когда же их, наконец, усваивают, они оказываются бесполезными. Между уроками, которые ученики зубрят с десяти до четырех, и миром, где они живут, нет ничего общего. В школе они слышат одно, дома — совсем другое. Наши школы, как я уже говорил, мало чем отличаются от фабрики — они выпускают автоматы, а не живых людей. Если бы даже нам удалось в точности скопировать все внешние черты европейской школы, то мы не сумели бы воспроизвести ее внутренний дух. Мы, конечно, могли бы пользоваться, на европейский манер, столами и скамейками, так же как могли бы пользоваться правилами и программами европейских школ, но из этого не вышло бы ничего путного. Мы только взвалили бы лишнее бремя на свои плечи.

В древней Индии образование находилось в ведении гуру — духовных наставников, которые были людьми, а

не машинами. Образование — пусть оно не было так широко и разнообразно, как наше, — не противоречило господствующим идеям и взглядам общества. Однако возврат к прошлому явился бы всего лишь жалким и бесполезным подражанием внешним чертам старой школы.

Что необходимо с точки зрения сегодняшнего дня? Необходимо, чтобы школа и дом не были на разных полюсах, чтобы школьная программа была живой и разнообразной; чтобы в центре внимания была не книжная премудрость, а разум и чувства учащихся, чтобы не было раздвоенности в умах нашей молодежи, вызванной оторванностью школы от жизни, и чтобы обучение, таким образом, не превращалось в неудобоваримую абстракцию, которая никак не связана с действительностью и существует лишь в часы занятий. Попытки же превратить школу в родной дом для учеников привели бы к созданию школ-интернатов. А подобные заведения вызывают весьма неприятные ассоциации: есть в них что-то напоминающее казармы, дома для умалишенных, больницы и тюрьмы.

Надо полностью отрешиться от подражания европейским образцам хотя бы по той причине, что европейская история и европейское общество совершенно отличны от нашей истории и нашего общества. Мы должны попытаться правильно понять идеалы, которые вдохновляли наш народ и способствовали его развитию.

Трудностей будет много. Поскольку мы сами получили английское образование, английские идеалы вытесняют из поля нашего зрения все остальное, затмевают историю и характер нашего народа. Даже при самых отчаянных попытках добиться свободы, когда мы высоко поднимаем знамя национализма, мы продолжаем оставаться прикованными к Англии и не ищем иных политических идеалов, кроме британских.

Одна из наших трудностей заключается в том, что мы не можем понять, какое место занимает английская система образования в английском обществе, какова ее взаимосвязь с этим обществом, и потому не знаем, как привести ее в соответствие с жизнью Индии. А это как раз и есть наиболее важная задача. Без ее решения обсуждать, какие английские учебники или какие прави-

ла, действующие в тех или иных английских школах и колледжах, приемлемы для нас, — означает попусту терять время.

Мы прониклись уверенностью, что достаточно создать некое общество с комитетом во главе, как цель будет достигнута. Тут мы недалеко ушли от тибетцев: они верят в то, что можно обрести спасение души, наняв ламу, который будет вместо них вертеть молитвенное колесо. Много лет назад мы создали научную ассоциацию и с тех пор не перестаем причитать, что в нашей стране не интересуются наукой. Но разве, чтобы вызвать интерес к науке, достаточно создать научную ассоциацию? Сама мысль о том, что в стране появятся тысячи ученых, как только будет организована научная ассоциация, показывает, как глубоко в нас укоренилось поклонение машинам.

Главное — разбудить в народе интерес к образованию. Когда мы этого достигнем, то каждое, даже самое незначительное, наше усилие будет вознаграждено. Почему древние индийцы проявляли столь глубокий интерес к наукам? Над этим следует серьезно поразмыслить. Я вовсе не хочу лишить удовольствия тех, кто с карандашом в руках усердно изучает все материалы, относящиеся к деятельности зарубежных университетов. Но не думаю, что можно пренебречь проблемами, о которых я упоминал. Выработка учебной программы — дело, разумеется, важное, однако не менее важно заинтересовать учащихся тем, что они изучают. Об этом свидетельствуют древние сказания.

Учителя в древней Индии жили в лесу. Что представляли собой их обители — трудно сказать, потому что в сведениях, дошедших до нас, есть много неправдоподобного. Несомненно одно: гуру были людьми семейными и ученики жили с ними вместе как члены семьи. Эта традиция сохранилась до нынешних дней в санскритских школах тол и чатушпати.

Даже при беглом знакомстве с этими школами мы узнаем, что книжное обучение в них не самое главное. Главное там — процесс познания, в котором активно участвуют и сами учителя. Живут они простой жизнью: ни жажда денег, ни стремление к роскоши не владеют их

номыслами; у них достаточно времени и возможностей проникнуть в самую суть вещей, которым их обучают.

Кстати говоря, такие же принципы положены в основу обучения во многих святилищах науки Европы.

В древней Индии считалось необходимым, чтобы ученики жили в доме учителя и проходили период брахмачарьи.

Не следует понимать брахмачарью очень узко, лишь как воздержание. Ведь если мальчик воспитывается в обществе, на него влияет решительно все: события, люди, что, разумеется, мешает его естественному развитию. Воздействие искусственных стимулов может привести к слишком раннему пробуждению чувств, находящихся в зачаточном состоянии. А это повлечет за собой растрату физической энергии, умственное истощение и разочарование. Чрезвычайно важно уберечь юное существо от всего, что может его развратить. Брахмачарья охраняет еще не сформировавшегося юношу от преждевременного пробуждения желаний, которые вызывает изнеженная жизнь.

Как правило, мальчики весьма довольны таким режимом жизни. Воздержание помогает им полностью развиться и вкусить радости настоящей свободы, а тела их одновременно с развитием разума наливаются силой.

В наших школах брахмачарью вытеснили нравоучения, к которым воспитатели прибегают по любому поводу. Это превратилось, по сути дела, в механическое занятие; так каждый день дают сассапарель больному или истощают здорового ребенка диетой. Польза от нравоучения весьма сомнительна. Нравоучения не запоминаются, а только оскорбляют. Слушая их, мальчик чувствует себя как преступник на скамье подсудимых.

Нравоучения, с моей точки зрения, — пустая трата времени и сил, и я всегда боюсь, когда хорошие люди слишком увлекаются ими. Трудно представить себе что-либо более вредное для общества, чем мораль, которая даже истину делает скучной и бесполезной.

В мире, где нормы жизни постоянно искажаются ложью и извращениями, напрасно было бы надеяться на то, что все может быть приведено в порядок бессмысленным повторением в школе нескольких прописных сентенций между десятью часами утра и четырьмя часами

дня. Нравоучения воспитывают лицемерие и самонадеянность, уничтожают свежесть и непосредственность ума.

Брахмачарья прививает правильное отношение к религии, не отягощая душу заповедями и догмами. И тогда вера становится опорой души, а не врагом ее. Не нравоучения нужны для духовного воспитания, а дружеское руководство и благоприятствующее окружение.

Необходимо также, чтобы мальчики жили на лоне природы. Города не являются естественным местопребыванием человека, они созданы для удобства его деятельности. Всевышний сотворил людей не для того, чтобы они жили среди кирпича и камня. Городам, с их конторами, нет дела ни до деревьев, ни до цветов, ни до солнца, ни до луны. Они отрывают нас от груди прекрасной и одухотворенной природы, чтобы поглотить своим огненным чревом. Поглощенные трудом, люди даже не ощущают ущербности своей жизни в городе, хотя они уже оторвались от природы и день за днем уходят все дальше и дальше от великой вселенной.

Пока мы не погрузились в водоворот событий, пока мы еще растем и учимся, без помощи природы не обойтись. Деревья, ясное небо, прозрачные реки не менее важны, чем скамьи и классные доски, книги и экзамены.

Издrevле индийский дух развивался в тесной и неразрывной связи с природой; ему присуще стремление слиться воедино с жизнью растений и животных. Молодые отшельники в древней Индии пели:

Преклоняемся пред богом,
Что живет в огне и водах,
Что живет в кустах и травах,
В целом мире растворенный.

Учащиеся должны постичь единство четырех субстанций: земли, воды, воздуха и огня, образующих мир и проникнутых мировым духом. В городе это невозможно. Школа в городе — по существу фабрика; и представление, которое она может дать о мире, — это механическое представление.

Для сугубо практических людей все это неприемлемо, они сочтут подобные идеи мистицизмом или даже мистификацией. Поэтому я не буду развивать их, чтобы не вызывать предубеждения против моих доводов.

Но даже практичные люди не могут отрицать того, что голубое небо и свежий воздух, деревья и цветы необходимы для правильного развития тела и духа. Взрослея, мы оказываемся прикованными к конторам, и среди людской толпы душа наша, раздираемая противоречиями, теряет связь с природой. Тем более важно для нас находиться под влиянием природы хотя бы в юности. Мы можем превратиться в зрелых мужей лишь в том случае, если наше воспитание будет вверено земле и водам, небу и воздуху мира, из чьего лона мы вышли и который вскормил нас, подобно материнской груди. Так пусть же дети играют под открытым небом с его вечной игрой солнечного света и облаков; пока их думы юны и охвачены жаждой знания, а чувства обострены. Пусть их не отнимают от груди земли. Пусть видят они, как солнце своими перстами открывает врата нового дня, как спокойное свечение вечера растворяется в усеянном звездами ночном мраке. Пусть смотрят они шестиактное музыкальное представление, которое природа разыгрывает на протяжении шести времен года. Пусть, стоя меж деревьев, прислушиваются к раскатам грома и наблюдают, как тяжелые тучи сумраком окутывают лес, перед тем как пролиться обильным дождем. Пусть наслаждаются видом осенних, росистых нив, колышущихся под порывами ветра и растекающихся золотым морем вплоть до самого горизонта. Я умоляю воспитателей, людей практичных: даже если долгие годы жизни умудрили и лишили воображения их разум и ожесточили их сердца, не отвергать мои призывы и понять, почувствовать, насколько важнее для детей общение с природой, чем все эти экзамены и инспекторские отчеты. Развивающийся ум нуждается в свободе. И ею нас щедро одарила природа. Ребенок не может нормально развиваться, если должен утром, наскоро позавтракав, спешить на перекличку в школу, как преступник, которому предписано регулярно являться в полицейский участок. Сколько страданий приносит детям обучение в четырех стенах, за закрытыми воротами, охраняемыми сторожем. За каждый невыученный урок им грозит наказание; их жизнь подчинена звонку. Разве можно винить детей в том, что они не выучили исторических дат и алгебраических формул до своего появления на свет? И

есть ли какой-либо смысл лишать их, несчастных, воздуха и света, свободы и радости и превращать обучение в систематическое наказание. Дети рождаются незнающими, для того чтобы со временем ощутить радость познания. Быть может, у нас не хватит умения и культуры сделать обучение источником радости, но зачем быть настолько жестокими, чтобы превращать школу в тюрьму? По воле творца дети должны обучаться в естественных условиях, предоставим же им волю, во исполнение его воли. Во имя милосердия снесем тюремные стены. Не будем приговаривать детей к каторжным работам только за то, что они не стали многоучеными людьми еще во чреве матери.

Мы должны следовать древнеиндийской системе образования. Нужно, чтобы ученики жили вместе с учителями на лоне природы и получали образование, придерживаясь принципов периода брахмачарьи. Эти принципы, основанные на неизменных свойствах человеческой натуры, не утратили своего значения, сколь сильно, с течением веков, не изменились окружающие условия. Если мы хотим создать образцовую школу, необходимо выбрать для нее спокойное место, где-нибудь на свежем воздухе, среди деревьев. Там, в уединении, учителя смогут всецело посвятить себя преподаванию, а ученики будут развиваться в атмосфере самоотверженной любви к науке.

Хорошо, если там найдется участок плодородной земли, который ученики смогут возделывать, с тем чтобы обеспечить школу необходимым продовольствием. Надо также обзавестись коровами. В свободное время ученики смогут работать в саду, окапывать и огораживать деревья, поливать растения. Таким образом, контакт с природой будет и физическим и духовным.

В хорошую погоду занятия следует проводить в тени деревьев. Полезно также вести обучение в форме беседы между учителем и учениками во время прогулок, по вечерам наблюдать за звездами, заниматься музыкой, слушать исторические сказания и легенды. Совершивший проступок должен будет искупить свою вину, как это было принято в древней Индии. Ведь наказание, в сущности, не что иное, как месть пострадавшего обидчику, искупление же обидчик добровольно возлагает на себя. В самую раннюю пору жизни мы должны осознать, что

искупление необходимо прежде всего для нас самих и что это единственный способ полностью загладить содеянное зло. Унизительно, когда человека наказывает другой человек.

Мне хочется высказать еще одно пожелание, хотя, возможно, это будет чересчур смело с моей стороны. По моему, в нашей новой школе незачем ставить столы, стулья и скамьи. Надеюсь, меня не заподозрят в предрешенности против европейских обычаев. Я за отказ от всего лишнего, несущественного, и мне хочется, чтобы этот принцип соблюдался во всем, что касается нашей школы. Ученики привыкают к столам, стульям и партам, и если потом им снова приходится сидеть на земле, вместо радости испытывают неудобство. Климат у нас не холодный, одежда, можно сказать, создана для того, чтобы сидеть в ней на земле; несмотря на это, мы рьяно подражаем всему иноземному и обзаводимся мебелью, которая лишь обременяет нас. Когда мы считаем необходимыми вещи, на самом деле бесполезные, мы только тратим напрасно свои силы.

Наша страна не так богата, как Европа, и то, что легко для европейцев, весьма трудно для нас. Всякое благое дело мы начинаем с того, что подсчитываем расходы на помещение и мебель, хотя в большинстве случаев ни в том, ни в другом нет никакой надобности. Почему же не набраться смелости и не заявить, что мы начнем работу в глинобитной хижине, сидя на полу? Это наполовину сократит наши усилия, несколько не ухудшая качества работы. А пока если нам не удастся разработать претенциозные планы по европейскому образцу, мы испытываем неудовлетворенность и смущение, забывая о том, что страны Европы располагают неограниченными материальными ресурсами и несметными богатствами. В результате мы почти полностью истощаем наши скудные средства, еще и не приступив к настоящему делу. В те времена, когда для обучения нужен был лишь голый пол да кусок мела, у нас не было недостатка в школах; теперь у нас в избытке грифельные доски и карандаши, зато мало школ. Забота о вещах второстепенных, а не главных проявляется во всех областях нашей

жизни. Наши предки мало думали о светских условиях и много об общественном долге, мы же поступаем как раз наоборот. Они считали мебель признаком богатства, а не свидетельством культуры. В домах у культурных людей было совсем мало мебели; они оказали истинную услугу своей стране, придав благородство бедности. Если бы в школе нас воспитывали на идеале простой жизни, мы, по крайней мере, умели бы делать хоть что-нибудь, например, сидеть на полу, носить простую одежду, есть простую пищу, и еще мы научились бы достигать наилучших результатов с наименьшими усилиями. Это вовсе не так мало, и этого нужно добиваться. Простота, естественность и удобство являются признаками культуры, а излишества и показное богатство — признаками варварства. Подлинное величие излучает сияние даже в самой убогой обстановке. Истина эта проста, но ее следует всеми возможными способами внушать с детства — не бесполезными наставлениями, а живым примером, чтобы она проникла в самую глубь существа ребенка. Если дети не постигнут этой истины, то станут гнушаться физическим трудом, сочтут унижительным сидеть на полу или на земле или, еще того хуже, станут презирать своих предков и не поймут заветов древней Индии.

Предположим, что мы откажемся от всего внешнего, сколь бы великолепно оно ни было, и сосредоточим свое внимание на внутренних ценностях. Возникает вопрос, достаточно ли у нас средств для достижения цели. Наш первый долг, как основателей новых школ, заключается в том, чтобы передать обучение в руки гуру. Но гуру не изготовить по заказу и не найти по объявлениям, как мы находим школьных учителей.

Придется довольствоваться тем, что у нас есть. Надеяться на то, что мы получим Яджнявалкью, поскольку весьма остро нуждаемся в гуру, нереально. Не следует, однако, забывать, что в существующих условиях многие талантливые люди пребывают в бездействии, так как никто не пытается использовать их силы полностью: они — мертвый капитал. Чтобы наклеить марку на конверт, не нужен полный кувшин воды, другое дело, если мы хотим совершить омовение. Таким образом, ценность кувшина, наполненного водой, изменяется в зависимости от

его применения. Обязанности, выполняемые современным школьным учителем, требуют от него минимальной затраты духовных сил, его с успехом может заменить фонограф, если вложить в него немного мозга и прикрепить к нему палку. Но тот же школьный учитель отдаст все силы своей души и разума на благо ученикам, если будет призван выполнять обязанности гуру. Правда, он не сможет дать больше, чем это позволят его способности, но дать меньше ему будет стыдно. Полная отдача сил возможна лишь при условии самых высоких требований. Немногие талантливые люди работают сейчас в школах, но если страна пожелает передать воспитание в руки гуру, число их увеличится.

В нынешние времена экономические соображения вынуждают учителя искать себе учеников, но при естественном порядке вещей ученики будут искать учителя. Сейчас учитель представляет собой нечто вроде лавочника, он продает образование и ищет покупателей. Никто и не надеется среди предлагаемых им товаров обнаружить привязанность, уважение, преданность или какое-либо другое чувство. Учителю, после того как он все продал и получил плату, нет больше дела до учеников. Но, несмотря на неблагоприятные условия нынешнего дня, в нашей стране все же есть учителя, обладающие духовным величием и способные поэтому подняться выше меркантильных соображений. Именно такие учителя, взяв на себя почетный труд гуру, поймут, что их долг — на собственном примере воспитывать учеников, собственной ученостью зажечь светильники их знаний, своей любовью и привязанностью дать им счастье и тем самым снискать уважение. Даря своим ученикам не подлежащие ни купле ни продаже бесценные сокровища, учитель завоюет их преданность, но не с помощью наказаний, а естественным путем, в соответствии с религиозными заветами. Учитель не может отказаться от жалования, потому что ему надо жить, но труд его будет окружен ореолом величия, поскольку отдавать он будет гораздо больше, чем получать. Ни для кого не секрет, что, с тех пор как власти обратили свой дурной глаз на бенгальские школы, многие учителя самого различного возраста, обуреваемые жаждой заработка, запятнали высокое звание учителя,

осуществляя по приказу или по собственной инициативе полицейский надзор над малыми детьми.

Трудно представить себе, чтобы те же учителя, выполняя свои обязанности гуру, решились опозорить себя и свое звание. Не должны ли мы спасти наших учеников и учителей от этой подлой торговли образованием?

Обсуждение всех этих подробностей, вероятно, покажется бесполезным многим читателям, которые, как я опасаясь, все еще не согласны со мной в основном вопросе, то есть в том, принесет ли пользу обучение вдали от родного дома.

В этой связи прежде всего необходимо сказать следующее: чтобы мальчик получил то, что считается в нашей стране образованием, его родителям достаточно послать его в ближайшую школу и, может быть, нанять еще репетитора. Но как я уже говорил, такое «образование», ограниченное и скудное, недостойно детей человеческих.

Я согласен, что в некоторых особых случаях ученикам не обязательно покидать дом. Кузнецы, гончары, ткачи и прочие ремесленники могут сами воспитывать своих сыновей. То немногое, что необходимо усвоить в этих случаях, может быть с успехом выучено дома. Если же родители намерены дать мальчику более широкое образование, его надо послать в школу. Ведь никто не станет утверждать, что учиться лучше всего у родителей. По многим причинам это не так. Но ни дом, ни нынешняя школа не справятся со своей задачей, если уровень образования повысится. Точнее, если под образованием будут понимать не только изучение книг и сдачу экзаменов, а еще и гармоничное воспитание человека.

В мире есть люди различных занятий: торговцы, юристы, землевладельцы. Атмосфера, царящая в домах, где живут эти люди, различна, и это накладывает на детей особый отпечаток.

Различия между людьми неизбежны — они вызваны родом занятий. Однако вряд ли будет хорошо для мальчика, если на самом пороге жизни он станет подобием своих родителей.

Возьмем, например, сына богача. При рождении он ничем не отличается от сына бедняка. Различия возникают лишь со временем, в результате воспитания.

Долг родителей прежде всего воспитать в мальчике общечеловеческие черты. Лишь после этого они могут, если это необходимо, развивать в нем черты богача. В действительности же происходит как раз наоборот. Мальчику прививают черты богача прежде, чем он научится действовать и вести себя как простое дитя человеческое. Таким образом, его многого лишают в жизни. Мальчик вырастает с обедненными чувствами. Богатые родители, которые сами живут, будто птицы с подрезанными крыльями, запертые в клетку, невольно превращают здорового ребенка в калеку. Ему нельзя ходить пешком, у него должен быть экипаж; нельзя носить даже самый легкий груз, должен быть носильщик; нельзя ничего делать даже для самого себя, должен быть слуга. Словом, в полном расцвете сил он должен вести себя как паралитик, и не из-за своей физической немоги, а лишь из страха перед тем, что скажут люди. В конце концов, самые простые вещи начинают казаться ему трудными, а самые естественные — позорными. Придерживаясь обычаев своего социального круга, родители сковывают мальчика таким огромным количеством никому не нужных условностей, что он почти полностью теряет все естественные права человека.

Он счел бы себя опозоренным, если бы в нем не признали сына богача; и этот страх постоянно довлечет над ним, сковывает его на каждом шагу. И когда он выполняет свой долг, и когда отдыхает, и даже во время путешествия. Заставляя сына забыть ту простую истину, что счастье зависит от состояния духа и не имеет ничего общего с условностями, родители делают все возможное, чтобы сделать его рабом многих ненужных вещей, которые становятся для него столь важными, что он уже не в силах от них отказаться и вырастает бессильным калекой, неспособным переносить лишения. Так будем ли мы по-прежнему утверждать, что родители, которые воспитывают их бессильными и гордятся этим, родители, заражающие сорняками поля мира, — лучшие воспитатели для своих детей? Нельзя, разумеется, помещать взрослым жить в роскоши, если они того желают. Но дети не презирают землю, они любят солнце, ветер и дождь, терпеть не могут, когда их наряжают; для них нет

большого удовольствия, чем постигать мир с помощью своих собственных ощущений, и они нисколько не стыдятся быть самими собою. Детей не может испортить никто, кроме отца с матерью, которые обрекают их на праздность. Спасите же невинных от таких родителей!

Во многих семьях детей воспитывают на господский манер, у них есть няни, их обучают искаженному хинди, и они забывают бенгали. Их оторвали от пуповины, которой каждый ребенок связан со своей родиной. В то же время для них закрыт доступ в общество европейцев. Они — как растения, которые выкопали в лесу и пересадили в европейские жестяные ящики для цветов. Воспитанный в таком духе мальчик увидел однажды родственников, одетых в индийское платье, и закричал по-английски: «Мама, мама, погляди, сколько бабу идет к нам!» Я это слышал собственными ушами и не могу представить себе большего несчастья для наших детей. Взрослый волен перенимать господский образ жизни, если это ему нравится. Но зачем родителям взваливать на себя столько забот и расходов, чтобы превратить своего ребенка в изгоя, потому что бенгальского общества он недостойн, а в европейском не принят. Некоторое время он еще может существовать на имеющиеся у него скудные средства, но в дальнейшем обречен на неизбежные лишения. Следует ли доверять воспитание родителям, которые готовят своим детям подобное будущее?

Я неспроста привел пример мальчика, воспитанного по-европейски. Тех моих читателей, которые ведут индийский образ жизни, этот пример неизбежно повергнет в изумление; у них возникнет вопрос: неужели родители настолько лишены здравого смысла, что забыли о будущем сына и в соответствии со своими взглядами портят ему жизнь?

Однако родители, сами воспитанные на европейский лад, и не подозревают, что дают сыну неправильное воспитание. Ведь люди в большинстве своем не замечают собственных недостатков и потому не ведают, что причиняют вред другим. Мы подчас считаем опасным держать детей вдали от дома, даже если этот дом является рассадником всех пороков, предрассудков и суеверий и все его обитатели враждуют между собой. Поскольку у себя

дома мы не видим ничего плохого, то не можем представить себе, какой вред причиняем детям. Но если мы хотим вырастить их настоящими людьми, а не просто дельцами, как сами мы, необходимо отсылать их к гуру, где они будут жить в тесном единении с природой, соответственно требованиям периода брахмачарьи.

Зародыш развивается в материнском чреве, семена — в почве. Ежедневно и еженощно получают они питание от окружающей их среды, пока не наберутся сил, чтобы появиться на свет. Природа хранит их, ограждая от всяких вредных воздействий.

Так и детский ум должен быть изолирован от вредных воздействий и иметь питательную среду, чтобы ежедневно и еженощно черпать знания. Главное, что необходимо, — это благоприятные условия, при которых детский ум может крепнуть и развиваться, приобретая знания как сознательно, так и подсознательно.

Мир — это поле деятельности, поле битвы самых разнообразных страстей, и, живя в его гуще, дети вряд ли обретут силу, способную служить им на протяжении всей их зрелости. Вскоре после окончания школы юноши обзаводятся семьями, тем самым принимая на себя большую ответственность. Но они не выполняют до конца своего долга, если за годы учебы не станут по-настоящему зрелыми. Нетрудно стать дельцом или предпринимателем, но очень нелегко стать человеком. В древней Индии идеал семейной жизни был окружен ореолом, к ней специально готовили мужчин трех высших каст в соответствии с правилами периода брахмачарьи. Но этот ореол давным-давно потускнел, а другой, столь же величественный, не засиял. Не удивительно, что мы теперь довольствуемся положением клерка, полицейского инспектора, помощника судьи, а стремиться к высшему считаем не то чтобы предосудительным, но, во всяком случае, излишним.

Однако мы должны стремиться к высшему, и при этом я имею в виду не только нас, индийцев, но и людей любой страны и общества. Ни в одной стране нет нужной нам системы образования, но мы не понимаем этого, завороженные военными, коммерческими, техническими и тому подобными достижениями современной Европы.

И в этом своем заблуждении мы зашли так далеко, что теперь от него не избавиться с помощью обсуждений или статей. Я серьезно опасаясь, что Совет национального образования в своих поисках образца для будущей «национальной» школы будет обращать свои взоры куда угодно, только не к собственной стране и ее истории, и, в конце концов, построит машину по иностранному образцу. Люди, которые не верят ни в природу, ни в человека, начинают во всем уповать на машины. Им кажется, что с помощью машины, читающей мораль, можно воспитать святого, а с помощью сетей из книжной премудрости — великого прозорливца.

Организовать школу по образцу древнеиндийских обитателей — задача, несомненно, сложная, но взяться за ее решение — наш долг, долг индийцев. Идеал такой обители все еще живет в нашем воображении, несмотря на то, что мы восприняли многие европейские науки. Мы должны перестроиться на совершенно иной лад и создать такую систему образования, при которой дети не только получали бы знания, но и черпали мудрость. Если же мы по-прежнему будем подражать иностранным образцам, это приведет к крушению всех наших надежд. Мы привыкли выпрашивать, когда нам нужно что-либо получить, и подражать, когда мы хотим что-либо совершить; мы никогда не пользуемся своими физическими и духовными силами, мы боимся подумать о том, что представляет собой наша страна и что ей необходимо. Надежда на то, что прежняя система даст иные результаты, если будет функционировать под новым названием и в новой школе, приведет лишь к разочарованию, которого мне, по крайней мере, хотелось бы избежать. Совет должен также помнить о том, что организация подписок и сбор пожертвований нисколько не улучшают системы образования, — человечность не купишь ни за какие деньги; разработкой сложных правил для школьных комитетов не взрастишь чудесного дерева знаний, не утолишь жажды ума. Получить истинное образование — значит обрести мудрость, а это достижимо лишь путем сосредоточенных размышлений. Поэтому одних лекций мало. Лишь в полном уединении и абсолютной преданности найдем мы силу. Только при условии полной самоотдачи воз-

можно и полное обретение. Знания станут реальными лишь тогда, когда обучение будет вверено наставникам, которые сами участвуют в процессе познания. Человеческий разум может полностью развиться только там, где природа безгранична в своем проявлении; здоровая дисциплина периода брахмачарьи превращает религиозное обучение в простое и естественное дело. Наше будущее не станет лучше настоящего, если заботы наши ограничатся лишь учебниками и учителями, школьными советами и комитетами, роскошными зданиями и красивой мебелью.

П Р Е К Р А С Н О Е

Религия издавна призывает к воздержанию и предписывает неукоснительное выполнение правил периода брахмачарьи с детских лет. Многие, однако, считают, что это слишком трудный способ достижения совершенства. По их мнению, он пригоден для воспитания человека сильного духом или святого, порвавшего путы желаний, но не для развития чувства Прекрасного, ибо он, этот способ, игнорирует искусство: литературу, музыку, живопись.

Не подлежит сомнению, что развитие чувства Прекрасного — неотъемлемое условие для воспитания гармоничной личности. Прекрасное необходимо. Совершенство не в подавлении человеческой души, а в ее развитии. Выполнение правил брахмачарьи не ведет к оскудению души. Не для того трудится в поте лица крестьянин, чтобы превратить свое поле в пустырь. После того как он вспашет и взборонит свой участок, а затем вырвет сорную траву, остается голое место. Человек несведущий может подумать, что это надругательство над землей, но только так можно получить хороший урожай. Чувство Прекрасного вырабатывается упорным трудом.

По пути к постижению Красоты легко заблудиться. Тот, кто хочет преодолеть все препятствия и достичь совершенства, должен научиться владению собой, должен научиться сдержанности. Путь этот труден и суров, но Прекрасное стоит того, чтобы ему приносили жертвы.

К сожалению, средство достижения цели часто заслоняет самое цель. Учатся пению — погрязают в изучении его техники, стремятся к богатству — начинают скряжничать, копить деньги ради самих денег, заботятся о благе страны — заседают в комитетах, вырабатывают резолюции и полагают, что достигли желанного.

Нередко бывает и так, что воздержание и аскетизм превращаются в самоцель. Воздержание всецело поглощает человека, считающего его высшей добродетелью. Стремление к подавлению страстей становится нашей седьмой страстью, помимо известных шести: чувственности, вспыльчивости, алчности, одержимости, пьянства и зависти.

Это признак негибкого ума. Одержимый страстью к накоплению человек уже не может остановиться. Среди англичан есть множество страстных собирателей погашенных марок, своих и зарубежных, это хлопотливое увлечение поглощает много денег и времени. Другие заядлые коллекционеры собирают фарфор, третьи — старую обувь. То же самое чувство проявляется и в стремлении во что бы то ни стало водрузить свой флаг на Северном полюсе. На полюсе нет ничего, кроме льдов, но это не останавливает нас, мы опьяняемся подсчетами, кому сколько миль остается до этой заветной точки — Северного полюса. Чем выше взберется альпинист, тем больше считается его достижение. Многие не только жертвуют своей жизнью ради этого мнимого успеха, но и губят носильщиков, которые сопровождают их не по своей воле. Но ничто не может остановить этих людей. Их никчемные и бессмысленные победы кажутся тем значительнее, чем больше затрат и страданий влекут они за собой.

Человек, охваченный слишком пылким стремлением к самообузданию, радуется самым переносимым страданиям. Сперва он спит на кровати, затем перебирается на землю. Потом отказывается от подстилки и одеяла и, наконец, спит на голой земле. Признание, что самоистязание полезно, неминуемо ведет к самоубийству. Подавление страстей превращается во всепоглощающую страсть. Петля, которую пытаются разорвать, затягивается все крепче и крепче, пока не наступает удушье.

Если воздержание превращается в страсть, суровость может вытеснить чувство Прекрасного из человеческой души. Но если на пути к совершенству придерживаться разумного воздержания, не пострадает ни одна черта человеческого характера, напротив, все они заиграют еще более яркими красками.

Основание должно быть твердым, иначе оно не может служить опорой. Для всего, что несет на себе тяжесть и определяет внешнюю форму, нужна жесткость. Тело человека мягкое. Если бы не твердый скелет, оно превратилось бы в бесформенную массу. Такой же должна быть и основа познания, основа радости. Познание, лишенное прочной основы, превращается в бессвязный бред; беспочвенная радость смыкается с безумием.

Воздержание — вот надежная основа. Оно предполагает здравый смысл, силу, самоотречение, равно как и беспощадную строгость. Оно, как божество, одной рукой создает, другой разрушает. Трудно научиться воздержанию, но если оно войдет в кровь и плоть, его уже не искоренить; между тем воздержание совершенно необходимо для того, чтобы в полной мере наслаждаться Прекрасным. Человек несдержанный уподобляется ребенку: еда у него попадает не столько в рот, сколько на одежду и на пол. Погрязнув в наслаждениях, мы перестаем ощущать всякое удовольствие.

Прекрасное — отнюдь не плод необузданной игры фантазии. Никто не поджигает дом, чтобы затеплить светильник. Огонь надо поддерживать умело, иначе при первой небрежности он вырвется на свободу. Сказанное можно отнести и к желаниям. Пламя их необходимо для восприятия Прекрасного, но если не держать его в узде, оно может спалить Прекрасное. Так, срывая цветок, мы губим его, а затем бросаем в пыль.

Прекрасное часто находится там, куда стремится наше неутоленное желание. Плод хорош не только тем, что полезен, — прекрасен его вкус, аромат, вид. Конечно, проголодавшись, мы съели бы его, даже если бы он и не был красив. Но как бы ни терзал нас голод, мы оцениваем плод не только с точки зрения его пользы, но и с точки зрения эстетической. Прекрасное не входит в необходимое — оно существует сверх необходимого.

Как же на нас воздействует Прекрасное? Оно ослабляет пути желания, связывающие наш дух, не дает ему стать нашим единственным божеством. Голод, ужасный, как богиня Дурга, озаренная пламенем, приказывает нам: «Ешь! В этом вся земная премудрость». Но в тот же миг улыбающаяся Лакшми Прекрасного облегчает бремя необходимости и притупляет остроту голода. Замкнув необходимое в подвал, она готовит пиршество радости в верхних покоях.

В удовлетворении насущных потребностей есть что-то унижительное. Но Прекрасное — выше необходимости, и оно избавляет нас от этого чувства унижения. Прекрасное вносит благородство в процесс удовлетворения желаний. Вот почему прежние необузданные варвары ушли в прошлое, а их место заняли люди, умеющие сдерживать себя, вот почему те, кто повиновался только велениям своей плоти, признали над собой власть любви. Теперь, даже голодные, мы не станем есть, как животные. Мы должны соблюдать хоть минимум пристойности, не то пропадет аппетит. Потребность в еде не отпала, но цивилизация смягчила ее. Мы упрекаем детей: «Не ешь так жадно, обжора. Смотреть противно!»

Прекрасное удерживает наши желания в определенных рамках. Благодаря ему мы связаны с окружающим миром не только цепями необходимости, но и узами высшей радости. Цепи необходимости — символ нашего угнетения, нашего рабства; узы высшей радости — символ нашей свободы.

Итак, ясно, что Прекрасное учит воздержанности. Оно дает животворную силу, помогающую побеждать плотские влечения. Человек не откажется от невоздержанности как от зла, но его оттолкнет ее безобразное обличье. Прекрасное не только приобщает к культуре, оно, как мы уже сказали, учит сдерживать свои чувства, а сдержанность помогает наслаждаться Прекрасным. В душевных метаниях не оценить Прекрасного. Истинную красоту любви может познать только преданная жена, но не блудница. Верность в любви требует воздержания, но только с помощью ее можно постичь сокровенную прелесть любви. Что же произойдет, если наша любовь к Прекрасному будет лишена сдержанности, присущей

верной жене? Наша любовь не сможет тогда постичь Прекрасное, опьянение она примет за настоящую радость, единственное, что могло бы даровать ей прочное спокойствие, не зависящее от перипетий судьбы, останется чуждым для нее. Подлинно Прекрасное доступно только сдержанному, оно скрыто от алчущего. Обжора не может оценить вкуса еды.

Царь Паушья молвил сыну мудреца Утанке: «Войди во дворец, там ты узришь царицу». Утанка вошел, но не увидел царицы. Только чистому душой дано узреть Красоту. Утанка же не был чист.

Перед глазами у нас богиня красоты и величия, царящая во вселенной, но мы не увидим ее, если нечисты душой. Если мы утопаем в роскоши, опьяняемся вином плотских желаний, светлая владычица вселенной скрыта от наших глаз.

Я не хочу проповедовать мораль. Хочу только напомнить о радости, доставляемой искусством, тем, что англичане называют «Art». Воздержание, учат наши шастры, нужно не только для того, чтобы вести праведную жизнь, но и для собственного счастья. Счастье дается только сдержанному. Хочешь, чтобы твои желания сбылись, научись сдерживать их. Хочешь наслаждаться красотой, подави в себе жажду наслаждений, сохраняй чистоту и спокойствие духа. Не умея обуздать желание, мы ошибочно принимаем его исполнение за постижение Прекрасного. Цепляясь руками за духовное начало, мы думаем, что завладели им. Вот почему я утверждаю: воздержание подготавливает нас к восприятию Прекрасного.

Скептики могут спросить: «А не слишком ли вы идеалистичны в своих рассуждениях?» К этому они добавят, что видели много талантливых людей, творцов Прекрасного, которые отнюдь не отличались воздержностью. Их жизненный путь явно не заслуживал подражания.

Оставим пока обвинение в идеалистичности и посмотрим, насколько верен этот последний довод. «Почему мы так верим фактам?» — хочется мне спросить. «Потому что они самоочевидны», — последует ответ. Но ведь иногда то, что представляется нам неоспоримым фактом в

жизни людей, в большей своей части скрыто от нас. Увидев лишь ничтожную часть события, мы думаем, что увидели его целиком. Поэтому одно и то же событие некоторые рассматривают как положительное, другие — как отрицательное, порою даже не находят в нем ни единого светлого пятна.

Одни говорят, что Наполеон — бог, другие, что он чудовище. Одни называют Акбара великим благодетелем народа, другие считают, что именно с него начались бедствия для индусской части населения. Одни утверждают, будто кастовая система сохранила индусское общество, другие, будто она погубила его. При этом все ссылаются на реальные факты.

И верно, в человеческих поступках много противоречивого. Противоречия в видимой части события имеют свое объяснение в его незримой части. Истина не столько плавает на поверхности Явного, сколько находится в глубине Тайного, потому-то она вызывает так много споров и разногласий; потому-то на одно и то же событие ссылаются противоположные стороны.

Нельзя, подметив какой-нибудь недостаток у гения, повсюду трубить об этом и тут же делать скоропалительный вывод, будто творения искусства порождаются бессилием, суетностью, несдержанностью. Мало того что свидетелями выступают факты: надо, чтобы на суде присутствовал главный свидетель. Из преуспевания разбойничьей шайки нельзя делать вывод, что разбой — лучшее средство для преуспевания. Мы можем только предполагать, что успехи разбойников объясняются их сплоченностью, тем, что они придерживаются честных правил по отношению друг к другу. Когда же разбойники потерпят неуспех, мы не станем искать объяснения в их сплоченности, мы будем искать объяснение в насилиях, которые они совершают по отношению к другим, в попрании моральных принципов. Если торговец сперва зарабатывает, а затем промотает большие деньги, мы не скажем, что деньги могут зарабатывать все те, кто их проматывает. Мы только скажем, что, пока торговец зарабатывал деньги, он проявлял расчетливость, осмотрительность, сдержанность. Потом же страсть к мотовству пересилила в нем расчетливость.

Талантливые художники — настоящие подвижники в своей области. Здесь нет места для произвола, здесь идет напряженная духовная работа и господствует самоограничение. Мало найдется таких волевых людей, которые ни на шаг не отклонялись бы от своих жизненных принципов. Где-нибудь да будет срыв. Все мы стремимся от несовершенства к совершенству и не останавливаемся, пока не достигнем вершины. Создать великое помогает верность духовным принципам, а не отход от них. Талант художника проявляется в его творениях, а не в его жизненных ошибках. Мучительное искушение иногда заставляет его идти против собственных убеждений. Создание требует подавления страстей; когда же они вырываются наружу, начинается разрушение. Чтобы постичь истину, надо обуздать свои чувства, но, чтобы поверить в ложь, их незачем сдерживать.

«Могут ли в одном человеке уживаться способность к созданию Прекрасного и несдержанность, — зададут мне вопрос. — Ведь тигр и корова не ходят к одному водопою».

«Да, они не ходят к одному водопою — но только после того, как становятся взрослыми, — отвечу я. — Тигренок преспокойно играет с телятком. Но взрослый тигр нападает на корову. Поэтому при его появлении она обращается в бегство». Зрелое чувство Прекрасного несовместимо с взрывами страстей, несдержанностью желаний. Между ними непримиримая вражда.

«Почему непримиримая вражда?» — возможно, поинтересуетесь вы. На это есть своя причина. Вишвамित्रа создал свой мир в борении с божеством. Мир этот был порождением его гнева и гордыни, поэтому он не слился с миром богов. Хаотичный и обособленный, он не смог приспособиться к движению вселенной и, в конце концов, погиб, испытывая мучения сам и причиняя их другим.

Необузданная страсть содержит в себе нечто противное миру богов. Она вступает в раздор с окружающим миром. Наш гнев, как и наша алчность, видят все в искаженном свете: малое представляется им великим, великое — малым, преходящее — вечным, вечное же ускользает от их внимания. Объект, на который направлена

наша страсть, вырастает до гигантских размеров, заслоняя в наших глазах великие истины мира, заслоняя солнце, луну и звезды. Так наша страсть приходит в столкновение с божеством.

Представьте себе: перед вами река. У каждой волны — свой гребень, но все они текут к одному морю, и их согласный плеск сливается в единую песню. Одна волна не мешает другой. Но вдруг где-то образуется завихрение; бешено пляшущий водоворот преграждает поток и даже тянет на дно. Он не может остановиться и в то же время не движется вперед.

Несдержанное желание вырывает нас из естественного потока жизни и заставляет вертеться на одном месте. Наш дух начинает кружиться, как привязанный, вокруг одной точки, стремясь принести в жертву все, что у него есть, и погубить все чужое. Кое-кто видит нечто прекрасное в таком безумии. Мне кажется, что европейская литература черпает свое вдохновение в этом неистовом разгуле страстей, бесплодных и неумных. Но для нас это не образец для подражания, а недостаток, даже извращение. Человек с широким взглядом на вещи отмечает многое из того, что нравится человеку с узким кругозором. Пьяному мнится, что он в райской обители, но, протрезвев, он поймет все безобразие окружающего. Как бы ни пылала в нас страсть, ее безобразие тотчас обнаружится, едва она предстанет на фоне всего необъятного мира. Человек, не умеющий трезво сопоставлять малое с великим, частное с целым, принимает нездоровое возбуждение за радость, уродство за прекрасное. Прекрасное для своего понимания требует душевного спокойствия. Его нельзя постичь без воздержания.

Каков же путь, ведущий к полноценному восприятию Прекрасного?

Цивилизованные народы отвергают то, что казалось варварам прекрасным и достойным восхищения. Это происходит потому, что их разум и наш разум стоят на разных ступенях развития. Мир цивилизованного человека велик и внешне и внутренне, он велик в пространстве и времени и отличается большим разнообразием. Поэтому не может быть одного мерила для мира цивилизации и варварского мира.

Человеку, несведущему в живописи, нравится пестрота красок на холсте, гладкость и округленность изображаемых форм. У него недостает широты восприятия, нет высокого дара суждения, который контролировал бы восприятие. Он видит лишь то, что лежит на самой поверхности, не глубже. Страж, стоящий у входа в царский дворец, с его бородой и значком, кажется человеку невежественному важной особой и вызывает его восхищение. У него даже не возникает желания пройти сквозь ворота, чтобы побывать в царском дворце. Но не так легко обмануть умного человека. Он знает, что дворцовый страж для того и наделен величием, чтобы оно было замечено всеми. Величие же царя заметить не так просто, его надо постигнуть умом. Это свидетельствует о том, что в величии царя есть подлинная мощь, спокойствие и глубина.

Знаток не восхитится пестротой красок на полотне; он будет искать сочетание между главным и второстепенным, между передним и задним планом. Пестрота бросается в глаза, но красоту гармонии надо постигать разумом. Она требует пристального внимания, именно потому она и доставляет большее наслаждение.

Часто встречаются талантливые люди, избегающие убожества внешней красоты. Их творения отмечены печатью суровости. К их дхрупате не примешана мелодия кхейл. Их наружная строгость отпугивает толпу, в то время как избранные люди черпают безграничную радость в высокой одухотворенности их созданий.

Для глубокого понимания Прекрасного недостаточно созерцания, нужно еще духовное видение, а для того чтобы его выработать, требуется особая наука.

Духовное восприятие зависит от многих факторов. Чувства, например, во много раз расширяют восприятие, основанное на голом рассудке. Этика открывает еще более широкие возможности. А духовное видение делает наше восприятие безграничным.

Прекрасное доставляет большее наслаждение, если задета наша душа. Даже красота цветов не пленяет нас так, как человеческое лицо, ибо оно прекрасно не только своей формой, но и тем, что отражает глубокую мысль,

вдохновение, жар сердца. Именно поэтому оно имеет над нами такую власть.

Лучшие из людей воплощают в себе божественное Добро на земле; они затрагивают глубочайшие тайники наших сердец, которые без них так бы и остались непо потревоженными. Вот почему благородство принца, который покинул царство ради своих подданных, прославляется во множестве стихов и картин.

Здесь меня опять прервут скептики. «Вы начали с Прекрасного, а перескочили на мораль, — скажут они. — Зачем смешивать эти два понятия? Добро есть Добро, Прекрасное есть Прекрасное. Красота и Добро воздействуют по-разному, поэтому их и называют разными словами. Добро привлекает своей пользой, а чем нравится Красота, мы и сами не знаем». Тут я должен возразить: сказать, что Добро есть Добро потому, что приносит пользу, значит, сказать далеко не все. Истинное Добро не только удовлетворяет нашу насущную потребность, оно, кроме того, прекрасно и содержит в себе неизъяснимую притягательную силу. Философы проповедуют свою концепцию Блага, исходя из мировой необходимости, поэты же раскрывают его в облике Прекрасного.

Конечно, нельзя назвать Благо Прекрасным лишь потому, что оно удовлетворяет наши потребности. Рис, одежда, зонтик, обувь — вещи, безусловно, полезные, но они не вызывают у нас трепета, который мы ощущаем пред ликом Прекрасного. Но когда мы слушаем рассказ о том, как Лакшмана ушел в лес вместе с Рамой, в нашей душе начинает звучать музыка, будто кто-то незримиыми перстами касается струн вины. Их преданность заслуживает того, чтобы ее запечатлели в бессмертных словах, в строках поэм. И не только потому, что братская любовь полезна для общества, а потому, что она прекрасна сама по себе. Между Благом и окружающим миром существует глубокая гармония, есть такая скрытая связь между Благом и душами людей. Заметив полное соответствие между Истиной и Благом, мы уже не сомневаемся, что Благо прекрасно. Прекрасно сострадание, прекрасно милосердие, прекрасна любовь. Любовь сравнивают со столепестковым лотосом, с полной луною, она гармонична сама по себе и в то же время полностью

гармонирует с миром окружающим. Она гармонирует со вселенной, и вселенная гармонирует с ней. В наших пуранах Лакшми предстает не только как богиня Красоты и Богатства, но и как богиня Добра. Прекрасное — это законченное выражение Добра, Добро же — законченное выражение Прекрасного.

В чем общность Добра и Прекрасного? Мы уже говорили, что Прекрасное выше необходимого. Поэтому мы считаем, что истинное богатство — в Прекрасном. Освободившись с его помощью от скудости корыстолюбия, мы находим истинную свободу в любви.

Такое же подлинное богатство мы видим и в Добре. Когда герой жертвует своей выгодой, даже самой жизнью, во имя высокого идеала, этот подвиг, достойный восхищения, возносит его над нашими горестями и радостями, над узкими личными интересами, над повседневностью. Добро одарено таким внутренним богатством, что оно легко преодолевает потери и страдания. Оно стоит выше своекорыстных интересов. Добро, как и Прекрасное, побуждает нас к самопожертвованию. Прекрасное раскрывает богатство всевышнего в природе; Добро же — в жизни людей. Добро доносит Прекрасное до людей не только более наглядно и рационально, но также и с большей широтой и глубиной. Оно очеловечивает божественное начало. В сущности, в самой природе Добра заключено Прекрасное; оно настолько близко и знакомо нам, что мы с трудом можем осознать Добро как Прекрасное. Когда же мы это поймем, наша душа наполнится восторгом, как река в половодье. И ничто на свете уже не кажется нам замечательнее.

Кому не приятно, когда пиршественный стол украшен гирляндами цветов, светильниками, золотой и серебряной посудой. Но если хозяин встретит гостей холодно, без должного уважения, им не понравится все это пышное убранство, ибо подлинное богатство — в сердечности и щедрости души. Добрая улыбка, ласковое слово, приветливое обращение — вот что делает простые банановые листья дороже золотых блюд. Конечно, так думают не все. Найдется немало людей, готовых пойти на унижение, лишь бы побывать на роскошном пиру. Люди эти не понимают, в чем заключается цель и красота пиршества,

которое устраивается не ради самой еды и украшений. Эгоистичный человек сам не знает своих сил; он похож на цветок, сомкнувший лепестки. Но едва он вступает на путь служения другим, как его душа распускается в прекрасном единении со всем миром. Тому, кто не видит глубокого внутреннего смысла пира, самым важным кажется изобилие яств и напитков, ослепляющий блеск роскоши. Несдержанность в желаниях, алчность и чревоугодие мешают такому человеку ясно увидеть величавую красоту самого обряда.

«Милосердие — украшение сильного», — поучают шастры. Но не каждому дано понять красоту силы, которая проявляется в прощении. Глупец прежде всего уважает силу разрушающую и карающую.

Застенчивость украшает женщину. Но только человек с глубоким восприятием Красоты может заметить прелесть ее стыдливости, презрев блеск дорогих украшений. Вода, бегущая в узком протоке, волнуется и кипит; но, влившись в широкий простор океана, она обретает спокойствие. Обозреть этот океан Красоты можно только с возвышения. Чтобы выработать в себе умение смотреть широко, нужен внутренний покой и сосредоточенность.

Наши древние поэты не колеблясь воспевали красоту беременной женщины. Но европейский поэт видит в беременности что-то постыдное и унижающее. В самом деле, внешность женщины, ожидающей ребенка, отнюдь не радует глаз. Но она выполняет свое высшее предназначение, и весь облик ее как бы озарен сиянием материнской гордости. Пусть ее внешность и не так приятна для глаз — тем большее уважение вызывает к себе женщина.

Легкое облачко, лишненное влаги, бесцельно скитается в просторах неба. Вот на него упали лучи заходящего солнца — и оно вспыхнуло ослепительными красками. Тяжелая, похожая на большую черную корову дождевая туча почти не двигается, она словно застыла на месте. Она не сияет красками, но невольно приковывает к себе все взоры. Темная синева грозовой тучи несет в себе прохладу для раскаленной земли и влагу для пересохших пажитей и обмелевших рек. Поэтому она прекрасна в своей благодатной щедрости. Было бы вполне естественно,

если бы посланцем от Якши, томящегося в изгнании, Калидаса отправил весенний ветер, который обычно дует с юга и не встречает никаких препятствий на своем пути: он уже делал это в других своих произведениях. Но поэт все-таки выбрал облако начала дождей. Ведь это облако, охлаждающее жар земли, не только должно было передать послание возлюбленной Якши — оно щедро дарило свою красоту всему, над чем пролетало: рекам, лесам и горам. Оно видело, как расцветают цветы кадамбы, как наливаются плоды джамбу, слышало курлыканье журавлей и плеск полноводных рек в прибрежных камышах, и, казалось, само небо времени дождей ласково отвечало на безмятежные, полные любви взгляды поселянок. Связав полет облака-вестника с благом всей земли, поэт удовлетворил свою жажду Прекрасного.

Поэт «Рождения бога войны» не изобразил соединение Шивы и Парвати посреди дождя цветочных стрел любви, на неожиданном празднестве весны. Он сначала притушил бушующий огонь, рожденный взаимным влечением, лишь потом соединил их. Поэт хотел, чтобы любовь Гаури нашла свое прекрасное выражение в пламени подвижничества. То же повторяется и в «Шакунтале». Царственная чета соединилась лишь после того, как возлюбленная уже стала матерью, волнения страсти растворились в страданиях и раскаяние царя обрело прощение Шакунталы. Первая встреча принесла беду, вторая — спасение. И в поэме и в пьесе Калидаса не пользуется богатой палитрой цветов, вина его звучит сдержанно; это помогает ему создать законченный образ Прекрасного, озаренный сиянием Добра и Мира.

Прекрасное, если оно совершенно, не терпит многословия. Яркие краски и пьянящий аромат цветка сменяются тайной прелестью плода; эта метаморфоза знаменует слияние Красоты и Блага.

Для того, кто понял это единение Красоты и Блага, Прекрасное несовместимо с роскошью и чувственными наслаждениями. Его скромность и неприязнательность проистекают не от недостатка эстетического чувства, а скорее от его избытка. Где теперь увеселительные сады Ашоки? От его дворца не осталось даже основания. Но до сих пор высятся в Бодха Гайя колонны и ступа, воз-

двигнутые царем у смоковницы Будды. Они сохраняют непреходящую художественную ценность, ибо Ашока построил их не для прославления мимолетных земных наслаждений, а для того, чтобы возвеличить божественного Будду, указавшего человечеству путь к избавлению от страданий. Много храмов и других священных памятников искусства осталось в Индии, но роскошные дворцы индийских царей исчезли, как в воду канули. Не случайно почти все памятники искусства находятся не в больших городах, а среди лесов, в неприступных горах, на пустынном морском побережье. В этих творениях человек выразил свое изумление, восторг и благоговейный трепет перед тем, что выше его. Красота, созданная руками людей, вызывает к еще большей красоте; величие повествует о еще большем величии.

Человек как бы говорит своим искусством: «Узри того, кто подлинно прекрасен и велик». Он не восславляет наслаждений, которые изведal при жизни, но его величие пережило смерть.

С какой бы пышностью ни украшали свои дворцы древние индийские владыки, народ не захотел сохранить их с благоговением. Теперь они смешались с прахом тех, чью славу должны были превозносить. Но мы сберегаем памятники искусства, прославляющие божественное Добро, даже если они труднодоступны для нас. Между Добром и Прекрасным, между Вишну и Лакшми — полное тождество. Эта мысль незримо присутствует во всех цивилизациях. Несомненно, придет день, когда Корысть перестанет губить Прекрасное, когда его больше не будет терзать Зависть, а Чувственность не сможет опошлять. Тогда оно воссияет в неизреченной чистоте, посреди Добра и Мира. Прекрасного не постичь, если не отделить его от низменных влечений и страстей. Неполное, отрывочное восприятие, которым страдает человек неподготовленный, не умеющий владеть собой, — не утоляет жажду, а только разжигает ее; оно не насыщает, а лишь одурманивает и портит аппетит.

Поэтому некоторые философы советуют держаться вдали от Прекрасного. Опасаясь потерь, они закрывают дорогу к обогащению души. Но истина заключается в том,

что для полноценного восприятия Прекрасного надо воспитывать в себе воздержание. Именно в этом, а не в том, чтобы бесплодно иссушать дух, и состоит цель брахмачарьи.

Меня могут спросить: «Для чего добиваться совершенства? Зачем оно?» Нетрудно понять, для чего человек трудится, для чего приобретает знания, но зачем ему дано чувство Прекрасного? Чтобы ответить на этот вопрос, я бы хотел кратко остановиться на том, для чего существует Прекрасное.

Когда мы воспринимаем Прекрасное с помощью чувств, оно кажется совершенно очевидным. В этом случае между Прекрасным и тем, что не прекрасно, есть четко очерченная разница. Но когда мы оцениваем Прекрасное рассудком, мы уже не можем провести такую четкую линию между этими двумя понятиями. И тогда то, что затронуло наши сердца, может не привлечь нашего внимания. Радуюсь стройной внутренней гармонии между началом и концом, главным и второстепенным, а также между отдельными частями целого, мы уже не придаем прежнего значения внешней красоте. Понятие Блага еще больше раздвигает границы нашего мышления, оно стирает разницу между Прекрасным и Непрекрасным. Прекрасным становится то, что воплощает Добро. Там, где сияет свет сдержанности, мужества, милосердия и любви, пышность и пестрота красок оказываются неуместными.

В поэме «Рождение бога войны» Шива предстает перед Умой, исполняющей обет подвижничества, в другом облике. Не узнавший ею, он поносит свою красоту, свои достоинства, возраст и богатство, на что Ума ему отвечает: «Я вижу лишь духовную суть моего повелителя». Этого ей достаточно, чтобы чувствовать блаженство. В сфере духовного отпадает необходимость деления на Прекрасное и Непрекрасное.

Но и в Добре скрыто противоречие. Понятие Добра предполагает столкновение двух начал — Добра и Зла. Однако эта двойственность не является конечной целью. Река течет между двух берегов, но там, где ее конец, начинается единое безбрежное море. В этот миг исчезает

ее двойственность. Чтобы зажечь огонь, надо потереть два куска дерева друг о друга. Как только вспыхнет пламя, трение прекращается. Загораясь от искр, порожденных трением противоположностей — Добра и Зла, Радости и Горя, чувство Прекрасного освобождается от половинчатости и зыбкости.

И тогда двойственность исчезает, уступая место Красоте. Истина и Прекрасное сливаются в тождественное понятие. Отсюда можно заключить, что радость порождается правильным восприятием Истины. В этом и есть Высшая Красота.

Где же можем мы найти Истину в этом беспокойном мире? Мы можем найти ее там, куда устремлен наш дух. Случайные прохожие для нас всего лишь тени, они не доставляют нам никакой радости, так как мы воспринимаем их как нечто эфемерное. Гораздо важнее для нас один-единственный друг. Он для нас — реально существующая Истина. В мысли, что у нас есть друг, мы находим большое утешение. Чужая страна для нас всего лишь географическое понятие, но ее народ готов отдать за нее жизнь. Он рад умереть за свою родину, потому что познал ее истинный облик.

Наука отпугивает глупца, но ученому она доставляет счастье: он посвящает ей всю свою жизнь. Мы радуемся, постигая Истину. Если же радости нет, это означает, что мы только знакомы с Истиной, но не сумели постичь ее. Истина, бесспорная для нас, — всегда источник радости и любви. Усвоив это, мы можем считать, что восприятие Прекрасного и восприятие Истины — одно и то же.

На этом, сознательно или не сознательно, строится все мировое искусство: литература, музыка, живопись. Поэт, музыкант, живописец ярко изображают Истину. Поэт раскрывает нам глаза на то, чего мы ранее не замечали и что поэтому не было для нас Истиной, тем самым он раздвигает для нас границы царства Истины, царства Радости. Каждый день литература делает достоянием искусства все будничное и незаметное; в обыденности она открывает гордое могущество Истины. Она превращает в близкого друга того, кто был лишь нашим

знакомым, облекает привлекательностью то, по чему мы небрежно скользили взглядом.

Один современный поэт сказал: «Истина есть Прекрасное, Прекрасное есть Истина». Наша светлоликая богиня Сарасвати, стоящая на лотосе, воплощает в себе и Красоту и Правду. «Упанишады» говорят, что ее благодный образ, дарующий радость, отражается во всем зримом. От пыли, которую мы топчем своими ногами, до небесных звезд — все есть Истина и все прекрасно; все есть воплощение благотворной радости.

Литература призвана раскрывать радостный и живой образ Истины. Но выразить Истину в литературе мы можем лишь тогда, когда чувствуем ее сердцем, не только видим и сознаем рассудком.

Что же такое литература? Искусство или самораскрытие? Литература есть творчество. Сердце, одаренное щедрым богатством, выражает в словах, созвучиях, красках это чудо, эту радость самораскрытия. Так рождается литература, музыка, живопись.

Человек воздвиг грандиозные пирамиды среди бескрайних песков. В прибрежных скалах пустынного острова он высек пещеры — памятник высочайшего художественного мастерства; это пещеры Элефанты около Бомбея. За сотни миль привез он камни на восточный берег, где величаво всплывает солнце из океанских пучин; там он возвел канаракский храм. Человек оставлял свои творения везде, где прозревал чистый, радостный, животворный образ Истины. Эти творения — скульптуры, храмы, святые места, города. И литература — тоже творение, оставленное им. Любое место, на которое ступает нога человека, он освящает своими словами, делая его достойным других людей.

Человек оставляет свое удивительное наследие на воде, земле, и в небе, и в любое время года, он оставляет свое наследие в практических делах, в истории и религии — и везде он зовет обратить взор к прекрасному лику Истины. Это его наследие становится все богаче и богаче, а призыв звучит с нарастающей силой. Трудно даже себе представить, как узок был бы сегодня наш кругозор, если бы человек не оставлял отпечаток своей

души в литературе. Только благодаря литературе мир осязаемый, видимый, слышимый стал достоянием нашего духа. Литература озарила мир светом человеческого сердца.

Между покоем и движением существует гармония, гласит истина. Другая истина говорит, что следствие вытекает из причины. Эти истины мы почерпнули из науки. Но только литература возвещает, что Истина — радость, что Истина — животворящее начало. Литература без устали повторяет слова «Упанишад»: «Он — суть всего. Постигнув эту суть, человек достигает блаженства».

ПРЕКРАСНОЕ И ЛИТЕРАТУРА

В статьях «Прекрасное» и «Сравнительное изучение литературы» мои рассуждения не отличались достаточной стройностью и вызвали множество возражений. Чтобы защитить высказанное ранее, я попытаюсь яснее выразить свою основную мысль.

Если о каком-либо явлении в мире известно лишь то, что оно существует, но мы не знаем ни причины его возникновения, ни его протяженности во времени, ни связи его с другими явлениями — это значит, что данное явление еще не до конца познано нами, так же как не воспринята сердцем истина, о которой я знаю лишь, что она существует, но которая не приносит мне радости. Нами не познаны до конца многие явления в нашем огромном мире, даже те из них, которые относятся к области Прекрасного.

Всеобъемлемость моих взглядов зависит от того, в какой степени окружающий мир познан моим разумом и воспринят сердцем. Чем меньше мир познан мною, тем я ничтожнее. Следовательно, мой интеллект и все мои душевные силы устремлены к тому, чтобы одержать верх над окружающим миром, подчинить его себе. Так наше бытие обогащается истинными знаниями, и мы обретаем силу.

В чем же смысл нашего представления о Прекрасном? Только ли в том, чтобы, выделив какую-то часть истины,

назвать ее прекрасной и только ее принимать, отвергая все остальное, как бесцветное и достойное лишь презрения? Подобное восприятие Прекрасного было бы лишь помехой нашему духовному развитию, оно не дало бы нам постичь сердцем истину до конца. Словно горы Виндхья, оно поделило бы истину на прекрасную Арьяварту и не прекрасную Южную Индию, стало бы препятствием на пути к их взаимопроникновению. Я пытался доказать, что не в этом смысл восприятия Прекрасного. Как познание должно сделать все истины достоянием нашего интеллекта, так и восприятие Прекрасного должно превратить для нас истину в источник радости. Все в мире истинно, следовательно, все — объект нашего познания, все — прекрасно, и потому все — объект нашей радости.

Роза кажется мне прекрасной потому же, почему кажется прекрасной всему миру. Мир полон красоты, и она неуловима; центробежная сила Прекрасного направляет ее во все стороны бытия тысячами потоков бесконечного многообразия; а ее центростремительные силы способствуют единению стихийной радости этого многообразия. Синтез и анализ — две стороны одного процесса, в ритме которого рождается Прекрасное; Прекрасное раскрывает себя в вечной игре освобождения и притяжения. Подбрасывая и ловя на лету шары, жонглер показывает чудеса красоты и ловкости. Но если мы увидим шар лишь в какое-то одно мгновение, неважно, будет это в момент его полета вверх или в момент падения, у нас не создается цельного впечатления и мы не испытаем чувства полной радости. От того, в какой мере дано нам увидеть игру радости в мире, зависит степень нашего познания добра и зла, горя и счастья, жизни и смерти; сменяя друг друга, они создают ритм песни вселенной. Этот ритм един, как едина красота.

Результатом восприятия должно быть умение видеть Прекрасное во всей его целостности. Чем ближе человек к такому видению, тем выше его способность ощущать радость от общения с миром. И то, что раньше казалось ему бессмысленным, постепенно наполняется глубоким смыслом, к чему он был равнодушен, становится частью его самого, и он испытывает огромное удовлетворение,

когда находит в великом целом истинное место тому, что прежде считал враждебным себе. Видение Прекрасного во всех его проявлениях и процесс познания мира посредством радости запечатлены в литературе.

Однако, и это совершенно очевидно, мы часто рассматриваем Прекрасное в отрыве от всемирной истины. Одни в Европе призывают поклоняться Прекрасному, другие, воинственно размахивая знаменами, заявляют, что постижение Прекрасного требует героических усилий. Есть и такие, что, ринувшись в бой, пытаются привлечь на свою сторону самого всевышнего.

Вряд ли стоит говорить о том, что далеко не все отрывают Прекрасное от окружающей действительности и в погоне за ним попирают все остальное в мире.

Впрочем, далеко не уйдешь, если, подобно джайнам, оглядываться на каждом шагу, стараясь не причинить вреда ни Прекрасному, ни Безобразному.

Люди утонченные, с сильно развитым чувством Прекрасного, презирают всех тех, кто не отличается изысканностью вкуса, и называют их простонародьем. А те в смущении мирятся с этим.

В европейской литературе мы находим попытки во имя Прекрасного отмести все, что обыденно, естественно и незначительно, как банальность.

Мне особенно запомнилось, хотя и прошло много лет, произведение крупного писателя, которое я читал в переводе с французского на английский язык. Поэт Суинберн назвал это произведение «Заповедь красоты».

В нем рассказывается о мужчине и женщине, поклявшихся всю свою жизнь посвятить поискам идеального человека. В этой книге, написанной с поразительным художественным мастерством, проявилось стремление к недостижимому, к Прекрасному в его совершенной форме, тому Прекрасному, которое, избегая всего будничного и обыкновенного, всякий раз попирает обыденность жизни большинства людей.

Мне кажется, никогда не читал я более жестокой книги. И если стремление к Прекрасному отвращает душу человека от мира, нарушая гармонию человеческих желаний с окружающей действительностью и все обыденное вынуждает считать ничтожным, а над тем, что приносит

пользу, насмехается, тогда оно воистину презренно. Ведь это все равно, что, делая вино, думать лишь о его крепости, забывая об аромате и вкусе винограда. Прекрасное не имеет касты, оно во всем и везде. Своим светом оно озаряет нам вечность в нашей мгновенности, открывает чудо в нашей обыденности, заставляет звучать песнь мира в наших душах и помогает глубже постичь истину. Однажды под вечер в месяце фальгун я шел самой обыкновенной проселочной дорогой, и вдруг аромат горчичных нив открыл мне то, чего я прежде не замечал: надолго запечатлелись в моем сердце извилистая дорога, берег пруда, сгущающиеся сумерки. Мы не просто зрим само Прекрасное, а сквозь его призму видим весь мир: нежная мелодия красоты звучит в воде, на суше, в небе — во всем бытии.

Великие писатели считают своим долгом воспевать действительность. Благодаря совершенству их языка и стиля, их поэзии, мы словно бы прозрели и увидели многое, прежде недоступное нам. Как правило, привычное кажется обыкновенным; но стоит писателю осветить его своим художественным мастерством, и мы вдруг начинаем понимать, что оно необычно. Его красота и ценность выявляются в прекрасном обрамлении; но нечто хорошо знакомое, озаренное светом литературы, кажется нам новым, поэтому и известное и неизвестное мы воспринимаем как нечто удивительное и необыкновенное.

Человек изуродованный как бы отринут от всего Прекрасного, Прекрасное лишь подчеркивает его уродство. Отделите голову от туловища, и она перестанет служить ему украшением. Отвергая обыкновенное, мы тем самым противопоставляем ему Прекрасное, которое, таким образом, становится врагом истины и порождает отвращение к обычному. И тут уж обычное и в самом деле как бы пренебрегает истинными законами красоты. Попытка обособить любое явление, будь то закон или красота, ведет к уничтожению его своеобразия. Если, желая обуздать реку, запрудить ее, она перестанет быть рекой и превратится в пруд.

Многие видят в Прекрасном лишь источник чувственности и страстей, с их точки зрения красота опасна и

зачастую приводит к гибели — ведь погибла же из-за красоты золотая столица Ланки.

Но разве есть в мире место, где бы милостью всевышнего мы были ограждены от опасностей? Они таятся во всех четырех стихиях: воде, земле, огне и воздухе. Именно опасность часто заставляет нас познать истинную сущность явления, по-настоящему его изучить.

Мне могут возразить, что вода, земля, огонь и воздух необходимы человеку, без них он не сможет просуществовать и мгновения, потому, несмотря на опасность, их следует всесторонне изучать, но совсем не обязательно чувствовать их красоту и наслаждаться ею. Ведь красота опасна и ниспослана нам всевышним как испытание. Ее надо остерегаться — иначе беда!

Но позвольте! Просто невыносимо слушать все эти лживые рассуждения о том, что создатель — наш экзаменатор, а мир — экзаменационная зала.

Не сравнивайте мир всевышнего — эту сокровищницу знаний — с нашими университетами-подражаниями! Там не проводят испытаний, — в них нет никакой нужды! Там учатся, там идет процесс развития. И чем выше способность человека к восприятию Прекрасного, тем быстрее развитие. Если же из страха перед опасностями свернуть с этого пути, ничего хорошего не получится.

О том, что я понимаю под развитием, я уже писал. Развитие частного зависит от того, насколько тесно оно связано с общим. Если же поверить, что небесный владыка Индра послал Прекрасное в бренный мир лишь для того, чтобы затруднить нам постижение такой связи, то лучше всего закрыть глаза на этот божественный обман и поклоняться ему издали.

Что до меня, то я полностью доверяю Индре. И мне трудно примириться с тем, что нужно отвергать его посланцев. Я твердо верю, что чувство Прекрасного ниспослано нам, чтобы соединить нашу душу в прочном и вечном союзе с истиной, союзе, скрепленном не необходимостью, а радостью. Стоит голубому небу опустить свой солнечный покров на зеленую землю, как эта картина завладевает нашим сердцем и мы с чувством восклицаем: «Что за красота!» Когда весной наш взор случайно при-

влекут к себе листья, юные и нежные, будто пальцы лесных богинь, душа наполняется восторгом.

Однако в силу присущего нам чувства Прекрасного мы воспринимаем только часть истины, остальное сердце наше отвергает, и я часто задумываюсь над тем, как устранить эту позорную несправедливость.

Способны ли мы познать данным нам разумом все истины мира? Используем ли мы в своем труде всю его энергию? Нет, мир нами познан лишь частично; и лишь незначительную долю запасов мировой энергии мы используем в своем труде, бóльшая же их часть — не в нашей власти. Впрочем, не так уж это страшно! Потому что наш разум шаг за шагом стирает грань между познанным и непознанным. Постепенно все истины становятся подвластными нашему разуму, а окружающий нас мир превращается в мир нашей души, наших знаний.

День ото дня овладеваем мы энергией мира, и все чаще используем в своей всеобъемлющей деятельности электричество, энергию воды, огня и ветра. А наше чувство Прекрасного исподволь превращает весь мир в мир нашей радости — в этом и заключается процесс развития. Силой разума, обогащенного знаниями, мы сможем объять весь мир, трудом подчиним его себе, а чувство Прекрасного поможет нам сделать его миром нашей радости — в этом смысл человеческого существования. Быть человеком — значит покорить мир знаниями, трудом и радостью.

Однако завоевать мир можно лишь путем борьбы познанного с непознанным, развитие без противоречий немислимо — таков закон созидания. Развитие и есть единство двух противоположающихся сил.

Теперь вспомним о науке. Некогда человек находился на такой ступени развития, что не видел разницы между деревом, камнем, человеком, облаком, луной, рекой и горой, он не делил предметы на одушевленные и неодушевленные. Все, казалось ему, подчинено одному закону. С развитием мышления человек осознавал разницу между живой и неживой природой.

Так из тождественности впервые родились противоположности. Без этого человек никогда бы не распознал подлинных признаков жизни. И чем вернее постигал он

эти признаки, тем меньше видел различия между живым и неживым. Разница между животным и растительным миром начала стираться, и теперь уже трудно определить, где кончается один мир и начинается другой. Ныне же в минералах, считавшихся неживой природой, ученые находят признаки жизни. С помощью аналитического мышления люди выделили живое, но в процессе познания это различие со временем исчезнет. Так из тождества рождается противоположность, а из противоположностей — единство; и когда-нибудь ученые вместе с мудрецами «Упанишад» провозгласят: «Жизнь во всем и везде».

Но в «Упанишадах» сказано, что жизнь присуща всему в той же мере, в какой присуща радость. Разделение на Прекрасное и Непрекрасное, несомненно, появилось на пути к постижению единого лика радости мира. Иначе оказалось бы невозможным познать Прекрасное.

Воспринимая Прекрасное, мы ощущаем его исключительность, которая ошеломляет нас. Таким образом, исключительность — главное оружие Прекрасного. Красивый цвет, изящество форм, как бы прорвавшиеся сквозь пелену серости, вызывают к нам. А музыка своей взволнованностью стремится нанести поражение самому небу.

С развитием чувства Прекрасного, Прекрасное утратит для нас свою исключительность, и мы будем воспринимать его в совокупности со всем остальным; оно будет привлекать нас к себе, а не ошеломлять, и его гармоничность станет для нас источником радости.

Итак, мы выделяем Прекрасное, чтобы вновь воссоединить его с тем, из чего выделили; это единственный путь познания Прекрасного.

Невозможно выявить закономерность явления, рассматривая его вне связи с окружающим. Дым тянется к небу, а камень падает на землю, пробка плавает в воде, а железо тонет — и все же мы не считаем, что это противоречит закону земного притяжения.

Чтобы познание наше было безошибочным, а радость ничем не омраченной, мы должны уберечь их от дробления и рассматривать во взаимосвязи с целым. Наука остановится в своем развитии, если любое воспринятое нами явление сразу же считать истиной. Точно так же

мы отдалимся от подлинного понимания радости, если все, что нам приятно, будем считать Прекрасным. Как наше восприятие становится истинным после тщательной проверки, так и радость наша становится подлинной лишь в единстве со всем миром.

Сколь бы счастливым ни чувствовал себя пьяница от вина, он далек от истинного счастья, потому что для него это счастье, для других — горе; сегодня — это счастье, завтра — несчастье. Подобное счастье противоречит его внутренней правде, губит Прекрасное, разрушает радость.

Через противоречия, через горе и счастье человек познает сущность Прекрасного и радости, всесторонне проверяя истинной. Где же накапливаются знания? Из века в век усилиями многих людей сокровищница науки пополняется знаниями о мире; благодаря этому можно сопоставить наблюдения одного человека с наблюдениями другого, знания данного века — со знаниями прошлого. Без этого наука не развивалась бы. Так и литература отражает процесс постижения Прекрасного и радости в разные эпохи и в разных странах. В ней запечатлено, как обретало человеческое сердце власть над истиной, как понятие счастья перестали относить лишь к сфере чувственных ощущений. Постепенно оно завладело и умом и сердцем человека, стало частью его религиозных представлений, сделало малое — великим, а горе — радостью. Успеха достигают лишь те исследователи, которые изучают литературу прежде всего с этой точки зрения и стремятся понять, что именно люди воспринимают сердцем, как это обогащает их и как истина становится для человека источником счастья и радости.

Мы познаем человека не по тому, что он знает, а по тому, чему он радуется. Именно это представляет для нас интерес. Когда мы узнаем, что кто-то во имя правды готов на изгнание, в нашем сердце словно сияет ореол радости, окружающей подобного героя.

Эта радость столь огромна, что поглощает чувство горечи, вызванное изгнанием. Так чувство горечи превращается в источник беспредельной радости. Тот же, для кого радость заключена в деньгах, легко мирится и с ложью, и с позором: он и на службе без зазрения совести будет творить несправедливость; но сколько бы

такой человек ни выдержал экзаменов, какие бы ни одолел науки, ему никогда не узнать, сколь велико могущество радости, что его не могли прельстить никакие царские радости. Будде было ведомо такое безграничное чувство почести. Видя перед собой подобный пример, каждый человек осознает беспредельность радости, даруемой истинной человечностью, открывает в ближних богатые душевные качества, свойственные ему самому, видит в других свое отчетливое отражение. Постигая радость на примере жизни великого человека, мы постигаем и самих себя.

Человек, запечатлевший в литературе собственное ощущение радости, лишь выявляет все вечное и лучшее в нем.

Можно легко опровергнуть мои выводы с помощью самых ничтожных примеров, взятых из литературы, и я окажусь в довольно затруднительном положении, если от меня потребуют объяснить все, что получило хоть малейшее отражение в ней. Однако любое важное деяние таит в себе сотни противоречий. Я говорю, например, что японская армия воевала с большим мужеством. Но если взять мужество каждого солдата в отдельности, то мое утверждение окажется в некоторых случаях неверным. Тем не менее я прав, так как именно бесстрашие большинства японцев превозмогло страх меньшинства и помогло выиграть войну. В литературе человек выражает себя в великом, в своем проявлении радости он идет от частного к целому. Бывают, разумеется, исключения и отступления, но в основном это абсолютно верно.

Мы должны всегда помнить о том, что литература приносит нам двоякую радость: она представляет нам истину в художественной форме и доводит эту истину до нашего сознания. Даже если нам скажут, какова в футах высота Гималаев, сколько снега на его вершинах, где и какая там растительность, мы все равно не сумеем представить их себе со всей ясностью. Человека же, который несколькими словами нарисует нам картину Гималаев, мы назовем поэтом. Да что там Гималаи! Мы испытываем радость, если перед нашим внутренним взором предстает картина заросшего лилиями пруда. Подобный пруд мы видели не раз, но через посредство языка вос-

принимаем его совершенно по-новому. Становясь седьмым чувством, речь может показать нам любую вещь, которую мы прежде воспринимали зрением, в совсем ином свете, чем вызовет в нашей душе не изведанные дотоле эмоции. Будто дополнительный орган наших чувств, язык помогает нам по-новому увидеть мир. Обладает он и еще одной особенностью: только человек владеет языком и во многом он творение человеческого разума.

Явление само по себе может и не привлечь нашего внимания, но язык окрашивает его человеческими эмоциями, и оно становится нам родным. С помощью языка вселенная проходит сквозь чистилище сердца и словно бы приближается к нам.

Более того, воссоздавая картину действительности, язык отбрасывает все несущественное и приемлет лишь то, что способствует ее завершенности. Благодаря этому наше эмоциональное восприятие не распыляется, и никакие излишества не нарушают его целостности. А то, что воспринято чувством, глубже западает в душу.

В образе Бханру Дотто из «Песни о богине Чанди» Мукундорама Кобиконкона не запечатлено никаких достоинств, свойственных человеческой натуре; подобных людей, корыстных, ловких, назойливых, мы встречаем довольно часто. И нельзя сказать, чтобы они были нам приятны. Но Мукундорам все же сумел нарисовать образ этого ловкого человека, и нарисовал так забавно, что он прочно занял место не только при дворе Калокету, но и в нашем сердце. В жизни мы бы восприняли Бханру Дотто иначе. И вот, чтобы сделать Бханру Дотто терпимым для нас, рисуя его, поэт соблюдает меру. Разумеется, Бханру Дотто несколько иной в жизни, поэтому и воспринимаем мы его по-иному. И нам не было бы от него никакой радости, если бы мы не получили возможности воспринять его столь исчерпывающе.

В поэме Мукундорама Кобиконкона образ Бханру Дотто предстал перед нами во всей своей целостности, без всяких излишеств.

Таков Бханру Дотто. А вот Рама из «Рамаяны» доставляет нам радость не только потому, что он велик, но и потому еще, что его величие трогает нас. В «Рамаяне»

Рама лишен всего несущественного и написан в едином эмоциональном ключе, поэтому мы ясно его себе представляем, в чем есть особая радость. Представить себе ясно какое-либо явление — значит видеть его в целом и тем самым постичь его внутреннюю сущность. Литература тем и доставляет нам радость, что запечатлевает все в гармоническом совершенстве, которое и есть само Прекрасное.

Не следует забывать и о другой важной части литературы — ее строительном ведомстве. Это ведомство не уподобишь департаменту строительных работ, который лишь возводит здания, в нем обжигают груды кирпичей. Люди непосвященные способны презирать кирпичи, считая, что они еще не есть здание, но в департаменте строительных работ знают им цену. В царстве литературы немалое значение придается ее строительному материалу. Поэтому там часто превозносят лишь красоту языка, художественное мастерство писателя.

Можно бесконечно говорить о том, как неутомим человек в стремлении выразить свои переживания. На душе становится легче, если можно выразить свои чувства через чувства другого человека, — таков непреложный закон сердца. И чем труднее выразить чувство, тем сильнее человек стремится к этому. Потому мы испытываем огромное удовлетворение, когда кому-нибудь удастся чудесным образом выразить наши переживания, и счастливы, если рушатся препятствия на пути к нашему самовыражению. Это придает нам силы. Человека восхищает необычность формы даже при незначительности содержания. Литература использует все средства, чтобы показать искусство выражения. Писатель, разумеется, вызывает у нас чувство радости не только тем, что раскрывает перед нами свой талант. Но ему доставляет удовольствие давать представление о закономерностях самовыражения, и он наделяет нас избытком этой своей радости. Нам всегда приятно наблюдать, когда человек играючи совершает трудную работу. Иногда мы видим, как кто-нибудь не ради дела, а просто так щеголяет своей физической ловкостью, но нашу душу волнует и радует это проявление жизненной силы, энтузиазма, даже в делах самых незначительных. Так и в литературе находит свое

отражение бесцельная игра сердечных закономерностей. Здоровье не устает обнаруживать себя в труде, но здоровье есть здоровье, оно проявляется и без повода. В литературе человек выражает не просто избыток чувств, он получает радость оттого уже, что проявляет свою способность к самовыражению. Ибо проявление и есть радость. И потому в «Упанишадах» сказано: «Все, что получает выражение, есть проявление Его радости, Его бессмертия». И мы должны изучать, как в литературе человек неизменно и разнообразно выражает свое бессмертие и радость.

РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Вряд ли стоит говорить о том, что я недостоин той чести, которую вы мне оказали, выбрав председателем этой конференции. Некоторые легко переносят столь высокую честь, для других она сопряжена с мучительными тяготами. Выдвинуть недостойного на высокий пост, — пожалуй, только способ его дискредитировать.

В иные времена я постарался бы избежать подобной ответственности. Но ныне мы находимся в положении человека, которого на суше подстерегает тигр, а в воде крокодил. Мы переживаем дни, отмеченные внутренними распрями. Словно бог смерти, угрожают нам власть предержащие, да и нам самим трудно быть терпимыми друг к другу. Обязанность председателя сейчас не самая приятная и, если хотите, не самая почетная. Оскорбления сыплются со всех сторон. Словом, время сейчас такое, что я был бы трусом, отказавшись от вашего предложения под предлогом скромности.

От всего сердца молю, чтобы всевышний, единый среди всех мирских конфликтов и мирского разнообразия, царящий над множеством рас и людей различного цвета кожи, творящий благо для разных народов, вечный и неизменный от начала до конца времен, — да пребудет он с нами на этой конференции и избавит дух наш от низости и ограниченности, да наполнит он сердца наши истинной любовью, объединит нас и направит наши усилия на полное достижение нашей цели. С этой горячей

молитвой я принимаю пост председателя, хоть и не обладаю для этого необходимыми качествами.

В определенных обстоятельствах непригодный становится пригодным, и я отлично это понимаю. Я не готовился занять какое-либо место в нашей политической жизни до сего времени, что свидетельствует о моей неспособности или каком-то недостатке моего характера. В силу этого недостатка я держался вдали от всех партий. Быть может, именно поэтому вы и проголосовали за меня, как за наиболее безобидного из всех, чтобы обезопасить высокое председательское место. Почту за счастье, если мне удастся не обмануть ваших надежд.

Когда Рама отправился в лес, чтобы выполнить клятву, данную его отцом, Бхарата взял на себя его обязанности по управлению государством. Подобно Бхарате, я буду считать себя лишь временным заместителем старших и положу перед собой символ их власти.

Я не принадлежу ни к одной из партий и, видимо, поэтому могу с полной беспристрастностью оценить тот внутренний конфликт, который недавно потряс Конгресс. Непосредственные его участники склонны преувеличивать значение инцидента, что, впрочем, естественно. Они настолько опасаются дурных последствий, что до сих пор не могут успокоиться. Но человек сильной воли не станет растравлять себе душу воспоминаниями о прошлом. Поэт сказал, что в истинной любви не все бывает гладко. В равной степени это относится и к жизни и к работе. Пульс народа теперь бьется с новой силой. И мы не должны падать духом, если случайный спазм задержит на время здоровые симптомы возобновившейся жизнедеятельности. Следует помнить, что кризис в Конгрессе возник под влиянием внезапного прилива жизненных сил. Те же силы легко его преодолеют и оздоровят Конгресс. Лишь для неживой природы любой ущерб невосполним. Мертвое дерево рушится навсегда, а живое только пышнее расцветает, если отрезать у него одну из ветвей. Давайте же уподобимся здоровому организму и сами залечим рану, нанесенную нашему Конгрессу. В то же время нам следует смиренно воспринять полученный урок.

Сущность урока такова: мы должны мириться с различиями и разногласиями в программах нашей деятельности и быть терпимыми к разнообразным формам проявления жизни, столь отличным от мертвенного единообразия недавнего прошлого. Ныне наша деятельность не может быть такой, как была прежде, когда еще не пробудилось сознание страны. Ни в коем случае нельзя насильственно подавлять то, что нам не по вкусу, и уничтожать все, что против нас. Порой, чтобы победить, приходится проявлять смирение. Иначе вместо трофеев нам могут достаться обломки. Главное для нас — это соединить в одно великое целое все мнения в их многообразии и противоречивости. Если мы не сделаем этого, самоуправление для нас будет невозможно.

При подлинном самоуправлении различия во мнениях не подавляются. Каждому мнению находится надлежащее место. А противоречия поддерживают полную жизнеспособность всех сил. В европейских странах уживаются различные партии, хотя каждая из них стремится к главенству. Даже такие партии, как лейбористская и социалистическая, требующие ни более ни менее, как низвержения существующего в Европе общественного строя, находят себе место в парламентах своих стран.

В чем секрет сотрудничества между представителями столь различных политических взглядов? Почему противоречия между ними не разрушают единства? Потому что дисциплина, глубоко укоренившаяся в национальном характере, позволяет всем партиям подчиняться требованиям Закона. Они не идут к желаемой цели путем ниспровержения законов. Они поняли необходимость терпения, для того чтобы победить, не нарушая законов. Их самоограничение — доказательство их силы. Именно благодаря этому они способны не только проводить дискуссии и дебаты, но и управлять целыми королевствами и империями при помощи людей со столь различными, а иногда и противоположными взглядами.

Конгресс не призван управлять королевством или империей. Наши образованные классы создали его как инструмент выражения национальной воли. Единственное, чего мы хотим, это чтобы со временем стремление к свободе превратилось в решимость и проявилось в дей-

ствиях, которые бы позволили добиться свободы. Если и сейчас, на конференции, созванной для осуществления этой великой цели, где собрался весь цвет нашей интеллигенции, мы не проявим терпимости к людям, выражающим различные точки зрения, мы тем самым докажем скудость собственных сил и способностей.

Тот, кто надеется добиться единства путем уничтожения различия во мнениях, глубоко заблуждается. Да и вряд ли подобное единство принесло бы пользу. Центробежные и центростремительные силы, сделавшие возможным развитие вселенной, обусловлены общим законом, — так и в национальном собрании необходим какой-то признанный всеми общий порядок. Если мы не обеспечим возможности каждому течению бороться за преобладание в нашем Конгрессе, это приведет к оскудению идей и программы.

Поскольку различия во мнениях не только неизбежны, но и благотворны, необходим определенный устав, гарантирующий порядок и единство. Иначе между родственниками жениха и невесты разгорится безобразная ссора, и свадьба расстроится. Машина может действовать лишь в том случае, если в железном котле регулируется давление пара. Правила, действующие внутри организации, должны быть тем строже, чем сильнее разногласия. Мы обречены на неудачу, если не добьемся этого.

У нас еще нет определенного порядка выбора представителей в Конгресс и на конференцию. Пока народ оставался равнодушен, между нами не было никаких разногласий по вопросу о национальных задачах. В таких условиях отсутствие определенных правил, разумеется, не ощущалось. Но теперь дух страны пробудился, давайте же направим его на служение нации. В настоящий момент при выборе наших представителей необходимо одобрение масс. Настало время выработать не только правила выбора представителей, но и порядок работы Конгресса и конференции.

Если, вместо этого, различные партии в стране начнут создавать отдельные местные организации, стараясь избежать разногласий, — Конгресс утратит свое подлинное значение. Конгресс — единая организация страны. Если же отказаться от принципа всеобъемлемости при

первых же намеках на разногласия, какую пользу принесет увеличение числа всевозможных собраний?

До сих пор при появлении разногласий в нашей работе, в наших делах и даже развлечениях мы обычно разделялись на группы. Как только возникал конфликт, мы стремились либо разрушить самое главное, либо совсем от него отказаться. Нам еще не хватает жизненных сил, которые могли бы объединить различия, сделав их частями одного тела. В этом корень всех наших злоключений. Если та же болезнь поразит Конгресс, если из-за разногласий в верхних слоях мы даже здесь позволим расшатать основы единства, где найдем мы единую основу для наших действий? Допустимо ли, чтобы злой дух вселился в того, кто собирается его изгнать.

Мы энергично боролись против раздела Бенгалии, но еще энергичнее должны мы бороться против внутреннего раскола, который угрожает нам. Пусть тот, кто проявляет слабость перед чужеземцами, не течит тщеславия, показывая свою силу перед родичами. Ибо раскол, в котором повинен чужеземец, — это зло. Раскол же, в котором повинны мы сами, — это грех. Яд его проникает в самую глубину нашего сердца, и спастись от него можно лишь ценой жестоких страданий.

В сложившейся ныне ситуации мы не должны проявлять забывчивость, ибо цель нашей борьбы — свобода. И если, поддавшись искушению, которое бог Индра послал, чтобы испытать нас, мы отвлечемся от цели, все наши усилия пропадут даром. Я призываю вас, братья мои, смирите гнев свой и не поднимайте руки на братьев. Мы должны снова и снова прощать своих родственников, которые вызвали эти распри, должны немедленно устранить разногласия и забыть стычки, возникшие из-за недостатка рассудительности у обеих сторон. Наш собственный дом охвачен пламенем. А обе противостоящие партии только раздувают его гневными словами, угрожая испепелить весь дом. Что может быть бессмысленнее? Если волнения, вызванные разделом страны иноземцами, привели к расколу, в котором уже повинны мы сами, если злая звезда Индии является нам не в облике лорда Керзона, а в облике нашего собственного народа, может воз-

никнуть такое положение, когда, будучи выведены из равновесия иноземным вмешательством, мы лишимся мира и у себя дома.

Сегодня над страной занесен меч раскола. Из века в век индусов и мусульман лелеяла общая родина, но и сейчас что-то мешает нашему сближению! До тех пор, пока не будут устранены причины этой нашей слабости, великие надежды страны не смогут полностью осуществиться, на каждом шагу политического поприща нас будут подстерегать трудности.

Внешние силы делают все возможное, чтобы разногласия между индусами и мусульманами перешли в открытые столкновения. Но не это нам страшно. Если только мы сумеем преодолеть наши внутренние разногласия, мы наверняка справимся с напряженным положением, навязанным нам извне. Рано или поздно эта напряженность исчезнет. Если же все время подливать масло в огонь, придется вызывать пожарную команду. С домов подданных пламя непременно перекинется на дворец.

Если это правда, что сейчас попустительствуют индусам, или так считают мусульмане, исходя из создавшегося положения, сам король когда-нибудь пожнет плоды столь пагубной политики разделения. Попустительство так разжигает аппетиты, что их трудно удовлетворить. Всякий естественный голод можно утолить. Есть предел требованиям человека достойного. Но нет конца требованиям тех, кому потекают. Предоставлять блага тем, кто их не заслужил, и тем самым разжигать недовольство — все равно что лить воду в дырявый кувшин, подобно одному из героев пуран. Тот же самый результат получится, если правительство будет проявлять пристрастие к одной из сторон. Это политика с негодными средствами. Она не только вредит подданным, но и, как бумеранг, ударяет по самим правителям.

Следует также рассмотреть и благоприятные факторы данной ситуации. Мы, индусы, с самого начала уделяли большое внимание обучению в школах, организованных англичанами. И естественно, нам досталось больше мест в правительственных учреждениях и больше почета. Таким образом, между нами возникло неравенство. Не

устранив его, мы не сможем искренне объединиться. Нам постоянно будет разделять стена зависти. Если бы мусульмане могли обеспечить себе соответствующее положение, недоразумение, возникшее между неравными партнерами, было бы улажено и между нами установилось бы равенство. Давайте же помолимся от всего сердца, чтобы правительство изливало свои милости не только на нас, но и равным образом на наших братьев-мусульман.

Подобному покровительству есть предел, и когда этот предел будет достигнут, мусульмане поймут, что пустота в глубине сердца не может быть занолнена мелкими подачками извне. Им станет ясно, что процветание невозможно без подлинной власти, а власти нельзя добиться, если не будет достигнуто единство. Они осознают тогда, что нарушение единства родины — преступление перед религией, что мы предадим собственные интересы, если пойдем против своей природы. Вот тогда мы, подобно двум братьям, двинемся рука об руку по пути совместных действий.

Индусы и мусульмане — две основные общины в Индии. Мы должны быть готовы к любым жертвам и самоограничению, проявлять терпение и осторожность, необходимые для объединения их в общую политическую организацию. Эта задача требует невероятного напряжения всех наших сил. В создавшихся условиях здравый смысл и религия должны объединиться, чтобы новые партии, возникающие время от времени в соответствии с требованиями жизни, не становились символом разногласий, грозящих расколоть страну, чтобы каждая из них представляла собой новую мощную ветвь единого дерева и способствовала развитию политического сознания в стране.

Когда в недрах старой партии рождается новая, на нее часто смотрят как на незваную гостью. Из-за враждебности ко всему неизвестному мы не можем сразу понять, что ее появление неизбежно в процессе развития. В то же время, отстаивая свое право на существование, новая партия лишается естественного спокойствия. Поэтому мы относимся к ней враждебно, даже если она связана с нами узами родства.

Одно, во всяком случае, несомненно. Подобно корням, пробивающимся из семени, новая партия растет в соответствии с законами природы, несмотря на оказываемое ей противодействие. Она неразрывно связана с прошлым и со всем, что ее окружает. Пусть эта партия новая, но сама она и ее члены плоть от нашей плоти. Мы можем поссориться с ними, но очень скоро помиримся, чтобы сообща трудиться на благо нашей родины.

Мне не раз приходилось слышать, что в стране есть партия экстремистов, которая в своих действиях не знает границ. Хотел бы я знать, где она, эта партия? Кто в настоящее время является величайшим экстремистом в нашей стране? Экстремизм характеризуется тем, что, выходя за рамки дозволенного, одна сторона вынуждает другую переступить положенные границы. Индия, вероятно, еще не знала мук, равных тем, на которые Бенгалия была обречена разделом. Однако горе подданных не вызывало у властителей ничего, кроме равнодушия, а порою даже гнева и ярости. В довершение наших горестей, нынешний вершитель судеб Индии лорд Морли (чье назначение государственным секретарем приветствовала вся Индия) прислал со своего далекого Олимпа послание, в котором сообщил, что принятое решение является окончательным и пересмотру не подлежит.

Не является ли вершиной экстремизма столь грубое пренебрежение страданиями Бенгалии? И разве не вызовет подобное действие противодействия народа? Может ли противодействие быть пассивным?

Власти никак не старались смягчить это противодействие. Напротив, в своих репрессиях они доходят до все большего экстремизма. Волны, возникшие от их собственных ударов, они пытаются успокоить ударами еще более сильными. Возможно, это свидетельствует об их силе, но уж, во всяком случае, не о мудрости. Пусть мы слабы и немощны, но сердце, вложенное в нас творцом, сделано не из глины. Мы тоже вздрагиваем от внезапного удара. Такое естественное противодействие по-английски называется «отраженным действием», и если власти считают его признаком наглости, пусть вспомнят, что оно вызвано их собственными ударами. Сложив два и два, глупо пенять на создателя, что в результате получилось четыре.

Когда в действие приходят силы природы, могут возникнуть непредвиденные осложнения, но это не должно волновать. Может быть, придется терпеть боль, но если электрический ток окажет сильное действие на слабые нервы, значит, еще не все потеряно, можно надеяться на лучшее. Лорд Керзон, Морли, Ибетсон, гуркхи, карательная полиция и полицейское правление, ссылки, тюрьмы, экзекуции, репрессии и полное пренебрежение законами — все это вызывает волнение среди подданных. Пламя, которое до недавнего времени жгло лишь их язык, постепенно охватывает все существо. Нельзя не признать, что, когда народ не подчиняется, а встает против притеснений, положение становится затруднительным и даже опасным. Однако это вселяет надежду, что жизнь, видимо, еще не совсем замерла в нас. Несмотря на угнетавшую нас в течение веков усталость, мы все еще способны ощущать боль.

Экстремистская политика — это политика без руля и без ветрил, поэтому никто не может с уверенностью сказать, куда она в конце концов приведет. Сторонники экстремизма не в состоянии обуздать его энергию. Экстремистскую политику легко начать, но трудно ее остановить. Наши правители, очевидно, и мысли не допускали, что в своих действиях зайдут так далеко. Английские власти даже не предполагали, что в Индии все — начиная с обыкновенного полицейского и кончая жрецами справедливости, судьями, — будут проявлять подобную запальчивость. Однако не следует думать, что в правительстве сидят сверхчеловеки. Там обычные люди из плоти и крови, и опьянение властью присуще их природе в большей или меньшей степени. Когда опытный колесничий сильной рукой натягивает вожжи, кони выгибают шею, и это не пристало царской колеснице. Выгнув шею, кони обычно бегут дружно, и если пешеходы уступают дорогу колеснице, они не подвергаются никакому риску. Когда же, зачарованные экстремизмом, власти ослабляют бразды правления, чиновники обширного административного аппарата могут легко заразиться чувством безответственности. И тогда уже никто не знает, в какой момент полицейские проломают дубинками головы безвинным людям или же лицеприятный судья исказит закон.

В такие времена некоторой части населения даются специальные привилегии, но никто не знает, как далеко они могут простираться. Обнаруживается вся слабость администрации, и само правительство начинает в какой-то мере стыдиться предпринятых мер. Тогда, чтобы прикрыть недостатки в своей деятельности, оно назначает комиссии, которые составляют доклады с единственной целью залатать прорехи администрации. Жертвам произвола наносят еще одно оскорбление, заклеив их именем лжецов. Обидчиков прощают, выдав за пострадавших. Но разве можно подобным образом скрыть свой стыд? Уже сама попытка сдерживать эти бурные устремления — не что иное, как косвенное признание своей вины; власти заблуждаются, принимая энергичную поддержку слабости за силу.

Почти то же самое можно сказать и об экстремистских действиях народа. Их так же трудно удерживать в определенных рамках. Неистовство членов партии заставляет сходить с правильного пути ее руководителя. В этом случае трудно определить, кто из лидеров отвечает за определенные действия или мнения членов партии, если вообще кто-либо за что-либо отвечает.

Нужно помнить также еще об одном. Не мы придумали разделение на экстремистов и умеренных. Черную линию между ними проводят англичане, и мы не всегда можем понять, где она, для чего и когда нанесена. Линия эта меняет свое положение не в соответствии с какими-либо принципами, а по прихоти властей предрежащих.

Возможно, то, что англичане пытаются определить как экстремизм, понимая под этим словом наше к ним отношение, является особенностью всей страны, а не одной только партии. И если подавить одну партию, экстремизм возникнет в какой-либо иной форме, либо, не проявляясь внешне, уйдет в глубину.

В любом естественном проявлении человеческого духа, которое нам не нравится, мы сразу же усматриваем результат заговора, организованного какой-то узкой группой людей. В XVIII веке в Европе считали, что религия искусственно создана духовенством в корыстных целях,

Верили в то, что, разделившись с духовенством, можно избавиться от зла, именуемого религией. Точно так же противники индуизма объявили его порождением брахманов, сделавших религию профессией. Стоит лишь изгнать из Индии брахманов, думают они, и неприятность, называемая индуизмом, исчезнет сама собой. Так же наши правители, очевидно, верят, что злокозненная банда недовольных изготавливает в какой-то тайной лаборатории взрывчатое вещество — экстремизм, и как только полиции удастся изловить главарей и предать их суду, все волнения прекратятся.

В действительности же все гораздо сложнее. Истинного существа проблемы не охватить беглым взглядом, здесь нужно заглянуть поглубже. Неизвестная истина не является нам в образе нежном и мягком. Она часто врывается, словно буря, ибо мы узнаем о ней по столкновению несовместимых противоречий.

Улучшившиеся возможности связи и обмена мыслями, уроки истории, единое управление, расцвет литературы и длительные усилия Конгресса заставили нас осознать, что мы живем в единой стране и представляем собой единый народ, что и в радости и в горе судьба наша одна и мы не будем процветать до тех пор, пока не станем считать друг друга близкими и не сплотимся. И хотя сознание это все глубже проникало в наши умы, до сих пор оно носило в какой-то мере случайный, умозрительный характер. Мы не постигали этой истины всем своим существом и потому не могли служить стране с той самоотверженностью, которой она от нас требовала.

Неизвестно, сколько еще длилось бы подобное положение, если бы лорд Керзон с яростью не сорвал покрывало и все тайное не стало бы явным. Как только было издано постановление о разделе Бенгалии, на востоке и на западе прозвучал один и тот же клич: бенгальцы — единый народ. Никогда еще не представляли себе мы так живо единства всех частей Бенгалии, основанного на родственных и кровных узах ее народа.

Когда страдания стали невыносимы, все мы решили обратиться к королю, уповая на то, что найдем справедливость. Иных путей, кроме как взывать к состраданию наших правителей, мы тогда еще не знали.

Однако чужеземцы отказали нам в милости — единственном прибежище для беспомощных. Мы оказались похожими на человека, который долгие годы не двигался, считая себя калекой, и вдруг, когда его дом охватило пламя, обнаружил, что может двигаться. Сила чувств, объявивших нас, была настолько велика, что мы сумели объявить бойкот иностранным товарам.

Это открытие было сделано случайно, как и большинство открытий. По зрелом размышлении мы вскоре поняли, что открытие это много значительнее, чем вызвавшие его обстоятельства. Мы вдруг поняли, что перед нами источник силы и благосостояния. Мы объявили бойкот иностранным товарам лишь для того, чтобы досадить другим, а он оказался прекрасным средством укрепления собственных сил. Можно ли пользоваться им в других целях или нет, пока сказать трудно, но опыт, полученный нами в результате наших действий, позволил нам постигнуть истину.

Осознав столь внезапно собственную силу, мы преисполнились радости, уверенности в себе. В этой радости и уверенности мы черпали мужество, когда сносили неисчислимые страдания, принесенные бойкотом иностранных товаров. Гнев никогда не мог бы стать источником подобного долготерпения, не говоря уже о том, что гневу слабых ни за что не выстоять перед властью сильных.

Страдания помогают нам глубже понять истину. Бесконечные испытания укрепляют нашу силу, делают ее всепроникающей. Этот бесценный дар, обретенный в страданиях, постепенно становится неотъемлемым сокровищем нашей души. На наших сердцах, расплавленных в огне несчастий, остался неизгладимый оттиск, подобный королевской печати, — это знак нашего долготерпения. Он создан силой страдания и поможет вынести все мучения.

Я был поражен, когда увидел, как сильна радость постижения истины. Из столетия в столетие мудрецы повторяли, что, презирая физический труд и считая смыслом всей жизни чиновничью должность, мы никогда не станем настоящими людьми. Все говорили, что это правда, и тут же садились писать прошение о назначении на должность. Но и в Бенгалии, где все как помешанные

стремились занять «теплое местечко», многое изменилось: сын богатых родителей отправляется изучать ремесло ткача, сын благородных родителей торгует домашней материей, а сын брахмана с гордостью берется за плуг. Что подобное может произойти в нашем обществе, мы не могли представить себе даже в самых смелых мечтах. Каким-либо одним аргументом другого аргумента полностью не уничтожишь, древние поверья не изгонишь самым мудрым советом, истина же подобна свету; самый слабый светильник, зажженный в углу, способен вытеснить из комнаты мрак.

Раньше, когда в тяжкую годину мы бродили от двери к двери, прося помочь нашей стране, вместо денег мы получали отказ. Теперь же, только прозвучал призыв, как наш народ, забыв о собственных нуждах, в порыве самопожертвования предложил все, чем он богат. Только горстка убежденных оптимистов могла в прошлом надеяться на создание национальной школы. Но стоило нам ощутить прилив сил, как эта прежде несбыточная мечта оказалась вполне осуществимой. До сих пор бенгальцы не имели ни достаточной подготовки, ни опыта, ни способностей, чтобы сообща руководить фабриками. И все же на организованном ими большом предприятии дела идут совсем неплохо. Кроме того, они собираются создать множество крупных и мелких предприятий. Раз уж воля нации достигла одной из своих целей и ее сила превозмогла страдания и потери, она неизбежно будет стремиться проявить себя различными путями в различных областях.

Нашу силу как нации мы ощутили внезапно. И как только это произошло, мы обнаружили один огромный недостаток. Оказалось, что у нас нет организации, способной направить в нужное русло этот могучий поток. Нам не дает покоя мысль, что пар, выпущенный без всякой пользы, мог бы стать источником вечной силы, если бы только мы были в состоянии управлять им.

Мы легко впадаем в дурное настроение и огорчаемся, испытав какое-то острое беспокойство, если не можем ни объяснить его, ни от него избавиться. Когда ребенок без всякой видимой причины ударяет свою мать, она пони-

мает, что поступок его вызван какой-то скрытой болезнью, а не гневом против нее. Здоровый ребенок счастлив и быстро забывает обиды, стоит лишь устранить причины его раздражения. Все наши ссоры, видимо, тоже вызваны какой-то внутренней болезнью. Мы ощущаем нашу силу, но не умеем пользоваться ею и тратим ее понапрасну, потому что у нас нет соответствующей организации. Вот почему в настоящее время мы не терпим даже своих близких.

Оказалось, что за день мы способны собрать достаточную сумму для Национального фонда даже в этой бедной стране, где семейства многочисленны, а доходы невелики. Как же можно забыть о том, что лишь отсутствие организации мешало нам построить свою жизнь по примеру этого дня! Кроме того, мы до сих пор не решили, что делать с собранными деньгами. Мать страдает от скопившегося в ее груди молока. Такие же страдания причиняют нам наши неиспользованные богатства. Сейчас каждый готов к самопожертвованию и труду. Но никто не знает, что и кому жертвовать. Если мы не способны направить эти порывы по истинному пути, если все, что делается, делается второпях и неорганизованно, удивительно ли, что люди чувствуют тщетность своих действий и растрачивают свою энергию в братоубийственных междоусобицах?

Когда истинная причина междоусобиц найдена, поводы не имеют уже никакого значения. Одни заявляют, что мы хотим самоуправления в рамках Британской империи, другие, что нам нужна полная независимость, без всякой связи с Англией. Но мы забываем, что все это лишь слова — не более. Цель далека настолько, что не имеет ничего общего с нашими сегодняшними задачами. Если бы перед нами предстало само Провидение с даром колониального самоуправления в одной руке и автономией в другой и объявило бы, что ни минуты не будет ждать нашего решения, подобные споры еще имели бы какой-то смысл. Но можно ли спорить о разделе урожая в то время, когда земля еще не возделана?

Как для отдельной личности, так и для нации в целом свобода является конечной целью. Однако препятствия к ее достижению, как сказано в священных книгах, кроются

в самой нашей природе, и прежде всего следует их преодолеть упорным трудом. Главные препятствия на пути к нашей национальной свободе подобным же образом кроются в нас самих. Если мы не устраним их посредством своей деятельности, то уж тем более нам не удастся это сделать с помощью дебатов. Напротив, споры лишь усложнят положение. Мы можем, если хотим, вести миролюбивый спор о различных формах свободы и обсуждать, что лучше — полная свобода или свобода в сообществе. Но будь то федерация или автономия, ее можно достичь только действиями. Приверженцы обеих форм должны поэтому идти одним путем, если мы действительно хотим устранить те черты нашего национального характера, которые делают нас бедными, немощными, разобщенными и угнетенными.

И поскольку объединиться для совместных действий весьма важно, прежде всего нам нужно вооружиться самообладанием и, подобно истинно сильным, научиться быть дисциплинированными в мысли и действии. В противном случае само наше объединение станет причиной раздора, а наши действия принесут больше зла, чем добра. Мы только повредим себе, если станем подражать правителям Индии. Отсутствие у них самообладания наглядно проявилось в их действиях в Пенджабе, Мадрасе и Бенгалии, напоминающих конвульсии истерического припадка. Такие действия, разумеется, не могут служить нам образцом.

Власть имущие подчас становятся нетерпимыми и свою нетерпимость считают признаком силы. Но даже если они пытаются уничтожить плоды своих собственных трудов, мы, как сторона более слабая, должны воздерживаться от подражания их ошибкам. Когда человек теряет контроль над своими речами и поступками, он становится помехой, независимо от того, слаб он или силен. И если под влиянием чувства мы забываем об этой истине, горький опыт напоминает нам о ней.

Между нами не существует серьезных разногласий в вопросе о том, что такое истинное служение родине и какова должна быть его главная цель, в этом я ни минуты не сомневаюсь. Наша деятельность устремлена не только к достижению ближайшей цели, она необходима и для

того, чтобы дать применение скрытым в нас силам. Как только энергия находит для себя выход, она проявляется во многих поразительных и неожиданных действиях.

Если бы даже было возможно чего-то достичь, не используя собственных сил, мы не почли бы это за благо, но, как известно, подобным образом ничего нельзя достичь. Нечего ждать милости от других, надо рассчитывать только на собственные силы. Этот закон не знает исключений. Провидение скорее погубит нас, чем простит, если мы унижим свою мужественность.

Когда дары властей не идут на пользу народу, они приобретают кислый вкус, становятся опасными. Если полиция, обладающая неограниченными правами, превращается в банду разбойников, нет средств избавиться от ее гнета. Если члены деревенского совета, опекаемые правительством, превращаются в шпионов, совет становится величайшим источником опасности для всей деревни. А стоит выделить какую-либо общину из остальных, как тотчас же среди нашего собственного народа вспыхивают зависть и ревность. Когда кабинет министров предлагает какой-либо общине портфели, следует заявить: это нам не на пользу, возьмите свои милости обратно. Обладай мы достаточной энергией и силой, ничего подобного не случилось бы. Мы были бы в состоянии принимать милости и использовать их по назначению. И уж, во всяком случае, не становились бы их жертвой.

Все сказанное мной совсем не означает, что при осуществлении нашей программы мы должны отказываться от любой помощи правительства. Мы вправе принимать дары из любого источника лишь в том случае, если самым активным образом участвуем в работе, за которую взялись. Иначе мы окажемся в положении героя притчи, который обещал пожертвовать богине Кали буйвола, не подумав, по средствам ли ему это, и когда богиня, смилостивившись, попросила принести ей в жертву хотя бы кузнечика, ответил, что кузнечика она и сама может раздобыть. Примерно то же происходит и с нами. Мы не скупимся на красивые слова, а как доходит до дела, уклоняемся от малейшей ответственности.

Ничто не заставит нас забыть о реально существующих вещах, ни гнев, ни гордость, если мы серьезно относимся

к своей задаче. Мы можем закрывать глаза на существование британского правительства в Индии только лежа в постели, но если начнем действовать и не вспомним о нем, мы наверняка обманемся в своих ожиданиях.

Нельзя, разумеется, отрицать, что англичане ведут себя так, будто нас не существует. Находясь в самой гуще трехсотмиллионного народа, они живут как будто бы за тридевять земель от него. Быть может, именно поэтому они и утратили всякое чувство меры в отношениях с нами. Именно поэтому они способны бросить в тюрьму и выпороть пятнадцатилетнего школьника только за то, что он проявил упрямство. Поэтому они без всяких угрызений совести вводят в действие карательную полицию в любом месте, где возникает малейшее волнение. Именно поэтому они считают предсмертные вопли умирающих с голоду преувеличенными жалобами и пренебрегают их страданиями. Именно поэтому люди, подобные Морли, могут считать раздел Бенгалии свершившимся фактом, несколько не заботясь о чувствах всей бенгальской нации. Англичане управляют нами так, как будто мы не люди, а просто огромное количество нулей. В свою очередь мы пытаемся игнорировать их, насколько это возможно.

Но мы не стали нулями только от того, что англичане в своих грессбухах считают нас таковыми. Их счета неверны, но те числа, которые по ошибке все время произносит английский счетовод, могут спутать все его расчеты. Математика никогда не прощает, если положительную величину произвольно пытаются превратить в отрицательную. Но неужели и мы в пылу гнева допустим подобную же ошибку? Неужели мы должны вредить себе только потому, что нас кто-то раздражает? Нет, это не самый мудрый способ вести дела.

Каждый конфликт влечет за собой трату энергии. Излишний конфликт — напрасная трата. Тот, кто посвятил себя служению родине, на каждом шагу будет наткаться на тернии. Но разве можно назвать патриотическим делом насаждение терниев на нашем пути? Решение отказаться от иностранных товаров далось нам нелегко. В самой Европе капиталист стремится зажать ра-

бочего в железные тиски, с тем чтобы расчистить себе путь к обогащению. Это вызвало серьезные столкновения. В Индии капиталист не только богач, он еще и тюремщик и заложил себя в Ливерпуле.

Именно за счет эксплуатации ресурсов нашей страны англичане выдвинулись на первое место в мире и они не пощадят нас, если мы встанем на их пути. Конфликт, в который мы вовлечены, отнюдь не детская игра, и мы должны призвать на помощь все наши силы и всю выдержку. Разве не преступник тот, кто бесполезными словами лишь усугубляет наши трудности и вредит делу? Мы готовы взять на себя всю тяжесть нашей задачи и отказываемся от самой мысли о возможности поражения. Мы должны освободить нашу промышленность и торговлю, реорганизовать систему образования и сделать общество сильным и способным к служению Родине. На пути осуществления этой великой цели будет множество препятствий, поэтому мы должны стать непобедимыми. Мы не можем и не должны, однако, позволять себе роскошь безответственных раздоров в своей среде. Нельзя служить народу, предаваясь страстям. Для этого есть единственный путь — самоограничение и непрерывные усилия.

Не думайте, что я говорю так из-за страха или неуверенности в наших силах. Я знаю цену страданиям и воспринимаю их как дар божий. Именно по этой причине я полагаю, что не следует относиться к нему легко. Легкомыслие и страдания — вещи несовместимые. Только слабых духом мучения могут довести до презренной капитуляции или недостойного поведения. Если мы хотим постичь великий урок, который может преподать страдание, мы должны научиться отличать грубость от силы, хвастовство от смелости, чрезмерное стремление к самовыражению от самопознания.

С чего же начать разработку нашей программы? Чем выше башня, тем шире должно быть ее основание. Если мы хотим возвести сооружение, возносящееся в небеса, мы должны трудиться во всех без исключения округах, чтобы создать его фундамент. Провинциальные конференции образуют в каждой провинции представительный орган, эти органы учредят низовые организации в каждой

деревне и начнут со сбора всевозможной информации о положении дел в каждой части провинции. Это, безусловно, необходимо, так как эффективная деятельность возможна лишь на основе точных знаний.

Наша цель — сделать так, чтобы деревня сама могла удовлетворять свои нужды. Несколько деревень должны объединяться в районную организацию. Но самоуправление станет реальностью лишь при условии, что руководители этих районных организаций сделают их способными справиться с делами и нуждами входящих в них деревень. У каждой организации должны быть свои мастерские, школы, амбары, свои собственные кооперативные лавки и банки; их нужно побуждать к созданию подобных учреждений и научить управлять ими. Каждая организация должна иметь место для встреч, работы и отдыха, где бы руководители могли выслушать и разрешить возникшие споры и противоречия.

Ни землевладельцы, ни земледельцы не преуспеют, пока будут идти разными путями. Люди всего мира объединяются в союзы, чтобы умножить свои силы. Человек одинокий в нашем мире обречен на порабощение. Если мы сообща не выстроим плотины, результаты нашего труда, подобно струйкам воды, будут стекать по склонам холмов и наполнять чужие резервуары. Мы будем добывать пищу для других, а сами умирать с голоду и никогда не поймем, почему это происходит. Поэтому в первую очередь следует объединить тех, кому мы хотим служить.

В Европе и Америке изобрели множество приспособлений и машин, облегчающих труд человека, но для нас они бесполезны из-за малой величины земельных участков и крайней нищеты. Если крестьяне в деревне или в общине объединятся в кооператив и будут совместно обрабатывать землю, они смогут полностью использовать все преимущества современных сельскохозяйственных машин, снизить себестоимость, сократить затраты и получить прибыль. Самая дорогая машина окупит себя, если с ее помощью можно будет перерабатывать весь урожай сахарного тростника в деревне. Можно купить и джутовый пресс, если все джутовые поля будут объединены. Улучшится и животноводство, стоит только объединиться всем владельцам скота в деревне. Работая на

кооперативной основе, ткачи смогут купить ткацкие станки: увеличение производства будет выгодно для каждого из них.

Мы все слышали об опасности вырождения, которой подвергаются крестьяне, уходя в города, где они нанимаются на фабрики, выстроенные капиталистами. Эта угроза особенно страшна для такой страны, как наша, где основа общества — семья. Семья — один из краеугольных камней религии, и если она рушится, многочисленные бедствия поражают общину в самое сердце! Крупные фабрики, подобно водовороту, затягивают крестьян-бедняков; легко представить себе пагубное влияние безрадостного, механического труда на огромное число покинувших деревни мужчин и женщин. Ни одно общество не должно допускать, чтобы расширение машинного производства товаров губило человека. Поэтому со всех точек зрения было бы хорошо, чтобы крестьяне объединялись и приобретали именно те машины, которые могут использоваться в этой местности. Это явилось бы также средством убеждения народа в преимуществах единства.

Если каждая провинциальная конференция сумеет организовать хотя бы одно такое образцовое хозяйство, в случае успеха они быстро распространятся по всей стране.

И вот, когда провинции, организованные подобным образом, станут совершенно самостоятельными, можно будет подумать о создании хозяйственного центра в масштабе всей страны. Только такой центр станет настоящим сердцем Индии. До тех пор центральная организация не принесет ни малейшей пользы. Можно ли говорить о центре, когда не существует периферии? Может ли Конгресс завоевать авторитет и отстоять свое право на участие в управлении страной, если его деятельность не принесет пользы Родине, а сам он так и останется трибуной, откуда будут звучать беспомощные жалобы и безответственные советы.

Подобно тому как фабричное производство губит наших ткачей, всеобъемлющая машина чужеземного господства разрушает нашу простую старинную систему деревенского управления. Когда развитие, в соответствии с нашими потребностями, ведет к увеличению маленького

хозяйства, то в этом нет ничего плохого при условии, что этот процесс носит естественный характер. Существовавшая у нас деревенская система управления, возможно, была малой, но зато нашей. Быть может, то, что насаждают англичане, полно величия, но оно чуждо нам. Их нововведения не только делают нас пассивными, но и не могут надлежащим образом удовлетворить наши нужды. Чужие глаза не помогут, если свои утеряны.

Вот почему сейчас в деревнях незаметно никаких признаков деятельности. Пруды приходят в запустение, пастбища заброшены, храмы разрушаются, неграмотные сыновья деревенских пандитов, прежде способствовавших сплочению общины, теперь кое-как перебиваются, занимаясь дачей ложных показаний в суде. Богачи, устраивавшие празднества с представлениями, пением религиозных гимнов и проповедями, на которые приглашали бедняков, переселились в город. Мы по горькому опыту знаем, как занявшие их место полицейские инспекторы помогают беспомощным и защищают слабых.

Крестьяне уже не видят перед собой высокого идеала служения народу, равно как и не видят примеров самопожертвования. В их сознании не действуют никакие моральные запреты. От анархии их удерживает только барьер бездушных законов. Соперничающие группки раздирают друг друга когтями лживых обвинений, и никто не в силах урезонить их. Деревни быстро зарастают джунглями, и повсюду свирепствует малярия. Страну все чаще и чаще поражает голод; запасы, которыми кормились люди от урожая до урожая, быстро истощаются. Ни у кого не осталось ни чувства долга, ни смелости, чтобы защищать свой дом от воров и разбойников или от полицейских, когда те вламываются под предлогом расследования преступлений. А где взять пищу, чтобы поддерживать организм в его борьбе с болезнями? Молоко слишком дорого, топленое масло с примесями, рыба стала в диковинку, а растительное масло все равно что отравы. И в дополнение к нашим местным болезням хлынул поток недугов, завезенных из-за границы.

Дифтерия, туберкулез, тиф и другие болезни мучают анемичных жителей нашей страны. Нет ни пищи, ни здоровья, ни радости, ни надежды, ни взаимного сотрудни-

чества. Мы принимаем удары, покорно склонив голову. Смерти сдаемся без борьбы. Мы проклинаем нашу злую звезду, когда предают поруганию справедливость. А если сосед попадает в беду, оставляем его на милость Провидения. И все оттого, что корни наши поражены червоточиной. Земля, которая должна нас кормить, стала твердой как камень. Сельская община, эта родная мать и опора нации, расчленена и обречена на умирание. Подобно вырванному с корнями дереву, плывет она в безжалостном потоке нового времени.

С переменами, навязанными извне, старые общественные институты приходят в упадок и вымирают. Нации, которые не смогли создать новых институтов, с тем чтобы удовлетворить нужды нового века, исчезли в такие переломные периоды истории. Так неужели мы будем равнодушно взирать на медленное вымирание нашей расы? Малярия, голод и эпидемии не случайные гости, они симптомы хронического заболевания. Но куда страшнее этих бедствий та мертвая покорность, которая сковала наши души. Когда нация теряет уверенность в себе и считает, что ничего уже не может для себя сделать, когда нация принимает обстоятельства за веление судьбы и лишь тяжело вздыхает в беспомощной и безнадежной пассивности, она не выдержит даже малейшего натиска, и пустячная царапина превратится для нее в смертельную рану. Она считает себя погибшей — и в самом деле умирает.

Но самое худшее, пожалуй, позади, ночной мрак понемногу рассеивается. Слабый проблеск зари заглядывает в окно и вселяет надежду в больного. Некогда образованные и привилегированные классы делили с народом его радости и печали, были с ним рядом в счастье и горе. Однако обретенные ими не так давно знания и аристократические замашки день ото дня отдаляют их от народа, все более углубляют пропасть в языке, мыслях, действиях и поведении. Мы должны перекинуть мост через эту пропасть и спасти будущее страны от страшного несчастья социального несогласия. Настало время сломать искусственные барьеры и объединиться с массами, чтобы бороться за наше общее благо и тем самым спасти общество от распада. Пробил час направить наши силы

на службу народу, а силы народа — на сотрудничество с нами. Мы были обречены на медленную смерть, ибо поток нашей живой крови был отрезан от жизненно важных членов тела. Разобщенные и одинокие, как могли мы выжить в мире, где все стремятся к более сплоченной организации и единству?

Самое несложное испытание покажет, что не во всех слоях нашего общества пробудилось национальное самосознание. В основном оно проявляется у горожан, и то не у всех. Движение свадеши начали городские образованные классы, но расплачиваться за все пришлось крестьянам. Из сказок мы знаем о тяжелом камне джогоддол, который в наказание взваливали человеку на грудь. Теперь этот камень, приняв образ карательных полицейских отрядов, всей своей тяжестью обрушивается на грудь то одной поверженной деревни, то другой. Но почему мы все не принимаем на себя хоть малую толику этого бремени, которое сокрушает бедного крестьянина. Почему не разделяем страданий, уравнивающих всех людей? Если распространять культ свадеши — преступление, то в нем все мы равно повинны. Но стоит каждому взять на себя хоть небольшую часть веса, и тяжесть исчезнет, останется радость.

В этой связи мне бы хотелось особо обратиться к нашим землевладельцам. Если они сами не возьмут на себя миссию возродить к жизни бенгальскую деревню, эта проблема никогда не будет решена. Пусть не боятся, что их влияние и интересы пострадают, если крестьяне осознают свою силу. Сделать свою власть безграничной за счет ослабления других — все равно что ходить с динамитом в кармане. Возмездие неизбежно; оружие разрушения обратится против того, кто стремится воспользоваться им. Пусть арендаторы будут образованными и сильными, чтобы помещик хорошенько подумал, прежде чем поддаться искушению притеснять их. Землевладелец — не бакалейщик, у которого только и забот, что подсчитывать свои мелкие барыши. Как может он уважать себя, если не будет пользоваться своей властью, жертвуя личными интересами ради всеобщего блага и справедливости и с городской стойкостью принимая убытки? Деньги, которые он тратит на покупку титула у правительства, не кажутся

ему напрасно израсходованными, но только арендаторам известно, в какой мере оправданы его притязания на этот титул. Землевладелец — это хозяин, друг и защитник своих крестьян; от его милости зависит благо многих. Как же может он пренебречь достоинством своего высокого положения?

Не нужно также воображать, что одна благотворительность может принести какую-либо пользу арендаторам. Не так давно я узнал, что высокопоставленный полицейский чиновник, не удовлетворившись тем, что причинил серьезные убытки нескольким рыбакам, под предлогом расследования на месте стал притеснять всю деревню. Я позвал к себе пострадавших рыбаков, предложил им подать жалобу в суд, а услуги юриста из Калькутты обещал оплатить. «Господин! — вскричали они, молитвенно сложив руки, — что из того, что мы выиграем судебный процесс? От полиции все равно никуда не денешься. А житья она нам не даст». Я подумал, что они правы. Слабый страдает даже, если выигрывает дело. Операция может пройти блестяще, но больной, если он слаб, не выдержит испытания. Тогда я понял, что истинный дар — это сила; все прочие дары бесполезны.

Однажды козленок, плача, обратился к Брахме: «О творец, почему всем так хочется сожрать меня?» И господь ответил: «Что я могу сделать, дитя мое? Когда я гляжу на тебя, мною овладевает то же искушение».

Как видите, даже всевышний не всегда может обеспечить справедливость слабому и обиженному. Можно обращаться во все инстанции, начиная с совета министров и кончая парламентом, и в результате ничего не добиться. Хорошие намерения здесь не помогут. Сам закон слабеет, когда сталкивается со слабым. Бесчинства полиции на всех наводят страх, а тот, к кому мы обращаемся, чтобы обуздать полицию, становится главным ее защитником.

Мы должны сознавать, что нынешняя политика наших правителей отнюдь не направлена на усиление подданных. Один и тот же человек, который в силу своих юридических функций в полицейской комиссии позволяет себе резкие замечания в адрес полиции, как административное лицо проливает реки слез при малейшей попытке

вырвать ее ядовитые зубы. Очевидно, он опасается, как бы сила подданных не обратилась против него самого. Если научить козленка отбиваться от других, он, чего доброго, и самому этому человеку может оказаться не по зубам. Поистине, боги — палачи для слабых!

Поэтому я и призываю наших землевладельцев помочь несчастным арендаторам стать образованными, сильными и здоровыми настолько, чтобы они могли противостоять любой тирании, даже тирании самого землевладельца. Иначе они никогда не добьются своих прав, несмотря ни на какие законы, ни на какие милости правительства; их слабость будет искушать всякого, с кем они столкнутся. Как можно вернуть мужество стране, где люди в большинстве своем останутся жертвами помещиков, ростовщиков, полиции, сборщиков налогов и судебных секретарей? И если наши соотечественники не научатся быть мужами в полном смысле этого слова, как может наша страна стать суверенной?

И еще я хочу сказать: да пребудет с вами благословение всей Бенгалии, молодые энтузиасты, готовые на любой риск, поднявшиеся на защиту Родины! Вы первыми встали при проблесках зари и первыми взялись за работу, несмотря на все трудности и препятствия. Ваше пробудившееся мужество мы слышали в раскатах грома и ощущали в благодатных дождях, пролившихся на жаждущую землю. Втоптанные в грязь, всеми презираемые, привыкшие к оскорблениям, не видевшие уважения ни от кого, кроме своей семьи, благодаря вам научились называть соотечественников братьями.

Если ваша сила расцвела сегодня в любви, все преграды должны пасть, и пустыня превратится в цветущий сад, потому что господь не оставит нас своей милостью. Подобно Бхагиратху, который своим подвижничеством низвел Мать-Гангу на землю и воскресил своих предков из пепла, вы своими деяниями принесете Индии новую жизнь. Никакие преграды не смогут остановить этого потока, как не смог Айравата, гигантский слон повелителя небес Индры, остановить священные воды Ганги. Я приветствую вас, вестников добра, посланных нам вершителем судеб Индии, и прошу вас не забывать, что посвятить себя служению Родине — это не то, что совершить

ритуальное омовение по случаю праздника, например, Ардходайа. Лишения и террор, испытываемые беспомощными детьми Индии, не ограничиваются каким-либо определенным местом или временем. И вы одни, без их поддержки, не сможете спасти и защитить их.

Пусть каждый из вас займется только одной деревней и наладит дело в ней. Обучайте крестьян, будьте инициаторами новых планов земледелия и производства в деревнях. Уговаривайте крестьян строить новые, чистые и красивые дома. Объясните им, как ценны совместные действия, так чтобы они объединили свои усилия и выполнили общественный долг. Но не ждите за это ни похвалы, ни славы. Вместо благодарности вы встретите противодействие и недоверие со стороны тех, ради которых вы пожертвовали бы своей жизнью. Тут не нужны возбуждение, споры или хвастовство, только терпение, любовь и молчаливое упорство; но пусть во всей вашей работе вас поддерживает неуклонная решимость; вы не останетесь безучастными к страданиям обездоленных, разделите с ними их горести, найдете средства уничтожить самые корни этих страданий.

Если наша провинциальная конференция возьмет на себя труд создать подобные органы в каждом округе и если эти окружные организации протянут в каждую деревню свои униженные плодами раскидистые ветви, тогда, и только тогда, мы обретем подлинное право на нашу Родину. Только тогда Конгресс будет питать живая кровь, бегущая по бесчисленным артериям нашей страны, и он станет пульсирующим сердцем Индии, символом ее жизненного единства.

В своем обращении я не коснулся ни одного из пунктов повестки дня нашей конференции, а пытался лишь обрисовать основные принципы, которые должны определить нашу деятельность на благо Родины. Разрешите мне еще раз напомнить их вам:

1. Мы будем сметены и преданы забвению, если не сумеем достигнуть гармонии между нашими социальными условиями и требованиями современности. Объединение, консолидация, организация — вот эти требования. Какими бы превосходными качествами ни обладала неорганизованная толпа индивидуумов, ее никак нельзя

сравнить с организованным народом. Поэтому, чтобы выжить, мы должны организовать наши деревни и положить конец сепаратизму, который неуклонно ведет нас к смерти.

2. Не у всех членов нашего общества уже пробудилось национальное сознание. Поэтому в одном месте наши усилия увенчиваются успехом, в другом — нас ждет неудача. Национальное единство еще не стало реальностью из-за раскола между образованными классами и простым народом.

3. Единство национального сознания не может быть достигнуто одними спорами или добрыми советами. Лишь когда образованные классы объединятся с народом в выполнении общей программы, чувство родства овладеет всем обществом.

Нельзя разработать привлекающую всех и каждого национальную программу деятельности до тех пор, пока среди самих образованных классов нет единства. Различия в путях и методах существуют и должны существовать, и, быть может, именно они, в конце концов, пойдут нам на пользу. Но сейчас не время для подобных рассуждений, их надо отложить на будущее, споры не должны выходить за пределы дискуссионных клубов. Только по одному вопросу у нас не может быть двух мнений. Чтобы спасти страну от раскола и гибели, нам необходимо, отбросив все разногласия, пуститься в совместное трудное плавание. Если же и тут возникнут разногласия, значит, мы до сих пор не осознали опасностей, нам грозящих, либо мы поражены летаргией отчаяния, а это болезнь трудно излечимая.

Братья мои, посвятим же сегодня наши сердца тому широкому и обширному полю деятельности, где величие человека проявляется в страданиях и жертвах. Воздадим должное великим мужам, которые долгим и напряженным трудом достигали совершенства своих народов, и пусть их пример пребудет пред нашим духовным взором. Только тогда мы успешно справимся с задачами, решения которых ждет от нас беспокойное сердце Бенгалии. Долго ли мы будем увлекаться пустыми спорами? Взаимная ненависть — помеха на пути к цели. Удовлетворение тщесла-

вия одной из партий мы можем принять за победу дела Родины.

Нас, людей нынешнего дня, не будет завтра. Кто тогда вспомнит о нашем мелочном тщеславии, ссорах и спорах? Но наши деяния будут под сенью божьего благословения скапливаться от поколения к поколению и возвысят нашу страну. Пребывая в самой глубине нашей нищеты и убожества, давайте помечтаем о том ясном, безоблачном дне, когда внуки наши смогут с гордостью сказать: «Все это наше, все это нами создано. Эти поля мы сделали плодородными, эти воды — прозрачными, а этот воздух — чистым. Мы широко распространили наши знания и изгнали страх из наших сердец». Они смогут сказать: «Нам принадлежит эта прекрасная страна, «полноводная, плодородная, ласкаемая южными ветрами», где общество, основанное на мужестве и самообладании, служит человечеству своими познаниями, своими действиями, своей верой. Ко всему этому мы стремились и всего этого достигли. Вся Родина живет нашей жизнью и радуется нашим песням. Куда бы ни обратили мы свой взгляд, мы видим воплотившиеся в жизнь наши идеалы и усилия, земля содрогается под неутомимой поступью паломников, идущих по пути новых надежд!»

ДА ИСПОЛНИТСЯ ВОЛЯ ХОЗЯИНА

Стоит ветру нагнать дождь, как наш проулок до самой дороги превращается в канал. Пешеходы вместо зонтиков несут над головами свою обувь, и вообще жители проулка оказываются менее приспособленными к жизни, чем земноводные. Эту картину я наблюдал с нашей веранды из года в год с раннего детства. С того времени прошло не менее шестидесяти лет.

Основной двигательной силой нашего механического века был пар, но теперь электричество уже начинает подмигивать и посмеиваться над паром. Теория атома была тогда практически несуществующей, сегодня она неоспорима. Человек расправил крылья и устремился в небо, как отправляются в полет муравьи перед смертью, и адвокаты уже считают дни, когда, наконец, недовладельцы затеют тяжбу о покушении на их частную собственность. Китайцы отрезали косы, которые носили с незапамятных времен, а японцы сделали такой невообразимый рывок вперед, что покрыли за пятьдесят лет пятисотлетний период истории. И только наш проулок в период дождей заливают, как в прежние времена. Когда Индийского национального конгресса не было и в помине, женщины пели в дождливый сезон:

Сколько времени пройдет,
Пока бедняга пешеход
Это море слез и горя,
Наконец, переплывет?

И даже сегодня, когда самоуправление может стать нашим достоянием, когда оно качается у самых наших усов как созревший плод, — даже сегодня они поют ту же самую песню на тот же мотив, ритмом своим напоминающий шум дождя.

Мы с детства наблюдаем, как дождевая вода заливает наш проулок, и никогда не спрашиваем, почему это происходит, потому что привыкли к этому, а привычное никого не тревожит и не волнует. Так и мы ни о чем не тревожились, а только терпели.

Ничем не отмеченное слово в письме может ускользнуть от нашего внимания, но если это слово подчеркнуть, мы его наверняка не проглядим. Так случилось и со мной, когда моя мысль, а также тело получили, через колеса моей повозки, ряд ощутимых толчков от трамвайных рельсов, проложенных по нашему проулку от Читпур-роуд: трамвайная компания, так сказать, подчеркнула тот факт, что наш проулок всегда заливает. Ремонт трамвайного пути начался с сезоном дождей, и хотя все, что имеет начало, должно по законам логики иметь и конец, трамвайная компания, видимо, придерживается своей логики, и ремонту путей пока что не видно конца. И вот однажды, когда рельсы были уложены и когда поток людей боролся с потоком воды, я ощутил вдруг, глядя на них, что сам я промок и продрог душой и телом. И хотя я видел подобное зрелище не первый раз, впервые мне пришла в голову мысль: почему мы все это терпим?

Достаточно пойти на Чоуронги в европейский квартал, чтобы понять, насколько выгоднее и лучше для нас самих нетерпимость. Все мы живем в одном городе с единым городским управлением и единственным различием: индийцы терпят, а европейцы нет. Если бы трамвайная компания раскопала Чоуронги, заняв семь восьмых его ширины, и вела бы там ремонт с такой же слоновьей невозмутимостью и такими же черепашьими темпами, как у нас на Читпур-роуд, ее представители живо потеряли бы сон и аппетит!

Какой-нибудь наш мягкосердечный добряк может мне сказать:

— Что вы такое говорите! Неужели надо отказаться от ремонта трамвайных путей лишь потому, что это может причинить нам некоторые неудобства?

— Да нет, ремонт, конечно, нужен! Но нельзя же его проводить так медленно!

— А разве может быть иначе?

Наш добряк не верит, что можно что-либо улучшить. Поэтому дожди заливают наши проулки, а слезы заливают наши глаза. Именно поэтому мы барахтаемся в нищете, как в грязи, разбрызгивая и размазывая нашу бедность по всей стране, словно деготь из дырявого бочонка.

Все, что я говорил до сих пор, может показаться тривиальным, но в действительности это не так. Мы до сих пор полностью не осознали, что многое зависит от нас самих. Я читал однажды историю о рыбе, которую посадили в стеклянную банку. Она долго тыкалась головой в прозрачные стены, пока, наконец, не поняла, что стекло — это не вода. Потом рыбу выпустили в большой бассейн, но у нее уже не хватало смелости убедиться, что вода вокруг нее — не стекло, и рыба все время кружилась на одном месте, словно в замкнутом пространстве. Мы похожи на эту рыбу: страх, что мы можем расшибить себе голову, вьелся в нашу плоть и кровь и мы боимся выплыть на простор даже тогда, когда это ничем нам не грозит.

Абхиманью, как рассказывают наши легенды, постиг искусство пробираться в стан врагов еще во чреве своей матери. Но он не постиг искусства выбираться из вражеского стана, а потому семь воинов с колесниц поразили его в семь частей тела. То же самое и с нами: еще до рождения мы постигаем искусство жить взаперти, но так и не можем научиться искусству освобождаться. С самого рождения мы становимся рабами того, что думаем или делаем, и в результате нас бьют и пинают и великие и малые. За многие поколения мы так привыкли безоговорочно подчиняться начальству, книгам, всяческим запретам, жестам и знакам, что уже не способны поверить, что можем быть самостоятельными, что в этом мире нам хоть что-либо подвластно. Мы не видим этого даже тогда, когда воплощенная истина стоит перед нами: на глазах у нас европейские очки.

Самое главное для человека — это знать, что самостоятельность есть признак зрелости. Страна, где эта истина погребена под грудой религиозных отправления, текстов и обрядов, где люди связывают себя по рукам и ногам правилами поведения, боясь хоть на йоту отступить от общепринятого, где люди сами разрушают пути из страха, что они могут увести их слишком далеко, — такая страна учит бесконечному пренебрежению к человечности во имя религии и сама становится величайшим в мире питомником для выращивания рабов.

Наши правители заявляют нам с торжественностью жрецов:

— Вы недостаточно компетентны. Вы будете ошибаться. Поэтому вам нельзя давать власть в руки.

Эти слова еще могли бы прозвучать в устах наших древних мудрецов и законодателей, таких, как Ману или Парашар, но они фальшиво звучат по-английски. Поэтому мы отвечаем нашим правителям так же прямо, как говорят они сами, когда не воспаряют в горние сферы. Мы говорим:

— Лучше ошибаться, чем вообще не иметь власти. Только право совершать ошибки дает возможность познать свободу и истину. Мы предпочитаем ошибаться, а не умирать в бездействии, ожидая того дня, когда научимся действовать безошибочно.

Мы могли бы сказать и больше. Мы могли бы напомнить нашим правителям, которые сегодня сидят за рулем автомашины власти, что на заре истории, когда еще только-только забрезжил рассвет, они сами начинали свой политический путь в деревенской телеге. В тот сумеречный час скрип и грохот колес, проваливавшихся в ямы и колдобины, не слишком походил на фанфары победы. Английский парламент с начала своего существования не всегда катил прямо вперед на пневматических шинах по ровной и гладкой дороге. Его не раз заносило и вправо и влево, он двигался резкими зигзагами. Его подбрасывало и трясло на ухабах коррупции и противоречий, междоусобиц, заблуждений и несправедливостей. Он служил то королю, то церкви, то лендлордам, то какому-то пивовару. Было время, когда члены парламента

собирались на заседания только под страхом штрафов и наказаний.

Если же говорить об ошибках, то мы можем составить длинный список ошибок, совершенных англичанами, начиная с Ирландии и Америки в прошлом и кончая Бурской войной, Дарданеллами и Месопотамией в наши дни, не говоря уже о том, что они творили в Индии. А что сказать о всяческих безобразиях, творимых поклонниками бога богатства в Америке? Что сказать о засилии военщины во французском государственном аппарате, о ее самых низменных побуждениях, вскрытых процессом Дрейфуса?

Несмотря на все это, сегодня никто не усомнится в том, что лишь хорошо развитое умение владеть собой позволяет человеку, ошибаясь, преодолевать свои ошибки, бороться и подниматься все выше после каждого падения, каким бы оно ни было глубоким и болезненным. Вот почему лучше дать человеку возможность голодать, но самостоятельно зарабатывать себе на пропитание, нежели откармливать его в клетке, угощая самыми изысканными яствами.

Но есть еще более важная сторона вопроса. Политическая свобода дает не только чувство ответственности и возможность править на благо страны, она одновременно расширяет духовный кругозор. Люди, духовно ограниченные интересами своей деревенской общины или своей социальной прослойки, приобретают способность более широко смотреть на человека лишь с приобретением политической самостоятельности. Лишенные этого, они мельчают как личности. Они не способны осознать себя частью единого необъятного человечества, и это пагубно отражается на их духовных и физических силах, на всех их чаяниях и надеждах. Такая деградация человеческой души страшнее физической смерти!

«Счастье не в скудости, а в изобилии». Поэтому, несмотря на весь риск возможных ошибок, мы все-таки требуем самоуправления. Мы пойдем вперед, несмотря на возможные провалы в будущем, и, ради бога, не задерживайте нас бесконечными разговорами об опасностях пути.

Это единственно правильное решение. Если какой-нибудь упрямец обратится с этим к британским властям и будет им надоедать, он попадет за решетку и завоюет наше восхищение. Но давайте посмотрим, что получится, если мы изложим те же выводы хозяевам нашего общества. Давайте скажем: «Вы говорите, что мы живем в развращенный век и не отличаемся особым умом, что мы ошибаемся, когда самостоятельно судим о чем-либо, и творим зло, когда самостоятельно действуем, а поэтому должны забыть о своем разуме и слепо принимать на веру книжную премудрость, а мы не согласны с вашими оскорбительными словами». Если мы скажем хозяевам нашего общества, что не согласны со всем этим, глаза их нальются кровью от ярости и они немедленно отдадут приказ посадить нас за социальную решетку. Те, кто хлопает крыльями, пытаясь воспарить в небо политики, накрепко прикованы за ногу к социальному насесту.

Суть проблемы в том, что есть лишь один руль, которым можно повернуть лодку и направо и налево, есть только один основной принцип, опираясь на который, человек может оставаться честным и в политическом и в социальном плане. Различие между Читпур-роуд и Чоуронги заключается в отношении к этому принципу. Жители Читпур-роуд почему-то решили, что все зависит только от вышестоящих властей, а потому лежат на боку и ничего не предпринимают. Жители Чоуронги, наоборот, считают, что им вообще незачем было бы существовать, если бы они не могли участвовать в осуществлении любого предприятия. Они считают, что между ними и властями нет никакой разницы, и именно потому участвуют во всех общественных делах. И опять же именно потому, что жители Читпур-роуд думают иначе, они выпустили дела общества из своих рук и теперь лежат в прострации, закатив глаза.

Надо крепко зажмуриться, чтобы утверждать, будто наши законы и правила — самые лучшие. Ибо, открыв глаза, мы увидим, что миром управляет иной великий принцип. Овладеть им своими собственными силами — значит открыть путь к могуществу, процветанию и счастью; твердая уверенность в этом и есть та незыблемая основа, на которой зиждется современная европейская

цивилизация. Успех индивидуума зависит от успехов общества; твердая уверенность в этом и позволяет Европе так свободно использовать свои силы.

Но мы в нашем углу Азии по-прежнему воздеваем руки, тяжело вздыхаем и говорим: «Да исполнится воля хозяина!» Мы даем этому хозяину тысячи имен: отец, старший брат, полицейский инспектор, священнослужитель, пандит, Шитала — богиня оспы. Манаса — богиня змей, Олабиби — богиня холеры, Докхинаай — тигринный бог, имена небесных тел — Шани, Мангал, Раху, Кету, — и так до бесконечности. Мы дробим наши силы на тысячи песчинок и рассеиваем их по ветру.

Какой-нибудь студентик может возразить:

— Но ведь мы уже не придерживаемся старых обычаев и поверий! У нас прививки от оспы, а если я заболею холерой, мне введут лекарство. Малярия, которую разносят комары, для нас не богиня, а микроб.

И тем не менее мы носим на животе амулет, как средство от расширения селезенки...

Но что бы мы ни говорили, факт остается фактом: наши души отравлены ядом повиновения. Эта трусость мысли проистекает из смутного, всеобъемлющего страха. Поскольку мы не признаем единства мировых сил, проявляющегося в едином законе мироздания, мы заранее теряем веру в собственный интеллект и отступаем перед тысячами сомнений. Страх всегда заставляет нас не доверять интеллекту и мешает нам действовать. Такова природа страха. Я наблюдал, как даже наши правители забывали все свои западные принципы, как только страх просачивался сквозь какую-нибудь щель в их административном аппарате, и в ослеплении нарушали единственный нерушимый закон, на котором держится вся их власть. В таких случаях они теряли веру в необходимость поддерживать справедливость, считая, что для них важнее поддержать собственный престиж. Они пытались обмануть судьбу, полагая, что Ланка не будет пылать, если подданных отправить на Андаманские острова. Поистине, отсутствие веры в мировую справедливость приводит к тому, что человек полагается только на свою собственную справедливость. Это происходит под влиянием мелочных

страхов, мелочных забот или из-за мелочных попыток облегчить взятую на себя задачу.

Ослепленные страхом, мы легко поступаемся основными человеческими правами и спешим покорно склониться перед любым хозяином, реальным или вымышленным. Чем бы мы ни занимались, будь то изучение естественных или технических наук или подготовка к экзамену по политической истории, мы не в силах изгнать из наших мыслей всемогущую мантру: «Да исполнится воля хозяина!» Вот почему, хотя у нас в стране заложены основы многочисленных общественных предприятий, тяжкий груз прошлого приводит к тому, что и в этом общем деле неизвестно откуда появляется какой-нибудь Хозяин. Единственная причина заключается в том, что мы привыкли все делать по воле хозяина: садиться, вставать, есть, жениться, умирать и после смерти принимать жертвоприношения от своих потомков. Как судить о делах, грешные они или безгрешные; как принять гостя, с почетом или без почета, как построить колодец, чтобы его вода годилась для омовений; что делать с лепешками или хлебом, купленными у разносчика, чтобы не оскверниться, и как быть с вином или водой, оскверненными язычниками, — все эти проблемы разрешаются постоянными ссылками на «волю хозяина». И если сказать такому человеку, что вода, доставляемая водоносом-индусом, не годится для питья, потому что он черпает ее грязным черпаком, и наоборот, профильтрованная вода, доставляемая водоносом-мусульманином, чиста и безвредна для здоровья, мы услышим в ответ, что это доводы суетного разума, несовместимые с «волей хозяина». А если мы скажем, что это не «воля хозяина», нас никогда больше не пригласят в этот дом и всякие отношения между нами, включая даже обязательную взаимопомощь при погребении близких родственников, будут навсегда прекращены. Такие люди на каждом шагу с жестоким рвением ограничивают себя в самых элементарных правах — есть то, что нравится, и прикасаться ко всему, что хочется, — и считают эти несуразные ограничения благодетельными. Почему же в таком случае они не задумываясь требуют ничем не ограниченных политических прав?

Когда люди не способны справиться с общественным делом собственными силами, они влачат свои дни в страхе и нищете, умоляя других людей, богов и звезды помочь им выбраться из очередного затруднения. Превосходнейший пример такого поведения описан в древней бенгальской поэме о богине Чанди. Торговец Чанд был человеком возвышенных мыслей, но ему довелось узнать горечь поражения от руки божества, которое он считал низким и недостойным почитания. Божество это описано как некая сила, совершенно чуждая знаний и справедливости, настолько же отвратительная, как и деспотичная, и требующая только слепого повиновения. Такое представление о владыке мироздания переносилось и на политических правителей тех дней, как мы узнали из вступления Кобиконкона к поэме «Песнь о богине Чанди». В те дни не было ни закона, ни правосудия: правила сила и не было никакой законной возможности противостоять грубой силе; единственное, что оставалось слабому, это лезть, подкуп и, как последний выход, бегство. Сходство между представлением о богах и реальными социальными и политическими условиями здесь несомненно.

Однако уже в «Упанишадах» есть слова о справедливом, ясном и постоянном законе всевышнего, который существует вечно и никогда не меняется под влиянием момента, а потому каждый может его постичь умом и сердцем. Чем глубже наши познания, тем дальше мы продвигаемся по пути к истине, преодолевая все новые препятствия. Закон вечен, поэтому ничто не может его изменить, а значит, все препятствия будут преодолены. Истинное знание этого справедливого и вечного закона дает наука. Именно сила знаний дала европейцам уверенность, что они смогут справиться с малярией и другими болезнями и навсегда изгнать из своих домов невежество и нищету. Наука говорит им, что каждый ребенок может вырасти здоровым и сильным душой и телом и что в области политики тоже когда-нибудь будет достигнута полная гармония между свободой личности и благом общества.

Однажды Индия уже сказала языком образов, что невежество — это цепи, а знания — освобождение и что мы освободимся, познав истину. Но что в таком случае ложь?

Это представление о себе, как об абсолютно изолированном явлении. Постичь истину — значит постичь себя как частицу целого мира, слить свою индивидуальную душу с мировой душой. Сегодня мы не можем даже понять, какое это великое деяние — суметь донести столь чудесную истину до человеческого разума.

В конечном счете, современная Европа стремится к тому же освобождению в области материальной, к какому древняя Индия стремилась в области духовной. Здесь тоже невежество — цепи, а истина — свобода. Научные истины ведут человеческий разум от изоляции к мировому единству, вливая индивидуальные усилия в русло мировой силы.

Когда в Индии миновала эпоха мудрецов-риши, подвижников-мирян, стремившихся к духовному самоусовершенствованию, началась эпоха буддийских отшельников-саньсяси. Индия оторвала от жизни открытую ею великую истину и заявила, что для освобождения необходимо только самоотречение. Из-за этого в нашей стране произошло полюбовное размежевание между наукой и невежеством, которые так и существуют до сих пор, — бок о бок, как две усадьбы, разгороженные по соглашению стеной. Мир может погрязнуть в ограниченности, варварстве и глупости — поклонники высшей истины не будут протестовать, — им это даже на руку! Сидя под деревом, мудрец провозгласит: «Только тот постиг истину, кто увидел себя во всем сущем и все сущее в себе», — и мирянин сразу проникнется к нему почтением и наполнит суму мудреца дарами. Сидя у себя в доме, мирянин скажет: «Дурак, не желающий держаться подальше от всего сущего, достоин презрения», и тот же мудрец благословит его и пожелает ему долгой жизни. Вот почему у нас в стране все возрастают разобщенность и инертность и никто не может этому помешать, вот почему на протяжении столетий в мире действия мы терпим столько позора и поражений.

В Европе все обстоит по-другому. Истину там ищут одновременно в области теории и в области практики, и народ объединяется, чтобы обсуждать и исправлять в свете истины каждое социальное и политическое упущение. Власть и свободу, дарованную истиной, разделяют

все и черпают в этом надежду и мужество. Не омраченная туманом религиозных обрядов и заклинаний, истина растет при ярком дневном свете на глазах у всех и помогает расти всем и каждому.

Унижения, которые мы в течение столетий терпим в мире действия, сегодня приняли форму политического бесправия. Так же как рука невольно тянется к тому месту, которое болит, так и наша мысль невольно обращается к политической организации, навязанной нам господствующими европейскими нациями.

Забывая обо всем остальном, мы говорим только одно: дайте и нам место в управлении Индией, не заставляйте нас безрадостно исполнять любые законы, диктуемые сверху. Всякая власть становится бременем, если давит только на плечи подданных, поэтому мы хотим переложить эту тяжесть на такую повозку, которую и мы сможем толкать своими руками.

Сегодня на весь свет звучит обличающий голос, говорящий о недопустимости того, что иностранная держава управляет другим народом только в своих собственных интересах. Чтобы не отставать от духа века, мы присоединились к этому обличению. Если бы мы этого не сделали, мы тем самым признали бы и в политике волю хозяина, и непоправимо унизили бы самих себя. То, что истина, наконец, предстала перед нами, — хороший признак, хотя она и просочилась сквозь узенькую трещину.

Поэтому я беру на себя смелость сказать, что, хотя я и приветствую возрождение нашего чувства национального достоинства, вселяющего в нас гордость, я в то же время отвергаю национальную самовлюбленность, которая приковывает нас к нашему прошлому, словно жертвенного козла к алтарю. Национальное самоуважение заставляет нас обратиться лицом к миру и требовать политической самостоятельности, но одновременно оно заставляет нас оглядываться назад, на нашу страну, и требовать, чтобы в любой области, религиозной, социальной и даже чисто личной, ничто не менялось против «воли хозяина». Это и есть то, что я называю возрождением индуизма. Национальное самоуважение требует от нас невозможного: чтобы один наш глаз был широко открыт, а другой спал беспробудным сном.

Когда на наши спины, как наказание свыше, обрушились удары тростей, наше национальное самосознание внезапно пробудилось, и мы немедленно потребовали уничтожения зарослей тростника, забыв, что, кроме тростника, есть еще заросли бамбука... Зачем винить тростник или бамбук, когда виноваты мы сами, виноваты тем, что почитаем хозяина выше истины и придерживаемся обыкновения больше верить наглазникам, чем своим глазам. Пока мы сами не изменимся, для наших спин всегда найдутся какие-нибудь трости.

Было время, когда и в Европе церковь главенствовала во всех областях жизни. Европейские нации начали обретать самостоятельность, только сбросив эти оковы. Тот факт, что Англия — это остров, а резиденция церкви находится в Риме, дал англичанам особые преимущества и намного облегчил им борьбу с засилием римской церкви.

Я не хочу сказать, что церковь в Англии не обладает никакой властью, однако сейчас она напоминает высокородную даму, которая, овдовев, утратила свое прежнее положение в семье. Ей приходится теперь довольствоваться милостями старых знакомых, которых она раньше третировала, и жить в маленькой комнатке на маленькое ежемесячное содержание. Младшие члены семьи раз в неделю приходят ей поклониться по старой привычке, но они уже ей не подвластны. Будь у нее прежнее могущество и власть, она бы их приструнила, но...

Англия давно уже вышла из-под власти Старой Дамы, чего пока нельзя сказать об Испании. В былые времена Испания бороздила моря, распустив все паруса, и водружала свои знамена на многих иностранных берегах. Но сегодня она в упадке, ибо в доме по-прежнему заправляет Старая Дама. Испания стремительно рванулась вперед, однако скоро выдохлась, потому что Старая Дама сидела у нее на плечах. В тот день, когда англичане разбили Великую Армаду, страна окончательно сбилась с дыхания и захрипела. В тот день стало ясно, что оковы традиций в испанском флоте оказались такими же прочными, как в вопросах веры. Английские корабли двигались в полной гармонии со стихией, с волнами и ветром, в то время как испанские галионы застревали на мели

высокомерной ортодоксальности. В английском флоте капитаном мог стать любой человек, имеющий соответствующие знания, независимо от его родословной, в испанском же это было исключительной привилегией знати.

Сегодня народы всех европейских стран, больших и малых, почувствовали в себе силу распрямить плечи. Ослабла слепая власть церкви, и человек научился самоуважению. А такие страны, как царская Россия, где безжалостно попиралось человеческое достоинство, выродились и одичали, словно заброшенный пустырь, поросший сорняками. Человека в таких странах оскорбляли, унижали и обирали с помощью древних священных книг и вполне современных полицейских.

Различие между духом и формой религии то же самое, что между огнем и золой, — об этом не следует забывать. Когда форма становится сильнее духа, когда песок в русле реки становится сильнее воды, поток иссякает и, в конечном счете, на его месте образуется пустыня. Гордость своей собственной бесплодной апатией раздувается, как флюс.

Дух религии говорит нам, что неуважение к человеку не приносит добра ни оскорбителю, ни оскорбленному, однако форма религии утверждает, что тот, кто осмелится отступить хоть на йоту от жестоких правил, повелевающих с презрением относиться к человеку, совершит тем самым великий грех. Дух учит нас не убивать собственную душу, причиняя ненужные страдания ближним, однако форма запрещает родителям в определенные дни давать своим овдовевшим дочерям еду, даже если тех терзают невыносимые муки голода. Дух призывает нас искупать злые дела и помыслы раскаянием и добрыми делами, в то время как форма предписывает омовения в определенных реках в часы солнечных и лунных затмений, ибо этого якобы достаточно для того, чтобы очиститься самому и искупить грехи предков до четырнадцатого колена. Дух повелевает нам пересекать моря и горы и развивать разум, общаясь с широким миром. Однако форма предусматривает покаяние для каждого, кто осмелился побывать за морем. Дух призывает уважать всех достойных людей, независимо от их касты, но форма повелевает почитать брахманов даже самых недостойных.

Короче, дух религии ведет к свободе, а форма религии — к рабству.

Я слышал о радже, который однажды приехал в Калькутту в гости к другому радже. Хозяин дома окончил колледж и был человеком весьма образованным. Когда гость собрался домой и уже хотел сесть в свой автомобиль, калькуттский раджа остановил его, напомнив, что у того во рту бетель. Гостю пришлось выплюнуть бетель, потому что его шофер был мусульманин. Он даже не осмелился спросить, почему он не имеет права жевать бетель в собственной машине, не заботясь о том, кто такой его шофер! Те, кто с такой легкостью поступаются своими самыми элементарными правами, хоронят национальную независимость еще до того, как она родилась. Тот, кто кладет топор у корней дерева, больше всех заботится о том, чтобы полить его вершину.

В религии есть своя красота, и чужестранцы, приезжающие к нам, восхищаются ею, как художник может со стороны любоваться живописностью древних развалин, не думая о том, каково-то в них жить! В праздник омовения я встретил на пути от Барисала к Калькутте паломников, в большинстве своем женщин, направлявшихся к Ганге. На железнодорожных станциях и на пароходе им приходилось выносить невообразимые унижения и страдания. Есть своя прелесть и в этом бесконечном долготерпении, если наблюдать его со стороны, но бог нашей страны не принял слепого поклонения этих женщин и вместо того, чтобы вознаградить, карает их все новыми муками. Огороженные от всякого зла частоколом обетов, молитв, обрядов и покаяний, сыновья этих женщин поклоняются всему, что есть в этом мире, и каждой тени иного мира. Вся их деятельность направлена на то, чтобы чинить препоны всякой деятельности, и, когда им удастся возвести на пути прогресса препятствие до небес, они называют это прогрессом.

Любые страдания можно претерпеть ради истины, и они будут прекрасны. Но плохо, когда человек страдает из-за собственного криводушия. В этом случае мы безрассудно расточаем величайшее сокровище, дарованное нам творцом, — героизм самопожертвования. И если сегодня

мы подведем итоги, то окажется, что героизма больше израсходовано без пользы, чем с пользой.

Я видел собственными глазами, как тысячи паломников, мужчин и женщин, направлялись для омовения к Ганге, чтобы очиститься от грехов. Один из них, видимо, больной, упал и умер на обочине дороги, и никто не посмел его даже коснуться, потому что он пришел издалека и паломники не знали, какой он касты. Поистине, это признак полного духовного банкротства! Вера этих страждущих и жаждущих очищения святош, может быть, и красива со стороны, однако на деле она приносит непоправимый вред. Та же слепая вера, которая ведет их к священным водам Ганги, не позволяет им даже взглянуть на умирающего, ибо он им незнаком.

Экалабья отрубил себе большой палец и отдал его жестокому Дроначарье, но этим кровавым доказательством своей преданности он лишил свой собственный народ плодов подвижничества, которому отдал всю свою жизнь. Такая никчемная глупая преданность не была угодна творцу, ибо она унизила дары, врученные им человеку.

В Гайе видели, как богатые женщины бросали деньги под ноги жрецов храма и поклонялись этим невежественным и злым людям. Экстаз, охвативший этих женщин, прекрасен в глазах идеалиста, но можно ли сказать, что такая слепая вера и безграничная щедрость помогли им продвинуться хоть на шаг по пути к истинной добродетели? На это могут ответить, что хорошо уже то, что они потратили свои деньги, которые не потратили бы совсем или потратили на себя, если бы не верили в святость жрецов. Да, это так, но тогда, по крайней мере, они бы не обольщались ложной мыслью, будто совершают святой поступок, и одно это принесло бы им гораздо больше пользы. Освобожденные от оков своего заблуждения, они бы обрели свободу, — ведь только свобода духа может разбудить дремлющие силы нашей страны! Тот, кто привык ходить зажмурившись, почувствует себя неуверенно, когда откроет глаза. Если человеку внушали, что он, подобно преданному рабу, должен жертвовать собой только ради хозяина, такому человеку, если бы он стал сам себе

хозяином, будет не под силу добровольно расстаться с жизнью за правое дело.

Вот почему все аспекты жизни нашей деревни — питание, водоснабжение, здравоохранение, обучение и даже развлечения — сегодня в упадке.

Памятуя о том, что мы не можем ничем помочь народу, пока не пробудим его самосознания, я как-то раз попытался заставить жителей одной деревни самих подумывать о собственном благополучии. Однажды вспыхнул пожар, и они ничего не смогли сделать, только смотрели и рыдали, потому что нигде поблизости не было воды. Тогда я сказал им, что, если они собственными руками выроют колодец, я добуду денег на кирпичи для облицовки его стен и парапета. Но они решили, что это просто уловка хитреца, который хочет заслужить расположение богов, воспользовавшись трудами их рук, и колодец так и не был вырыт. Деревня до сих пор лишена воды и беззащитна перед огнем.

Неизбывная нищета нашей деревни объясняется тем, что даже то немногое, что когда-либо делалось для улучшения ее положения, делалось только ради того, чтобы заслужить благоволение богов. В любом деле крестьяне полагаются на всевышнего или на кого-нибудь еще, только не на себя. Поэтому они предпочитают умереть от жажды, чем выбрать собственными руками хоть горсть земли. Ведь крестьяне до сих пор подобны младенцам под опекой упомянутой выше Старой Дамы, которая заранее предопределяет для них все, что касается их каст и семей, их духовных и материальных потребностей, их добрых и злых поступков, вплоть до того, когда им следует лежать, а когда сидеть, короче, буквально все! И мы не можем даже упрекать их в этом, ибо Старая Дама усыпила их разум, отравив его опиумом. Но я удивляюсь, когда современные образованные люди, а порой даже студенты университета, с горячностью превозносят эту Старую Даму. Похоже, что они гордятся тем, что Индия до сих пор сидит на ручках у своей извечной няньки. «В этом положении она не касается грешной земли», — восхищаются они. Действительно, что может быть восхитительнее такого зрелища — Индия со скипетром самоуправления в руках и... сама на ручках!

Как бы то ни было, одно совершенно очевидно: нищета, голод и все прочие демоны расположились в наших жилищах, как у себя дома. И когда они бросаются на нас, чтобы вцепиться нам в горло, мы спохватываемся, что у нас нет оружия, ибо нам не выдали на него лицензии, точно так же, как наше правительство не выдает нам лицензий на ружья для защиты от тигров и грабителей. Единственное же оружие для борьбы с этими демонами — это наука, разум и знания.

Люди, незыблемо верящие в непогрешимость Старой Дамы, могут мне возразить, что такое оружие нам доступно постольку, поскольку никому не возбраняется изучать науки и применять свои знания на практике. Да, сказать, что это оружие для нас совершенно недоступно, было бы преувеличением, однако правила выдачи лицензий на него настолько строги, что могут скорее отпугнуть, чем вызвать желание иметь это оружие. Установлено слишком много ограничений, и определены слишком суровые кары за малейшее нарушение правил. У нас так много всяких жрецов и гуру, всяких талисманов и амулетов, всяких классических изречений и народных поговорок, требующих нашего пристального внимания и почтительного повиновения, что, когда на нас нападает бандит, то он нам кажется менее опасным, чем оружие, которым мы никогда не пользовались.

Добрые люди, которые говорят: «Да пребудут вечно на наших ногах кандалы, ибо в них наше благословение!» — могли бы с тем же успехом сказать: «Ходите ногами других людей, сидя у них на плечах!» Эти умники с удовольствием восстановили бы и упрочили все старые кастовые и другие барьеры нашего общества и назвали бы это возрождением, презрев неизбежный при этом застой жизни и угасание разума. Но им надо напомнить, что при этом они взяли бы на себя ответственность за людей, обреченных их «возрождением» на голод и нищету. Ибо никто ни при каких условиях не может служить одновременно двум прямо противоположным целям. Разбить все кувшины, а потом бегать от дома к реке и обратно, пытаясь напоить жаждущего человека из решета, — такого безумия творец не потерпит!

Высказываемое многими мнение, будто нищета нашей страны вызвана главным образом правлением чужеземцев, требует тщательного рассмотрения.

Объединение сил подданных и государства в одну силу является основой английской политики. В Англии применение этого принципа привело к ожесточенной борьбе с абсолютизмом, и никто не скрывал от нас историю этой борьбы. Мы учили ее открыто в государственных школах, мы сдавали по ней экзамены, и этого знания теперь у нас не отнять. Оно стало той почвой, на которой выросли все наши политические организации, в частности такая, как Конгресс, как Мусульманская лига.

Точно так же, как наше право на изучение европейской науки заложено в самой природе науки, наше право на проведение английской политики заложено в самой природе этой политики. Кое-кто из англичан может сказать, что лучше бы не предоставлять индийским студентам возможности изучать науки, но тогда сама наука пристыдит этих англичан, созывая к себе громовым голосом людей всех цветов и рас, чтобы они овладели ее тайнами и обрели в ней силу. Точно таким же образом, если какое-то, пусть даже значительное, число английских политиканов и журналистов говорит, что было бы лучше возвести как можно больше препятствий на пути к самоуправлению Индии, сама английская политика отвергает советы этих политиканов и журналистов, призывая громовым голосом всех индийцев, независимо от их расы и происхождения, осуществить свои права на управление своею страной.

На нас могут прикрикнуть, что мы, мол, не доросли до английской политической системы: так брахман древних времен кричал на шудру, что тот, мол, не вправе стремиться к вершинам духа и разума. Тот же брахман твердо установил разграничения прав для всех, сверху донизу; поработив шудру физически, он стремится теперь поработить его и духовно. Различные виды человеческой деятельности подобны ветвям одного дерева, и, если интеллект, который является корнями этого дерева, увядает, ветви засыхают сами собой. После того как брахман подрубил корень знаний шудры, голова шудры сама склонилась к ногам брахмана.

Но англичане не захлопнули перед нами дверь к знаниям, хотя эта дверь и является главным выходом на путь свободы. Я думаю, английские деятели об этом сейчас сожалеют, и я замечаю у них тенденцию тормозить дело образования, но все равно им не удастся забыть, что отказ от гуманности равносителен самоубийству.

Если мы сможем сосредоточить все наши силы на жизнеутверждающей идее, что наши справедливые требования самоуправления присущи самой природе английского образа мысли, нам будет легче выносить все страдания и идти на жертвы ради достижения нашей цели. Но если мы по стародавней привычке положимся на неизменную «волю хозяина», нас ждет глубокое разочарование. Результат его может проявиться двояко: либо в подпольных тайных заговорах, которые приведут к внезапному взрыву террора; либо в шептаниях по углам о том, хорош или плох такой-то вице-король, о том, что ничего хорошего нам ждать не приходится, пока такой-то остается в Исполнительном совете при вице-короле, о том, что для Индии, возможно, придет счастливый день, когда государственным секретарем по делам Индии станет мистер такой-то, хотя, с другой стороны, и домашняя кошка в лесу дичает, и так далее и тому подобное. Короче говоря, разочарование может либо извратить природу наших сил, загнав их в подполье, либо растратить их в бессмысленной болтовне. Оно сделает нас безумными или безгласными.

Но не будем терять веру в гуманность, будем считать, что в английской политике мораль играет даже бóльшую роль, нежели сила. Мы повседневно сталкиваемся с доказательствами обратного, мы видим, как легко англичане становятся жертвами тщеславия, властолюбия, корысти, трусости, гнева или высокомерия, но эти чисто человеческие пороки англичан задевают нас именно потому, что они есть и у нас самих, потому что нас самих легко испугать или совратить, потому что и в наших сердцах гнездится зависть, коварство и недоверчивость. Там, где мы по-настоящему велики и героичны, великодушны, добродетельны и правдивы, наша правда соединяется с величием, которое есть у нашего противника. Там мы побеждаем, пусть не физически, а морально, побеждаем,

несмотря на все страдания, причиненные нам пороками противника.

Если же мы будем трусливы и желчны, мы тем самым усугубим пороки английского правительства, принизив его мораль. Когда взаимодействуют две стороны, их взаимные силы ведут к усилению, а взаимные слабости — к бессилию. Покорно подчинившись власти брахмана, шудра тем самым вырыл глубокую яму, куда неизбежно упадет брахман. Слабость — такой же страшный враг для силы, как сила для слабости.

Один высокопоставленный английский чиновник как-то раз сказал мне:

— Ваши соотечественники часто жалуются, что полиция их преследует, и я им верю. Однако почему они только жалуются?

Нечего и говорить, что он совсем не имел в виду, что преследуемый полицией должен отвечать насилием на насилие. Сопротивление несправедливости заключается не в применении грубой силы, а в моральной стойкости, порождаемой чувством долга. Для того, чтобы спасти страну от постоянных преследований, понадобится немало сильных и мужественных людей, которые должны будут снова и снова доказывать свою правоту, жертвуя порой собственной жизнью. Я знаю, что даже самый низший полицейский чин уже не просто человек, а олицетворение силы и что правительство всегда готово затратить тысячи рупий, лишь бы спасти полицейского осведомителя от ответственности перед судом, если он попадет за какое-нибудь преступление. Образно говоря, осведомитель-ответчик всегда переправляется через бурное море судейского процесса на правительственном корабле, в то время как несчастный истец-бедняк должен пересекать это море вплавь, не имея даже плота. Похоже на то, как если бы правительство заранее предупреждало преследуемого:

— Дорогой мой, если тебя избили, лучше бы ты сразу умер, ни на что не жалуясь! Тогда бы тебя не стали бить снова.

Престиж! Наш старый знакомый! Тоже из породы хозяев, такой же свирепый, как Чанди нашего Кобиконкона или Манаса из поэмы о Бехуле. Он стоит над правосудием и добродетелью, он выше всех и вся, и мы должны

поклоняться ему, если не хотим, чтобы нам переломали все кости. Поэтому вознесем молитву:

— У правительства нет бога, кроме Престижа. Поклонимся ему, поклонимся и еще раз поклонимся!

Но ведь все это иллюзия, порожденная невежеством! Разве иллюзия может быть истиной? Истина заключается в том, что правительство представляет народ, а потому народ выше всех правительственных чиновников, вместе взятых. И подлинная сила англичан объясняется именно этим. Их сила — это и наша сила. И если мы утратим истину, они ее тоже утратят. Если мы настолько трусливы, что не решаемся верить в честность английской политики, полиция будет по-прежнему нас угнетать и судьям нелегко будет вершить правосудие. Бог Престиж будет по-прежнему требовать человеческих жертв, и британское владычество в Индии будет оставаться жалкой пародией на историческую миссию Англии.

На все, о чем шла речь выше, можно ответить так:

— Принцип, согласно которому мораль в политике является более высокой истиной, нежели сила, этот принцип вполне правилен теоретически, но применять его на практике весьма опасно. Таким образом, у нас остается только два пути: либо подпольная деятельность, либо более легкий путь абсолютного молчания под пятой цензуры.

— Да, конечно, опасность существует. И тем не менее мы должны доказать, что истина, которую мы признали в теории, остается истиной и на практике.

— Но ведь наш собственный народ своей трусостью и корыстолюбием свидетельствует против этого!

— Согласен. И все равно мы не должны отступать от истины.

— Наш собственный народ, соблазненный лестью или деньгами, воткнет нам нож в спину!

— И с этим согласен. Но мы не должны отступать от истины.

— Неужели вы действительно думаете всего добиться этим путем?

— Да, всего, и ни на йоту меньше. Мы предъявляем правительству большие требования, но они будут удовлетворены лишь тогда, когда мы предъявим еще большие

требования к самим себе. Я знаю, что сильны далеко не все, а большинство людей вообще слабы. Но в каждой большой стране ежедневно рождается немало таких, кто могли бы быть достойными представителями всего человечества. Эти люди несут на своих плечах бремя горестей всего мира и прокладывают путь для всех остальных. Несмотря ни на что, они хранят веру в человека и даже в темной бездне отчаяния, не смыкая глаз, ожидают восхода солнца. Несмотря ни на какие насмешки скептиков, они громко провозглашают: «Даже маленькая добродетель внутри нас освобождает от великого страха снаружи». Так не будем же поклоняться страху, а будем поклоняться морали, где только сумеем ее отыскать. Мы верим в добродетель и готовы пожертвовать ради этой веры жизнью.

Представьте, что мой сын тяжело болен и я за большие деньги приглашаю издалека врача-англичанина, который занимает ответственный пост где-то в министерстве. И представьте, что этот врач вдруг принимается бормотать заклинания, терзать и трясти больного, словно знахарь, изгоняющий злого духа. Больной в ужасе, он плачет от боли и просит пощады. Я тотчас требую от врача, чтобы он действовал именно как врач, а не как заклинатель. Вполне возможно, что он рассердится и ответит мне:

— Кто вы такой, чтобы указывать, что мне делать? Раз я врач, все, что я делаю, и есть медицинская помощь!

Если я не потеряю голову от страха, я с полным правом скажу:

— Только наука, только медицина сделала вас врачом, и она для меня важнее, чем вы сами, ибо ее ценность определяет вашу, а не наоборот. — Право на эти слова дает мне сама медицина и врачебная этика, поэтому врачу, если он признает медицину, станет стыдно, каким бы хвастуном он ни был. И если он в ярости стукнет меня по голове, это будет все-таки лучше, чем если бы он спокойно принял мою благодарность и свой гонорар, сел в машину и укатил. Ударив меня, он причинил бы себе больше вреда, чем мне. Вот почему я говорю: если бы мы могли пренебречь недостойными англичан делами

и словами английских чиновников, сегодня нам, возможно, было бы больно, но завтра нашим страданиям был бы положен конец.

После полутораста лет британского владычества нам все еще твердят, что бенгальцы не имеют права даже вздохом выразить свое недовольство мадрасским правительством, что бы оно ни вытворяло. До сих пор нам твердили, что под нераздельной властью Великобритании Мадрас, Бенгалия, Пенджаб, Махараштра и все другие индийские провинции объединены не только внешне, но и внутренне и что это единство — блистающий алмаз в короне Британской империи. На западе англичане почувствовали, что враги Франции и Бельгии — это их враги, и отдавали за них свои жизни на полях сражений. Если так поступают на западе, возможно ли на востоке говорить, что бенгальцам нет дела до друзей или врагов, счастья или несчастья жителей Мадраса? Неужели мы покорно подчинимся подобному приказу? Как бы громко его ни выкрикивали, мы прекрасно знаем, что за этим приказом кроется непреодолимый стыд. Нужно соединить этот тайный стыд англичан за содеянную несправедливость с нашей открытой смелостью и человеческим достоинством. Англия связана с Индией истиной. Англичане пришли на наш азиатский континент, возложив на себя всю ответственность представителей европейской цивилизации, и они обязаны действовать согласно принципам этой цивилизации. Это нас тоже ко многому обязывает. Нельзя давать англичанам повод говорить, будто они приплыли сюда из-за дальних морей только для того, чтобы сделать из Индии колонию.

Богатства, приобретенные одной нацией, предназначены на то, чтобы делиться ими с другими нациями. Если же нация хранит их все для себя одной, она тем самым себя обездоливает. Основные богатства Европы — это наука, дух народного единства и демократия. Само провидение доверило Великобритании миссию приобщить Индию к этим богатствам. А наша задача — напомнить нашим правителям об их долге. Если же обе стороны, правитель и подданные, не объединят своих усилий, первый может забыть об общем деле, а вторые — неправильно это понять.

Англичане могут сослаться на историю своей страны и сказать:

— Нам пришлось затратить немало сил, прежде чем мы установили демократию, и пришлось совершить не одну революцию, чтобы демократия восторжествовала.

С этим я согласен. Идущие впереди нации неоднократно находили различные аспекты истины, и каждой такой находке предшествовали ошибки, страдания и неисчислимы жертвы. Но те, кто пользуется плодами этих открытий, совершенно не обязательно должны пройти длинный путь ошибок, страданий и жертв. Я знал бенгальского студента, который отправился в Америку и постиг в теории и на практике искусство паровозостроения. Он добился всего этого за несколько лет, но ему понадобился бы десяток жизней, если бы его заставили пройти через все исторические этапы развития паровых двигателей, от кипящей на огне кастрюли до локомотива.

Европейская наука росла целые века на своей родной почве под своим солнцем и своими дождями, но понадобилось совсем немного времени, чтобы пересадить ее на почву Японии. Если бы нам действительно недоставало самостоятельности в характере или навыков, надо было бы восполнить этот пробел в первую очередь. Исходя из того, что такой-то ничего не имеет, никогда не увидишь, что он имеет хоть что-то. Гарантировав нам самоуправление, англичане дали бы нам возможность обнаружить в себе новые внутренние силы. Отстраняя же нас от самоуправления, они делают нас посмешищем в глазах всего человечества и поступают, как наши злейшие враги. Человек, которого заперли в такой тесной комнатке, что он натывается на стены при каждом шаге налево или направо, никогда не сможет осуществить благородного желания доказать, что он способен с высоко поднятой головой пройти по всем дорогам жизни.

Я знаю, что, когда занимается заря новой эры, свет солнца, встающего на востоке, озаряет запад, север и юг. Если бы прогресс развивался черепашим шагом, ни одна нация никогда не смогла бы достичь своей цели. Англичане говорят нам, что наша страна получит свободу только после того, как она будет полностью готова принять эту свободу. Но если бы это было справедливо,

сейчас не было бы на свете ни одной свободной страны. Они хвастаются своей демократией, а ведь у простых людей Европы недостатков хоть отбавляй. Но не об этом сейчас речь. Если бы какой-нибудь диктатор объявил, что люди не получают демократических прав, пока не избавятся от своих недостатков, это привело бы к тому, что и недостатки сохранились бы, и люди лишились возможности с ними бороться.

Мы не хотим скрывать, — да это нам и не удалось бы, — многочисленные недостатки в нашей общественной и личной жизни. Но тем не менее мы требуем самоуправления. Если в темной комнате один из светильников в углу еле теплится, это не лишает меня права требовать, чтобы зажгли другие светильники. Главное, чтобы хоть где-то горел светильник и у меня был свет. На великом празднестве человечества ни одной нации еще не удавалось зажечь все свои светильники одновременно, однако празднество все-таки продолжается. Наш светильник когда-то погас, и, естественно, мы хотим снова зажечь его от английского фонаря. От этого никому не будет вреда, английский фонарь не померкнет, зато огни празднества разгорятся еще ярче.

Божество этого празднества призывает нас сегодня зажечь свой светильник. Англия — верховная жрица храма, но и она не сможет нас остановить. Мы знаем, как она печется о своих богатых почитателях, таких, как Австралия и Канада, как она спешит на вокзал, чтобы встретить их сразу же по приезде, как она расцветает от радости, едва их заведет. И мы знаем, что беднякам, вроде нас, она оказывает совсем иной прием. Но божество не допустит, чтобы это продолжалось! Оно видит все, и оно даст о себе знать либо голосом совести в душе, либо явившись воочию в гневном облиии.

Однако нет оснований отчаиваться ни нам, ни англичанам. Я уважаю народ Бенгалии и верю, что наши молодые люди не вечно будут стараться выглядеть умнее, приклеивая чужие бороды. Я также знаю немало великодушных англичан, которые подвергались унижениям со стороны своих соотечественников за то, что хотели подарить Индии благословенные плоды, взращенные на древе английской истории. Нам тоже нужны настоящие муже-

ственные люди, готовые подвергаться преследованиям со стороны правительства и сносить насмешки своих соплеменников, готовые доказать свое бесстрашие тем, что они не боятся даже поражения.

Вечно юный, вечно бодрствующий бог Индии взывает к нам! Необъятная и непобедимая душа Индии имеет неотъемлемое право на бессмертие, хотя сегодня она прячет лицо свое в прахе, стыдясь оскорблений, которыми осыпает ее слепое общество со своими обычаями и слепое правительство. Бог Индии призывает нас познать самих себя через все испытания и все страдания, которые он нам ниспосылает.

Сегодня мы ясно видим, как необъятен человеческий мир, возвышенна история человечества, и воочию зрим, как в человеке воплощается бхума, Высшее Существо. На колеснице силы и славы это Существо мчится по царственному пути вечности, неуязвимое для болезней и боли, не страшась опасностей и смерти. Всеобъемлющая Природа надела ему венок на шею, избрав его своим супругом. Свет знаний озаряет его чело, и впереди его ждут сияющие вершины будущего. Бхума стремится воцариться в моем сердце и в сердцах всех нас, пусть даже постаревших прежде времени, пусть измученных неуверенностью в себе, пусть заблуждающихся и согнувшихся под тяжестью лжи.

Сейчас не время ссориться и хитрить из-за мелочной зависти, не время драться, подобно нищим, из-за ничтожного влияния и жалкого престижа. Сейчас не время тешиться ложной гордостью, которая уместна лишь в темных углах своего маленького дома, но выглядит жалкой и смешной в глазах великого собрания наций. Получать удовольствие, осуждая других, — удел слабых, и нам это не к лицу. Пора сурово осудить все наши многочисленные пороки, под вековой тяжестью которых изнемогает наше мужество и наш разум. Пора собрать все наши силы и вынести из нашего дома мусор, накопившийся за десятки столетий.

Самые трудные препятствия на нашем пути уже преодолены, но прошлое мечет свои заколдованные стрелы в наше будущее. Прах и сухие листья прошлого омрачают зарю новой эры, сковывают силы нашей просыпающейся

юности. Мы должны решительно порвать с прошлым, если хотим избавиться от позора вечных неудач и занять место в рядах настоящих людей, всегда идущих только вперед, вечно живых, вечно бодрствующих и вечно ищущих. Эти люди — правая рука Вишвакармы, зодчего Вселенной. Путь, по которому они неустанно стремятся к истине, озарен ярким светом знаний; их победный гимн оглашает все страны во все века.

Страдания изливались на нас, как нескончаемые дожди срабона; они наполнили нас темной нечистью, от которой надо избавиться и которую надо искупить. Но как искупить? Добровольным приятием страданий, этого священного очистительного огня, который выжжет все наши грехи, уничтожит невежество и обратит в пепел нашу инертность. Так давайте же обратимся к высшему божеству и принесем ему в дар не нашу приниженность, а великого и бессмертного бога, который живет в наших сердцах. Давайте попросим высшее божество поместить нашего бога справа от своего высокого трона. И да будет низость осмеяна, раболепство унижено, а глупость осуждена на веки вечные!

ЦЕНТР ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

I

Вопрос, который я намереваюсь здесь обсудить, касается того, как должно быть поставлено дело образования в Индии.

Вместо того чтобы держать в напряжении умы моих слушателей до самого конца, я предпочитаю сразу коротко изложить свои соображения, прежде чем перейти к подробному их рассмотрению. Каждая нация должна поддерживать огонь в своем светильнике разума, чтобы вместе со всеми другими нациями освещать мир. Народ, чей светильник разбит, лишается своего законного места на мировом празднестве. Несчастен человек, у которого нет светильника, но в тысячи раз несчастнее тот, у кого был свет, но его отняли или он сам позабыл о нем.

Индия доказала, что у нее есть свой разум, что она может глубоко мыслить и чувствовать и стремиться к своему собственному решению жизненных проблем. Образование должно помочь Индии найти истину, сделать ее своей плотью и кровью, откуда бы она ни пришла, и выразить ее так, как только она это может сделать.

Чтобы выполнить это предназначение, разум Индии должен прежде всего сосредоточиться и познать самого себя. Только после этого сможет он правильно воспринимать знания, судить о них и пользоваться ими в соответствии со своими собственными творческими способностями.

Чтобы взять или дать, нужно соединить пальцы вместе. Точно так же необходимо объединить все разобщенные умы Индии, ибо только тогда они обретут способность к восприятию и к созиданию, только тогда вода жизни перестанет уходить сквозь щели в земле, не принося никакой пользы.

Одним из важнейших факторов в образовании я считаю также вдохновляющую атмосферу творческой деятельности. Университет прежде всего должен помочь нам в приобретении конструктивных знаний. Надо собрать людей вместе и предоставить им полную свободу в их исследовательской и созидательной работе. Преподавание должно быть подобно весеннему разливу культуры, могучему и неизбежному. Образование лишь тогда естественно и благотворно, когда в его основе лежат живые и все возрастающие знания.

И последнее. Наше образование должно находиться в постоянном контакте с жизнью во всех ее аспектах — экономическом, интеллектуальном, эстетическом, социальном и духовном. Наши учебные заведения должны находиться в центре внимания общества, должны быть связаны с ним живыми нитями сотрудничества во всех областях. Ибо истинное образование обязано все время сознавать органическую связь наших знаний и воспитания с окружающей действительностью.

II

По всей Индии распространяется пока еще смутное недовольство существующей системой образования. В последнее время появилось много признаков, свидетельствующих о стремлении изменить эту систему; в сознании нации зреют зерна жизни, пробиваясь наружу в виде новых учреждений и новых экспериментов. Но поскольку человек неотделим от своих желаний, часто бывает трудно понять, чем они порождены и на что именно направлены.

Наше образованное общество выросло в узких рамках современной индийской системы образования. Эти рамки привычны нашему разуму, как духу — наше соб-

ственное тело, и потому мы свыклись с мыслью, что они должны навсегда остаться неизменными. Даже наше воображение не осмеливается выйти за эти рамки, и мы не способны ни увидеть, ни оценить свое положение со стороны. Мы не решаемся сказать, что все это следует заменить чем-то иным, потому что сам наш интеллект — порождение старой системы образования, к которой мы, естественно, питаем слабость, смешанную с восхищением.

И все-таки где-то в глубине нашего самодовольства спрятан шип, который не дает нам спокойно спать. Его покалывание раздражает нас, но мы не знаем, где он, и думаем, что причина беспокойства вне нас. Мы утверждаем, что единственный недостаток нашего образования заключается в том, что у нас нет полного контроля над ним, что судно, мол, вполне пригодно к плаванию, нужно только, чтобы руль был в наших руках, и тогда мы избежим крушения. Последнее время, при создании национальных школ и университетов, мы исходили только из мысли, что единственное, чего нам не хватает, это независимости, так сказать, внешней. При этом мы забывали о том, что наша слабохарактерность и слабоволие, которые неизбежно увлекают нас вниз по наклонной плоскости подражания, будут преследовать нас и после того, как мы добьемся видимой свободы. Ибо тогда наша свобода превратится в свободу подражания иностранным образцам, а это означает, что наша злосчастная судьба будет зависеть от влияния некой зловещей Планеты Подражания со всеми вытекающими отсюда дурными последствиями. С помощью плохих машин мы сумеем создать только университет, подобный машине, к тому же еще плохо функционирующей.

Игроки проигравшей команды частенько начинают приписывать неудачу глупости своих товарищей. Так и с нашей системой образования, — оба участника одной команды, наши английские наставники и мы сами, стараются переложить вину друг на друга. Вполне вероятно, что и те и другие виноваты одинаково, но я всегда полагал, что бесполезно пытаться определить долю вины партнера, когда в проигрыше оказываешься прежде всего ты сам. Единственную практическую пользу такой анализ

может дать лишь в том случае, если мы определим свою долю вины в проигранном сражении.

Тот, кто сочувствует шудрам, может прийти к выводу, что во всех их несчастьях и унижениях виноваты одни брахманы. Отвлекаясь от того, насколько справедливо подобное суждение, хочу, однако, заметить, что в интересах самих же шудр было бы лучше, если бы им сказали: «Вы сами виноваты в том, что по своему малодушию позволили брахманам притеснять себя и унижать!»

Итак, условимся пока не говорить о своем партнере. Мы полагаем, что у нас нет своих ног, и поэтому выпи-сываем из-за границы деревянные. Кто же виноват в том, что наше образование хромает, как не мы сами? Я слышал об одном человеке, с которым произошло почти такое же несчастье: он утонул на мелком месте только потому, что считал, будто попал на глубокое.

Вся беда в том, что, как только мы заговариваем об университете, нам на ум приходит Кембриджский университет, Оксфордский университет и тени всех других европейских университетов заполняют наше сознание. Мы начинаем воображать, будто наше спасение зависит от того, насколько удачно мы определим лучшие черты каждого университета и объединим их в некое эклектическое совершенство. Мы забываем, что европейские университеты органично вошли в жизнь тех стран, где они в свое время возникли. Можно залатать нос или другие части лица досками чужой кожи — современная хирургия с этим справляется. Но создать целого человека из отдельных чужеродных кусков — это недоступно науке, и мы искренне надеемся, что никогда не будет доступно!

Мы видим европейские университеты возмужавшими и полными сил. Нам трудно представить себе университет иначе, как полностью сформировавшееся учреждение. Глядя, как подросший сын вашего соседа помогает своему отцу, вы тоже, естественно, захотите иметь сына. Но если вы пожелаете сразу приобрести взрослого сына, в спешке вы можете выбрать такого взрослого, который никогда не станет вашим сыном. Нетерпеливая жажда достичь скорейших результатов и злополучная склонность к подражательству возбудила в нас такое же противоестественное желание создать наш национальный универ-

ситет во вполне законченном виде. Не удивительно, что все наши старания остались втуне или принесли искусственные плоды из фарфора, — по размерам, форме и краскам они не уступают настоящим, но боже вас упаси откусить хоть кусочек, а тем более проглотить! Все эти стройные планы университетов, которые высиживает наша страна, подобны яйцам, сваренным вкрутую, из них никогда уже не вылупятся цыплята!

Как видно, не только мы, но и наши английские наставники забыли, что их собственные университеты росли вместе с ростом нации и что вначале у них не было того пышного великолепия, которым они отличаются сейчас; ведь главное не в этом великолепии, а в самой их сущности. Разумеется, теперь наши наставники могут и не вспоминать о том, что когда-то в их стране образование находилось в руках монахов, таких же бедных, как и большинство их учеников. Но они не имеют права забывать, что в такой бедной стране, как Индия, материальная основа нашего университета не должна превышать наши возможности. Такая губительная забывчивость ведет к тому, что недостаток школ и колледжей усугубляется нехваткой в них места, занятого столами и стульями, а это большая беда для нашего народа.

Я прекрасно понимаю, что человеку необходима и пища и посуда, из которой ее можно есть. Но когда пищи не хватает, нужно быть экономными и не тратить слишком много денег на тарелки. Загромождать нашу систему образования всякими нововведениями настолько дорогостоящими, что образование становится труднодоступным для народа, — это все равно, что тратить все свои деньги на покупку кошельков.

У себя на Востоке мы должны найти свое решение всех жизненных проблем. Климат научил нас обходиться легкой пищей и одеждой. Для нас важнее окна в стенах, чем сами стены. Наши одеяния не требуют много ткани, они должны быть открыты для света и воздуха. Солнце помогает нам сохранять тепло, в то время как жители других стран вынуждены прибегать к особо калорийной пище. Богатые природные дары определили своеобразие нашей жизни, и я думаю, что этим своеобразием нельзя пренебрегать, когда речь идет об образовании.

Я не хочу превозносить бедность! Но простота, на мой взгляд, гораздо ценнее всех ухищрений роскоши. Простота, о которой я говорю, не только подразумевает отсутствие всякого излишества, она — один из признаков совершенства. Когда люди это поймут, вредоносный туман, застилающий сегодня лик цивилизации, рассеется навсегда. Ведь именно из-за недостатка простоты самые жизненно необходимые вещи стали так редки и дороги.

Еда и развлечения, культура и образование, администрация и суды, — все это приобретает непомерно большое значение и ложится тяжким, хотя и во многом бесполезным, бременем на цивилизованного человека. Силы для того, чтобы нести эту ношу, у него, возможно, и хватает, но ловкости явно недостаточно. Должно быть, богам это зрелище напоминает с высоты барахтанье великана, который поднялся со дна, но еще не умеет плавать; могучими руками баламутит он весь пруд, не в силах понять, что его усилия не приносят никакой пользы.

Когда Запад познает простоту совершенства, и труд, и развлечения, и образование обретут свою истинную ценность в легкости и доступности. Я не знаю, когда это случится, но до тех пор, покорно склонив головы, мы должны выслушивать речи о том, будто высшего уровня знаний можно достичь только в высочайших зданиях.

Конечно, и форма имеет значение: в ней выражается наша душа, и забывать об этом — значит обеднять самого себя, — я это знаю. Но пока что Европа, сколько ни старалась, так и не нашла золотой середины, зачем же тогда мешать нам самим ее найти? Достичь простоты, не впадая в бедность, — задача трудная: каждый разрешает ее в соответствии со своим внутренним складом, мы всегда готовы принять образование как таковое, но навязывать нам чужой душевный склад было бы несправедливо.

Однако именно так поступают наши наставники, и это отражается на умах учеников: в погоне за мнимым величием мы все больше утрачиваем чувство реальности.

III

Когда в Бенгалии был создан Совет национального образования, я спросил одного из наиболее активных членов этого совета: неужели он в самом деле верит, будто огромное разветвленное древо университета может вырасти в один-единственный день, со всеми его корнями, ветвями и листвой?

Он ответил, что так оно и должно быть. Для того чтобы поразить воображение страны, нужно сделать все сразу, с начала и до конца.

Ну что ж, сказано — сделано. Впечатление было произведено, деньги полились рекой, и казалось бы, всего было в достатке, кроме одного пустяка, — истины, истины, которая никогда не гнушается скромных начинаний и не стыдится выращивать огромное будущее из тоненьких, слабых ростков. Тщетно пыталось искусственное дерево доказать, что оно способно к плодоношению. Вскоре оно увяло, засохло и дошло до такого жалкого состояния, что уже не в силах было скрывать свое бесплодие даже от самого себя. Поэтому разрешите еще раз повторить: недостаточно основать университет и недостаточно руководить им по своему усмотрению, — необходимо, чтобы этот университет стал по-настоящему нашим.

Я хочу попытаться объяснить скрытые причины недовольства, которые тревожат наши умы. Почти сто лет назад мы начали ходить в английскую школу, но до сих пор так и не можем ее закончить и все еще остаемся школярами. Эта школа для нас такое же убежище, как ловушка для мыши, — как бы не остаться в ней на веки веков!

Еще никто никогда не дал исчерпывающего определения жизни, потому что она изменяется каждое мгновение и чудодейственно ускользает от точного анализа. То, что дает жизнь, куда выше по качеству и больше по ценности, чем то, что она потребляет. Она отнюдь не является простой смесью углерода, азота и прочих элементов, которые она принимает в себя вместе с пищей. Точно так же и наш разум гораздо более велик, чем знания и воспитание, которые он получает извне. Истинное образование оживляет разум и побуждает его

отдавать количественно и качественно больше, чем он получает. Только исходя из этого, мы и должны судить о нашей системе образования.

Итак, вопрос ставится следующим образом: смогли ли мы в сфере духовной жизни отдать больше, чем получили, и создали мы что-либо свое или нет? Ибо если нация становится обузой для мира и не оправдывает затрачиваемых на нее средств, это для нее хуже смерти! Потому что нельзя жить под вечной угрозой обвинения в воровстве...

Что касается нас, то мы не только не отдали нашему университету больше того, что от него получили, но даже не расквитались с ним. Мы повторяли великие изречения, учили возвышенные истины, мечтали следовать примеру великих людей, и после всего этого стали конторскими служащими, помощниками судей, адвокатами или в лучшем случае врачами.

Стать врачом, например, не так уж плохо. Наши врачи работают во всех городах и деревнях Индии, многие приобрели хорошую репутацию и нажили богатство, однако, несмотря на весь обширный опыт, никто из них не сделал ни одного открытия в медицине. Подобно первым ученикам школы, они только скрупулезно применяли то, чему их учили. Но кто вознаградит нас за потерю, которую мы терпим из-за того, что ученики так и не становятся учителями?

Я не думаю, что виноват в этом какой-то врожденный недостаток в наших способностях. В истории Индии был длительный период, когда искусство врачевания процветало, когда его широко раскинувшиеся ветви осеняли всю страну. Это должно нам напомнить хотя бы о том, что некогда наш разум не терял живой связи с знаниями, что было время, когда мы не только заучивали, но и сами исследовали и экспериментировали, что мы пытались установить закономерности, строили гипотезы и старались найти им применение в жизни.

Куда же делись наше мужество и энергия? Почему мы так послушно, так пугливо склоняемся под бременем наших школьных знаний? Неужели потому, что мы рождены для рабства, для того чтобы сгибаться под грузом знаний, принадлежащих другим? Нет, нет и нет!

Несмотря на малые возможности и ограниченность перспективы, несмотря на недостатки нашего сегодняшнего образования, лишенного всякой жизненной силы, наша страна дала миру несколько таких великих ученых, как Джогодишчондро и Профуллочондро, и таких выдающихся педагогов и мыслителей, как Броджендронатх, доказав тем самым, что у нашего народа есть свое оригинальное мышление. И не наша вина, что оно задавлено механическим методом обучения и грубым презрением.

IV

Все живые существа подобны пламени, которое гораздо больше, чем горящий предмет. Они обладают двойной сущностью — большей и меньшей. Меньшая сущность зрима и ощутима, ее можно поймать и пленить. Большая — неуловима. У нее нет определенных границ, но она занимает много места и в пространстве, и во времени.

Когда мы представляем себе какой-либо иностранный университет, мы видим его меньшую сущность — здание, меблировку, устав и обычаи. Большая сущность остается для нас незримой. Но так же, как сердцевина кокосового ореха немыслима без оболочки, любой европейский университет немыслим без всего, что его окружает: общества, парламента, литературы и всех многочисленных проявлений общественной жизни. Европейцы публикуют свои воззрения в книгах, они живо обсуждают, сравнивают и распространяют их. Общий дух объединяет их профессоров и студентов в единый жизненный организм. Короче говоря, образование у них влито в сосуд их разума, который непрерывно пополняется живой водою из источника их культуры и, в свою очередь, орошает поля их общественной жизни. Только органичное единство их разума, жизни и культуры дало им возможность находить истину во все времена и у всех народов, обогащая свою культуру, которая является основой их цивилизации.

С другой стороны, те, кто, подобно нашим современным студентам, всецело полагается на книги не потому,

что этого требует их разум, а ради какого-то чисто внешнего преимущества, — обречены на замедленное умственное развитие, они подобны младенцам, вскормленным искусственной пищей. У них никогда не будет смелости, ибо они никогда не видели, как зарождаются и пролагают себе дорогу те мысли, которые они почерпнули из учебников. Они никогда не поймут исторического значения идей, ибо не видят перспектив их развития. Загипнотизированные контрастом белой бумаги и четко оттиснутых черных букв, они забывают, что все это дело рук человеческих. Они заимствуют не только чужую культуру, но и чужие мерил для оценки всего сущего. А это все равно, как если бы они клали чужие деньги да еще и в чужой карман. Их образование подобно колеснице, которая не везет их, а тащит за собой. Зрелище поистине жалкое, а подчас и комичное! Современная европейская культура, чья сила и истина заключаются в ее динамичности, ввозится к нам в обезжиренном, замороженном виде, подобно шашкам, которые мы привыкли принимать безоговорочно из-за их якобы божественного происхождения.

Все это объясняет, почему мы не можем уловить динамическую сущность живой истины. Образ мышления англичан в периоды от ранневикторианского до средневикторианского и от средневикторианского до поздневикторианского все время менялся, и вместе с ним менялись воззрения и мерил. А мы, учась у англичан, смогли усвоить лишь несколько из застывших воззрений и мерил. Наш ум не способен эволюционировать вместе с нашим учителем, а потому мы лишь перескакиваем с одного на другое, теряя связь с развитием жизни. Не задумываясь, мы бросаемся в объятия утилитаризма Бентама и Милля, либо погружаемся в спиритуализм Карлейля и Рескина, либо, наконец, удовлетворяемся парадоксами Честертона и Бернарда Шоу, которые только щекочут наш ленивый разум. И мы не видим при этом, как на всякое действие они отвечают противодействием. Мы хвастаемся ультрасовременностью нашего образования, забывая о том, что цель образования — вести нас в будущее, далеко за пределы современности.

Жизнь может общаться с жизнью только через живого посредника. Поэтому культура, это проявление духовной жизни разума, может распространяться только от человека к человеку. Книжные знания или священные тексты способны плодить лишь педантов. Они статичны и многообъемны, они лишь накапливают и хранят свои сокровища под строгой охраной. Культура же растет, движется и умножается в гуще жизни.

Студенты европейских университетов впитывают культуру не только из окружающей среды, но и непосредственно из общения со своими учителями. Они живут под светом своего солнца, и это солнце — дружба между учителями и студентами. А у нас есть лишь твердый камень, из которого с великим трудом удастся высекать искры, причем шуму от этого куда больше, чем света. Этот камень — абстрактные знания и застывшая негибкая методика.

К несчастью у нас есть все, что есть в любом европейском университете, — здание, мебель и прочее. Нет лишь преподавателей. Вместо них у нас какие-то книготорговцы, устами которых, так и кажется, глаголет бумажный бог книжных лавок. Это, естественно, приводит к тому, что наши студенты становятся «неприкасаемыми» даже для наших индийских профессоров. Университетские преподаватели кормят своих воспитанников духовной пищей небольшими порциями и предпочтительно издаека, воздвигая между ними и собою стену из тетрадей. Такого рода пища не радует и не насыщает. По сути дела, мы сидим на голодном пайке, только-только не дающем умереть. Такой рацион не имеет ничего общего с человеческой культурой, не ограничивающейся требованиями строгой необходимости, — его недостаточно даже для поддержания жизни, а уж о пиршестве и говорить нечего.

До тех пор, пока мы не докажем, что мир не может без нас обойтись, что мы не какие-то жалкие приживальщики мировой культуры, нищие, не имеющие ничего за душой, — нам только остается надеяться на чужие милости. Эти милости нам приходится завоевывать

порою слезами, порою лестью, порою мелкими услугами и другими узаконенными способами подхалимства.

Никто не будет стремиться прийти нам на помощь, если мы сами не заслужим уважения к себе. Кого же винить в наших бедствиях? Где взять на земле место для людей, которые только потребляют и ничего не производят? Можно ли построить инвалидный дом для целой страны? Пора усвоить суровую истину: мы никогда ничего не обречем, даже если нам что-нибудь дадут! Ибо только озеро, а не пустыня может удержать дары небесных туч, потому что в глубинах озера таятся силы, способные и принимать и отдавать. Дается только имущему, иначе даяние оскорбительно для того, кто его принимает.

Но мы настолько привыкли жить подаянием, что уже не способны глубоко воспринять эту истину. Больше всего мы боимся, как бы не упустить какой-нибудь мелочи из того, чему нас учат, как бы не сделать грамматической ошибки в сочинении по английскому, как бы что-либо не задержало нашей подготовки к карьере мелкого конторского служащего! Для нас образование — все равно что телега для лошади, которая тащит тяжелый груз ради того, чтобы обеспечить себе сено и место в конюшне хозяина. У лошади нет той свободы, которая есть у ее хозяина. И потому телега навсегда останется для нее воплощением рабского принуждения.

VI

Разрешите мне рассказать о том, что может дать университет, возникший и выросший на национальной почве, и что происходит, когда этому мешают обстоятельства, обусловленные историческим развитием.

В тот период, который в Европе называют темным, ибо светильник Рима тогда уже погас под натиском варварского урагана, Ирландия была одной из немногих стран Запада, где культура еще высоко держала голову. Студенты из других европейских стран устремлялись туда в поисках знаний. Их устраивали, кормили и учили бесплатно, как в наших санскритских патхшала. Ирландские монахи оживляли угасающее пламя христиан-

ской религии и культуры по всей Европе. Когда Карл Великий основал в Париже университет, ему помог ученый ирландец Клеменс. Есть немало других доказательств того, каких высот достигла в то время культура Ирландии. Несмотря на то что зародилась она в Риме, эта культура, после долгого периода обособленности, проникла в жизнь и разум ирландского народа и приобрела чисто ирландский дух. И выражением этой культуры стал ирландский язык.

Когда англичане и датчане захватили Ирландию, они сожгли ирландские колледжи, разгромили библиотеки, уничтожили или разогнали монахов и студентов. Несмотря на это, в той части страны, которая все еще оставалась свободной и не подверглась разграблению, преподавание велось на ирландском языке, вплоть до царствования королевы Елизаветы, когда Ирландия была полностью завоевана, а ее национальные университеты закрыты. Вследствие этого ирландский язык, лишенный поддержки своей культуры и науки, обеднел, и появилось мнение, что он пригоден лишь для народных низов. Затем, в девятнадцатом веке, зародилось движение за развитие национальных школ, и все ирландцы приветствовали его с безграничным энтузиазмом людей, изголодавшихся по знаниям.

Но суть этого движения заключалась в том, чтобы воспитать ирландцев по англо-саксонскому образцу. Плохо это или хорошо, но творец создал каждую нацию по-разному, так что ни одной не идет костюм с чужого плеча. Когда началось движение за развитие национальных школ, восемьдесят процентов ирландцев говорили на своем родном языке. Но вскоре ирландских мальчиков, под страхом всевозможных наказаний, заставили отказаться от своего языка. Даже история их собственной страны была исключена из школьных программ!

Последствия нетрудно было предвидеть. В стране наступил духовный застой. Мальчики-ирландцы приходили в школу любознательными, пытливыми и живыми, а покидали ее умственно искалеченными, с ненавистью ко всем знаниям и наукам. Дело объяснялось просто! В школе господствовало механическое преподавание,

которое приводило к тому, что дети превращались в попугаев, бессмысленно повторяющих все, чему их учат.

В разных странах никогда не бывает сходных условий. Политика, проводимая Великобританией в области образования, не может дать в Индии тех же результатов, что в Ирландии. И все-таки одна сходная черта есть — мы не вкладываем душу в занятия. По правде говоря, никто даже не задумывался над тем, что у нас есть душа. По всем правилам инженерного искусства вырыли канал, построили великолепные шлюзы и плотины, затратили миллионы, — а вода не идет! Строители проклинаят воду за ее упрямство, мы же встаем на ее защиту и говорим, что виноваты строители. А тем временем обширные поля изнывают от жажды. Позвольте же мне сказать шепотом, за спиною разгневанных строителей, что они насильственно нарушили естественное водоснабжение страны, и теперь страна мстит им за это.

VII

Изучение иностранного языка — далеко не самый совершенный способ оросить поля учения. Этот трюизм усыпил бы слушателей в любой другой стране. Но у нас трюизмы кажутся опасной ересью и пробуждают в наших флегматичных душах активное возмущение. Поэтому для нас трюизмы — тонизирующее средство, хотя в общем-то мы предпочитаем банальность. Это и дает мне смелость еще раз повторить: до тех пор пока мы будем приобретать знания через посредство английского языка, нам придется большую часть жизни тратить на то, чтобы стучаться в ворота и открывать замок. Там, в доме, нас, может быть, ждет пиршество, но слишком долгое ожидание портит аппетит, не говоря уже о том, что длительное голодание пагубно для желудка. Идеи слишком медленно доходят до нас; мы ломаем свои зубы о грамматику, о систему орфографии, в которой нет ничего осмысленного, и уже не можем пережевать пищу, когда ее получаем.

Если вы задумаете вырастить дерево на песчаной почве безводной пустыни, вам придется привезти из какого-то далекого края не только семя, но и землю и воду.

И все равно, несмотря на все ваши хлопоты, дерево вырастет хилым. И если даже оно принесет плоды, семена не созреют.

Образование, которое мы получаем в наших университетах, подобно возделыванию абсолютно бесплодной пустыни, оно предполагает ввоз из-за границы не только мировоззрения и знаний, но и языка, на котором они излагаются. Это делает наше образование таким туманным, далеким и нереальным, что оно совершенно отдалается от жизни. Это образование отнимает слишком много времени, здоровья и денег, а результаты приносит ничтожные.

Насколько я могу судить по собственному преподавательскому опыту, значительная часть учеников не имеет природной способности к изучению иностранных языков. Если такие ученики, плохо знающие английский, в школе кое-как отделываются низкими оценками, то на более высоких ступенях образования этот недостаток приводит к неизбежной катастрофе. Есть и другие причины, по которым английский язык недоступен значительной части индийских детей. Прежде всего, разуму, привыкшему обдумывать свои мысли на восточном языке, так же трудно излагать их на английском, как трудно всунуть английскую шпагу в ножны, изготовленные для кривой сабли. И затем, разумеется, лишь очень немногие мальчики имеют возможность по-настоящему изучить английский язык у хороших преподавателей. Сыновья бедняков такой возможности, естественно, не имеют.

И вот этим ученикам, не умеющим разумно пользоваться языком, приходится вызубривать целые книги наизусть, подобно царю Хануману из нашего древнего сказания, который не знал, какая трава ему понадобится, и понес на себе целую гору со всевозможными травами. Для людей с необычайно сильной памятью это еще доступно, но что спрашивать с несчастных юнцов, наделенных самыми обычными, средними способностями?

Вопрос ставится так: неужели эти многочисленные юнцы, не сумевшие по той или иной причине преуспеть в изучении английского языка, так виновны, что их следует карать пожизненным изгнанием из университета?

Когда-то в Англии воров приговаривали к повешению. К средним ученикам закон еще суровее, ибо высшая мера наказания применяется за неспособность к жульничеству. В самом деле, какая разница между тем, кто приносит на экзамен книгу за пазухой, и тем, кто прячет ее содержание в голове? И то и другое — жульничество, только первое — неумелое, а потому наказуемое, а второе — умелое.

Я совсем не хочу этим сказать, что имею что-либо против тех зубрил, которым удастся благополучно пересечь экзаменационный мост, подобный мосту через Хугли. Но разве нельзя оставить тем, для кого этот мост закрыт, хоть какое-нибудь средство для переправы, пусть не катер, но хотя бы лодку! Ведь мы сейчас бездарно растрачиваем силы нации, лишая высшего образования тысячи учеников, которые имеют способности и стремятся к знаниям, но почему-либо не смогли изучить иностранный язык.

Я знаю, что мне возразят:

— Вы хотите вести преподавание в высших учебных заведениях на индийских языках. Прекрасно, но как быть с учебниками?

Я знаю, что учебников у нас действительно нет. Но помилуйте, откуда же им взяться, пока преподавание ведется по-английски? Кто же станет чеканить монеты, которые не имеют хождения?

VIII

Из истории Ирландии можно извлечь еще один урок, который сводится к поговорке: сперва приходит вода, а уж потом — рыба. Сначала появляются образованные люди, вокруг которых собираются ученики, стремящиеся приобрести знания, а не диплом с печатями, как бы устанавливающий рыночную цену его обладателя.

В эпоху всеобщего духовного подъема, когда мысль и знания били ключом, в Наланде и Таксиле сами собой образовались культурные центры. А мы, из-за привычки к стандартам во всем и, в частности, в области образования, начали дело создания национального университета

не с того конца. Прежде всего мы подумали о студентах, а уж потом — о тех, кто их должен учить. Это походит на анекдот с рассеянным создателем, который положил немало сил на то, чтобы сотворить хвост, и лишь потом заметил, что у его творения нет головы. Мы приглашаем гостей, усаживаем их за стол, а потом вдруг вспоминаем, что их нечем кормить. Поневоле, чтобы отвлечь их, приходится подсовывать им роскошное меню, а потом суетиться и хлопотать, требуя блюд, которые так и не появляются на столе, и бурно возмущаться отсутствием того, другого и третьего.

До тех пор пока нас больше всего волнует вопрос о том, как привлечь студентов, нам придется придумывать всяческие уловки, чтобы завоевать симпатии страны. Днем и ночью мы должны готовить всевозможные программы, днем и ночью нам придется раздувать ненависть ко всему иностранному, обращаться со страстными призывами к Матери-Индии и выкрикивать гипнотизирующие лозунги, дабы отвлечь и запутать умы наших соотечественников.

Но именно ради сохранения ясности ума и логики мышления нам следует выбросить на свалку все наши программы, а вместе с ними — заботы о количестве студентов. Давайте избавимся раз и навсегда от сакраментальных представлений об учебных заведениях — представлений, которые так долго засоряли наше сознание.

А затем давайте пожелаем от всей души, чтобы те, кто успешно прошел школу воспитания разума, кто способен творчески мыслить, а следовательно, и делиться своими мыслями, объединились и обосновали свои собственные кафедры для напряженных поисков и исследований в области знаний. Только таким путем, сконцентрировав наши духовные силы, мы сумеем своими руками и в полном соответствии с истиной жизни сразу создать наш университет.

Необходимо помнить о том, что такая концентрация интеллектуальных сил страны является важнейшей задачей любого университета, ибо в нем, как в ядре живой клетки, сосредоточивается созидательный дух нации.

Мне часто приходится слышать о том, что добиться в Индии интеллектуального единства невероятно трудно, почти невозможно, из-за наличия у нас большого числа разных языков.

Но каждому народу, если он стремится к величию, приходится либо решать самостоятельно свои великие проблемы, либо заранее мириться с поражением и упадком. Все истинно великие цивилизации возникали на фундаменте преодоленных трудностей. Народам, имеющим в своем распоряжении полноводные реки, можно только позавидовать, но тем, у кого нет рек, приходится рыть колодцы, чтобы с великим трудом добывать воду из глубины земли. В таких странах пыль, конечно, доступнее воды, однако это еще не причина считать, будто пыль может заменить животворную влагу. Поэтому и нам нужно смело принять все трудности, связанные с нашим многоязычием, не забывая при этом, что иностранный язык, как и иностранная почва, хорош только для тепличных культур, но совершенно непригоден для возделывания полей жизни.

Давайте же рассматривать Индию не как одну из великих европейских стран, с единым языком, а как всю многонациональную Европу со множеством народов, которые говорят на множестве различных языков. Ведь не помешало это европейцам создать единую цивилизацию, хотя она и не основывается на языковом единстве!

На ранних периодах развития европейской культуры общим языком была для всех наций латынь. Это был период, когда только распускались почки культуры, когда все лепестки самовыражения были еще сжаты в один комочек. Однако совершенство духовного раскрытия вовсе не означало, что все пользовались одной колесницей литературы. Лишь когда великие народы Европы обрели каждый свой собственный язык, появилась реальная основа для создания истинного единства западных культур. При этом само различие в средствах выражения мыслей способствовало плодотворности и разнообразию обмена знаниями. В самом деле, ведь истинное единство заключается в гармоничном слиянии различий. Всякое же искусственное единообразие бессмысленно и нежизненно.

Нетрудно представить, какой урон понесла бы европейская цивилизация, если бы Франция, Италия, Германия и Великобритания действовали совершенно изолированно друг от друга, не внося своих индивидуальных вкладов в общую сокровищницу. И мы понимаем, почему вся Европа обрушилась на Германию, когда та попыталась утвердить безраздельное господство своей культуры.

У нас тоже было время, когда в Индии господствовал общий язык — санскрит. Однако для полноты обмена идеями необходимо было, чтобы каждый национальный язык достиг расцвета, ибо только через свой язык все народы Индии могут выразить собственный дух с достаточной полнотой. Этого никогда не удалось бы достичь с помощью иностранного языка, с его реалиями и ассоциациями, которые бы сковали нашу мысль и созидательный дух. Английский язык неизбежно заставляет нас искать источники своего вдохновения на Западе, с которым у нас нет общих точек соприкосновения в реальной жизни. Именно поэтому наше образование остается бесплодным либо приводит к нелепым недоразумениям. Пусть же разнообразие языков не пугает нас! Гораздо опаснее занимать для своей культуры язык заморской страны, ибо живой родник языка вдали от своих истоков высыхает и мелеет.

Нам трудно себе представить, как это мы вдруг перестанем строчить на английском языке всевозможные заявления или откажемся от места мелкого служащего в каком-нибудь второстепенном ведомстве. Но пока, к прискорбью, английский остается официальным языком, это искусственное препятствие не пропускает наш родной язык в храм культуры, обрекая его на прозябание на задворках.

Мириться с этим — значит продолжать и впредь нести тяжкое и дорогостоящее бремя мероприятий правительства, которые совершенно непонятны большинству населения. А это, в свою очередь, вызывает неприятную необходимость прибегать к помощи знающих английский язык посредников буквально во всех, даже самых пустяковых случаях, когда населению приходится обращаться к властям. Насколько мне известно, Индия — единственная страна в мире, где правительственный департамент

по делам сельского хозяйства выпускает для крестьян бюллетени на непонятном для них языке, да еще заставляет несчастных крестьян платить из своего кармана за это бессердечное издевательство.

Правительство не жалеет никаких средств на перевод с наших языков на английский, чтобы до предела облегчить работу немногочисленных чиновников-англичан, участвующих в управлении чужой для них страной. Однако оно ничего не делает для того, чтобы триста миллионов коренных жителей этой страны могли проникнуть в тайны чужого для них английского языка. Поэтому никакие законы, постановления законодательных советов, обращения правительства к населению и важнейшие правительственные сообщения просто не доходят до народа. Остается только удивляться, как это у нас до сих пор нишут названия железнодорожных станций на индийских языках! Видимо, кое-кто в правительстве еще не окончательно утратил чувство юмора. А если говорить всерьез, то наши правители всемерно облегчают свои обязанности, но тем самым бесконечно затрудняют жизнь народа, которым они правят.

Создалось совершенно противоестественное положение, когда родной язык мешает достижению успеха, когда многие из наших образованных людей гордятся унижительной способностью ловко балансировать на канате английской грамматики, настолько тонком, что он может оборваться каждую секунду. И при этом мы вынуждены стыдливо закрывать глаза на вопиющие недостатки нашей системы образования и со слезами благодарности принимать от нее камень вместо хлеба. Ибо нам приходится содержать наше правительство не только за счет налогов, но и за счет родного языка и национальной культуры, от которой зависит все будущее нашей Родины.

Х

Все это заставляет думать об организации индийской системы образования, совершенно независимой от существующей сети школ и колледжей, контролируемой университетом. Пусть эти рассадники механических знаний

займут надлежащее место среди судов, контор, полицейских участков, тюрем, сумасшедших домов и тому подобных атрибутов цивилизации.

Нашей стране нужны плоды и тень; поэтому давайте уйдем от сооружений из кирпича и бетона к земле. Почему у нас не хватает смелости допустить, что мы можем возвращать наши жизненные силы так же естественно, как это делали ученики, собиравшиеся вокруг учителей в лесных обителях ведической эпохи или в Наланде и Таксиле во времена Будды? Ведь сохранились же такие очаги знаний даже сегодня, в период упадка, в виде наших толдов и чатушпати!

Однако подобные центры не следует даже называть университетами, ибо одного этого слова достаточно, чтобы возникла непреодолимая тенденция к сравнениям и рабскому подражательству. Я бы предложил создать где-то некое подобие духовного центра притяжения, который бы собирал наследие всех эпох всех индийских народов, формируя полноценную и живую сферу индийской культуры.

XI

Одного ученика англо-национальной школы в Аллахабаде как-то спросили, что такое река. Сообразительный малыш ответил совершенно правильно. Но когда его спросили, видел ли он сам реку, несчастный ученик, живший возле места, где сливаются Ганга и Джамуна, ответил, что нет, не видел. Ему и в голову не пришло, что привычный обыденный мир, в котором он живет, может быть тем другим великим миром, из учебника географии! Когда мальчик подрастет, он, наверное, узнает, что даже его страна нашла освещение в географии и что в ней тоже есть реки. Но представьте, что он ничего не будет знать до тех пор, пока какой-нибудь иностранный путешественник не расскажет ему однажды, что он живет в огромной стране, где есть такие высокие горы, как Гималаи, и такие большие реки, как Инд, Ганга и Брахмапутра. Это будет опасным ударом для душевного равновесия нашего ученика. От привычного самоуничижения он может сразу броситься в другую крайность и

начнет кричать на всех перекрестках, что остальные страны ничего, мол, не стоят, а вот его страна — истинный рай земной! Его прежние представления о мире были ошибочно и объяснялось его невежеством. Однако новый взгляд на мир еще хуже, ибо он превратен и смешон, как всякая глупая самовлюбленность. То же самое происходит и с нашей индийской культурой. Из-за вынужденных пробелов в наших знаниях мы считаем, что у Индии нет или почти нет своей культуры. Но когда до нас доносится хотя бы отзвук похвального слова, произнесенного в честь индийской культуры каким-нибудь зарубежным мудрецом, мы теряем всякое самообладание и начинаем вопить, что другие культуры всего лишь плоды рук человеческих, а вот наша-де — божественное творение самого Брахмы! Это, в конечном счете, приводит к своеобразному запою, когда организм, привыкший к самообольщению, уже не может без него обходиться.

Не следует забывать, что учение об исключительности какого-либо творения давно устарело, а мысль об особом предназначении какой-нибудь избранной нации является отрывкой варварских веков. Пора наконец понять, что в наше время любая теория или культура, изолированная от окружающего широкого мира, никогда не может быть истинной. Только узника одиночной камеры можно считать изолированным от мира. И те, кто возвещает, будто Индия осуждена провидением на вечное интеллектуальное заключение в одиночке, отнюдь не способствуют прославлению нашей страны.

Поэтому в любом случае, если мы намереваемся создать центр индийской культуры, нам следует исходить из того, что Индия обладает собственной культурой, способной обогатить все народы.

Высказывая эту мысль, я словно чувствую, как кто-то из моих соотечественников дергает меня сзади и говорит:

— Пойдите-ка! Разрешите спросить, вы действительно думаете, что индийская культура — лучшая в мире, или просто считаете, что она достойна занять в нашем образовании почетное место?

К счастью, наш мир устроен так, что в нем невоз-

можно тирания чего-то одного, пусть даже самого лучшего. Есть немало вариантов лучшего, которые дополняют друг друга. Поэтому не будем спорить из-за превосходных степеней или воспринимать их слишком серьезно.

Не составляет труда доказать, что в индийской культуре есть свои предрассудки и свои недостатки. Они проявляются особенно ярко потому, что развитие нашей культуры приостановлено. И в европейской культуре есть свои предрассудки. Их больше, чем достаточно, и в европейской политике, и в науке. Однако эти предрассудки не становятся губительными, ибо политика и наука развиваются и меняются, подобно европейским классовым разграничениям, которые лишь потому не давят всей своей тяжестью, что они постоянно в движении.

Совсем недавно, всего несколько лет назад, Европа начала смотреть на мир сквозь очки так называемой «борьбы за существование». Эти очки определяли для нее цвета мира и отношение к нему. Мы тоже, как и подобает послушным ученикам, подхватили эту фразу, воображая, что неверие в нее свидетельствует о недостатке образованности. Но уже сейчас эта идея претерпевает заметные изменения, ибо появились факты, доказывающие, что позитивные силы, определяющие естественный отбор, являются дружественными силами, силами сочетания. В девятнадцатом веке девизом политической экономии была безудержная конкуренция. В двадцатом веке на смену конкуренции постепенно приходит сотрудничество. Это лишний раз доказывает, что все, задерживающее движение, — вредоносно.

Было время, когда Индию занимала проблема жизни. Мы широко экспериментировали, и достигнутые нами результаты заслуживают внимания, несмотря на то, что они отличны от результатов, полученных в Европе. Но надо двигаться вперед, надо, чтобы эти результаты влились в поток мировых открытий. Если же они будут отставать и суеверно открещиваться от опыта всего человечества, человечество с презрением забудет о них. Пора выстроить наши знания в стройные ряды и заставить их двигаться в такт с барабанным боем жизни.

Слишком долго наша культура была в изгнании, замкнутая в наших национальных санскритских патхшала. Она стала как бы неприкасаемой, ибо незаслуженное преклонение изолирует так же, как незаслуженное презрение.

В свое время безмерное обожествление микадо превращало его в пленника в собственном дворце, так что в результате истинным правителем Японии был не он, а сёгун. Когда микадо понадобилось взять власть в свои руки, ему пришлось выйти из своего божественного заключения.

Так и культура наших санскритских патхшала была замкнута в самой себе — прочие культуры для нее не существовали. Считалось, что она появилась из божественных уст Брахмы, или из заплетенных волос Шивы, или еще каким-то сверхъестественным способом, а потому культура эта неподобна, священна, ее ни с чем нельзя смешивать, а следует хранить в первоизданной чистоте, оберегая от непосвященных. Так она стала индийским микадо, в то время как культуры других народов набирали силу благодаря ничем не ограниченной свободе развития и становились хозяевами положения, каким был сёгун. Мы можем преклоняться перед микадо, однако дань мы платим сёгуну. Мы можем тайком проклинать сёгуна и свое рабство, но все равно, когда придет время посылать наших сыновей к его двору, мы продадим украшения жены и заложим дом предков, чтобы уплатить ему дань до последней монеты.

Оттого, что мы почтительно опутываем нашу культуру золотыми цепями, не будет никакого толку. В наш век все искусственное рушится; выживает лишь то, что своей основой связано с широким миром, а то, что прячется в тайной норе исключительности, неизбежно гибнет. Детскую следует хорошенько запира́ть, оберегая колыбель младенца. Но если ребенка, когда он подрастет, по-прежнему держать взаперти, он будет слаб духом и телом.

Некогда Китай, Иран, Египет, Греция и Рим возвращали свои культуры в относительной изоляции. Однако

общее величие, присущее в той или иной мере каждой из них, выросло и достигло силы в защитной оболочке индивидуальности. Нынче начался век сотрудничества и взаимной помощи. Пора высаживать ростки, проклюнувшиеся в отдельных теплицах, под открытое небо, на поля. Чтобы установить, что́ стоит товар на самом деле, его надо выбросить на мировой рынок.

Поэтому и мы должны готовить широкое поле для сотрудничества культур всего мира, тогда каждая из них будет отдавать и брать у другой и каждую будут изучать в ее историческом развитии. Подобное уточнение знаний путем сравнительного изучения и подобный прогресс в области интеллектуального сотрудничества будут лейтмотивом грядущего века. Мы можем гордиться нашей священной обособленностью в воображаемой безопасности нашей хижины, однако мир все равно окажется сильнее нашей хижины и, в конце концов, разрушит стены нашего убежища.

Однако прежде чем сравнивать себя с другими мировыми цивилизациями или пытаться с ними сотрудничать, нам необходимо создать свою собственную культуру на основе синтеза всех индийских культур. Когда будет создан подобный центр, мы сможем без стыда и смущения смотреть в лицо Западу, сможем не склонять перед ним головы и не бояться оскорблений. Ибо из этого центра на нашей родной земле нам откроются свои пути к истине, и новые идеи устремятся оттуда в признательный мир.

ХІІІ

Во всех великих странах есть свои основные центры духовной жизни, где уровень знаний особенно высок. К этим центрам, естественно, стремятся умы людей, ибо там, в близкой им по духу атмосфере, они могут проявить свои таланты и внести свою лепту в сокровищницу национальной культуры. Тем самым они как бы поддерживают на алтаре страны великое жертвенное пламя разума, озаряющее все окрест.

В Греции таким центром были Афины, в Италии — Рим, а в современной Франции — Париж. Центром нашей

санскритской культуры был и до сих пор остается Бенарес. Однако санскритская культура не охватывает всех элементов, из которых складывается культура современной Индии.

Если мы поверим утверждению некоторых людей, будто европейская культура единственная достойная этого имени в наше время, то невольно возникает вопрос: есть ли в Индии какой-нибудь естественный центр для европейской культуры? Имеет ли он жизненные, плодотворные связи со страной? Ответ не вызывает сомнений: такого центра не только нет, но и не может быть, ибо постоянный центр европейской культуры может существовать только в Европе. Поэтому, считая, что европейская культура для нас — единственный источник духовного света, мы уподобляемся людям, которые принимают за солнце звезду, озаряющую какие-нибудь далекие миры. От звезды тоже доходит до нас сияние, но она никогда не принесет нам день; звезда может указывать направление в море исследований, но она никогда не озарит полным светом истину. Короче говоря, такая звезда никогда не вызовет брожения жизненных соков в незримых глубинах наших душ, никогда не озарит своим сиянием нашу жизнь.

Именно по этой причине европейское образование остается для Индии школьной премудростью, а не культурой, коробкой спичек, а не зарей, в которой слиты воедино с необходимостью и красота, и все неуловимые тайны жизни.

Внутренний дух Индии призывает нас создать великие культурные центры, где соберутся все жаждущие творческой деятельности духовные силы страны; все запасы ее знаний и мыслей, как восточных, так и западных, сольются в гармоническом единстве. Индия ищет свою современную Брахмаварту, свою Митхилу времен Джанаки, свой Удджаини времен Викрамадитьи. Она ищет радостной возможности познать свою душу и подарить ее миру, чтобы помочь его продвижению вперед. И она сможет это сделать, когда соберет свои ныне хаотически распыленные силы и освободится от инертности заимствования.

XIV

Разрешите мне сказать ясно и определенно, что у меня нет предубеждений против какой бы то ни было культуры из-за ее иностранного происхождения. Наоборот, я убежден, что столкновение различных культур необходимо для жизнеспособности нашего интеллекта. Считается, что многое в духе христианства противоречит не только классической европейской культуре, но и европейскому складу души. И тем не менее принесенный извне поток, противясь естественному течению европейской мысли, явился важнейшим фактором развития и обогащения европейской цивилизации именно потому, что двигался в противоположном направлении. В самом деле, национальные языки Европы пробудились к жизни и расцвели прежде всего благодаря влиянию чужеродных идей, проникнутых восточным мироощущением и чувствами.

То же самое происходит и в Индии. Европейская культура принесла нам не только свои знания, но и свой динамизм. Мы не можем усвоить ее сразу и целиком, и это ведет к бесчисленным ошибкам. Однако европейская культура пробуждает наше сознание от интеллектуальной спячки именно благодаря тому, что не совпадает с нашими традиционными представлениями.

Я протестую только против искусственного положения, при котором иностранное образование стремится полностью завладеть нашим национальным сознанием и тем самым, если не совсем уничтожает, то значительно убавляет наши шансы на обогащение ума с помощью новых истин. Поэтому я призываю к усилению всех национальных элементов нашей культуры вовсе не для противодействия западной культуре, а для того, чтобы мы могли по-настоящему понять и принять ее, чтобы она стала нашим хлебом насущным, а не обузой, чтобы мы перестали питаться крохами с ее стола, зазубривая тексты учебников.

Индийская культура разделялась на четыре потока — ведический, пуранический, буддийский и джайнистский. Истоком для нее служили высшие откровения индийской мысли.

Однако ни одна река не питается водами только той страны, по которой течет. Так, тибетская Брахмапутра вливается в индийскую Гангу. Равным образом и у индийской культуры есть свои притоки. В Индию, например, неоднократно приходили мусульмане со своими сокровищами знаний, своим мироощущением и своей удивительной веротерпимостью, вливаясь, подобно ручьям, в общий поток. Магометанство внесло неоценимый вклад в нашу музыку и живопись, литературу и архитектуру. Те, кто изучал жизнеописания и труды наших средневековых святых, а также великие религиозные течения, возникшие во времена мусульманского господства, знают, сколь многим мы обязаны этому иноземному притоку, неразрывно слившемуся с нашей жизнью.

А потом на нас обрушился поток западной культуры, который начал размывать все дамбы и берега, захватывая в своем неудержимом стремлении все другие притоки. Если бы мы могли создать для него отдельное русло, мы бы спаслись от наводнения. В противном случае придет день, когда мы убедимся, что, как ни велика была польза от такого разлива, причиненный им урон неизмеримо больше.

Поэтому в нашем центре индийского образования необходимо изучать все культуры — ведическую, пураническую, буддийскую, джайнистскую, мусульманскую, сикхскую и зороастрическую. И лишь параллельно с ними — европейскую культуру, ибо только в этом случае мы сумеем ее усвоить. Река, текущая в своих берегах, принадлежит нам, но ее разлив — катастрофическое бедствие для нас.

Вряд ли стоит добавлять к сказанному, что наряду с языками, в которых сосредоточены сокровища нашей древней мудрости, необходимо изучать великие языки, выражающие живой дух современной Индии, причем в систему изучения современных языков необходимо включить курс народной литературы, чтобы по-настоящему по-

стичь психологию нашего народа и уловить направление, куда стремится подземный поток жизни.

Некоторые люди настолько осовременились, что считают все наше прошлое потерянным, они утверждают, будто бы прошлое не оставило нам ничего, кроме долгов. Они отказываются верить, что снабжение армии, продвигающейся вперед, осуществляется все-таки за счет тылов. Таким скептикам нелишне напомнить, что великая эпоха Возрождения началась с того, что люди вдруг обнаружили в житнице прошлого семена бессмертных идей.

Несчастен народ, не сумевший сохранить урожай прошлого, ибо, потеряв его, он потерял свое настоящее. У него нет семян для посева, и вот ему приходится нищенствовать, чтобы не умереть с голоду. И мы должны всегда помнить, что не принадлежим к числу таких обездоленных историей народов. Пришло время вскрыть сокровищницу наших предков и пустить ее богатства в оборот жизни. Пусть они помогут нам создать наше собственное будущее, ибо хватит нам собирать обноски у других народов!

XVI

До сих пор я говорил только об интеллектуальном аспекте образования, потому что он нам более знаком и потому что мы в Индии, подобно луне, подставляем под лучи солнца мировой культуры лишь одну свою сторону — интеллектуальную. Видимо, мы еще не до конца осознали, что и другая сторона нашей жизни также нуждается в тепле и свете.

Обычное образование дает нам представление только о европейской науке, да еще, в лучшем случае, — о литературе. Таким образом, наше знакомство с современной культурой ограничивается грамматикой и лабораторией. Мы почти ничего не знаем об эстетической стороне жизни, и это совершенно невозделанное поле зарастает сорняками.

Поэтому мне придется еще раз прибегнуть к трюизму и с полной серьезностью повторить, что музыка и другие искусства являются высшими средствами национального самовыражения, без которых народ остается немым.

Логический разум захватывает только внешние, поверхностные слои жизни; подсознание проникает в глубины глубин, где со дна океана внешних восприятий, словно огромный материк, поднимается мудрость неисчислимых веков. Наше сознание выражается в разнообразной разумной деятельности, которая протекает у нас на глазах. Подсознание, в котором обитает наша душа, тоже должно иметь свои средства самовыражения; такими средствами являются поэзия, музыка и изобразительные искусства, ибо в них человеческая личность воплощается с наибольшей полнотой.

Наши газеты чересчур многословны, наши собрания слишком крикливы, — мы донашиваем обноски, полученные от наших английских учителей, и проливаем ручьи горьких слез, от которых только разводится сырость. Но где наше искусство, в котором, как весенние цветы, могла бы раскрыться вся глубина нашей истинной сущности, все богатства нашей души? Неужели нам суждено вечно страдать от непереносимой тяжести духовной немоты? Неужели для нас, как для несчастных неприкасаемых, нет места на празднестве национальной культуры и нам остается лишь толпиться на заднем дворе, где нет ни красок, ни изящных очертаний, ни песен? Неужели наше образование должно быть тюрьмой, где заключенных заставляют много работать и носить жалкие лохмотья, еле еле прикрывающие наготу? Разве мы не знаем, что совершенство красок, форм и самораскрытия свидетельствует о жизнеспособности и что радость жизни — это лишь внешнее выражение силы жизни?

Лесоторговец может воображать, будто цветы и листья всего лишь легкомысленные украшения дерева, но если он попробует от них избавиться, то на собственном горьком опыте убедится, что вместе с листвой и ветвями гибнет и ствол.

В период владычества моголов музыка, архитектура, графика получали в Индии значительную поддержку со стороны правителей, ибо вся жизнь их была связана с нашей страной, именно вся жизнь, а не только правление; искусство же возникает лишь из общности людей.

Наши же английские учителя подобны перелетным птицам: они что-то чирикают нам, но не поют, потому

что душа их остается далеко за пределами Индии, где они чувствуют себя изгнанниками. Истинная родина их музыки и изобразительных искусств — в Европе, где они укоренились так глубоко, что их уже можно перенести в далекую чужую страну только вместе с родной землею.

Мы знаем европейцев-ученых, европейцев-властителей, европейцев — энергичных дельцов и политиков, но мы не знаем европейцев, посвятивших себя художественному творчеству. Именно поэтому современная Европа кажется нам неполноценной, ибо мы видим лишь одну ее сторону — силу разума и практическую деловитость. Естественно, что такое одностороннее знакомство затрагивает только наш интеллект и пробуждает в нас лишь утилитарные стремления.

Но подобное искажение жизни, вызываемое ограниченностью культуры, нельзя больше терпеть! В предполагаемом центре нашей культуры музыка и изобразительные искусства должны, наконец, занять почетное место, а не просто удостоиться снисходительного признания. Необходимо собрать и изучить различные школы музыки и изобразительных искусств разных эпох, рассеянные по различным провинциям и слоям общества. Только тогда удастся установить истинный критерий эстетического восприятия, который поможет нам выразить самих себя в искусстве с надлежащей силой и разнообразием. А это, в свою очередь, позволит нам судить об искусстве всех других стран со сдержанностью человека, познавшего истину, и перенимать у них мысли и формы, не опасаясь обвинения в плагиате.

XVII

О чем бы я ни говорил в этой статье, меня ни на мгновение не покидает тайное чувство беспокойства, вызываемого мыслью о том, что скажет обо всем этом человек практичный, деловой, ибо деловые люди всегда относятся с подозрением к любым идеальным проектам именно из-за их совершенства. Они наверняка скажут мне с неумолимой серьезностью:

— Все, что вы говорите, и все, что описываете, возможно, верно; хуже того — может быть, даже прекрасно. Но осуществимо ли это?

Поскольку сам я человек неделовой и непрактичный, я могу ответить лишь следующее:

— Все, что истинно, — реально. Реальность неотделима от истины, как полотно неотделимо от картины, реальность всегда является основой истины. И если в моем проекте создания центра индийской культуры есть зерно истины, его можно и, стало быть, надо осуществить, чего бы это ни стоило.

Первая практическая задача, которую нам предстоит решить, — это задача чисто финансового порядка. Что нужно сделать, чтобы такие культурные центры могли не только возникать, но и освобождаться со временем как от опеки богатых филантропов, так и от мертвящего давления своих собственных фондов? Если нам завещают в наследство славу и деньги, которые навсегда останутся у нас, заслуживаем мы того или нет, — такая слава и такие деньги неизбежно искалечат нашу жизнь, сделают нас ленивыми и замкнутыми в себе и, в конце концов, приведут к загниванию нашей души. Они будут подобны мраморным ступеням, сбегаящим к реке, которая давно уже изменила свое течение. Поэтому нам следует подумать, каким образом сможет наш истинно национальный центр культуры обеспечивать самого себя, ибо только тогда он не утратит живой связи с будущим и не превратится в паразита, существующего за счет прошлого.

Итак, перед нами встают две сложнейшие проблемы: проблема бедности нашей духовной жизни и проблема нашей материальной нищеты.

О первой уже говорилось в этой статье. И я пришел к выводу, что для обогащения нашей духовной жизни необходимо собрать и объединить все наши культурные ресурсы. Я говорил о том, что современное английское образование дает нашим умам пищу, которая содержит лишь одну жизненно необходимую составную часть; пища эта далеко не свежая, она упакована в жестяные банки. Поэтому, чтобы наша духовная пища была питательной, нужно включить в нее все другие необходимые вещества, и, главным образом, естественные, органические, сходные

с нашей живой тканью, а не лабораторные экстракты или полуфабрикаты.

Точно так же обстоит дело и с нашей материальной бедностью. Справиться с нею можно, лишь сосредоточив наши материальные ресурсы путем слияния индивидуальных усилий. Наш культурный центр должен быть создан на экономической основе именно такого сотрудничества. Он должен не только учить, но и жить, не только мыслить, но и производить. Наши тапованы, которые были первыми индийскими университетами, никогда не отрывались от действительности. Учителя и ученики жили в них полнокровной жизнью: они сами собирали плоды и топливо, сами пасли свои стада, и духовное воспитание учеников было частью той духовной жизни, которая включает в себя жизнь целиком. Наш культурный центр должен быть не только центром интеллектуальной жизни Индии, но и центром ее экономической жизни. Пусть студенты возделывают поля и выращивают скот, чтобы обеспечить свои потребности; они должны сами производить все необходимое, применяя на практике лучшие орудия и новейшие научные открытия. Само существование такого центра будет зависеть от успеха производственной деятельности, которую следует строить на кооперативных началах; тогда учителя и студенты будут связаны самыми действенными узами жизненной необходимости. Это даст им также производственную практику и научит работать, не думая о барыше.

Такое учебное заведение должно объединить вокруг себя все соседние деревни и связать их между собой живыми экономическими связями. Их бытовые условия, санитария, мораль и интеллектуальная жизнь должны стать объектом его общественной деятельности. Одним словом, наш центр не должен походить на метеор, осколок какого-то чужого мира, а быть самым миром, совершенным, независимым, полным вечно обновляющейся жизни, способным распространять свет в пространстве и времени, притягивая к себе и удерживая вокруг себя целую систему планет, равно как и способным вырастить истинного Человека, делового и разумного, неразрывно связанного с обществом и стремящегося к полной духовной свободе.

Прежде чем закончить эту статью, я хотел бы остановиться на одном деликатном вопросе: какую веру будут исповедовать в нашем центре индийской культуры, который я бы назвал Вишвабхароти? Обычно, когда речь идет о так называемых «национальных школах», этот вопрос попросту обходится. Когда же мы говорим о национальном университете, мы, как правило, подразумеваем индуистский университет. Поэтому, задумываясь над поставленным выше вопросом, мы можем дать лишь один ответ, — конечно, индуизм! Не в силах подняться до представления о Великой Индии, мы пытаемся делить ее культуру точно так же, как разделили общество своими религиозными обрядами и обычаями. Иными словами, когда дело доходит до нас, идея возможного объединения отнюдь не приводит нас в восторг, а, наоборот, вызывает недовольство.

Как бы то ни было, нам придется признать, что в мире есть и, возможно, всегда будет множество различных религиозных сект. Сетовать по этому поводу или ссориться из-за этого бессмысленно, ибо это — факт. В моем доме есть моя личная комната, где стоит маленький стол со специальными ящичками для ручек, чернильницы и бумаги, — здесь мне лучше всего пишется и работается. Я не вижу причин хулить или восхвалять мою комнату, — она просто моя, сюда я могу приглашать и здесь я могу принимать всех моих друзей и гостей. Может быть, эта комната узковата, в ней не хватает воздуха, может быть, она неопрятна. Мой врач может поднять по этому поводу шум, друзья — обрушиться на меня с упреками, враги — с насмешками, но все это не имеет в данном случае значения. Я считаю, что, если бы все комнаты моего дома были предназначены только для меня, если бы мне негде было принять друзей или нечем угостить гостей, тогда бы меня было за что порицать. Тогда бы, склонив от стыда голову, я признался, что моим многочисленным друзьям в моем доме не найдется места.

Религиозные секты возникали во всех странах и во все времена в связи с различными историческими причинами. Всегда найдется множество людей, которые по традиции

или в силу своего темперамента будут утверждать, что только последователи их секты являются истинными избранниками, и одновременно будут люди, заявляющие, что, наоборот, истинная благодать доступна лишь сторонникам их секты. Раздоры между теми и другими неминуемы. Но, даже допуская, что для подобных неизбежных и бесконечных склок существует достаточно поводов, неужели нельзя найти широкую основу, на которой все религии могли бы сойтись и забыть о своих противоречиях? Неужели в религиозных учениях Индии нет такого широкого поля, где достаточно света и воздуха для всего человечества?

Упорство, с которым сектанты отвергают подобную возможность, заставляет сомневаться в этом. Реки крови, пролитые из-за мелочных раздоров между сектантами, заставляют сомневаться в этом. Оскорбительная и жестокая рознь между людьми, благословляемая религиями, заставляет сомневаться в этом. Но, несмотря ни на что, когда я обращаюсь к чисто индийской культуре, к тому времени, когда она была озарена светом истины, я вижу, что такая основа у нас есть. Наши предки расстелили один белоснежный ковер, чистосердечно пригласив занять на нем место все народы в дружбе и согласии. На этом собрании не было места для ссор, ибо Он, что пригласил к себе всех людей на вечные времена, был Шантам, Шивам, Адвайтам — Миротворный, таящийся во всех столкновениях, Благой, открывающийся во всех несчастьях и бедах, Единый во всех противоречиях. И от имени его древняя Индия провозгласила вечную истину:

«Зряч лишь тот, кто зрит все сущее в самом себе».

СТРЕМЛЕНИЕ К СВАРАДЖУ

Наши мудрецы торжественно предостерегали нас на классическом санскрите: говорите о чем угодно и сколько угодно, но никогда не беритесь за перо! Вряд ли нужно доказывать, что я постоянно пренебрегаю этим мудрым предостережением и следую ему лишь тогда, когда отвечаю критикам. Я всегда без колебаний берусь за перо, когда у меня есть что сказать, в прозе или в стихах. Единственное исключение составляют споры — тут перо отказывается мне служить.

Наши убеждения редко основываются только на доводах разума; их во многом определяет минутное настроение. Вообще чистая логика редко лежит в основе наших убеждений. Скорее, наоборот: мы отыскиваем и находим доказательства, чтобы подтвердить то, во что мы верим. Лишь в науке наши выводы вытекают из строго установленных фактов, во всех же остальных областях выводы определяются нашими предпочтениями и предрассудками и никогда не противоречат нашим личным пристрастиям.

Все это тем более справедливо, когда речь идет об убеждении, связанном с каким-либо практическим начинанием, и когда большая группа наших ближних поддерживает это начинание. В таких случаях вообще нет нужды прибегать к доводам разума, чтобы вовлечь народ в общее движение: достаточно того, что указанный путь легок и доступен, а главное — вселяет надежду на быстрый

успех. Последнее время умами наших сограждан завладела мысль, будто они могут легко и быстро достичь свараджа. Всякая попытка обсудить все «за» и «против» этого убеждения вызывает в атмосфере всеобщего возбуждения только очередную словесную бурю, сквозь которую ладья разума никогда не пробьется до порта назначения. До сих пор мы полагали, что достичь свараджа будет очень и очень нелегко. И если теперь нам говорят, что это отнюдь не так, что все будет очень просто и займет совсем немного времени, — у кого хватит мужества усомниться и доказывать обратное? Люди, жадно внимающие рассказам о саньяси, которые превращают медные монеты в золотые, не всегда и не обязательно глупцы: просто соблазн притупил их способность здраво мыслить и рассуждать.

Так, например, не так давно наш народ взбудоражила весть о том, что сварадж уже близко. И когда назначенный срок прошел, все объясняли неудачу тем, будто мы не выполнили определенных условий. И лишь немногие задумались над тем, что выполнение этих условий как раз и составляет основную трудность. Совершенно очевидно, что, если мы не выполним этих условий, мы так и не добьемся свараджа.

Совершенно очевидно также, что если индусы и мусульмане тесно объединятся, это будет значительным шагом вперед по пути к свараджу. Но все дело в том, что они не объединяются. После их объединения можно объявить любой день началом эры свараджа, и каждый день будет для этого одинаково благоприятен. Объявление такой точной даты, разумеется, производит на массы одурманивающее, возбуждающее действие. Но я лично не считаю, что одурманивание умов облегчает дело.

Заранее назначенный срок давно миновал, но всеобщее возбуждение не утихает, и это приводит к тому, что люди упрощенно понимают проблему достижения свараджа. Нам указывают сейчас несколько узких тропинок, которые являются якобы единственным путем к заветной цели. Среди этих тропинок особенно выделяется путь к свараджу через чаркху — деревенскую прялку с колесом.

И тут возникает вопрос: что же такое сварадж? Наши вожди не дают точного определения. Слово «свобода»

можно толковать по-разному. По сути дела, нам никто не мешает прясть нашу пряжу на своей чаркхе. Если мы до сих пор этого не делали, то лишь потому, что такая пряжа не может конкурировать с фабричной. Может быть, все обстояло бы по-другому, если бы миллионы индийцев посвятили все свое свободное от работы время чаркхе — тогда цены на домотканую одежду резко упали бы. Но подобное предположение опровергается уже тем фактом, что люди, наиболее яростно отстаивающие в печати эту идею, как раз они-то и не думают браться за чаркху!

С другой стороны, если наши соотечественники и начнут прясть, это, может быть, до какой-то степени уменьшит их нищету, но отнюдь не даст им свараджа. «Ну и что из этого? — ответят мне. — Разве повышение благосостояния ничего не значит для нашей страны? Если бы наши земледельцы, у которых зря пропадает столько свободного времени, посвятили бы его продуктивному труду, это облегчило бы участь бедноты». Что ж, будем исходить из того, что производительное использование свободного времени наших земледельцев имеет первостепенное значение. Эта проблема далеко не так проста, как это может показаться. Над ней еще следует поразмыслить с ясной головой. Провозгласить: «Беритесь за прялки!» — далеко не достаточно.

Труд накладывает особый отпечаток на тело и душу земледельца. Возделывать землю для него привычно и просто. Пока он в поле, он занят той или иной работой, связанной с выращиванием урожая. В периоды, когда земледелец не работает, было бы несправедливо упрекать его в лени. Если бы земледелием можно было заниматься круглый год, крестьянин круглый год трудился бы не покладая рук.

Основной порок всякой тяжелой работы, в частности земледелия, — это то, что она не дает пищи разуму и отупляет человека. Лишь активный гибкий ум позволяет человеку переходить от одного круга привычных повседневных дел к другому, совершенно отличному. Как трамвай движется только по рельсам и не может с них свернуть, так и земледелец или любой другой человек тяжелого физического труда не может вырваться из круга

своих забот. Если земледелец примется за другую работу, разум его сойдет с рельс. Конечно, его можно заставить, но лишь ценой величайшего напряжения и никому не нужной растраты энергии.

Я хорошо знаком с крестьянами, по крайней мере, двух округов Бенгалии, и я хорошо знаю по опыту, как велика у них сила привычки. В одном из этих округов выращивают рис, и крестьянам приходится трудиться в поте лица, чтобы обеспечить себя одной этой культурой. Однако они могли бы в свободное время выращивать вокруг своих домов всякую зелень и овощи. Я пытался уговорить их заняться огородничеством, но безрезультатно: эти люди, готовые поливать потом свой рис, не желали шевельнуть и пальцем ради овощей.

В другом округе крестьяне заняты круглый год: они выращивают рис, джут, сахарный тростник, горчицу и другие полезные культуры. Но значительная часть земель, непригодных для этих культур, остается невозделанной, крестьяне платят за них арендную плату из года в год. Сюда приходят крестьяне из западных районов, выращивают на пустующих песчаных землях всевозможные сорта дынь и возвращаются к себе с немалой выгодой. Однако местные крестьяне относятся к возделыванию непривычных для них культур с полнейшим равнодушием. Тех, кто выращивает джут, никоим образом нельзя назвать лентяями. Мне говорили, что в других провинциях есть немало мест, вполне подходящих для джутовых плантаций, но крестьяне там не желают заниматься этой чрезвычайно трудоемкой культурой. Если Бенгалия сохраняет монополию в производстве джута, это объясняется не только характером ее почвы, но и характером ее крестьян. И тем не менее не боящиеся никакой тяжелой работы производители джута год за годом наблюдают, как пришлые крестьяне получают приличный доход, выращивая на их землях дыни, однако никто из них не собирается обрабатывать песчаные почвы, ибо для них это непривычный, непроторенный путь.

Сталкиваясь с подобной проблемой, приходится признать, что основная трудность заключается в том, чтобы направить помыслы народа в иное, непривычное для него русло. И я не могу поверить, что какие-то готовые

рецепты могут решить дело, ибо прежде всего нужно знать образ мыслей народа.

Нет ничего легче, как выдвинуть лозунг: «Пусть индусы и мусульмане объединятся!» Покорные индусы могут примкнуть к движению кхилафат — это тоже не сложно. Они могут даже уступить ряд своих экономических привилегий мусульманам. Это уже труднее, но все-таки не самое трудное. Истинная проблема для тех и других по-прежнему будет заключаться в том, что и те и другие должны отказаться от предрассудков, которые их разделяют. В этом вся суть. Для индусов мусульмане — нечистые; для мусульман индусы — неверные. При всем их стремлении к свараджу ни те, ни другие не в силах отрешиться от своих предрассудков.

Я когда-то знал одного англазированного индуса, который обожал европейскую кухню. Он буквально вылизывал до чиста каждое блюдо, однако остановился в оцепенении перед вареным рисом, приготовленным поваром-мусульманином. «Этот рис, — сказал он — не лезет мне в горло!» Тот же самый предрассудок стоит на пути истинного индо-мусульманского единства. Привычное мышление, подкрепленное догмами религии, остается внутри нас неприступной крепостью, стены которой не в силах поколебать никакие призывы к единству извне, никакие движения типа движения кхилафат и никакие экономические уступки.

Проблемы подобного рода особенно трудно разрешимы именно из-за их внутреннего характера. Их корни уходят слишком глубоко в наш разум и душу, и потому мы с возмущением отвергаем все призывы избавиться от них. Всякое скороспелое решение мы встречаем с чувством облегчения. Тот, кто не желает зарабатывать на пропитание обычным путем, может потерпеть полный крах, подобно картежнику, рассчитывающему быстро разбогатеть.

Если наши соотечественники соглашаются, что чаркха — главное средство для достижения свараджа, они тем самым признают, что сварадж для них — чисто внешнее явление. И нет ничего удивительного, что предложение сосредоточить все усилия на изготовлении домотканого холста воспринимается ими с радостью и облегчением. Еще бы! Ведь это предложение отодвигает на задний

план все противоречия нашего характера и наших обычаев — все истинные препятствия на пути прогресса!

Попробуем, однако, себе представить, что одно из препятствий на пути к свараджу устранено, что наши земледельцы все-таки решили все свое свободное время посвятить продуктивной работе.

В таком случае нашим лидерам следует подумать, как и каким образом можно использовать это свободное время с наибольшей эффективностью. Но разве не ясно заранее, что наибольший эффект даст именно земледелие?

Давайте представим, что я впал в бедность. Любой мой доброжелатель, естественно, постарается обеспечить меня постоянным литературным заработком, ибо это было бы единственно правильным решением. И как бы ни велико было его отвращение к литературной работе, ему, прежде чем посоветовать, как мне заработать на жизнь, пришлось бы вспомнить, что я — литератор. Он, разумеется, мог бы мне доказать, что чайная в студенческом квартале приносит 75 % прибыли, — статистика, абстрагированная от человека, всегда производит большое впечатление! И когда подобное начинание закончилось бы полным моим разорением, то это произошло бы вовсе не потому, что я глупее среднего процветающего хозяина чайной, а потому, что мой ум устроен по-другому и направлен на другое. Поэтому если тот доброжелатель посоветует мне писать приключенческие повести или тексты для учебников, я, под давлением обстоятельств, приму именно это предложение, ибо я уверен, что здесь у меня меньше всего шансов на успех. И не столь уж важно, сколько я заработаю: гораздо важнее, что писателю легче переключиться с поэзии на популярное чтение.

Совершенно нереально стараться обогатить и осчастливить земледельца, разом отменяя в сторону все его многолетние привычки и образ мышления. Как я уже указывал, отсутствие гибкости ума ведет к консерватизму, к непониманию необходимости перемен. И если неоправданное пристрастие к какой-либо заранее намеченной программе заставляет ее творцов забывать о психологическом факторе, это не изменит основ психологии, но нанесет ощутительный ущерб самой их программе.

В других сельскохозяйственных странах были успешно внедрены новые методы ведения сельского хозяйства. С помощью науки там получают от земли в два — четыре раза больше, чем у нас. Путь просвещения — нелегкий путь, но этот путь единственно правильный, и только он достоин усилий человеческого разума. Попытки же занять земледельца прядением вместо того, чтобы направить всю его энергию на улучшение земледелия, неопровержимо свидетельствуют о нашем бессилии. Мы обвиняем крестьянина в лени, однако когда мы советуем ему: «Берись за прялку, если хочешь улучшить свое положение» — это говорит лишь о лени нашей собственной мысли.

До сих пор я в своих рассуждениях исходил из того, что широкое производство домотканой одежды экономически выгодно для производителя. Но это всего лишь предположение. Знающие люди весьма сомневаются в его справедливости. Однако профанам, вроде меня, не стоит вступать в этот спор. Скажу лишь, что нельзя смешивать сварадж с чаркхой, потому что это ведет к путанице относительно самого понятия сварадж.

Мы должны составить ясное и широкое представление о том, что такое благоденствие страны. Половинчатые идеи могут лишь ослабить наши силы. Чем меньше мы требуем от нашего разума, тем инертнее он становится. Выдвигать чаркху на первое место, как основное средство национального подъема, равносильно оскорблению нашего разума и попытке его усыпить. Только полная картина благоденствия страны в самом широком аспекте может вызвать могучий прилив народных сил, питаемых лучшими чувствами и мыслями. Эта яркая картина должна все время стоять у нас перед глазами. И если мы ее обедним, стремление к свараджу будет обеднено в такой же степени.

Великие люди шли на любые жертвы ради своей страны и человечества прежде всего потому, что перед ними витали грандиозные видения будущего. Самопожертвование требует стимула. Но вряд ли его дадут народу кипы хлопковой пряжи. Столбцы статистических расчетов, сделанных математиками, не пробудят внутренних сил, которые заставляют человека не думать о трудностях и не-

удачах, дают ему радостную надежду, помогают выносить величайшие страдания и, если нужно, даже идти на смерть.

Ребенок с радостью учится говорить, потому что он все время видит перед собой полное, живое воплощение языка в целом — в речи своих родителей. И хотя многое ему еще непонятно, он увлечен этой полнотой, он счастлив и жадно стремится постичь то, что делает его счастливым. Но если бы вместо всего этого богатства живой речи ребенку давали одну сухую грамматику, он потерял бы всякий интерес к родному языку. Его пришлось бы заставлять заучивать слова палкой. И на это ушло бы несравненно больше времени.

Исходя из этих соображений, я считаю, что для того, чтобы народ начал по-настоящему бороться за сварадж, необходимо дать ему ясное представление о сварадже; я не думаю, чтобы за короткий срок можно было развернуть перед глазами народа широкую картину свараджа, но эта картина обязательно должна быть цельной и правдивой. Все живые существа представляют собой нечто целое на любой стадии развития. Ребенок зарождается отнюдь не как палец ноги, который затем превращается в ногу и, наконец, становится полным человеком к пятнадцати — двадцати годам. Уже в младенце мы видим все черты взрослого; именно это приносит нам радость, и только поэтому родители так заботливо и терпеливо помогают маленькому существу стать настоящим человеком. Если бы им пришлось годами выращивать полноценное существо из зародыша-ноги, это бремя было бы невыносимо!

Точно так же невыносимо представление о сварадже как о домотканом холсте. Можно предположить, что только такой человек, как Махатма Ганди, обладающий огромным личным обаянием и пользующийся безграничным доверием своих последователей, сумеет временно заставить многих слепо принять решение, что достаточно, мол, следовать за ним — и это приведет их к цели. Но мне кажется, что такой образ мысли не приблизит нас к свараджу.

Я думаю, что гораздо важнее организовать по всей стране центры, в которых будут представлены все аспекты

свараджа, а не только приготовление домотканой материи. Процветание нации складывается из множества взаимосвязанных элементов. Любая попытка оторвать один из них от целого не приведет ни к чему хорошему. Здоровье, развлечения, физические и духовные упражнения — все это вместе взятое создает представление о счастье. И мы хотим, чтобы вся эта картина стояла у нас перед глазами, — она принесет нам гораздо больше пользы, чем любые лозунги и призывы. Мы должны видеть хотя бы в отдельных уголках страны конкретные примеры обновленной жизни. Потому что простым вращением колеса прялки, изготовлением домотканой одежды и торжественными речами мы никогда не покажем народу, что такое сварадж. Нужно сначала создать конкретную новую Индию в каком-нибудь уголке страны, только тогда мы начнем понимать ценность самоопределения; мало слышать и представлять себе, надо видеть убедительный пример. Если жители хотя бы одной индийской деревни ощутят, что сумели создать прообраз будущей Индии на своей земле, это будет первым шагом вперед по пути к разрешению всей сложной проблемы.

Растения и звери рождаются повсюду, и они не знают, что такое Родина. Но люди превращают землю, на которой они родились, в свою Родину. Создавая и защищая ее, они сливаются в одно целое — народ, который любит свою Родину больше жизни. Жители нашей земли рождаются здесь, но они не превращают ее в Родину; в их вынужденном общении нет связующей силы, они равнодушны к страданиям Индии.

Мы должны осознать необходимость превратить нашу страну в свою Родину. Это потребует от нас предельного напряжения сил. Направляя наши усилия в различные русла, ведущие к одной цели, мы достигаем успеха, но чтобы наша деятельность была плодотворной, необходимо начать с нашего непосредственного окружения, и лишь затем двигаться все дальше и дальше. И если у нас возникнет отвращение к кропотливой работе, на первый взгляд, незначительной, вспомним слова «Гиты»: «Самое малое прикосновение истины спасает от самого глубо-

кого отчаяния». Иначе говоря: сила правды не в том, велика она или мала, а в самой правде.

Распространение сотрудничества и самоопределения в их конкретном воплощении, понятия о величии и гордости, которые они принесут, — вот что может стать подлинной основой свараджа. Отсутствие же этих внешних и внутренних факторов — истинная причина всех наших бед: недостатка еды и здоровья, недостатка воспитания, знаний и радости. Глупо думать, будто сварадж будет нам кем-нибудь дарован. Есть английская поговорка: «Успех ведет к успеху». Так и сварадж приведет к свараджу.

Творец мироздания создал сварадж в процессе творения. То же самое предстоит и нам: мы должны сами создать свою страну. Доказать, что мы живы, мы можем только нашей жизнью.

Было бы ошибочно утверждать, будто прядение — созидательный труд. Вращая колесо прялки, человек становится ее придатком, всего лишь частью машины. Машина, лишенная разума, — вещь в себе: она ничего не знает, кроме самой себя. Человек, вращающий колесо прялки, переходит в ту же категорию. Пряжа, которую он прядет, ничем не связывает его с остальными людьми. Ему незачем думать даже о своих соседях: подобно шелковичному червю в его коконе, он становится единственным центром своей собственной деятельности. Тот, кто превращается в машину, неизбежно обречен на нелюдимость, одиночество, изоляцию. Когда прядением занимается член Конгресса, он, может быть, при этом и мечтает об экономическом процветании страны, однако стимулятором для подобных мечтаний является не чаркха, а нечто другое.

С другой стороны, человек, пытающийся избавить свою деревню от эпидемий, даже если он действует в одиночку, роднится с людьми на каждом своем шагу. Благодаря своей работе, направленной на общее благо, он воплощает в себе всю деревню. Его цель радостна и созидательна, и это подлинное начало пути к свараджу. А когда к нему присоединятся остальные, это будет означать, что вся деревня вступила на путь возрождения и созидания. Это и будет сварадж. Пусть выиграш

будет невелик, ценность его — в истинности. И пусть выигрыш составит один процент от ста, этот процент даст сто процентов общности.

Факел свараджа возгорится для всей Индии в одной деревне, жители которой объединятся в дружное сообщество, чтобы бороться за свое здоровье и образование, за свое благосостояние и свои радости. И тогда будет нетрудно зажечь от этого факела новые костры. Сварадж будет распространяться сам по себе, и его прогресс будет зависеть от его собственной жизнеспособности, а не от механического вращения колеса прялки.

ШКОЛА ПОЭТА

Из вопросов, часто мне задаваемых, я понял, что общественное мнение требует оправданий от поэта, который, подобно мне, имел неосторожность создать свою школу. Никто не может отрицать, что тутовый шелкопряд и порхающая бабочка представляют две разные стадии существования, противоположные одна другой. Шелкопряд как будто получает ссуду в некой учетной конторе Природы в соответствии с объемом работы, которую он выполняет. Но бабочка — существо безответственное. Ценность, которой она может обладать, не имеет практического применения и так легковесна, что ее без труда может поднять пара танцующих крылышек. Быть может, на нее любуется бог-хранитель всех цветов радуги, которому нет дела до счетных книг и который в совершенстве владеет великим искусством расточительства.

Поэта можно сравнить с такой бездумной бабочкой. Он тоже пытается воспроизвести все праздничные краски творения в звучании своих стихов. Так почему он всегда должен замыкаться в тюрьме долга, требующего какого-то положительного, осязаемого и вполне благопристойного результата? Почему он должен отчитываться перед здравомыслящими людьми, которые судят о достоинствах его произведений по той прибыли, которую они принесут?

Я полагаю, что ответ каждого поэта должен быть таким: когда солнечным днем, в холодное время года, он

встречается с немногими учениками под теплой сенью ветвей могучих, стройных и высоких деревьев шал, он начинает писать поэму, не прибегая к помощи слов.

В наши дни самоуглубленного психоанализа проницательные умы открыли потаенный источник поэзии в некоем темном слое подавленной свободы, в постоянном приглушенном стремлении к самовыражению. И, безусловно, они были правы. Призрак моего далекого детства напоминал мне о неиспользованных возможностях той ранней поры начинаний: он стремился ожить в жизни других детей и снова построить потерянный рай, что в состоянии сделать только дети, которые пользуются необычными материалами, не имеющими ни точной меры, ни твердой стоимости.

Это напомнило мне о другом поэте древней Индии — Калидасе. Биография его не написана, но ее нетрудно домыслить. К счастью для ученых, он не оставил точных сведений о месте своего рождения, и таким образом дал им тему для бесконечных споров, которую не смогло исчерпать даже всепоглощающее время. Я не претендую на глубину эрудиции, но, помню, читал где-то о том, что Калидаса родился в прекрасном Кашмире. После этого я перестал читать исследования о месте рождения поэта из боязни наткнуться на другое столь же убедительное, но прямо противоположное мнение. Так или иначе, Кашмир — вполне подходящее место для рождения Калидасы, и я завидую ему, так как сам родился в Калькутте.

Но не нужно развенчивать психоанализ, ибо поэт был изгнан из Кашмира в город на равнине, и вся его поэма «Облако-Вестник» — эхо той печальной музыки, которая находит свою кульминацию в «воспоминаниях о счастливом прошлом». Разве не знаменательно, что в этой поэме якша, стремящийся к своей подруге, оставшейся в раю вечной красоты, задерживается в своем воображении у каждого холма, ручья или леса, всматривается в черные глаза крестьянских девушек, радостно приветствующих дождевые июньские облака, прислушивается к голосу старца, рассказывающего под баньяном давно известную легенду о любви, которая вечно сохраняет свою свежесть, орошаемая слезами и озаряемая улыбками многих поко-

лений простых людей? Разве не чувствуется во всем этом человек, заключенный в каменную тюрьму города и наслаждающийся видением счастья, которое в его воображаемом путешествии следует за ним от холма к холму, поджидает на каждом повороте дороги, обещая разлученным на земле возлюбленным встречу в небесах?

Поэт испытывал не физическое недомогание, вызванное тоской по родине; это нечто гораздо более глубокое — ностальгия души. Почти во всех сочинениях поэта мы чувствуем гнетущую атмосферу царских дворцов той эпохи с их пышной роскошью, атмосферу, отравленную бессердечием себялюбия, хотя и сочетающуюся с атмосферой утонченной культуры, щедрой цивилизации.

При царском дворе поэт жил в изгнании — он был изгнан из святилища Предвечного. Поэт знал, что не он один, — в изгнании находился весь век, в котором он был рожден, век, накопивший богатства и потерявший благо, воздвигнувший хранилища для вещей и утративший связь со вселенной. Каким же образом выражал поэт постоянное стремление к совершенству в своих драмах и поэмах? Образцом ему служила тапована — лесная обитель патриархальной общины древней Индии. Те, кто близко знаком с санскритской литературой, хорошо знают, что эта община не была объединением людей с низкой культурой и примитивным мышлением. Это были правдоискатели, которые жили в атмосфере чистоты, но не пуританизма, жили просто, но не умерщвляя своей плоти. Они не проповедовали безбрачия и не чурались других людей, живущих мирскими интересами. Цель и стремления общины кратко выражены в следующих строках «Упанишад»:

Эти люди ясного ума проникают во все сущее.

И повсюду пребывают в единении с вездесущим духом.

Это учение никогда не было негативной философией самоотречения, ибо цель его — достижение всеобъемлющего познания. И вот в процветающем городе Удджайни в славную эпоху Викрамадитьи измученный разум Калидасы, угнетенный всеразрушающей властью вещей, устремился мыслью к таповане, как источнику жизни, свободы и света.

И отнюдь не из подражания, а по естественному совпадению то же видение посетило современного индийского поэта, изведавшего муки духовного изгнания. Во времена Калидасы народ пылко верил в идеал тапованы, лесной обители, и можно не сомневаться, что в ту эпоху существовали общины, жившие на лоне природы. В них вступали отнюдь не аскеты, проповедовавшие суровое умерщвление плоти, не останавливающиеся даже перед самоубийством, а люди с нормальной психикой, стремившиеся осуществить свое духовное предназначение. Следовательно, когда Калидаса воспевал таповану, его стихи находили непосредственный отклик в живой вере его слушателей. Но в наши дни идея тапованы потеряла прочную связь с реальностью и отошла в призрачную страну древних легенд; в современном стихотворении это всего лишь поэтический образ, к которому надо подходить с литературными мерками. Кроме того, дух тапованы, в его первоизданном чистом виде, в наше время был бы причудливым анахронизмом. Следовательно, для того чтобы приобрести реальные очертания, он должен найти в современности пусть не строго идентичное, но, во всяком случае, правдивое воплощение древней идеи. Вот почему современный поэт так стремится говорить ясным, доходчивым языком.

На этом я должен остановиться подробнее.

Цивилизованный человек далеко отклонился от орбиты естественной жизни. Подобно пчеле, он постепенно приобрел и упрочил некоторые привычки, необходимые для жизни в людском улье. В наше время мы часто встречаем людей, которые без всякой видимой причины страдают от скуки, от усталости, от разлада с окружающей действительностью. Социальные революции постоянно сопровождаются самоубийственным насилием, порождаемым нашим возмущением, направленным против социальных перегородок в человеческом улье; эти непроницаемые перегородки издавна лишали нас перспектив, столь необходимых для сохранения правильных пропорций в искусстве жизни.

Все это показывает, что реальный человек не может быть уподоблен пчеле, и поэтому, когда его личную сво-

боду приносят в жертву обществу, он проявляет ничем не сдерживаемую вражду ко всему общественному.

В современных весьма сложных условиях механические силы организованы столь эффективно, что рост производства намного опережает способности человека к отбору и упрощению производимых материалов, чтобы они гармонировали с его природой и его потребностями. Неудержимое перепроизводство, подобное буйной тропической растительности, закабалает человека. Гнездо — просто, оно открыто небу; клетка — сложна и дорога, она замкнута в себе и не связана с чем-либо за ее пределами. И современный человек, занятый строительством клетки, попадает в рабский плен к чудовищу — Вещи. Он приспособляется к ее острым угловатостям, ограничивает себя ее границами и постепенно становится лишь ее придатком.

Некоторые из моих слушателей, я знаю, верят, что в нашей жизни постоянное высокое напряжение, порожденное искусственно культивируемой жаждой вещей, вызывает и поддерживает жизненную энергию,двигающую цивилизацию по ее бесконечному пути; им может показаться, что мои слова обличают восточный образ мышления. Но я не верю, чтобы эта жажда когда-либо была основной движущей силой, создававшей великие цивилизации. Я затронул эту тему не для того, чтобы полностью ее исчерпать, а для того, чтобы объяснить, почему поэт вторгается во владения, принадлежащие лишь специалистам и ученым, имеющим степени.

Я родился в городе, который был тогда столицей Британской Индии. Наши предки приплыли в Калькутту с первым приливом изменчивой фортуны Ост-Индской компании. Поэтому не удивительно, что традиционный уклад жизни нашей семьи сложился под влиянием трех культур: индийской, мусульманской и английской. Мой дед принадлежал к той эпохе, когда различия в одежде и этикете и благородная неторопливость постепенно исчезали и все подгонялось под более строгие викторианские образцы; тем самым экономилось время, которое уходило на соблюдение обрядов и на то, чтобы следить за своей внешностью. Это свидетельствует о том, что я появился

на свет в то время, когда дух прогресса, порожденный современным городом, начал свое триумфальное шествие по благоуханной зелени наших древних деревенских обшин.

Хотя вокруг меня процесс разрушения был почти полностью завершен, все же горестный плач еще стоял над обломками прошлого. Я часто слышал, как старший из моих братьев с глубоким сожалением описывал гостеприимное старое общество с его ароматом естественной доброты, полное простой веры и изысканной поэзии жизни. Но все это убегало от меня, словно тень в золотистом сиянии заката. Всеобъемлющей действительностью моего детства был современный город, заново отстроенный компанией западных торговцев, с его духом современности, который пролагал свой непривычный путь в нашу жизнь, сталкиваясь с бесчисленными противоречиями. Поэтому меня всегда поражает мысль: почему меня преследовала тоска изгнания, если мои познания о мире сводились к суровой и замкнутой реальности города?

Вероятно, мою кровь постоянно волновали отзвуки подсознательных воспоминаний о тех местах, где в сердцах наших первобытных предков отражались и звучали тайны немых скал, стремительно бегущей воды и мрачных джунглей. Одно из таких смутных, призрачных воспоминаний уводило в далекое прошлое, стремилось снова слиться с первобытной жизнью в беспредельной магии земли, воды и воздуха. Тонкий пронзительный крик коршуна, высоко парящего в сверкающих лучах полуденного индийского солнца, говорил тогда одинокому мальчику о далеком немом родстве. Несколько кокосовых пальм, растущих у ограды нашего дома, подобно пленникам, оставшимся от древней армии, некогда вторгшейся на эту землю, говорили мне о вечном товариществе, которое великое братство деревьев всегда предлагало людям. Они наполняли мое сердце тоской по лесу. Несколькими годами позднее мне посчастливилось ответить на их зов, когда десятилетним мальчиком я стоял один в Гималаях, под сенью огромных кедров, охваченный благоговением перед мрачным величием первых аристократов жизни на земле, перед их непоколебимой стойкостью, столь же грозной, сколь и учтивой.

Оглядываясь на детство, когда все мои мысли как бы парили в океане неба и света и смешивались с коричневой землей, одетой блестящей травой, я не могу не верить, что мое индийское происхождение глубоко отразилось во всем моем существе и что я унаследовал основы индийской философии, проповедующей постижение высшей истины при помощи гармонии со всем окружающим. К счастью или к несчастью, она, эта философия, возбуждает в нас великое стремление к свободе, но не в мире людей, а в глубине вселенной, и внушает нам почтение к божественной сущности огня, воды и деревьев, ко всему движущемуся или растущему. Моя школа обязана своим основанием памяти об этом страстном стремлении к свободе, воспоминаниям, уходящим далеко за горизонт моего рождения.

Свобода в смысле «независимость» не имеет содержания, а стало быть, и смысла. Совершенная свобода заложена в совершенной гармонии человеческих отношений, которой мы достигаем в этом мире; необходимо быть свободным, а не знать, что это такое. Объекты познания бесконечно удалены от нас, познающих, ибо познание не есть единение. Далекий мир свободы ждет нас там, где мы достигнем правды, но не посредством чувственного восприятия или рассудочного знания, а посредством совершенной гармонии единения.

Дети с их свежестью восприятия находятся в непосредственной близости к этому миру. Это первый великий дар, ниспосылаемый им. Дети должны принять его открыто и просто и никогда не терять непосредственной связи с миром. Чтобы достичь совершенства, мы должны быть физически дикими и умственно цивилизованными; мы должны быть естественны среди естества и человечны среди человечества. Мои страдания были вызваны полным одиночеством, в котором я рос в городе, где люди были повсюду, но не было ни одного окна в безмерный мир природы. Моя изгнанная душа, задыхаясь в цивилизованной изоляции городской жизни, рвалась к широким горизонтам познания. У меня было такое ощущение, как будто мне чего-то не хватает; я был подобен одиночной строке, вырванной из стиха; рифмы к ней нет, так как парная строка смазана и неразборчива. Способность

быть счастливым, которая бесплатно досталась мне, как и другим детям, от рождения, постоянно стиралась от трения об кирпичную стенку жизни с ее однообразными механическими привычками, застывшим укладом респектабельности.

Как и все, я посещал школу, но, вероятно, мои мучения были необычно сильны — сильнее, чем у других детей. Нецивилизованное начало во мне было очень уязвимо: я жаждал цвета, музыки, движения жизни. Наше городское образование не обращает внимания на это жизненно важное обстоятельство. Оно стремится лишь нагрузить нас стандартными знаниями, имеющими рыночную стоимость. А по сути дела, соотношение нецивилизованного и цивилизованного в человеке должно находиться в той же пропорции, что вода и суша на земном шаре, с преобладанием первого. Но школа ставит своей целью постоянное осушение нецивилизованного начала. Такая откачка влаги служит причиной засухи, которая, может быть, и не так вредна в городских условиях. Но я никогда не мог привыкнуть к этим условиям, к каменному равнодушию тротуаров. Очень быстро нецивилизованное восторжествовало во мне, и я покинул школу, едва достигнув отрочества. Оказавшись выброшенным на берег уединенного острова невежества, я должен был, руководствуясь лишь собственными инстинктами, начать свое обучение с самых азов.

Это напоминает мне о том, что в юности мне чрезвычайно повезло — я наткнулся на «Робинзона Крузо» в бенгальском переводе. Я по-прежнему верю, что это одна из лучших книг для детей. Я уже писал в этой статье о том, что в детстве у меня было желание уйти от себя и слиться с природой. Я определил это стремление как типично индийское, как результат традиционного желания расширить сферу сознания. Следует признать, что, хотя такое желание и субъективно по своему характеру, оно неизбежно в нашей географической среде. Мы вынуждены терпеть разбойничью тиранию тропиков, платя тяжелую дань за одно право существования. Жара, сырость, невообразимая плодovitость мелких форм жизни, паразитирующих на крупных формах, бесчисленные

источники раздражения, видимые и невидимые, оставляют слишком мало сил для смелых экспериментов.

Избыток энергии ищет излияния в преодолении препятствий. Не случайно мы так часто находим в западной литературе преувеличенные описания злобного лика природы, в которой люди Запада охотно видят враждебную силу, хотя бы ради удовольствия бросить ей вызов. Завершив покорение нашего мира, Александр высказал желание покорить другие миры. Та же причина, которая руководила им, заставляет этих необычайно энергичных людей, отвлекаясь от своей грандиозной борьбы против зла, становиться на пути других людей, а когда те наступают на полы их сюртуков, требовать возмещения. Чтобы испытать волнующую дрожь опасности, эти люди готовы подвергнуть опасности все безобидные существа: прекрасных птиц, которые, к счастью, могут упорхнуть, робких зверей, которые обитают в труднодоступных местах, и — но лучше я из вежливости не буду ссылаться на более высокие виды.

Жизнь протекает в постоянной борьбе с противоречиями, но эти противоречия необходимы для ее прогресса. Постоянное сопротивление земли, в которой ручей прокладывает себе путь, из которой состоят его берега, убыстряет его бег. Дух жизни — это дух борьбы. Инструмент настраивают не для того, чтобы искусно преодолевать трудности настройки, а для того, чтобы добиться идеального звучания. Так давайте же порадуемся, что на Западе у инструмента жизни настроены все струны благодаря тому поразительному факту, что Запад обретает ликующую радость в борьбе с препятствиями. Дух созидания в сердце вселенной ради самого себя никогда не допустит полного исчезновения препятствий. Позитивная истина заключается в этом идеале совершенства, которого мы должны достигнуть собственными усилиями, дабы он принадлежал нам полностью. Именно поэтому дух борьбы так велик, и суть его не в проявлениях физической силы и не в грубом варварстве ненасытной алчности.

В «Робинзоне Крузо», этом приключенческом романе, находит свое выражение радость слияния с природой, одинокий человек встречается лицом к лицу с одинокой

природой, убеждает ее, сотрудничает с ней, открывая ее секреты, используя все свои силы, чтобы добиться ее помощи. Эта книга дорога не потому, что, читая ее, я разделял гордость человеческого существа, разжимающего скупой кулак природы; прежде всего меня привлекали хорошо продуманные способы достижения гармонии с природой, которые естественно привели героя к победе. «Робинзон Крузо» — героическая любовь Запада, повесть о сватовстве человека к Земле.

Вспоминаю, как однажды в своей юности я ехал по железной дороге, ведущей от Бриндизи до Кале. С чувством восхищения и удивления смотрел я на безмерную красоту Европы, цветущей румянцем здоровья и богатства. Недаром так долго ухаживал за нею ее рыцарственный любовник — человек Запада: он добился ее, сделал ее своей, открыл неисчерпаемую щедрость ее сердца. И я страстно пожелал тогда, чтобы внутреннее представление о всесущем духе, которое восточный человек постигает в своем душевном одиночестве, могло бы объединиться с внешним выражением этого представления в действии, со стремлением озарить ярким светом изобилие красоты и счастья, которые до поры до времени скромно таятся в темноте.

Я помню то утро в бенгальской деревне, когда нищенка собрала в конец сари увядшие цветы из вазы на моем столе, которые пора было уже выбросить. С восторженным выражением нежности она прятала в них свое лицо, восклицая: «О, Возлюбленный души моей!» Ее глаза легко могли проникнуть сквозь завесу внешней формы и прозреть в этих цветах, которые касались ее, словно ласковые пальцы возлюбленного, царство Бесконечного. Но, несмотря на все это, у нее отсутствовала та энергия поклонения, западная форма прямого служения богу, которая помогает земле выращивать ее цветы и воздвигает царства красоты на голом песке. Я не хочу думать, что родственные души Востока и Запада, Мария и Марфа, никогда не встретятся ради достижения истины. Поэтому, несмотря на нашу материальную бедность и противодействие времени, я терпеливо жду этой встречи.

Остров Робинзона Крузо приходит мне на ум, когда я думаю об учебном заведении, где можно было бы бес-

препятственно провести первый великий урок полного единения человека и природы не только через любовь, но и через активное общение. Мы должны помнить, что любовь и действие — единственные средства, при помощи которых можно достичь совершенного познания, ибо цель познания не догма, а мудрость. Главная цель учебного заведения такого рода должна заключаться не просто в тренировке ума и тела на случай всяких неожиданностей, но в совершенной настройке человека, чтобы его голос сливался в единую симфонию с голосом жизни и мира; в постижении их гармонии и есть мудрость.

Детей в таком заведении следовало бы прежде всего научить действовать самостоятельно, изгнав, по возможности, все готовые рецепты, дабы они могли постоянно проверять свои способности в столкновениях с неожиданным. Я должен прямо сказать, что подразумеваю урок не обыденной, а творческой жизни. Ибо жизнь может приобрести большую сложность, лишь если в центре ее будет стоять живой человек, только тогда составит она единое целое со всем творением и понесет свой груз с грацией женщины, несущей кувшин, а не будет простым собранием фактов, которых и без того слишком много.

Я был бы рад сказать, что мы полностью воплотили мою мечту в нашей школе. Но мы делаем лишь первые шаги, мы только даем детям возможность обрести свободу в Природе через любовь к ней. Ибо любовь есть свобода. Она дает нашему существованию полноту, которая спасает нас от растраты душевных сил на дешевые мелочи. Любовь освещает мир своим смыслом, придает жизни ощущение довольства, которое является ее истинным праздником. Я знаю людей, проповедующих культ простой жизни, прославляющих духовную ценность бедности. Но я не вижу в бедности никакой ценности, особенно когда бедность проявляется лишь в отсутствии богатства. Только когда сознание чутко откликается на тайный зов действительности, оно может избежать соблазна, который представляет собой ложная ценность вещей. Бессердечие лишает нас простой радости жизни и обрекает на постыдный снобизм, когда мы чванимся своей мебелью или попадаем в нелепый плен к дорогим вещам.

Но бороться бессердечием аскетизма против бессердечия роскоши — все равно, что бороться против одного зла с помощью другого, призывая безжалостного демона пустыни вместо разрушительного демона джунглей.

Я делал все возможное, чтобы развить в детях моей школы свежесть восприятия Природы, отзывчивость души во взаимоотношениях с окружающими их людьми, я делал это с помощью литературы, праздничных обрядов, а также религиозного учения, которое предписывает познать окружающий мир через свою душу и таким образом обрести бесценное сокровище, ибо от музыкального инструмента получаешь гораздо больше, когда не просто владеешь им, а играешь на нем. Я вводил детей в этот мир, словно в родной дом. Среди других предметов, изучаемых на открытом воздухе в тени деревьев, были музыка и рисование. Дети играли в представлениях и просто играли, ибо игра — это их выражение жизни.

Но, как я уже намекал, всего этого было недостаточно, и я ждал людей и средств, чтобы повести в нашей школе активную работу, в которой находят применение изобретательность и творческие силы, помогающие формировать характер, смывать все наслоения грязи, гнили и упадка. Другими словами, я всегда чувствовал необходимость гения Запада, чтобы придать моему идеалу образования ту силу реальности, которая знает, как расчистить дорогу к благой практической цели.

Препятствий для меня было множество. Традиция общества, которое именует себя образованным, требования родителей, воспитание самих учителей, правила и устав государственного университета — все это встало непреодолимой преградой на пути взлелеянной мною идеи. Вдобавок наши фонды, почти не пополняемые взносами соотечественников, были явно недостаточны для нашего учебного заведения и тем самым ограничивали число учеников.

К счастью, помощь пришла от одного американского друга, который возглавил работу по организации отдела переустройства сельского хозяйства при университете Вишвабхароти. Как и я, он верит в образование, которое учитывает органическую целостность человеческой индивидуальности и необходимость общего развития всех ее

сил, телесных и умственных. Чтобы сохранить свободу действий при воплощении этой идеи, мы начали работу с несколькими мальчиками; это были сироты или дети, чьи родители были слишком бедны, чтобы послать их в какую-либо другую школу.

Очень скоро мы обнаружили, что умы детей, активно занятых созидательной работой, быстро развиваются и страстно ищут выход своей энергии в приобретении новых знаний или хотя бы в решении таких механических задач, как совершенствование почерка. Умы этих мальчиков стали настолько чуткими, что самый обыденный случай открыл им однажды глаза на преимущества знания английского языка, которого не было в их программе. Мысль об этом возникла у них, когда они отправляли свои письма и ждали, пока почтовый служащий перепишет по-английски адреса, уже написанные на бенгали. Они тотчас пришли к своему учителю, требуя, чтобы он включил английский в дополнительный час занятий, и, что самое удивительное, смелые мальчики даже не пожалели о поспешности, с которой приняли это решение. Невольно припомнил я в тот день, какие злодейские мысли овладевали моим детским умом, когда мой учитель английского языка появлялся на повороте дороги, ведущей к нашему дому!

Для этих мальчиков не нужны каникулы. Их занятия, хотя и напряженные, не являются обременительной работой: они проникнуты праздничным духом, который царит повсюду, — и на школьной кухне, и на огороде, и в ткацкой мастерской, и когда дети занимаются мелкими починками. Это происходит потому, что работа в классе не оторвана и не отгорожена от их природных склонностей; она стала неотъемлемой частью их жизни и не нуждается в подстегивании.

Когда мальчики впервые пришли в нашу школу, то большинство было слабо телом и духом. Разрушительные последствия малярии и других тропических заболеваний передались им через многие поколения предков; они ходили на поля, опустошенные годами жестокой войны и обреченные на бесплодие. Дети принесли с собой невыносимое упрямство — результат отравленной крови и

физического истощения. Брахман был высокомерен, небрахман — жалок в его робости и самоуничижении. Они не желали выполнять никакую общую работу, боясь, что это пойдет на пользу еще кому-нибудь, кроме них. Они дулись, когда их просили для их же собственной пользы сделать такую работу, которую, по их понятиям, должен был делать обычный кули или наемный повар. Они не стыдились жить на средства благотворительности, но стыдились помогать самим себе. Возможно, они считали несправедливым платить хотя бы часть цены за общее дело, успех которого выпал бы на нашу долю.

Можно было подумать, что убожество и эгоистичная завистливость, моральная летаргия, проявившаяся в полном отсутствии благородства, были свойственны им от природы. Но в течение очень короткого времени все изменилось. Дух самопожертвования и товарищества, бескорыстное желание помочь другим, развившиеся у этих ребят, редки даже у детей, которым были предоставлены большие возможности. Активная здоровая жизнь удивительно быстро выявила все хорошее в них и смыла все, что налипало дурного. Выполняемая ребятами дневная работа ставила перед ними моральные проблемы в форме конкретных препятствий и требовала их преодоления. Логика фактов показывала им реальность моральных принципов в жизни, и теперь они удивлялись, когда другие мальчики не понимали этого. Они получали величайшее удовольствие от работы на кухне, у ткацкого станка, в огороде и в саду. С удовольствием оказывали они услуги другим ребятам, причем очень часто делали это тайно, чтобы не смущать тех, кому помогали. Обычно там, где люди столуются вместе, они требуют больше, чем им дают, но эти мальчики охотно упростили свои потребности, терпеливо мирясь с неизбежными недостатками. Они осознали, что ответственность лежит главным образом на них и каждый предмет роскоши становится бременем, если его тяжесть нельзя переложить на плечи других людей, — поэтому вместо того, чтобы лениво ворчать на недостатки, они должны сами думать и действовать. Например, для улучшения своего рациона они должны больше выращивать овощей. У них есть орудия

труда и здравый смысл, с их помощью они могут удовлетворять свои небольшие потребности, и хотя усилия их пока не дают значительных результатов, важность их не измеришь никакими рыночными ценами.

Я хотел бы, для художественного контраста, рассказать о каких-нибудь наших провалах, неожиданных неудачах, грозивших разрушить все наши стройные планы. Но, во имя правды, я должен признать, что ничего подобного пока еще не случилось. Вероятно, наш тропический климат способствует скучной вялости характеров, поэтому у наших мальчиков не скапливается излишка энергии. Обычно дети любят портить и ломать то, что взрослые считают особенно ценным, так же как индийские крестьяне показывают красивых павлинов западным любителям охоты. Возможно, есть еще надежда, что наш эксперимент не станет банальным образцом эдакого рая для пай-мальчиков. Я уверен, что вскоре непредвиденные жизненные проблемы столкнутся с нашими теориями и грозные противоречия еще не раз будут подвергать испытаниям нашу веру в свою правоту.

А пока, добившись, что ежедневная тренировка ума и тела сделала этих ребят интеллектуально восприимчивыми, мы, наконец, набрались мужества распространить эту систему на начальное отделение нашей школы, которая максимально удалена от границы университета.

Дети этого отделения, под руководством идеального учителя, считающего, что учить — значит учиться, только что построили свою первую хижину, которой они были до смешного горды. Я видел по их поведению: они начали смутно сознавать, что обучение — составная часть жизни, что оно не тягостное больничное лечение для исцеления их от врожденного невежества, а проявление здоровья, естественное выражение жизненной силы их ума. Таким образом, я имел счастье наблюдать первый росток жизни, поднявшийся в укромном уголке. Я не хочу прикреплять к этому вьюнку никакого ярлыка ученой терминологии, пусть он растет вверх, пока не скроет полностью голый шест, который не цветет и не плодоносит, а служит лишь древком для пергаментного флага экзаменационных успехов.

В заключение я должен более подробно рассказать о наиболее важном вопросе нашего эксперимента в области образования.

У детей есть активное подсознание, которое, подобно дереву, черпает свои силы из окружающей атмосферы. Для них такая атмосфера стократ важнее, чем правила и методы, наглядные пособия, классные занятия и учебники. Наша планета состоит из земли и воды. Но, фигурально выражаясь, вдохновение свободы, радость жизни она черпает из своей атмосферы. Эта атмосфера была и остается вечным источником жизни; она вызывает из глубин планеты цвета и запахи, музыку и движение. Земля непрестанно открывает самое себя и не перестает удивляться неожиданному.

В обществе человек всегда окружен атмосферой культуры. Она обостряет восприимчивость к расовой наследственности, к влиянию традиций, облегчает бессознательное усвоение глубокой мудрости поколений. Но в наших учебных заведениях мы ведем себя, как горняки, которые, не жалея сил, копают землю только для добычи руды, а не как земледельцы, возделывающие почву в полном единении с природой, связанные узами пассивной любви с атмосферой.

В моем заведении я пытался создать особую атмосферу, отводя ей важное место в нашей программе обучения, ибо атмосфера необходима для развития восприимчивости души, для того чтобы наделить ум истинной свободой любви. Апатия и невежество — худшие формы человеческого рабства; они — наши невидимые тюремные стены, окружающие нас повсюду, куда бы мы ни пошли. В учебных заведениях наши умственные способности должны быть развиты так, чтобы дать нашему сознанию свободу в мире истины, ввести воображение в мир искусства, а нашу любовь — в мир человеческих отношений. Последнее куда важнее, чем, например, изучение географии зарубежных стран.

В наши дни сознание детей почти преднамеренно формируется так, что оно не в состоянии воспринимать другие народы, с их неведомыми нам языками и обычаями. Это принуждает нас, когда того требуют наши повзрослевшие души, искать друг друга ощупью в темноте, бес-

сознательно ранить друг друга, страдать худшей формой слепоты нашего века. Сами христианские миссионеры вложили свой вклад в воспитание бесчувственности и презрения к другим расам и цивилизациям. Прикрываясь именем братства, в слепой сектантской гордости они сеют взаимное непонимание. Именно это делают они в своих учебниках, отравляя восприимчивые умы юношей. С помощью западных друзей, которые своим сочувствием и пониманием оказали нам величайшую услугу, я пытался спасти наших детей от такого подавления естественной человеческой любви.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Содержимое кладовых и котлы, поставленные на огонь, еще не праздничное угощение. Удался ли пир, зависит от того, сколько гостей приглашено и сколько тарелок расставлено.

Образование, которое мы ныне получаем в нашей стране и которое не устаем восхвалять, напоминает дом с полными кладовыми, но без единого гостя. В наших школах и колледжах зажжены яркие светильники знаний, и будет весьма печально, если их свет так и угаснет за глухими стенами. Картина закончена лишь тогда, когда заполняет все полотно; так и образование станет по-настоящему эффективным только тогда, когда охватит всю страну. Без этого образование останется неполным и несовершенным, хотя мы в Индии настолько привыкли к такого рода образованию, что не замечаем его мучительной скудности. Сравнивая образование в Индии с образованием в других странах, мы отмечаем лишь самые очевидные и поверхностные факты, например, что у нас, как и в других странах, тоже есть университеты. При этом мы забываем о том, что нет такой благословенной страны, где бы общество и вне существующих учебных заведений не находилось под влиянием негосударственной системы просвещения.

Когда-то подобное образование существовало и в Индии. Пусть оно было в основном религиозным, как в средневековой Европе, пусть оно сосредоточивалось в

санскритских школах — толах и чатушпати, — зато оно охватывало всю страну. В те дни специальные знания уживались с более общими представлениями, и между домами пандитов и домами простых людей не было такого резкого различия, как между оазисом и пустыней. Легенды «Рамаяны» и «Махабхараты», пураны и общепонятные догмы религии распространялись по множеству каналов во всех слоях общества, достигая самых низших. Даже высшие истины философии, выработанные настойчивым трудом, подобно дождю, увлажняли почву народной мысли; даже самые абстрактные понятия, воплощенные в произведениях искусства, проникали везде и всюду, как соки, доходящие до всех ветвей дерева. Общественные работы считались в те времена религиозным долгом, деревни сами заботились о водоемах, крестьяне сообща делали все, чтобы обеспечить себя водой, не ожидая, когда придет правительственный чиновник. Точно так же страна сама заботилась и о своем образовании. Если бы она этого не делала, она бы погрузилась во мрак невежества. Образование было не частной собственностью отдельных ученых людей, а всеобщим достоянием.

Однажды крестьяне, в большинстве своем мусульманской веры, пригласили меня к себе в маленькую деревушку, где никто даже не слышал шелеста газетных страниц. По случаю моего прихода они устроили музыкальное представление, на которое собрались все жители от мала до велика. При свете керосиновых ламп под навесом они сидели прямо на земле и слушали как завороченные. Сюжет пьесы сводился к беседе между гуру и его учеником о телесном, духовном и божественном началах, беседа перемежалась песнями, танцами и остроумными шутками. Я до сих пор помню одну сценку из этой пьесы; когда паломник хочет войти в священный город Вриндаван, страж останавливает его у ворот. «Ты не можешь войти, — говорит страж, — потому что ты вор!» — «Что ты говоришь? — возмущается паломник. — Обыщи меня и попробуй найти хоть одну украденную вещь!» — «Она под твоей одеждой, — отвечает страж. — Ты прячешь самого себя. Ты несправедливо скрываешь себя для себя, ибо воистину ты принадлежишь моему Повелителю!» И едва страж произнес эти слова, все барабаны,

маленькие и большие, загрохотали разом, а исполнители пустились в пляс, потрясая париками. Впечатление было такое, словно учитель дважды подчеркнул самую важную фразу задания красным карандашом!

Было уже поздно, полночь миновала, и близился первый час ночи, однако зрители сидели и слушали с напряженным вниманием. Не знаю, все ли было им ясно до конца, но, во всяком случае, они жадно вкушали нечто новое, уводившее их от тусклой ничтожности повседневных забот на путь вечности.

Подобные пьесы разыгрывались в нашей стране в течение столетий. Снова и снова, в разных постановках различных стилей они рассказывали народу о Дхруве, Прахладе, о доспехах Карны, изгнании Ситы и самопожертвовании Харишчандры. В прежние времена было немало нищеты и несправедливостей, никто не был уверен в завтрашнем дне, но одновременно была непрерывность традиций образования, которая открывала человеку дорогу к обретению духовного богатства, независимо от капризов судьбы, давала представление о величии, которого он мог достичь, несмотря на свою бедность. Что бы ни давали американские фильмы, это им не под силу.

Во многих странах недавно введено обязательное обучение. Народное образование в Индии прошлых времен можно определить скорее как добровольное, а не обязательное, потому что никаких принуждающих законов в этой области не существовало, и тем не менее знания свободно распространялись по всей стране так же естественно, как кровь циркулирует по всему телу.

С тех пор многое изменилось. Наше образованное общество стоит у дверей государственных учреждений, выпрашивая право войти в кабинет министров то униженно, то с притворной яростью. В то время как в деревнях пьют зловонную воду, в городах из кранов льется чистая, прозрачная вода. И мы с удивлением восклицаем: «Это и есть прогресс?» Деревни занимают большую часть нашей страны, однако о них забыли. Жизнь и свет, некогда озарявшие всю Индию, теперь сосредоточились за стенами немногочисленных городов.

То, что мы называем сегодня образованием, — порождение города, и служит оно только интересам торговцев

и чиновников. Чужеземное образование напоминает огни в окнах поезда: сами вагоны ярко освещены, но обширная страна, по которой идет поезд, погружена во тьму. Как будто реальны только эти вагоны, сделанные на заводе, а вся страна с ее радостями и горем — нереальна!

Какая-то часть нашего городского населения получает образование и благодаря ему приобретает вес и богатство. Эти люди становятся «просвещенными» и полностью затмевают всех остальных. Ослепленные знаниями, которые им дали вызубренные уроки английского, они начинают принимать за всю страну лишь немногих соотечественников, получивших такое же образование. Но это все равно, что принимать павлиний хвост за павлина, а слоновые бивни за слона. Вот почему в наших деревнях нет хороших дорог и хорошей воды, зато вдоволь болезней и невежества. Наши деревни темны и безрадостны, как сцена за кулисами, когда звучит сигнал к поднятию занавеса, в то время как наши города «полноводны, плодородны, вентиляторами ласкаемы». В них есть все — и больницы, и учебные заведения. Никогда еще наша страна не была так резко разделена из конца в конец. И нам трудно обвинять в этом современный век, ибо ни одна другая цивилизованная страна сегодня не делится на две половины, светлую и темную, как лунный диск на седьмой день после зарождения.

Западная наука дошла до Японии позднее, чем до Индии, но и там знания не распределяются так неравномерно, как у нас, словно заплаты на рваном одеяле. Широкое распространение образования развило у японцев способность логически мыслить. Однако это не привело к однообразию мысли. Достоинство мышления современного века в том, что оно сочетает в себе единство и разнообразие, причем это единство основано на логике.

Ученые с цифрами и фактами в руках доказали, что количество деревенских начальных школ за время английского владычества сократилось. Но еще пагубнее оказалось разрушение естественных каналов, по которым знания доходили до масс. Когда-то всю Бенгалию покрывала необычайно сложная оросительная сеть, но из-за тупости и небрежности нынешних правителей она пришла в упадок, и по берегам ее каналов зажглись погребальные.

костры. Закупорка каналов образования также привела к духовному и материальному обнищанию. Наша страна некогда разрешила сложнейшую проблему образования, превратив науку в радость; она завладела сердцем страны и слилась с жизнью общества. Однако сегодня мы испытываем острый духовный голод, и если еще существуем, то лишь за счет остатков запасов, накопленных в прошлом.

Экспедиции, направленные в пустыни Центральной Азии, обнаружили руины городов и селений, некогда процветавших, но сегодня засыпанных песками. Когда-то там было достаточно воды, и сейчас еще можно различить древние русла рек. По мере того как уходила вода, пустыня надвигалась, слизывая раскаленными языками каждую каплю влаги, пока, наконец, последние следы человеческой деятельности не исчезли под покровом бесконечных барханов.

Наша страна — это ее бесчисленные деревни, но эта духовная почва больше не орошается. То небольшое количество подземной влаги, которую деревням удалось сохранить с прошлых времен, скоро испарится в горячем воздухе, и гибельная пустыня, в конце концов, обовьется вокруг нашей страны, состоящей из деревень, и проглотит ее, как удав. Но мы не замечаем наступления пустыни, ибо не видим своей страны из-за образования, напоминающего свет фонаря в чердачном окне, мы видим только образованных горожан.

Долгие годы я жил в маленькой бенгальской деревушке, и каждое лето наблюдал одно и то же грустное зрелище. Река пересыхала, берега ее растрескивались, в прудах оставалась на дне только грязь, все засыпало раскаленным песком, и женщинам приходилось носить воду в кувшинах из немыслимой дали; эта вода смешана со слезами Бенгалии. Если бы вспыхнул пожар или эпидемия холеры, деревня была бы обречена.

Но было и нечто другое, что меня огорчало. По вечерам, когда крестьяне возвращались домой, закончив дневную работу, опустевшие поля погружались в безмолвие и темноту. А деревни в бамбуковых зарослях казались черными островами в океане ночного мрака. Из деревень доносились монотонные удары барабана и тысячи раз повторяемые строки вишнуйтского гимна. Слушая их, я

думал о том, что на дне души этих крестьян пребывает еще живительная влага. Зной усиливается, но средств бороться с ним почти нет! Невозможно жить год за годом в нищете, если хоть изредка не вспоминать, что у человека есть нечто, называемое душой, оно выше изнурительного труда, избавляет от горя и унижений и помогает обрести свободу. Было время, когда общество полностью утоляло эту духовную жажду, оно включало в себя весь народ, понимая, что, не будь этого, вся страна придет в упадок. А сегодня никто не хочет пошевелить и пальцем, чтобы утолить их духовный голод, и нет никого, кто мог бы помочь им, и они кое-как питаются крохами, унаследованными от прошлого; но настанет день, когда и эти жалкие запасы придут к концу. В тот день ни один светильник уже не загорится в их безрадостных домах, в тот вечер скорби и нищеты ни одна песня не прозвучит в ночной тиши. Только цикады будут трещать в бамбуковых зарослях, только шакалы будут выть ночью в кустах и лесной чаще, а в городах толпы образованных людей будут стекаться к ярко освещенным кинотеатрам.

В результате упадка нашего старого, традиционного образования простой народ постоянно страдает от неутоленной духовной жажды. Образование же, которое пришло к нам ныне, не стало всеобщим: оно напоминает святую воду в прудах, облицованных камнем: к ним нельзя даже подступиться из-за различных правил и установлений, и чтобы зачерпнуть хотя бы горсточку — надо хорошенько заплатить служителю.

Наши легенды рассказывают, что Ганга — это богиня, обитающая в темных пучках волос Шивы. Но она спускается с божественной головы и идет к дверям домов простых смертных, чтобы наполнить каждый кувшин своей благодатью.

Новое образование, пришелец из чужой страны, предназначается лишь для избранных, — вот почему те, кто получил английское образование, теряют все связи с простым народом. И в этом — самое чудовищное кастовое неравенство: разобщенность классов.

Образование на английском языке не подходит для наших душ. Не удивительно поэтому, что наши знания

не соответствуют нашему образованию. Они оторваны от окружающего мира. Между нашими домами и школами ходят трамваи, но нет никакого духовного сообщения. Наша страна существует отдельно от нашей школы, и между ними больше вражды, чем согласия. Поэтому опять же нет ничего удивительного в том, что большинство из нас думает и говорит, как школьники, не смеющие оторваться от своих тетрадок и иметь собственные суждения или проявить инициативу. Нам еще не удалось перекинуть мост через пропасть, отделяющую наше образование от всей страны. Страна и образование похожи сегодня на новобрачных, продолжающих жить каждый в доме своих родителей на разных берегах реки, не соединенных переправой.

Для наведения такой переправы мог бы слодиться и челнок, который называется литературой. Надо признать, что в центре сегодняшней бенгальской литературы — человек нового века с его потребностями, и она до какой-то степени передает дух современности. Однако она не в силах переправить нам из-за моря вдоволь той пищи, в которой мы больше всего нуждаемся. Знания, в которых многообразно проявляются духовные силы XX века и которые пролагают новые пути к познанию тайны вселенной, — редкие гости в доме бенгальской литературы. Метод, с помощью которого наша литература некогда осмысливала действительность, объединяя идеи с опытом, сегодня стал достоянием истории. Сегодня дух бенгальской литературы ограничен чувственным восприятием. Он охотно витает в залах новых ресторанов, и больше всего его привлекают заведения, где даже воздух пьян от винных испарений.

Бенгальская литература состоит главным образом из романов, стихов и драм, но все это только развлекает читателя, не делая его сильнее. Духовное превосходство европейских стран определяется гармоничным сочетанием в их культуре всех человеческих способностей — физических, духовных и интеллектуальных. Благодаря такому сочетанию у европейцев нет такого недостатка, который бы не восполнялся каким-либо достоинством. У баньяна одна ветка может быть сломана бурей, другая — источена червем, третья — погублена засухой. Но в целом дерево

здорово и находится в полном расцвете сил. Неустанная активность европейского разума поддерживается одновременно наукой, литературой, образованием, и из прогресса в каждой из этих областей складывается непрекращающийся общий прогресс.

Наша литература в основном сентиментальна и эмоциональна. Когда в такую литературу, подражая иностранным образцам, вводят элементы анархии или каких-либо извращений, эти элементы приобретают чрезмерное значение и вызывают нездоровое брожение умов, — так царщина, когда организм слишком слаб, вызывает заражение крови. Эта опасность грозит и нам. Критику, который на это указывает, мы обычно отвечаем, что в таком брожении суть последних достижений культуры, ссылаясь при этом на европейское общество. Но отвечать так — значит забывать о разумной, всеобъемлющей деятельности современной цивилизации, обеспечивающей ее целостность.

Когда много лет назад я жил в деревне, иногда меня посещали аскеты и рассказывали, как некоторые преступно насаждают чувственность, причем это делается от имени религии, которая на нее опирается. Это тайно происходит в городах, где подобная «вера» находит себе много последователей. «Вера» эта, безусловно, губительна для человека и объясняется, главным образом, тем, что в нашей жизни и литературе отсутствуют элементы, дисциплинирующие сознание и направляющие его к высшим целям.

Не будем, однако, порицать одних писателей. Совсем нетрудно обвинить нашу литературу в бессодержательности, а вот подсказать, как это можно исправить, — гораздо труднее.

Люди не придают значения вкусам, поскольку нет правил, которые бы эти вкусы определяли. Непросвещенный человек руководствуется только своими личными симпатиями и антипатиями, собственное удовольствие для него высшее мерило эстетической ценности, и он готов спорить со всяким, вплоть до полицейского чиновника, кто с ним не согласится.

Те, кому закрыта дорога на ярмарку книжной литературы, во всяком случае, хотят пройти через поле литературы народной, не платя никаких налогов. Но что-

бы усвоить научные знания, надо миновать много ворот, охраняемых неумолимыми стражами, а это не так-то просто. В странах, пользующихся благосклонностью Лакшми и Сарасвати, прокладываются все новые и новые пути в науке, поддерживается тесная связь между далеким и близким, между домом и миром. Недопустимо, чтобы мы плелись позади всех.

Сегодня небо Бенгалии затянуто тучами. В былые времена бенгальцы занимали высокие посты при дворах правителей, очень ценились за свои административные способности в других индийских провинциях и всюду вносили значительный вклад в дело распространения образования. Тогда они пользовались любовью и уважением. Ныне правительство смотрит на бенгальцев с подозрением, жители других провинций не проявляют прежнего гостеприимства, закрыли дверь перед ними, и к тому же наше финансовое положение плачевно.

Чтобы нищенские условия жизни, потеря самоуважения, вызванная недостатком образования, не заставили бенгальцев опуститься, мы должны направить все силы на то, чтобы наша духовная жизнь была на высоте, несмотря на все несчастья и беды. Человек, которому не хватает широты мысли, мучимый сознанием своей незначительности, мешает всем начинаниям.

Сейчас в Бенгалии мы постоянно сталкиваемся с проявлением пагубной зависти и недоброжелательства, преступного подстрекательства, и чем тусклее будет гореть свечка знаний, тем яростнее станут попытки тех, кто не уважает себя, принизить и других.

Сегодняшняя постыдная и самоубийственная распря между индусами и мусульманами в конечном счете объясняется невежеством, овладевшим всей страной. Это злосчастное невежество и глупость используются, чтобы подорвать основы нашей жизни, настроить против нас не только наших друзей, но и самого всевышнего. Стремление к собственной гибели в последнее время зашло так далеко, что сами бенгальцы пытаются разделаться со своим родным языком. Язык и литература — это поле, на котором объединяются люди самых разных взглядов, но сегодня кое-кто старается без всякого зазрения совести насадить и на этом поле колючий кустарник.

Горе можно нести с достоинством, но охватившее нашу страну невежество — величайший позор, причина неудач самых лучших начинаний. Эту проблему нельзя разрешить никакими спорами о политических правах и торговлей на политических ярмарках, никакими бурями за круглыми столами. Чтобы наша лодка не пошла ко дну, нужно немедленно заткнуть дыры, сквозь которые хлещет вода.

Образование — наша самая насущная потребность, а литература — лучший путь для его распространения за стенами школ и колледжей. Но это должна быть литература, полностью подготовленная для выполнения своей задачи и легко доступная для всех и каждого. У меня не слишком много друзей, которые могли бы нам в этом помочь, поэтому я обращаюсь за помощью к университету.

Человеческий мозг неразрывно связан нервами со всеми остальными частями тела. Университет, подобно мозгу, должен раскинуть свою нервную систему по всей стране. Отвечая на вопрос, — а как это сделать, — я могу лишь предложить, чтобы по всей стране были организованы общедоступные экзаменационные центры. Они должны распространять учебники, которые помогали бы людям, стремящимся собственными силами избавиться от клейма неграмотности. Мужчины и женщины, заточенные в онтохпур, которые не могут по тем или иным причинам регулярно посещать школы и колледжи, смогли бы сами учиться по этим учебникам в свободное от работы время. Университет должен следить за этим, организовав во всех округах экзаменационные центры. Полный университетский курс состоит из множества предметов, однако для экзаменов, о которых говорю я, не нужно такое множество. Каждый специализируется обычно в какой-то одной области знаний, и человек, доказавший, что он овладел хотя бы одной дисциплиной, имеет право занять свое место в обществе. Я не вижу причин отнимать у людей это право.

Выпуск соответствующего количества учебников на бенгальском языке станет возможным только тогда, когда университет понесет свои знания в народ. Это единственный путь борьбы с бедностью содержания, от которой так

страдает бенгальская литература. Иначе нам придется, как нищим, выпрашивать у английского языка каждую кроху знаний, без которых невозможно сохранить самоуважение. Но таким образом мы будем постоянно унижать наш родной язык. Неужели бенгальцы, знающие только бенгальский, навечно останутся низшим классом для своих образованных соотечественников?

Было время, когда бенгальский мальчик из первого класса английской школы не стыдился признавался, что не знает бенгальского языка, и не терял при этом уважения окружающих. Эти времена прошли, однако до сих пор мальчик-бенгалец стыдится признаться, что не знает никакого другого языка, кроме бенгальского. Мы шли на все, чтобы добиться политического самоуправления, но сказать, что к свараджу в области образования мы относились без особого энтузиазма, было бы слишком мягко. До сих пор многие из нас не считают бенгальский язык наилучшим средством распространения знаний, утверждая, что он, мол, только обесценит образование.

В прошлом веке, в самом начале увлечения путешествиями в Европу, наши соотечественники до того упивались всем западным, что, боясь потерять престиж, даже не позволяли своим женам носить сари, какие носят все индийские женщины. Многие из нас до сих пор думают, что наше образование потеряет престиж, если Сарасвати, наша богиня мудрости, облачится в сари. Но все мы прекрасно знаем, что нашей богине будет трудно ходить в туфлях на высоких каблуках, а наши дома ей, конечно, удобнее посещать именно в сари.

В юности я иногда бегло переводил для моих слушателей отрывки из английских произведений на бенгальский язык. И хотя все слушатели знали английский, они соглашались, что эти отрывки доходили до них быстрее и легче в переводе на бенгальский. Не секрет, что сегодняшнее наше обучение сильно проигрывает из-за того, что ведется на английском языке. Молодой бенгалец, не привыкший к европейским столам, остается голодным даже после прекрасного обеда в салоне следующего в Англию пакетбота, потому что не привык есть с помощью вилки и ножа. Та же беда и у нашего современного образования: в нем есть, казалось бы, все, но, пока знания

доходят до нас, многое утрачивается. Это относится к образованию в наших школах и колледжах. Я говорю это в связи с проблемой всеобщего народного образования, о котором и идет сейчас речь. Вопрос стоит не о том, хорошо или плохо действует водопровод, а о том, как снабдить питьевой водой селения, куда водопровод не доходит. Что еще, кроме нашего родного языка, может дать животворную влагу знаний всем и в достаточном количестве и спасти наш разум от жажды в пустыне невежества?

Вот почему от имени жаждущей родины я молю, чтобы дождевые тучи, напившись благодатью знаний над высоким куполом университета, излили свою влагу на всю страну и наполнили поля наши зерном, сады — плодами, а цветники — цветами. Пусть родной мой язык гордо воспрянет и знания разольются по пересохшим руслам Бенгалии, как река в половодье. И пусть радость воцарится повсюду!

СМЕНА ЭПОХ

С давних пор приделы наших храмов служили для встреч и дружеских бесед, хотя, собственно говоря, разговаривать крестьянам было не о чем, кроме как о своих деревенских и семейных делах. Все их свободное время занимали пересуды, злословие, карточная игра, а днем они нередко спали по несколько часов. Их культурные потребности были строго ограничены, от и до, представлениями бродячих артистов, показывавших народные пьесы, читавших отрывки из древних эпических сказаний и рифмованных сказок. Все темы черпались из запаса старинных легенд. Это был привычный мир с ограниченным горизонтом, мир, который вращался вокруг собственной оси, — и все. Из года в год, от поколения к поколению его суть и дух оставались постоянными и неизменными. Такой мир определялся все теми же застывшими условностями. Вне его, на широких путях прогресса человечества, происходило безостановочное движение истории, которое не могли задержать ни священные догмы, ни вековые обычаи. Это движение меняло свое направление по мере возникновения противоречий и переплетения различных факторов, выдвигая все новые и новые проблемы. Однако все эти процессы оставались вне поля нашего зрения.

Первый удар извне по нашему безразличию был нанесен мусульманами. Но и мусульмане принадлежали к тому же древнему Востоку, скованному вековыми цепями.

Силой оружия они создали империю, но не смогли дать толчка созидательному мышлению. Утвердившись на нашей земле, они постоянно вступали в острые противоречия с нами, хотя, по сути дела, противоречия эти были чисто внешними, ибо это были столкновения двух древних систем, двух застывших мировоззрений. Мусульмане оказали влияние на государственное устройство, но в общем мало повлияли на наше сознание. Доказательство этому — литература.

В тогдашнем высшем обществе был распространен фарси, но это никак не отразилось на бенгальской поэзии. Культура персов не оказала заметного влияния на нашу литературу того времени, состоявшую главным образом из вишнуитской лирики и поэмы монгол. В их сюжеты и реминисценции не проникли традиции мусульманской литературы, хотя в поэмах монгол время от времени и упоминались мусульманские правители. Единственное исключение — это «Бидда и Шундор» Бхаротчондро. В его светскости, в его отточенных образах и безукоризненном ритме заметно влияние мягкой иронии персидской литературы. Тем не менее множество слов фарси вошло в бенгальский язык, и этика мусульман проникла, по крайней мере, в городское и столичное общество.

Так на земле Индии две древние цивилизации замкнулись в свои скорлупы и стояли рядом, отвернувшись друг от друга. Нельзя сказать, чтобы они не оказывали влияния одна на другую, но влияние это было минимально. Физическая мощь мусульман обрушилась на страну с ужасающей силой, однако эта мощь не несла в себе созидательного начала и не пробудила мысли народа. К тому же необходимо отметить, что, хотя мусульмане и вторглись в Индостан из иного мира, они не сумели расширить наш кругозор и включить в него этот мир. Захватив страну, они заперли ворота, через которые вошли, и если время от времени ворота взламывались, это не имело особого значения: мир по ту сторону ворот для нас не существовал. Вот почему деревенские храмы до сих пор служат местом общения людей.

Затем пришли англичане. Они пришли не просто, как люди, а как символ нового, европейского духа. Люди за-

нимают место в пространстве, идеи овладевают умами. Сегодня мы смотрим на мусульман лишь как на некую количественную величину. Они внесли в нашу политику чисто арифметическую задачу, — причем не на умножение, а на деление; ответ на эту задачу зависит от количества мусульман. Они живут в стране, и тем не менее, с точки зрения государственного и национального единства, они являются далеко не положительной величиной. Вот почему вопрос о национальном составе народонаселения Индии принял такой трагический характер.

Приход англичан — поразительный эпизод в истории Индии. В личном плане англичане стоят от нас еще дальше, чем мусульмане, однако, как представители европейского духа, они установили с нами гораздо более тесный контакт, с гораздо более глубокими последствиями, чем все их предшественники. Динамизм Европы взял приступом наши пассивные умы. Он подействовал на нас, как ливень из тучи, пришедшей издалека, действует на пересохшую землю, пробуждая в ней жизненные силы. После такого ливня в глубинах земли начинают прорастать все семена. Только пустыня даже после ливня остается бесплодной, и в этой бесплодности есть нечто от смерти.

Когда некоторые индийские критики хотят изничтожить современного писателя, они искусно выискивают у него малейшие следы иностранных влияний, используя всю свою эрудицию и воображение. Влияния такого же рода захлестнули всю Европу в период Возрождения, когда они шли из Италии, однако никто не считал их пагубными или оскорбительными, скажем, для английской литературы, — и в том, что они многообразно отразились в английской литературе, нет ничего удивительного; если бы этого не было, ее скудость можно было бы определить как варварство. Разум, способный к восприятию, не может не впитывать в себя все богатство новых веяний. Переkreщивающийся поток взаимного обмена мыслями никогда не оскудеет, пока бодрствуют живые умы, жаждущие познания.

Дух современности пришел, подобно свету, с Запада и осветил целый период мировой истории. Европейская мысль, подчиняясь какому-то неудержимому стремлению,

проникла во все уголки земли. И куда бы она ни приходила, она оказывалась победительницей. В чем же секрет ее силы? В поисках истины! Ее не останавливают умственная спячка, смутные фантазии, поверхностные аналогии или отголоски вековой мудрости. Она жестоко подавляет инстинктивное стремление человека к самозащитному. Она не пытается приспособить истину для индивидуальных целей. Освобожденная от личных предубеждений, европейская мысль, признавая лишь доводы разума, день за днем открывает все новые и новые горизонты.

Здесь, в Индии, мы все еще пребываем во власти фатализма и зависим от гороскопов, но и в наших стенах уже есть проломы, сквозь которые европейский дух врывается на наши внутренние дворы. Он принес нам великий дар знаний в их общем, универсальном аспекте. Он пробудил в нас неутолимое любопытство разума, властно требующее проникновения в глубочайшую суть вещей и явлений, независимо от того, далеки они или близки, малы или огромны, имеют практическую ценность или представляют только теоретический интерес. Он доказал нам, что знания неделимы, что все явления имеют нечто общее и что никакая мудрость, пусть самая древняя и священная, не может опровергнуть свидетельство даже самого незначительного факта.

В области морали произошло то же самое, что и в физике. Среди воспринятых нами идей нового века самая значительная утверждает, что все люди равны перед лицом закона. Брахман ли убьет шудру, шудра ли убьет брахмана, это все равно будет убийством, за которое преступник понесет равное наказание, и никакие древние обычаи не смогут повлиять на приговор суда.

Мы можем в глубине души не признавать до конца тот факт, что социальные условности влияют на наши оценки; но факт остается фактом — и новые веяния властно вторгаются в наши мысли и убеждения. Это совершенно очевидно хотя бы из требования предоставить неприкасаемым право посещать храмы. До сих пор находятся люди, которые пытаются оправдать допуск неприкасаемых в храмы не моральными доводами, а ссылаясь на священные книги, но такого рода доказательства

вряд ли произведут на кого-нибудь впечатление. Внутренний голос народа все громче заявляет, что никакие священные книги, никакие традиции и никакие личные заслуги не в силах сделать несправедливость справедливостью.

Возвращаясь к бенгальской литературе времен мусульманского владычества, нетрудно заметить, что при знаком высшей силы в ней считалось неограниченное право творить зло; это качество распространялось даже на богов, как основная черта их характера. Несправедливость, к которой прибегали сильные мира сего для укрепления своего положения, точно так же была оружием придуманных нами богов и богинь, и победа или поражение этих жестоких сил являлись доказательством их превосходства или слабости; их ярость должна была наводить на людей неодолимый ужас. Подчиняться законам и условностям было уделом простого человека, а тот, кто стоял над толпой, пользовался неотъемлемым правом пренебрегать всеми законами. Необходимо ограничивать себя условиями договора в целях сохранения истины и в интересах общества, но надменная власть не поколеблется разорвать его, как клочок бумаги. Люди видели в произволе несомненный признак божественности: герой не был связан никакими моральными правилами. В те дни бытовала поговорка: «Владыка Дели — владыка всего сущего», причем оба эти качества определялись не законом, а произволом грубой силы. Брахмана называли в те дни «бхудева» — земное божество, и это было просто утверждением превосходства брахмана над остальными, независимо от того, обладал ли он хоть крупицей благородства, связанного с понятием божественности. Об этом там не было и речи. Древние законы давали брахману неоспоримое право причинять зло представителям любых низших каст.

Мощь Британской империи намного превосходит мощь империи Моголов, но сегодня даже последнему идиоту не взбредет на ум называть лорда Виллингдона «владыкой всего сущего». Чудовищная сила, позволяющая уничтожать бомбардировками с воздуха целые деревни, уже не является для нас признаком божественности. И хотя мы страдаем под игом англичан, мы судим

О них по общим мерам, одинаковым для всех, и не колеблясь требуем от сильных мира сего более пристойного поведения. Дело в том, что, установив общие нормы добра и зла, Британская империя поставила себя на ту же моральную основу, на которой находится любой, пусть даже самый жалкий, из ее подданных.

Когда мы впервые познакомились с английской литературой, мы почерпнули из нее не только сокровища новых чувств, но также стремление покончить с угнетением человека человеком. В наших ушах зазвучали призывы разорвать цепи политического рабства. И одновременно тревожное предостережение тем, кто всячески пытается превратить человека в рыночный товар. Поистине, для нас это было совершенно новой точкой зрения. Мы жили с убеждением, что случайность рождения или результаты наших поступков заранее predeterminedены нашими прежними жизнями и не могут быть изменены, что вытекающее из этого бесправие и все унижения в обществе следует принимать со смирением и беспрекословно и что все это можно исправить лишь в новом, счастливом рождении. До сих пор, даже в наших просвещенных кругах, многие люди, верящие в политическую борьбу, тем не менее призывают нас смириться с социальным и религиозным неравенством. При этом они забывают, что сама привычка принимать как неизбежное все условия, в которых человек живет от рождения, — самое прочное звено в цепи нашего политического рабства.

Как бы то ни было, знакомство с Европой открыло нам общий закон причин и следствий и дало нам ряд моральных ценностей, против которых бессильны все священные тексты и все вековые условности. Только благодаря этому мы можем сегодня бороться за свои политические права, несмотря на всю нашу слабость. И если мы обращаемся к нашим правителям с такими требованиями, о каких во времена Моголов страшно было даже подумать, то в этом прежде всего заслуга поэта, чья идея, выраженная словами: «И все-таки человек останется человеком», — придает нам смелость и силу.

Мне уже за семьдесят. Я родился в новую эпоху, которую по справедливости можно назвать европейской, в середине XIX столетия, — сегодняшние юнцы саркасти-

чески называют этот период Викторианским. Англия, представлявшая в Индии Европу, была тогда на вершине могущества и процветания. Никто тогда не мог и подумать, что в ее благополучии окажутся трещины, сквозь которые просочится несчастье. Что бы ни утверждала история, в те годы еще не было никаких опасений и признаков того, что руководителям западной цивилизации изменит счастье, что ветер подует вспять.

В те дни существовала вера в такие идеалы, как свобода мысли и неприкосновенность личности, идеалы, за которые сражались сторонники реформации и солдаты Французской революции. В Викторианскую эпоху в Соединенных Штатах возгорелась гражданская война за освобождение негров от рабства. Эта эпоха была прославлена словами и делами Мадзини и Гарибальди, тогда же прозвучал громовой голос Гладстона, осудившего зверства турецкого султана. Это было время, когда мы в Индии начали лелеять надежду на независимость страны. В этой надежде, правда, была доля враждебности к англичанам, но в ней была также глубокая вера в британский характер. Иначе мы никогда бы не смогли прийти к убеждению, что, основываясь только на принципах гуманности, можно требовать от англичан равноправия в управлении Индией.

Переход из одной эпохи в другую с ее новыми ценностями и представлениями совершился слишком внезапно! В нашем собственном доме, в домах соседей и во всей общине никто не мог до конца усвоить таких понятий, как человеческие права, человеческое достоинство или всеобщее равенство. Однако, несмотря на противодействие на каждом шагу, европейское влияние мало-помалу делало свое дело, — то же самое относится и к научным воззрениям. Даже тогда, когда наука стучалась к нам в дверь, священный календарь продолжал править домом. Несмотря на все это, влияние европейской науки было несомненно.

Итак, Викторианская эпоха была эпохой активного сотрудничества с Европой. Во всяком случае, всегда, когда нам не удавалось установить контакт с европейским духом или когда наше образование отставало от европейского, мы терпели поражение. До тех пор,

пока мы сохраняли уважение к Европе, сотрудничество с нею ничем не затруднялось. Ибо, как я уже говорил, наш новый век родился из уважения к Европе. Мы видели, как высоко ценила Европа свободную от иллюзий мысль и как оберегала права человека в практической жизни. Именно это, несмотря на все враждебные факторы, возродило в нас уважение к самим себе, внушило нам веру в будущее и дало смелость судить сильных мира сего по их собственным критериям. Нелишне отметить, что раньше у нас не было духовного или морального контакта с нашими правителями. Между нами лежала непроходимая пропасть. Правда, в редкие минуты благодушия наши правители оказывали нам некоторые милости, но это целиком зависело от их прихоти; мы же не смели им сказать, что человек имеет право требовать достойного к себе отношения, хотя бы по одному тому, что он человек, не говоря уже о нормах общечеловеческой справедливости.

С тех пор история ушла далеко вперед. Азия показывает все признаки пробуждения от векового сна. Япония, благодаря своим контактам и конфликтам с Западом, заняла почетное место на мировой арене, тем самым доказав, что она живет современностью, а не туманными преданиями прошлого. За ней вступают в новый век и другие азиатские страны.

Все это время мы надеялись, что тоже сумеем не отстать от общего хода истории, что колесница нашей страны покатится по дороге прогресса и что сами англичане помогут ее движению вперед. Однако, прождав достаточно долго, мы видим теперь, что колеса нашей колесницы неподвижны. Сегодня британская администрация следит лишь за соблюдением закона и порядка, правил и уложений. Слабые попытки улучшить систему образования и здравоохранения поистине несоизмеримы с нуждами огромной страны. Производственные возможности крайне ограничены. Будущее бесперспективно, ибо все богатства страны уходят на поддержание огромной машины закона и порядка. Получилось так, что именно тесная связь с Европой и лишила Индию величайшего дара современности: в солнечном сиянии нового дня Индия осталась единственным темным пятном.

У Англии, Франции и Германии огромная задолженность перед Соединенными Штатами. Впрочем, будь их долг даже вдвое больше, они сумели бы его выплатить, поддерживая лишь закон и порядок, но ограничивая себя буквально во всем остальном: для этого достаточно уменьшить наполовину норму питания, урезать снабжение водой так, чтобы люди еле-еле утоляли жажду, сократить расходы на образование, чтобы им было охвачено не более пяти—семи процентов населения, а заодно и расходы на здравоохранение, чтобы оно представляло собой не более чем видимость. Но подобная политика фатальна для самого существования цивилизации. Поэтому должники заявили прямо: «Мы не признаем своей задолженности!» Так же нужно поступить и нам, если мы хотим приобщиться к цивилизации. Пора сказать: «Мы больше не желаем мириться с положением постоянного банкротства, вызванного непомерно дорогой системой управления, которая висит у нас как камень на шее и обрекает на вечное прозябание во мраке варварства». В конце-то концов, почему Европа считает, что право на цивилизацию, которую она сама создала, принадлежит только Западу? Неужели европейцы не чувствуют своей ответственности перед всеми другими народами?

С каждым днем становится все очевиднее, что факел европейской цивилизации несет за пределы Европы не свет, а пожарище. Так шарики опиума при поддержке пушек были ввезены в Китай — жестокость, которой нет равных в истории человечества, за исключением разве периода проникновения европейцев в Америку, когда они ради золота путем предательства и насилия уничтожили чудесную цивилизацию майя. В средние века полудикие татары сооружали в захваченных странах пирамиды из отрубленных голов, но эти памятники их зверства были недолговечны. Зато яд, который цивилизованные европейцы впрыснули в кровь многомиллионного китайского народа, отравляет его и поныне. Когда молодые силы Ирана попытались вырвать страну из-под власти векового оцепенения, цивилизованная Европа подавила это мужественное движение; об этом трагическом эпизоде

рассказывает Шустер в своей книге «Задуманная Персия». Наконец, всем известны ужасы европейского владычества в Африке, в частности в Конго. Да и в Соединенных Штатах бесправные негры до сих пор подвергаются всяческим унижениям, и когда толпа сжигает живьем какого-нибудь несчастного, белые мужчины и женщины наслаждаются этим жестоким спектаклем.

Но вот началась мировая война, и все покровы разом слетели с западной цивилизации. Казалось, пьяный безумец вдруг предстал перед нами во всем своем ужасающем безобразии. Такая дьявольская жестокость могла потрясать страны какое-то короткое время в самые темные периоды человеческой истории, но никогда еще жестокость не приобретала столь чудовищных форм. Варварство далеких веков было подобно смерчу, скрытому в тучах поднятой им пыли, но в этом современном извержении злобы было нечто вулканическое. Долго подавляемые преступные инстинкты вырвались на свободу, подобно раскаленной лаве, озаряя небеса багровыми отсветами и сжигая зеленый наряд земли на своем пути. С тех пор Европа потеряла веру в свой собственный разум и начала цинично высмеивать саму идею всеобщего счастья. Европа, которую мы знали через англичан, стыдилась всего безобразного. Теперь Европа стыдится своей благопристойности.

Западная цивилизация более не признает таких понятий, как честь. Нечеловеческая жестокость стала предметом бесстыдной гордости. И мы видим, как японцы, лучшие азиатские ученики европейцев, стараются в Корее и в Китае перещеголять своих учителей, а когда их критикуют за бесчинства и попрание законов, они со смехом приводят примеры из европейской истории. Дикая свирепость «блэкс и тэнс» в Ирландии страшнее самых бредовых фантазий. Даже здесь, в Индии, мы стали свидетелями ужасов Джалианвалабага. Та самая Европа, которая когда-то упрекала в бесчеловечности Турцию, сегодня открыто проповедует фашизм. Свобода слова, которую мы считали величайшим даром, полученным от европейцев, сегодня подавляется в Европе и в Америке

все более и более безжалостно. Уважение к свободе мысли и совести некогда проповедовалось со всех кафедр Европы. Но что стало сегодня с теми, кого учили любить врагов своих и кто поверил в слова Христа?

Разрешите мне привести несколько строк из высказывания молодого французского пацифиста Рене Реймона. Он писал: «Итак, после окончания войны меня выслали в Гвиану... Осужденный на пятнадцать лет каторжных работ, я испил до дна чашу горечи и страданий. Даже когда срок каторги кончился, осталась еще дополнительная кара — пожизненное изгнание. Тот, кто попадает в Гвиану во цвете молодости, сил и здоровья, уезжает отсюда — если это ему удастся — слабым, больным стариком... Тот, кто попадает в Гвиану честным, уже через несколько месяцев забывает о чести... Они (ссылные) легко становятся жертвой всех болезней этой страны — лихорадки, дизентерии, туберкулеза и, самой страшной болезни, проказы».

В Италии инакомыслящих вывозят в концлагерь на острове, и мы все знаем, что там за ад. В Германии, где когда-то светоч европейской культуры сиял ярче всего, отброшены прочь все культурные ценности, — и с какой легкостью это было сделано по всей стране!

Жестокость и дикость послевоенной Европы бесстыдно распространяется по всему миру, и мы снова и снова спрашиваем себя: «Где тот высший суд, к которому могут в последней инстанции обратиться жертвы несправедливости? Неужели мы должны расстаться с верой в человечность? Неужели на жестокость и дикость нужно отвечать только дикостью и жестокостью?»

Нет, даже в таких отчаянных условиях мы должны оставаться самими собой. Как бы ни было тяжело положение, мы должны противостоять ему с высоко поднятой головой. Мы можем сказать, что варварство достойно только презрения, и можем проклясть его: «Да погибнет оно!» Ибо даже в эти черные дни есть еще люди, готовые пожертвовать жизнью, люди, которые выше страха, выше страданий. Палица тирана может переломать нам все кости, но мы не сложим покорно руки и не скажем, как в старину: «Владыка Дели — владыка всего сущего!»

Мы не признаем за сильным права на несправедливость. Мы скорее заявим, что человек, облеченный властью, должен нести бóльшую долю ответственности, а потому за каждое содеянное им зло ему, по его же закону, полагается более суровое наказание. И если когда-нибудь обездоленные и оскорбленные совершенно потеряют решимость и право порицать сильного, пренебрегая свирепым рычанием тирании, в этот день мы поймем, что наша эпоха полностью обанкротилась. И пусть тогда грянет час всеобщего уничтожения.

РАММОХОП РАЙ, ПАЛОМНИК ИНДИИ

История показывает нам, что реки всегда были как бы пуповинами, питавшими многие великие цивилизации древнего мира. Реки не только давали стране воду и пищу, но и служили путями сообщения с другими странами. Поток жизни, который они несли неподвижной земле, был их величайшим даром.

Высыхание рек обедняло почву страны и сокращало производство сельскохозяйственных продуктов. Страна иногда еще могла производить достаточно пищи, чтобы не умереть от голода, но того избытка продуктов, который она когда-то вывозила, поддерживая связи с другими странами, уже не было. Теряя способность экспортировать и импортировать продукты, страна так или иначе замыкалась в самой себе и жила только для самой себя. Утрачивая связи с широким внешним миром, она утрачивала и внутренние объединяющие связи.

Некоторые умы подобны странам, питаемым реками. Вечно текущая мысль связывает их с внешним миром и уносит прочь все внутренние раздоры и конфликты. Словно хорошо орошаемые плодоносные поля, такие умы открывают истины, служащие потом человечеству на протяжении веков.

Индия создала в древние времена такой ум, который, наподобие рек, связывал ее со всем миром. Индия могла бы пригласить к себе весь мир, чтобы он внимал ее сло-

вам, как она это сделала во вдохновенных изречениях: «Упанишад». Она могла бы сказать:

Пусть придут ко мне люди со всех концов света; пусть люди всего света услышат меня.

Я знаю, знаю нечто достойное внимания всего мира.

Звезда, которая не светит, остается никому не ведомой среди созвездий вселенной, но Индия поведала о себе людям и была признана одним из вечных светильников, ибо она отдала себя миру с безграничной любовью и кротостью.

В дальнейшем, по прошествии столетий, история Индии зашла в тупик. Великая река индийской мысли обмелела и сделалась похожей на высохшее русло, усыпанное галькой. Индия замкнулась в самой себе, сразу постарела, ослабла и утратила способность вырабатывать новые знания и мудрость. Религии Индии в те злосчастные дни променяли свой внутренний дух на букву обрядности, а гуманизм Индии потерял бывшее единство, став жертвой сектантства.

Разум спящего как бы находится в собственном плену; он подобен комнате с закрытыми дверьми и окнами. Сновидения, которые его посещают, какими бы странными, неуместными и яркими они ни казались, не имеют отношения к реальному миру. Они — плод деятельности разума, сосредоточенного в себе самом. Мир сновидений не связан с реальностью, и над ним можно только посмеиваться, не больше, ибо понять его нельзя, поскольку этот мир лежит за пределами постижимого.

В те дни, когда светильник Индии почти угас, Индия погрузилась в туман бессмысленной религиозной ритуальности, подобно тому как засыпающий человек погружается в туман сновидений. Так в истории Индии была открыта черная страница позора. Индия забыла свои собственные призывы и уже не замечала, что близится заря новой эры. Она утратила связь со своей собственной действительностью и лишь механически повторяла молитвы отживших веков, притаившись в углу своего дома. Именно в эту темную пору, когда Индия потеряла самое себя, и появился Раммохон Рай.

В те бесславные дни, когда Индия была раздавлена собственной слабостью, к ее порогу приблизился чужеземец, пришелец из Англии. Индия не смогла дать ему достойный отпор. И вот незванный гость взломал дверь, как разбойник, ворвался в дом и проник в сокровищницу Индии.

Дух Индии, словно поле, заросшее сорняками, уже не приносил никаких плодов. Повсюду царила скудость. В это время и родился Раммохон. С детства он был одержим жаждой истины, которую не могли утолить ни затхлая вода истории, ни искусственные религиозные церемонии, ни общественные условности. Он принес с собой стремление к знаниям и природную любознательность, несовместимую с религиозными обрядами и социальными обычаями, окружавшими его. И вот он пустился на поиски истины, ломая все преграды сектантства. Он искал убежища в ничем не огражденном обиталище разума, священном для всего рода человеческого.

Таков истинный путь духа Индии, путь, лежащий через множество препятствий и потому особенно трудный.

Поскольку Англия — всего лишь маленький остров, дух Англии проявился в решительном противодействии островной изоляции и распространился по всему миру. Способы, с помощью которых та или иная страна выполняет свое предназначение, следует искать в особых характеристиках для нее условиях, при этом должно учитывать, какой недостаток нужно преодолеть, какой пробел заполнить.

Перед каждой нацией встают свои особые проблемы и цели. Неустанные усилия, направленные на решение этих проблем и достижение этих задач определяют характер нации и увеличивают ее созидательную силу. Человек должен бороться за свое достоинство каждое мгновение своей жизни. История любой нации — это история ее побед над самой собою. Человек приходит в этот мир, чтобы постичь непостижимое и достигнуть недостижимого; он крепнет и добивается благоденствия, только преодолевая препятствия, возникающие на его пути. Как гласит санскритское изречение, «мир принадлежит храбрецу». У каждой нации своя задача, ниспосланная свыше, и, только правильно разрешив ее, нация находит путь к спасению. Некоторые нации погибли, потому что не

сумели решить стоявших перед ними задач, другие сильно пострадали, ибо сочли, что все задачи уже решены и решать больше нечего.

Пока человек жив, ему приходится решать проблемы. Жизнь, по сути дела, — это решение непрерывно возникающих задач. Жизнь заключена в клетку неживой материи, и она проявляет себя прежде всего тем, что вырывается из нее. История в своем развитии прошла мимо многих проблем. Однако считать их вечными или неразрешимыми — значит заранее признавать свое поражение.

Основная проблема, встающая перед человеком, — это, как доказывает история, проблема разобщенности, которая возникает из-за его собственной слепоты и хитрости. Цивилизация воплощает в себе стремление к единству, и если в стране нет этого могучего чувства единства, она становится жертвой всех бедствий.

Совершенно очевидно, что основная проблема Индии — проблема единства. Здесь сошлось множество рас — в этом отношении другой такой страны нет во всем мире. Объединить все эти народы, причем объединить не снаружи, а изнутри, — вот главная задача Индии. В одной из наших шаштр изложена заповедь, которая применима к каждому народу любой страны:

Мы должны идти вместе, как один, говорить вместе, как один, и знать всех, как одного.

Осуществить эту заповедь в Индии труднее, чем где бы то ни было, но мы обязаны ее осуществить, если хотим выжить как народ.

Восхищаясь благосостоянием некоторых стран, мы часто с жадностью взираем на достигнутые ими результаты, но слишком редко думаем, каких трудов и усилий они стоили. Ознакомившись с политическим строем свободных стран, мы приходим к выводу, что для достижения свободы нам достаточно ввести у себя некое подобие такого же политического строя. При этом мы забываем, что политический строй — всего лишь внешнее выражение, всего лишь форма, лишенная всякого значения, если нет духа национального единства. И у свободных стран возникают те же проблемы, как только они отходят от принципов гуманизма и единства. Если индийцы разде-

лены на касты, то европейцы разделены на классы, и никакие экстраординарные меры не спасут Европу, если она не добьется внутренней гармонии между враждебными классами.

Когда мы видим поле с богатым урожаем, нам прежде всего приходит в голову, что такой урожай вырос на плодородной земле, а не на песке. Деревья в пустыне стоят далеко друг от друга, а между ними, разделяя их, растет колючий кустарник. Мать-земля не одинаково добра ко всем своим чадам: одним она дает больше соков, чем другим, — а потому среди них нет внутреннего единства. Это можно объяснить тем, что частицы земли слипаются в одно целое, а песчинки остаются каждая сама по себе.

Изучая историю процветающих стран, мы любимся богатыми плодами их полей и тщательно, так тщательно, словно готовимся к экзаменам, перенимаем все их способы обработки земли. Но при этом мы забываем об одном: если в нашей земле нет внутреннего единства, на ней никогда не вырастет обильный урожай. Мы заявляем, что обрабатывали свое поле по самым совершенным инструкциям и со всевозможным старанием, мы ожидаем изобилия плодов, но при этом закрываем глаза на отсутствие единства в нашей земле. Мы говорим, что это не имеет значения, и даже пытаемся сохранить свою разобщенность во имя религии. Мы смотрим лишь на обложку истории, не заглядывая внутрь, и забываем, что еще ни в одной стране не удавалось установить систему демократического самоуправления, основанного на социальной разобщенности, а если и удавалось, то ненадолго. Разобщенный народ искусственно объединяет извне автократическая власть, власть одного или, вернее, многих тиранов, ибо один тиран недолго остается у власти. Разобщенность людей ослабляет не только политическую мощь страны, но и ее духовную мощь. Это не означает, что гении не могут появиться в такой стране, но их откровения все равно бывают отвергнуты или неправильно поняты народом, неспособным воспринять и усвоить их. Отсутствие единства приводит к деградации человека, ослабление единства — к его ослаблению. Религия, основанная на общности людей, — единственная истинная религия и единственная основа величия.

Ни одно священное писание не выразило идею общности людей с такой полнотой, как «Упанишады»:

Знающий человек знает, что его знания обитают не только в нем, но и в сознании всех других людей.

Это изречение родилось в Индии, и тем не менее в мире нет другой страны, где народ был бы так искусственно и бессмысленно разделен на множество сект и каст. Приходится признать, что внутренняя истина Индии всегда скрывалась под грубой внешней оболочкой лжи, и вся история вековой борьбы между ними занесена в анналы Индии такими словами, как нищета, страдания и унижения.

Великие люди появлялись время от времени во все эпохи, чтобы донести до человечества свободный дух Индии. Если говорить о наших днях, первым таким провозвестником стал Раммохон Рай.

Даже в беспросветной тьме средневековья в Индии слышались призывы к единству. Люди, возвещавшие единство, были подобны птицам, которые просыпаются задолго до рассвета и поют в небесах над еще неподвижной землей, приветствуя грядущий день. Освобожденный дух, о котором они вещали, определен в «Упанишадах» как «вратва», то есть дух, не связанный никакими социальными или религиозными узами.

Одним из таких провозвестников освобождения был Кабир; он и встал в первом ряду тех, кто прокладывал для Индии новый путь.

Другим таким первооткрывателем был Даду. Он тоже умел находить верные тропы в джунглях условностей. Даду говорил:

Мой друг, меня вперед единства путь влечет,
Единый путь ни каст, ни сект не признает.

И еще:

Нас убивают те, кого мы убиваем,
Спасают те, кого спасаем мы.

И в другом месте:

Индусы или мусульмане,
У всех людей одна душа.

Еще одним святым человеком тех времен, который знал и понимал нужды Индии, был Раззаб. Он говорил:

Капля с каплей сливается, — и вот благодатное море,
Песчинка с песчинкой разъединяется, — и вот пустыня.

И еще:

Воздевая руки, молю я гуру святого:
Пусть индусы и мусульмане будут едины!

Единство, о котором говорили эти странствовавшие по дорогам Индии провозвестники, не имело ничего общего с политикой. Они призывали только к гуманности, к человечности и боролись за освобождение людей от гордыни, порожденной чувством разобщенности. Этот путь к единству — подлинно индийский путь, и Раммохон Рай снова открыл его в наши дни. Им руководил не расчет, не чувство долга, — его вдохновлял извечный идеал единства, всегда живущий в человеческой душе, и дух доброжелательства, отличающий всю историю Индии. Он звал за собой всех индийцев — мусульман, индусов или христиан — на широкую, открытую для всех дорогу, где они могут встретиться и объединиться. Мы погибнем как народ, если не пойдем по пути, указанному Раммохон Раем, если примиримся с той точкой зрения, что разобщенность искони присуща индийцам. Мусульмане и христиане первоначально пришли в Индию из других стран, и, только объединившись с ними, индусы докажут, что они действительно обладают духовным величием, достижение которого является нашей исторической миссией.

Если индусы не находят в себе достаточно любви к мусульманам и христианам, если они, забыв о законах гостеприимства, остаются холодны и надменны, если они со спокойным сердцем отвергают иноверцев, вся вина за ненависть и недоверие, которые владеют их душами, падет только на них, и на них одних!

Разве неправда, что мусульмане и христиане отдаляются от нас? Разве бездна, разделяющая наше общество, не становится все шире? Разве этих фактов не достаточно, чтобы понять, что, отвергая людей, которые являются составной частью нашего народа, мы толкаем их на крайности?

Мы не можем влиять на тех, кого презираем. А мы находим тысячи предлогов, чтобы отвергнуть их, и тем самым накликаем на себя бесчисленные беды! Если мы сами раздвинем доски, которыми обшит великий корабль индийского народа, для чего тогда сетовать на бурные волны? Мы пойдем на дно — и поделом нам! Сколько бы мы ни вычерпывали воду, наша участь предрешена в этом случае.

Раммохон Рай появился в самом начале новой эры нашей истории. Из всех людей, индийцев и иностранцев, он один до конца понял дух нового века, он один услышал его призыв к великому единению. Раскрыв перед всеми свою озаренную светом знаний душу, Раммохон показал, что в ней найдется место для всех, будь то индусы, мусульмане или христиане. Его душа была душою Индии, в нем воплотилась истинная сущность нашей страны. А истинная сущность Индии воплощается в том, кто с одинаковым уважением относится ко всем людям и считает их своими братьями.

В прежние времена в Европе повсеместно верили в колдовство, и многие ни в чем не повинные женщины были из-за этого сожжены живьем. Но и в те времена далеко не все европейцы разделяли этот предрассудок, и было бы несправедливо судить о них по тем людям, которые верили в колдовство. Джордано Бруно был осужден на смерть тупоголовыми и фанатичными представителями европейской церкви, и тем не менее великий европейский дух и великое мужество, проявленное им, когда он умирал на костре, до сих пор вызывают преклонение всего человечества.

В прошлом, через английскую литературу и историю, мы узнали англичан, которые ненавидят рабство и являются друзьями всех народов, англичан, которые свято верят в справедливость и ратуют за свободу для всех поработенных народов. Все эти благородные качества сегодня подвергаются жестокой переоценке в нашей индийской действительности. Но было бы несправедливо думать, будто всевозможные противоречия английской политики в Индии вскрывают подлинный характер англичан. Это всего лишь прискорбные признаки того, что в Индии по-

чему-то больше всего проявляются отрицательные стороны английского характера.

В Англии сейчас многие англичане глубоко страдают от несправедливостей, чинимых их соотечественниками и совершенно чуждых английскому характеру. Поэтому не следует думать, что каждый англичанин — настоящий англичанин, а только настоящие англичане, как бы их ни было мало и как бы ни третировали их соотечественники, являются истинными представителями Англии.

Подобным же образом и Раммохон Рай является истинным представителем нашей страны; Индии, погрязшей в сектантской ограниченности, всеобщей продажности и невежестве, он показал лицо другой, подлинной Индии. В никому не ведомом уголке Бенгалии его всеведущий ум, всеобъемлющее сердце возвестили о возведении дома для всего человечества, дома с открытыми настежь дверями, где каждого встречают с исконным индийским гостеприимством.

Разделив Индию на тысячи общин, сектанты подрывают самые основы индийской цивилизации и позорят свою страну перед лицом всего мира. Раммохон Рай не страшился враждебности своих современников. Он громко провозгласил единство людей, как его понимают в Индии, пригласив мусульман, христиан и всех иноверцев зажить одной семьей в гостеприимном индийском доме. Он один из немногих, к кому по справедливости можно отнести изречение из «Упанишад»:

Тот, кто видит все существа в себе самом и себя во всех существах, не оскорбляется, когда другие видят то же самое.

Мир постарел на сотню лет со дня смерти Раммохона. Но его гений сияет так же ярко, как прежде, и будет сиять вечно. Период, отмеченный печатью его величия, простирается на много веков, от древней Индии до Индии будущего, ибо он составляет одно целое с той частью индийского духа, которая близка всему человечеству. Настанет день, когда сбудутся его вещие слова: индусы, мусульмане и христиане объединятся в одну великую нацию, и история Индии выполнит свое высшее предназначение. Период, отмеченный печатью величия Раммохона, еще не кончился: он будет длиться беско-

нечно, от прошлого в будущее, подобно бескрайным просторам земли, которые мы видим позади и впереди себя, когда летим на самолете.

Мне осталось сказать немного. Мы сейчас сгибаемся под гнетом собственной слабости и невежества. Нас унижают и оскорбляют, мы измучены страданиями. Иностранцы извлекают выгоду из наших слабостей, клеветают на нас, чтобы сохранить свои барыши. Но нас поддерживает мысль о том, что Раммохон родился в Индии — и Индия воплотилась в нем. Тщеславные и узколобые сектанты могут отвергать его и проклинять, он и без них нашел свое место в глубине вечной индийской души. Его гений до сих пор творит будущее Индии. Его безмолвный голос до сих пор взывает в бессмертных словах древней Индии:

Тот единый, не имеющий цвета, но в разнообразии силы своей, во исполнение тайного замысла своего, наделяющий других многими цветами, тот, в ком слились начало и конец мироздания, пусть одарит нас ясностью разума.

Жизнь человеческая — это вечное восстание. Она окружена неживой материей, этим многоруким чудовищем, обладающим невероятной силой. Жизнь ничтожно мала по сравнению с материей, и проявляется она в неустанных попытках подчинить себе материю. Материя, в свою очередь, стремится сузить отвоеванное жизнью пространство, воздвигая вокруг него стены усталости, и единственное, что остается жизни, — это беспрерывно разрушать эти стены, отстаивая свои права. Вот почему не знают отдыха наши сердца, вот почему они не останавливаются ни на минуту, ибо, едва жизнь прекратит борьбу с материей, наступает смерть.

Разум тоже проявляет и утверждает себя в такой же неустанной борьбе, как и жизнь. Он всегда стремится к познанию, всегда задает вопросы. Его окружает немая тайна истины, у которой ему приходится вырывать ответы собственными силами. Стоит ему проявить малейшую небрежность, и он получает неправильный ответ, а если он бездумно ему поверит, его ждет жестокое поражение. Когда же разум перестает задавать вопросы, он впадает в летаргию.

Если недостаток жизненной энергии ведет к ослаблению здоровья и болезням и, по сути дела, свидетельствует о приближении смерти, то летаргия разума открывает путь для всевозможных заблуждений, вторгающихся в царство знаний. Когда разум становится ленивым и робким, человечество духовно нищает и терпит сильные муки; уже ни о чем не спрашивая, оно принимает на веру все, правду и неправду, добро и зло. Безропотно платя дань Владычице-материи, человек превращается в унылое, несмелое, обездоленное существо, в то время как разум полюбовно разрешает свой спор с воплощенной в материи глупостью.

Разум давно уже лишился независимости в нашей стране. Он утратил не только свою власть, но и смелость, необходимую для того, чтобы задавать вопросы. Он послушно выполнял любые приказы и механически повторял все, что ему нашептывали на ухо. И когда очередные несчастья обрушивались ему на голову, он покорно мирился с ними, как с неизбежностями рока. Он уже не обращался к своей собственной силе, пытаясь найти какие-то новые пути, он уже не решал задач, которые ставила перед ним современность. И это несколько не смущало и не унижало его. Отнюдь! В свое оправдание разум твердил, что все эти вещи не входят-де в его компетенцию. В те дни в нашей стране разум был лишен всякой возможности проявить себя. Вместо того чтобы стремиться вперед, в будущее, Индия кружилась на одном месте, вокруг своего прошлого. В стране осталось ничтожно мало мыслящих людей, да и те растрачивали силы не на отыскание новых истин, а на сохранение старых.

Нас могут обокрасть, пока мы спим: внутренняя летаргия благоприятствует нападению извне. Внешняя независимость невозможна без независимости внутренней: беспрекословное повиновение велениям внутреннего мира лишает человека способности сопротивляться несправедливостям властей в мире внешнем. Разум, который борется с внутренней неправдой, так же будет бороться и с внешним злом. Инертный же разум не может бороться ни с чем ни внутри, ни снаружи. Примеров тому в истории Индии великое множество: каждый раз наши внеш-

ние поражения сопровождалось внутренними поражениями, и внешняя нищета шла рука об руку с внутренним обнищанием.

Раммохон Рай родился в те несчастливые дни, когда физические, умственные и духовные силы Индии находились в состоянии глубочайшего упадка. Глаза Индии застилал туман невежества, созидательный дух ее агонизировал. Индия не могла ответить ни на один вопрос, выдвигаемый временем, и пала настолько низко, что уже стыдилась своей умственной скудости. Раммохон со всей своей мощью обрушился на неверие в свободу разума — основную причину нашей нищеты, и за это на него так яростно напали все реакционеры. Медицина учит нас, что здоровье — это естественное состояние человеческого тела, а болезнь, сколько бы она ни длилась, всегда чужеродна и противоестественна. Точно так же Раммохон учил нас, что невежество — чужеземец, ворвавшийся в нашу страну, хотя мы и привыкли считать его своим соплеменником, потому что оно поселилось среди нас много лет назад. Он показал нам, что источник чистых знаний вытекает из самой почвы нашей страны, он открыл нам глаза на сокровища интеллектуальной и духовной жизни, накопленные в кладовых Индии. За это многие из современников объявили его своим злейшим врагом.

Но, может быть, они до сих пор считают его нашим врагом? Нет. Прославляя его, мы славим Индию перед всем человечеством. А о многих ли индийцах можно сказать то же самое?

Гордость за наших великих людей поддерживает в нас веру в великое будущее Индии. Но надо сделать так, чтобы нашу гордость разделяли народы всех стран и чтобы она не была попусту растрачена на восхваление модных местных знаменитостей. Однако к Раммохону эпитеты «местный» и «модный» ни в коей мере не относятся, — это видно хотя бы из того, что современники так и не смогли его оценить. Модные местные таланты, соответствующие современным стандартам, не способны поднять страну до уровня всего человечества. А всеобъемлющий немеркнущий гений не подходит под эти стандарты, потому что он много выше общепринятых оценок. Он может быть сурово отвергнут современниками, как

чуждый их вкусам и взглядам, но, в конце концов, он будет признан и принят в мире непреходящих ценностей, чего никогда не случится с обыкновенным талантом.

Раммохон Рай не принадлежит к тем людям, чья слава померкла от временного забвения. Все еще скрывающий его туман времени наверняка рассеется от первого же вздоха вновь пробуждающейся Индии, и тогда его благородный образ вновь засияет перед нами. Глашатай нашего пробуждения, он открыл его высшую цель в священных речениях древней Индии. Вдохновленный этими речениями, он говорил: «Открой нам свой лик, о Истина!»

Этот призыв древней Индии обращен не только к Индии, но ко всем народам всех времен. Раммохон принадлежит всем временам и всему человечеству. Мы можем хвастаться людьми, которые велики лишь по нашей невысокой и недолговечной мерке. Но когда мы чувствуем поистине великого человека, к которому применимы слова санскритского изречения, что его слава простирается по всему миру от восточных морей до западных, — мы чувствуем самих себя.

Один из предшественников Раммохон Рая, Кабир, представлял себе Индию как великий путь и назвал себя индийским странником. Неисчислимые потоки народов вливались в Индию с незапамятных времен, и прах всех тех, кто приходил сюда, покоится в индийской земле. Сюда приходили арийцы, неся священный огонь, сюда приходили китайские паломники с надеждой на духовное освобождение в сердцах. Одни приходили как завоеватели, другие — как торговцы. И всех дружелюбно принимала наша земля, потому что путь Индии — это путь дружбы, путь, на котором все мы одновременно и гости, и гостеприимные хозяева.

Единство — высшая истина человечества, и мы должны сделать так, чтобы эта истина восторжествовала в нашей стране. Только тогда, когда она будет усвоена нашей историей, кончатся все наши беды и страдания. В критический момент нашей истории Раммохон Рай открыл истину, которая стала величайшим даром, преподнесенным Индией миру. Его душа была частью души Индии. Он призывал индусов, мусульман и христиан к объ-

единению, обращаясь ко всему лучшему, что заложено в них от природы, и основываясь на великом индийском учении о том, что Высшее Существо едино и неделимо.

Вдохновленный призывом Раммохона к единству, современный индийский поэт написал стихи об индийском пути. И сейчас я хочу закончить свое хвалебное слово в честь Раммохона несколькими отрывками из этих стихов:

Пробуждайся, сердце мое, на священной земле,
На берегу океана людского, который зовется Индией!
Здесь однажды раздался могучий грохочущий голос,
Пробудив струны каждого сердца
Призывом единого.

Размышляя и жертвуя многим во имя единого,
Отвергая деления и разобщение,
Мудрецы прикоснулись к единой великой душе.

Мы будем молиться, как молились они,

Приносить будем жертвы такие же, как они.

Преисполнившись кротости, вновь обретем мы единство
На берегу океана людского, который зовется Индией.

Приходи к нам, ариец, приходи, неариец,

Приходи, мусульманин, приходи к нам, индус,

Приходи, англичанин, приходи, христианин!

С просветленной душой приходи к нам, брахман, и подай
руки каждому!

Приходи к нам, падший, сбрось бремя позора!

Приходите все к своей матери, чтоб очиститься и
омыться!

Наполняйте священные чаши водой,

Очищенной прикосновением каждого,

На берегу океана людского, который зовется Индией.

ЗНАЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Растения бывают двух видов: однолетние и многолетние. Первые растут быстро и скоро умирают; плоды их плохо сохраняются. Вторые живут долго, отличаются разнообразием форм, широко раскидывают свои ветви над землею.

Подобным же образом все языковые явления распадутся на два вида. Одни удовлетворяют потребности текущего дня, принося сведения, о которых тотчас забывают. Судьба других зависит от их собственной сущности, которая не исчерпывается и не определяется ограниченными требованиями дня. Они, подобно шалу и тамалу, существуют не для того, чтобы мы получали от них скороспелые плоды, а затем отбрасывали как ненужные. Иными словами, они утверждают значимость их бытия на большом пространстве и на долгое время, отличаясь разнообразием своих соцветий, плодов, листьев, ветвей, стволов при единстве сущности и формы.

Эти последние проявления мы и называем литературой.

Посредством языка люди обмениваются объективными сведениями и выражают субъективные ощущения. Бывают случаи, повелительно требующие выражения наших чувств: приязни или вражды, гнева или любви. Зачатки языка есть и у тварей бессловесных — животных и птиц.

С помощью как звуков, так и движений они передают друг другу кое-какие сведения, выражают примитивные чувства. Человеческий язык, однако, давно уже далеко перешагнул границы такого узкого применения. Накопленные, благодаря исследованиям, объективные данные превратились в обобщенные закономерности науки, которая преодолела ограниченность повседневных субъективных наблюдений. Постигая мир, который не говорил о себе ничего, кроме «Я есмь», человек построил необъятный мир знания. Если прежде мы воспринимали вселенную посредством чувств, то теперь стали воспринимать ее разумом, обогащенным знаниями.

Нечто подобное произошло и с выражением эмоций. Человек не просто выражал свою радость, горе, негодование и любовь — он начал совершенствовать способы их передачи: проявление чувств он подчинил ритму, мелодии, чувствам своим придал широту вселенной, мир своей любви и неприязни сделал миром всех людей — миром «шахитто»¹.

Не знаю, объясняется ли в каком-нибудь исследовании, посвященном вопросам языка, происхождение слова «шахитто». Какое точное значение имело оно при своем возникновении? Я недостаточно компетентен, чтобы утверждать что-нибудь со всей определенностью, однако, видимо, будет бесполезно, если я раскрою свое понимание этого слова.

Первоначальным значением слова «шахитто», очевидно, является «близость», то есть «единение». Единение необходимо человеку по разным причинам, а также и само по себе. Огород нужен для выращивания овощей, цветник же — совсем для другой цели. Огород разбивают не ради него самого, а ради получения овощей. Цветник же хорош сам по себе; он как бы олицетворяет собой единение — единение с человеком, который любит сидеть, а иногда и побродить среди цветов.

Этот пример, надеюсь, поможет понять, что значит «шахитто» в области языковой. Литература призвана

¹ Слово «шахитто» в бенгальском языке означает «литература» и «общность».

связывать единой нитью сердца, причем эта связь является самоцелью.

Розы можно продавать в городе, а можно из них готовить розовую воду. Для владельца плантации роз красота цветов — дело второстепенное, главное — прибыль, барыш. Он может обнаружить большое рвение в разведении цветов, но не чувство прекрасного. Это чувство, как ширмой, заслонено меркантильными соображениями, лишь случайно связанными с цветами. Таким образом, плантация роз не становится подходящей темой для литературы. Ее красоту может увидеть поэт, но не владелец плантации.

Вспоминается давний случай. Я плыл в лодке по реке Падме. Осенний день был на исходе. Только что закатилось солнце, раздарив сокровища своих лучей стаям облаков. Безмолвные небеса были охвачены невыразимым покоем. На застывшей глади полноводной реки тускло отражение цветовой гаммы предвечернего неба. Вдоль западного берега тянулась безлюдная песчаная отмель; она походила на некое чудовище первобытных времен. Лодка моя шла вдоль обрывистого восточного берега, испещренного сотнями углублений — гнездами гангшаликов. Неожиданно раздался всплеск: из воды выпрыгнула крупная рыба, описала дугу в воздухе и снова ушла в свою стихию. Казалось, ее мимолетное появление поведало о радости жизни, бурлящей в безмолвном подводном мире; рыба как будто хотела послать привет уходящему дню. В этот миг лодочник глубоко вздохнул: «Какая здоровенная рыбина!» В его голосе слышалась плохо скрытая досада. «Как было бы хорошо, — видимо, думал он, — поймать и зажарить эту рыбу». Эта мысль заслонила для него окружающий мир. Единение лодочника с природой, несомненно, нарушилось — голос его желудка заглушил чувство красоты, а единение требует самозабвения.

Много желаний свойственно человеку, в том числе и желание поймать рыбу, чтобы съесть ее. Но значительнее всего стремление к единению с миром, желание слиться душой с величественным закатом на берегу реки, выйти за ограниченные пределы. Долгими часами стоит цапля возле озера, на лесной опушке; восходит солнце,

под его алыми лучами сверкает вода — но разве думает цапля о слиянии с окружающей природой? Только в литературе, творении человеческом, отразилось огромное стремление к этому чуду слияния с природой. Недаром Бхартрихари говорил, что человек, для которого не существует литературы, музыки, искусства, это не человек, а животное, с тою лишь разницей, что у него нет хвоста или рогов. Животные и птицы заботятся лишь о пропитании, человеческое же сознание открывает путь к свободе в этом мире, объемлет вселенную; и литература — важнейшее средство для его самораскрытия.

На столе, за которым я сижу и пишу, стоит в вазе букет тубероз, в другой вазе белые гардении, обрамленные густой зеленью листвы. Конечно, я мог бы обойтись и без цветов, но они помогают мне сохранить уважение к самому себе, ибо доказывают, что я не скован по рукам и ногам будничными заботами. Они — свидетельство моей свободы. Несвободное сознание не может достичь истинного слияния с вселенной. На его пути встают страсти, слабости, скудость воображения. Цветы, которые не являются необходимостью, свидетельствуют о том, что я не пленник, заключенный в четырех стенах. Они для меня открытое окно во вселенную. Думаю, желание поставить цветы на стол возникло у меня не случайно, оно помогло освободиться от власти непреложной необходимости. Сколько энергии проявляет человек ради утверждения своих духовных связей и сколько поэтов, сколько художников видят свое призвание в том, чтобы находить им достойное выражение!

Представьте себе только что отстроенный, сверкающий белизной храм, окруженный деревьями и кустами. Гордо и независимо стоит он, резко выделяясь среди густой зелени. Но вот, год за годом, над ним потечет время. Стены его омоют своими потоками дожди, обожгут знойные лучи солнца, их покроет мох.

Постепенно лес перекрасит святилище в свой цвет, и оно все более и более будет сливаться с окружающим фоном. Но человек, погрязший в мирских делах, не гармонирует со своим окружением — он обособлен в самом себе; не гармонирует с окружением и мудрец — и он

замкнут в самом себе. Гармонирует только созерцатель. Силой воображения он окрашивает вселенную в свой, человеческий цвет. Мир, естественно, открывается нам в своем чистом первоизданном виде, но, в отличие от всех творений природы, человек наделен разумом, который он постоянно прилагает к природе, сближая сознание с действительностью; — так мир обретает связь с духовным началом человека. Очеловеченное начало в природе изменяется с изменением природы человека. Для нас вселенная совсем не то, чем она была для первобытных людей. Чем больше мы вводим природу в наш духовный мир, тем больше обогащается человеческий разум. Вспоминаю, как я подплывал на корабле к японскому порту. Передо мной простиралась неизвестная, прекрасная страна. Рядом со мной на палубе, держась за поручни, стоял японец. Для него то была не просто красивая страна, он видел и нечто другое: за много веков человек так сильно преобразил леса, реки и горы Японии, что теперь эта страна принадлежит не столько природе, сколько ему. Это он придал тамошней природе такое своеобразие и тем самым установил полное единство между нею и человеческой жизнью. Страна, в которой живут люди, не только творение природы, но и их собственное, потому она и доставляет им особую радость. Своей сущностью, изливающейся в чувствах и эмоциях, человек заполняет весь мир, и повсюду происходит единение. Как гласит санскритское изречение, «люди проникают во вся и все».

Когда человек воспринимает какое-нибудь явление внешнего мира, запечатлевающееся с помощью чувств в его сознании, у него, естественно, появляется желание поделиться своими впечатлениями со всеми людьми всех времен. Ощущение, переполняющее душу, поэт хочет выразить языком вечности; язык, которым пользуется поэт, — это не язык знания, а язык чувств, язык сердца, язык воображения. Наше видение — отнюдь не оптическое явление. Между изображением, которое мы получаем при помощи фотообъектива, и нашим зрительным восприятием существует неоспоримое различие, не поддающееся точному описанию. Мать смотрит на своего малыша, обу-

того в красные туфельки, которые как-то неуместно называть обувью. И мать говорит:

Поплывет на лодке крошка;
Краснотуфельная ножка.

Такого слова вы не найдете ни в одном словаре.

Смешанный язык вишнуитских песнопений не был просто испорченным хинди. Поэты умышленно прибегали к нему, ибо обыкновенный язык не годен для выражения необыкновенных чувств. Вдохновение создает язык, который что-то говорит, что-то утаивает, сочетая глубокий смысл с мелодичностью. Для того чтобы выразить чувства, которые возбуждает в человеке реальный мир, нужен особый язык, более образный и метафорический. Не случайно поэт сказал: «Птицами очи помчались навстречу». Желание увидеть что-либо — самое обычное желание, но поэт сумел найти для него слова, идущие из самой глубины души: «Птицами очи помчались навстречу». Язык, которым запечатлено это желание, стремительное, словно птица, — это язык души, а не язык газетного сообщения или бухгалтерского отчета.

В вечерних сумерках из храма вышла красавица. В этом, казалось бы, нет ничего необычного. Но поэт сказал:

Отблеск молнии летучей
Пробежал по темной туче —
С сумраком заспорил свет.

Так мир внешний преломился в мире внутреннем, преображенный силой творчества.

Здесь я хочу привести несколько строк, написанных неизвестным греческим поэтом; я перевожу их с английского.

В яблоневых ветках
вее ветр осенний,
Из листвы нисходит
сон на мир ночной,
Разливаясь всюду,
как поток речной.

На веки веков запечатлел поэт эту ночь, когда нежный ветерок играл шелестящей листвою и сон разливался,

словно река; ночь эта и поныне доставляет нам большое наслаждение, ибо стала чем-то родным и близким.

Китайский поэт сказал:

Уходит холм
 под самый небосвод.
И озеро
 легло на сотни ли;
Как зеркало —
 поверхность сонных вод,
Как золото —
 песок блестит вдали.
Бежит река,
 и песни на бегу
Поет она.
 Деревья шелестят,
Раскинувшись
 на дальнем берегу.
Вот путник их
 узрел, безмерно рад.
Спал тяжкий груз
 с измученной души,
И голос мук —
 пускай на миг — затих.
Они ему
 промолвили: «Пиши!»
И кисточкой
 он вывел первый стих ¹.

Подумайте только, река, гора и озеро утихомирили боль сердца. Как это может быть? У рек и гор имеется множество свойств, присущих природе, но у них нет человеческой способности утешать. Эту способность они приобретают только благодаря тому, что душа человека наполняет их своей сущностью. Душа человека может подчинять себе реально существующий мир, делать его своей субъективной собственностью. Единение с этим миром, принадлежащим душе, приносит избавление от мук. Это единение и питает своими соками корни литературы.

Не у всех одинаково развита способность ощущать единение со вселенной и наслаждаться им. Для того чтобы мы были связаны со вселенной не только посредством наших чувств, но и духовно, необходима сила воображения. Именно она одаряет наше внутреннее «я» способно-

¹ Стихи в переводе А. Ибрагимова.

стью к единению, дает почувствовать родство со всем тем, что лежит вне нас, позволяет душе присвоить то, что не было ее собственностью. Эта извечная игра радует сердце человека. Когда говорят: «Как вернуть того, кто дорог мне?» — это значит, что ни душа, ни чувства не сумели добиться близости избранника, поэтому — «ищу его: где он, в какой стране?». Душа не находит покоя потому, что не сумела завладеть им. Человек с душой, оторванной от мира, терпит страдания. Но когда душа подчиняет себе мир, она обретает язык литературы, в муках создает она новые песни.

Человек представляет собой неотъемлемую часть мировой природы. Внешние обстоятельства вздымают волны чувств в человеческом мире. Видеть это нам мешают две важные причины.

Горы и озера не оказывают на нас активного прямого воздействия, поэтому наше сознание полностью приемлет их и окрашивает в какие-то свои особые тона. Но на реальные события, случающиеся в человеческом мире, мы реагируем активно. Если на нашей улице произойдет нечто подобное эпизоду с Драупади, когда она попала в руки Духшасаны, мы не сможем отнестись к этому равнодушно, как к проявлению неотвратимого рока. Мы будем глубоко возмущены этим близко касающимся нас беззаконием, требующим вмешательства полиции. Но пройдет немного времени — и мы позабудем об этом происшествии, как и о многих других. Сожжение леса Кхандавы, о котором говорит «Махабхарата», слишком далеко от реальной действительности, чтобы можно было принимать его близко к сердцу. Душа может любоваться этим пожаром так же, как любителю она горами или озером. Но если до нас доходит весть о гибели множества людей, животных и птиц во время извержения, о сотнях жилищ и полях, испепеленных огненной лавой, — наша душа наполняется болью и состраданием. Событие только тогда оказывает на нас прямое художественное воздействие, когда оно освобождается от пут реальности и мы смотрим на него сквозь призму воображения.

Другое препятствие, мешающее увидеть происходящие в человеческом мире события, состоит в том, что они обычно разрознены, и от нас ускользает их целостность.

Объединить их способно лишь наше воображение. Допустим, мы услышали или прочитали в газете о бесчинствах какого-нибудь Духшасаны с нашей улицы. Но мы ведь не знаем, чем они вызваны; может быть, они лишь одно из проявлений большой трагедии, которая началась ранее и еще не кончилась. Может быть, его поступок уходит своими истоками в прошлое и объяснение ему следует искать в характере родителей, в жизни всего рода, о котором мы не имеем никакого представления. Мы видим его изолированно, хотя он связан с множеством обстоятельств. Мы не можем отделить наиболее существенные среди них от несущественных, а потому от нас ускользает общее значение. И только постигнув это общее значение во всей его полноте, мы можем сделать это событие достоянием литературы.

Кому в дни Французской революции был ясен высший смысл отдельных событий? Но когда Карлейль выбрал некоторые из них и показал на полотне своего воображения, наше сознание восприняло разрозненные части как нечто целостное. С точки зрения научной истории, в его работе, вероятно, есть немало погрешностей, преувеличений и недомолвок, не хватает доказательств, основанных на фактах. Однако разум легко приемлет цельную картину, нарисованную Карлейлем в его книге. С точки зрения литературы, это вполне завершенное произведение, даже если оно и страдает неполнотой с точки зрения истории.

В наши времена по всей стране то тут, то там возникают различные политические устремления. Газеты кратко сообщают о них, упоминая соответствующие параграфы чрезвычайных законов. Пока еще политическая борьба не привела к своей конечной цели — созданию единой независимой Индии. Когда это произойдет, борьба из газетного мира теней перейдет в сияющий мир литературы со всеми своими героическими деяниями, со всеми муками, со всеми неудачами и успехами, со всеми ошибками и заблуждениями. Судьи, книги законов, полицейские дубинки — все это отойдет на задний план; сегодняшние разрозненные столкновения и противоречия выровняются в стройный ряд на необъятном общем фоне и обретут право на то, чтобы на них обратил свой взор Вечный человек.

Наш опыт, включая отношения и столкновения между людьми, приобретает все бóльшую широту и многогранность. Наш духовный мир создан в течение многих эпох. Исследуя его с антропологической, психологической, исторической точек зрения, мы можем получить определенную сумму знаний о человеке. Вместе с тем в сфере опыта мы стремимся к непосредственной близости к человеку, удивительно многообразному в своих действиях. Это стремление в нас очень глубоко и сильно. Нам с детства нравятся сказки. Сказка не сборник разных фактов, а картина, дающая цельное представление о человеке, в ней выражается опыт нашей жизни. Сказка повествует об очаровании красоты, о героизме и настойчивости в преодолении бед, о неимоверном упорстве в поисках редкостного сокровища, о борьбе добра со злом, самоотверженности любви, ревности и о многих других вещах, радостных и печальных. Сказки сочетают в себе простоту и красочность описаний, поэтому их так любят дети. Если даже в них изображаются сверхъестественные существа, они олицетворяют людей; по сути дела, великаны и демоны воплощают в себе людей, то же самое и бенгома-бенгоми. Сила фантазии в сказках преображает реальный мир и наполняет радостью мир детской души. Человек по своей натуре созидатель: не довольствуясь тем, что сотворил всевышний, он переделывает все на свой лад и живет среди своих творений. Человек собственными руками создает себя, свой мир, картину своего мира и находит в этом глубокую радость, ибо созданная им картина близка его душе. Шакунталу можно встретить и в реальной жизни, но в изображении Калидаасы ее образ приобрел особую убедительность для нашей души. Древность оставила нам «Махабхарату» и «Рамаяну». Рама не служит воплощением какого-то одного человека. Он вобрал в себя черты, свойственные многим людям, которых долго и внимательно изучал поэт. Рамачандра сроднился с нашей душой, для нее он реальнее многих хороших людей, которых мы видим вокруг себя. Наша душа воспринимает Рамачандру совсем не так, как она воспринимает тысячи людей. С нашей душой могут сродниться не только положительные герои. Мы сталкиваемся в мире со множеством дурных людей. В суматохе жизни

их отрицательные качества проявляются не вдруг и не все сразу. Но неприятности, которые причиняют эти люди, постепенно забываются; их заслоняют другие события. Но когда литература отливает их в какой-то типаж, они становятся сродни нашей вечной душе, и тогда уже их невозможно забыть. Шекспировский Фальстаф, несомненно, личность незаурядная. Жизнь сталкивает нас со многими подобными людьми, но гений Шекспира воплотил их всех в один образ — образ Фальстафа, причем они изображены не каждый сам по себе, а переплавлены силой воображения в единое целое. Его образ находит отклик в нашей душе, и в этом мы черпаем радость.

Кто-то может подумать, что персонажи типизируются, создаются из отдельных черт, заимствованных у многих одинаковых лиц, только в древних поэмах и драмах, в современной же литературе мы имеем дело с характерами индивидуальными, конкретными.

Прежде всего надо сказать, что общее заключено и в индивидуальности; нет и не может быть людей, не имеющих ничего общего с другими. Каждый человек обладает чертами, характерными для многих, и вместе с тем у него есть что-нибудь, присущее ему одному. Если при создании образа подчеркивать индивидуальное в ущерб общему, то и тогда индивидуальное, чтобы отвечать нашим о нем представлениям, должно подвергнуться художественной обработке. Художественное творчество не копирует природу. Если бы природа воссоздала человека таким, каким мы его видим в художественном творчестве, в нем было бы много чрезмерного. Он мог бы отвечать требованиям реальности, но у нас непременно возникли бы сомнения в его достоверности. В его образе было бы много незаполненного, излишнего, хаотического, не хватало бы цельности. Красоту столепесткового лотоса мы видим в его цельности. И это естественно, ибо в ней нет ничего противоречивого, ничего ненужного, поэтому наше сердце принимает ее без всяких колебаний. Но мы теряемся, сталкиваясь с многообразием человеческого мира, изобилующего противоречиями. Глубокое восприятие требует дара воображения, только с его помощью можно превратить явление внешнего мира в явление мира внутреннего. Перед художником богатейший

выбор материалов. Руководствуясь лишь интуицией, он должен кое-что отбросить, а кое-что преувеличить или преуменьшить, одно он должен оставить: как есть, другое отодвинуть на задний план. То, что в реальной жизни существует в разрозненном, разъединенном виде, нужно собрать воедино и так, чтобы наша душа легко могла воссоединиться с ним. Необходимо перекинуть мост между человеком и творением природы. Это и призвана сделать литература, которая, как я уже говорил, несет в себе понятие общности, единения.

Человек постоянно стремится к двоякому освоению мира, в котором он родился, — практическому и духовному. Человек научился добывать огонь, а затем зажег электрический свет там, куда не может проникнуть свет небесный; взявшись за плуг, он заставил природу приносить щедрые дары вместо прежних скупых. Человек не захотел жить в горах, лесах и пещерах — он построил себе удобные жилища по своему вкусу. Планета Земля оказалась не такова, какой он хотел ее видеть, и вот с древних времен человек силой своего ума стал переделывать мир природы. Какую необыкновенную ловкость, силу, умение проявил он при этом! На воде, на суше и в небе — повсюду утверждает свою волю человек. Материалы он берет у самой же земли, энергию добывает из ее тайной сокровищницы и с их помощью преобразует мир. Города и селения, поля и сады, пристани и дороги изменяют первозданный лик природы, подчиняя ее себе. Человек собрал разбросанные богатства и сконцентрировал энергию; он покоряет своей власти все новые и новые просторы земли. Наряду с завоеванием мира материального, человек завоевывает духовный мир. Он воздвиг себе триумфальную колонну не только в науках, но и в искусстве!

С тех пор как человек стал пользоваться руками и заговорил, он создает свой духовный мир из чувственных восприятий. В его духовном мире происходит то же самое, что и в созданном им материальном мире: человек не принял окружающее безоговорочно таким, как оно есть. Своим воображением он преобразил его, наделил его такой внутренней красотой, что оно стало его духовным богатством и доставляет ему радость.

Что же такое в нашем понимании духовный мир? Это мир, который сердце постигает особым чувством, мир, который наше воображение создает из множества незаметных признаков: чувство и воображение играют здесь первостепенную роль... Представьте себе лунную ночь. У нее есть какая-то особая чарующая прелесть. И не только прелесть, но и свой особый лик — мы видим его глазами воображения. В причудливые узоры сплетаются ее свет и тени на деревьях, на лесных тропинках, на крышах домов и в воде пруда. В то же время она полна звуков: трепещет крыльями птица в гнезде; колышась на ветру, шелестит бамбуковая роща; в окутанных темнотой кустах звенят цикады; с реки доносятся всплески весла; где-то вдали лает собака. В воздухе, словно на цыпочках, крадется тонкий аромат невидимых цветов — иногда знакомый, а иногда и нет. Соединяя зримое и незримое, наше воображение видит единый образ лунной ночи. Лунная ночь, увиденная в ее целостности, в неповторимом своеобразии, близка нашему сердцу. В этой тесной близости, в этом единении мы черпаем радость.

Роза — цветок необыкновенный, поражающий своей красотой и покоряющий душу. Но с помощью силы воображения душа может выделить и обыденное, некрасивое, может пригласить его в свои внутренние покои. В косых лучах заходящего солнца старуха снимает сухой навоз с ветхой глинобитной стены и складывает его в свою корзину; сзади назойливо вертится и прыгает ее собачонка. Если такая картина, на первый взгляд, незначительная, но по-своему важная, привлечет наше внимание, то и она найдет место в бессмертном духовном мире.

Художник получит особую радость, изображая такую простую сцену. Не так уж велика заслуга изображать то, что само бросается в глаза. Художник дает голос безголосому и бесправному. Настоящие художники часто избегают показывать то, что красиво само по себе. Человек приспособливает реальный мир к своему образу жизни, воздействуя на вещественный мир силой своего разума. Подобным же образом силой своего искусства человек может преобразовать духовный мир, мир чувственного восприятия. В этом преобразовании и заключается сущность литературы. Человек овладевает миром с помощью

своего разума; художественная фантазия помогает ему приблизить мир к себе. Для нас ценно прежде всего достижение духовного родства, слияние, а не осуществление необходимого.

Обратимся к прошлому. Легенда донесла до нас замечательный пример того, как душа откликается на зов литературы. Когда охотник убил одну из двух цапель, поэт был сильно потрясен; его возмущение излилось в новом размере стиха.

Представим себе создателя, погруженного в созерцание перед сотворением вселенной. Вот загорается свет — свет, который находится в вечном движении и проявляется во всем сущем. Встал вопрос: что делать с этим светом в мире бесконечности? И в ответ вечно изменчивые рои светонесущих частиц и атомов закружились в небесных сферах. Всю необъятную вселенную озарил этот первозданный свет.

Когда в душе поэта-мудреца зародился могучий динамический стих, у него невольно возникла мысль: необходимо создать нечто достойное этого стиха. Так была написана «Рамаяна», творение, дорогое человеческому сердцу, достойное находиться у престола вечности.

Велика созидательная энергия людей, поразительно их умение. При помощи этой энергии и умения они воздвигли огромные города. Люди, строившие эти города, были сильными и гордыми людьми, с богатой культурой. Естественно, что они хотели, чтобы их творения были такими, которыми можно справедливо гордиться. Но обычно на пути к осуществлению этого желания встают различные препятствия: стяжательство, алчность и скупость, равнодушие к бедноте со стороны богачей и власть предержащих, невежество, испорченный вкус, варварство. И вот, попирая священные зеленые просторы по берегам Ганги, встают джутовые фабрики, отвратительные в своей бесстыдной жестокости; рядом с роскошными дворцами появляются отталкивающие трущобы, эти рассадники болезней и уродства; беспорядочно разбросанные дома, маслодельни, грязные лавки, закоулки — все это, утверждая свое право на жизнь, раздражает взгляд и гнетет душу. Но хотя мы видим во всем этом проявление силы и бессилия зла, мы прежде всего должны признать истинность

стремления к тому, чтобы сделать город таким, которым можно было бы гордиться. Никто не станет искать истинность города в уродливых искажениях. Жители тесно связаны со своим городом, и связь эта постоянная, связь родства, а не самоуничтожения.

То же относится и к литературе. В нее вторгаются порочные страсти, кое-где проступают признаки слабости, появляются грязные пятна. Нельзя гордиться литературой, в которой за всем, что прискорбно и дурно, не видно величия человека. Ведь в литературе он запечатлевает себя, свой слепок, в долговечном материале. Вечный человек не обыденный человек, а созерцатель; желания, явно или тайно владеющие его душой, устремлены ввысь, к райским сферам, они озарены светом неодолимого мужества. Плохо, если литература обнаруживает недостаток этого качества, ибо в литературе человек выражает самого себя так же произвольно, как цветок изливает свой запах и звезда струит свои лучи. Его самовыражение подобно костру, пылающему на великом жертвоприношении всего народа, от этого костра зажигают факел, освещающий путь к дому, имя которому будущее; от него же зажигают и светильник, который будет гореть в этом доме.

Ж Е Н Щ И Н А

Женщина в жизни издревле занимала особое, главенствующее место. Она всегда была основной жизненной силой независимо от социального строя, ибо женщине предназначено продолжать и поддерживать жизнь.

Миллионы лет природа лепила и формировала земную кору, чтобы сделать ее пригодной для жизни. Когда эта работа была наполовину завершена, природа начала творить живые существа, наделенные способностью ощущать, чувствовать. Природа вложила в плоть и кровь женщины первозданное стремление к созиданию, наделила ее могучим инстинктом продолжения рода. Черпая силы скорее в глубине чувств, нежели в интеллекте, женщина привязывает к себе окружающих самыми прочными узами — любовью, нежностью и кроткой терпеливостью. Благодаря этим неразрывным узам возникла и окрепла семья — основная ячейка любого общества и любой цивилизации. Без этих уз, без этой изначальной связующей силы, человечество распалось бы и рассеялось, как туман, и люди погибли бы, не имея возможности объединиться, слившись в единый род. Основная задача объединения людей в общество всегда, во все времена, лежала на плечах женщин.

Подчиняясь каким-то своим таинственным побуждениям, природа творит без колебаний и сомнений. Женщина подчиняется тем же жизненным побуждениям, и потому ее тоже называют таинственным существом. Взрывы

чувств, которые время от времени без всяких видимых причин потрясают женщину, совершенно необъяснимы. В их проявлении нет ничего похожего на заранее придуманный и продуманный план: они подобны природным явлениям, в основе которых лежит непостижимая тайна.

Любовь и нежность — такая же древняя и необъяснимая тайна, непроницаемая для разума. Любовь зарождается беспричинно и, едва появившись, ищет себе обиталище. Когда женщина входит в дом, она сразу становится его хозяйкой. А когда рождается ребенок, женщина превращается в мать, готовую сразу же принять на себя все тяготы материнства.

Зрелый интеллект поздно появился в царстве живого. Только путем поисков и борьбы находит он свое место в жизни. Ему приходится бороться с собственной неуверенностью, преодолевать колебания. В этом поединке он обретает силу и добивается успеха. Столетиями качали его волны сомнений, он накапливал груз неисчислимых ошибок, которые неоднократно приводили человечество на грань катастрофы. Гордые столпы славы превращались в руины, и все приходилось возводить заново. Творения рук человеческих совершенствовались путем неоднократных повторений и накопления опыта. Бесконечно возвращаясь назад, человеку порой удавалось продвинуться на несколько шагов вперед, но когда он упускал возможность исправить свои ошибки, перед ним разверзалась пропасть и он шел навстречу своей гибели. Со времен глубокой древности вся история человеческой цивилизации была, по сути дела, историей разрушения и созидания.

Природа гармонично соединила в женщине возлюбленную и мать, но конфликт между ними иногда приводил к пожару в ее собственном жилище. Такие взрывы чувств приобретали характер стихийного бедствия, внезапного и самоубийственного, как ураган или лесной пожар.

Мужчина всегда новичок в своем мире. Он без конца переписывает заново свои законы и уложения. Судьба не дала ему заранее предначертанного пути, поэтому мужчине из столетия в столетие, в разных краях приходится заново прорубать себе дорогу. Правильный путь

одного века заводит в тупик в следующем и совсем теряется во тьме с новым поворотом истории.

И напротив, жизнь женщины всегда уверенно текла по широкому жизненному руслу среди вечно изменяющихся и обновляющихся этапов цивилизации. Богатства души, которыми природа одарила женщину, недоступны исканиям пытливого ума. По своей природе женщина вечна и консервативна.

Мужчина, чтобы заработать себе на жизнь, вынужден обивать пороги и порою браться за дело, к которому у него нет ни склонности, ни способностей. Мужчине приходится затрачивать много сил на различные занятия, которые нередко оказываются бесплодными. И наоборот, женщина всегда прекрасно справляется со своей извечной ролью хозяйки дома и матери, ибо это ее роль: она полностью соответствует ее характеру.

Мужчина находит себя, преодолевая препятствия, проявляя свою природную силу в борьбе с враждебными обстоятельствами. Но лишь немногим мужчинам это действительно удается. В то же время, наверное почти в каждом доме, женщина, исполняя свои повседневные обязанности, находит в них глубокое внутреннее удовлетворение: ее домашняя деятельность придает ее жизни завидную полноту. Природа наделила женщин особым даром: делать возвышенным и привлекательным все, к чему они прикасаются. Это искусство дается им от рождения без всякого труда. И если какая-либо несчастная не обладает этим даром, — сколько она ни учись и к каким только ухищрениям ни прибегай, ничто не поможет ей занять в доме истинное место и выполнить свое предназначение.

Однако в приобретенных без труда сокровищах таится большая опасность: они часто вводят в соблазн окружающих. Страны, обладающие природными богатствами, влекут к себе алчных завоевателей, в то время как бедным странам со скудной почвой и суровым климатом нетрудно сохранить свою независимость. Сладкоголосые птицы с ярким оперением быстро попадают в клетки и становятся жертвой собственнических инстинктов хозяев, которые забывают о том, что красота их пленниц — достояние всего леса. Мужчина всегда считал, что врожденная привлекательность женщины, ее умение скраши-

вать жизнь созданы именно для него, и женщина, по своей природной уступчивости, охотно склонялась перед его волей.

Забота о продолжении и поддержании жизни — забота сугубо индивидуальная, и радость, приносимая этой заботой, — не похожа на радость познания или творения. Женщина исполнена очарования, но в делах творческих она еще не проявила себя достаточно.

Интеллект женщины, ее мысли и поступки всегда определялись множеством извечных правил. Ей очень редко удавалось проверить на опыте свои знания и убеждения. Не удивительно, что женщина страшилась всяких ложных богов и поклонялась им с большим рвением. В этом заблуждении — трагедия, ибо сегодня нам становится все яснее, что немислимо идти по дороге прогресса, влача на себе непосильный груз мертвых предрассудков. У нас немало никчемных консерваторов мужчин, воспитанных женщинами, которые считают, что могут тиранить женщину. Их можно встретить повсюду, и их заблуждение поддерживается кротостью самих женщин. Это заблуждение распространяется и крепнет день ото дня.

Тем не менее почти повсеместно женщины начали выходить за пределы своего узкого домашнего мирка. Это явление наблюдается и в Азии. Наш век — век уничтожения границ. Даже те страны, которые были полностью разделены географическими и политическими барьерами, преодолевают сегодня эти барьеры и знакомятся друг с другом. Поле деятельности людей расширяется, их опыт становится богаче, и народы видят все новые горизонты. Обстоятельства изменяются, вступая в противоречие с внешними силами. Все время возникают новые потребности и неизбежно изменяют наш жизненный уклад.

Когда я был ребенком, женщины обычно передвигались в паланкинах, — то время можно назвать эпохой паланкинов. Если это был паланкин знатной дамы, его делали закрытым, с двойными занавесками. Среди девушек Бенгалии, которые первыми начали посещать школу Бетюна, была моя старшая сестра. Так вот, она путешествовала в паланкине с откинутыми занавесками, сея

смещение среди нашей консервативной знати. В те дни, когда считалось, что женская одежда должна состоять из одного куска ткани, женщину упрекали в непристойности, если она осмеливалась надеть под сари блузку! А каково было женщинам, от которых требовали благопристойности, ездить по железной дороге в их традиционных одеяниях?

Эпоха паланкинов с занавесками быстро отошла в прошлое. Все изменилось само собой, в соответствии с новыми обстоятельствами, и без всяких торжественных дискуссий и конференций. Так же резко повысился и брачный возраст наших девушек. Когда поднимаются воды реки, берега отступают. Сегодня жизнь наших женщин вливается в русло общего могучего потока, и стесняющие его берега отступают все дальше и дальше.

Все эти изменения во внешнем образе жизни не могут не влиять на внутреннюю его сущность. Разум женщины, прежде ограниченный узкими рамками домашнего очага, пробуждается от спячки и начинает откликаться на события широкой жизни. Мысль освобождается от пут, суждения становятся более независимыми. Старые ценности подвергаются переоценке. На этой стадии женщина может ошибаться, и ей придется исправлять свои ошибки, преодолевая многие препятствия. Переход от привычных норм к новому образу мышления чрезвычайно труден и порой даже опасен, так как женщину цепко держат старые привычки. Но не следует поддаваться панике, ибо новый век наступил и его уже не повернуть вспять.

До тех пор, пока женщина оставалась в четырех стенах своего дома, она легко справлялась с делами, руководствуясь только безошибочным инстинктом: для этого ей не требовалось специального образования. Может быть, именно потому женское образование в те времена казалось не только нелепым, но и вредным. Мужчина передавал женщине идеи, в которые сам не верил, учил ее вести себя так, как сам себя не вел.

Подобной же практики придерживаются все тираны. Они знают, что невежество и слепое послушание создают наиболее благоприятную атмосферу для деспотизма: в состоянии самоотрешенности можно жить, поступаясь

самыми элементарными человеческими правами. И сегодня еще встречаются люди, которые сохраняют подобные убеждения, но и они неизбежно потерпят поражение в борьбе со временем.

Под влиянием этого духа времени поле деятельности женщин Индии постоянно расширяется, и они уже вступают на путь освобождения. Новые понятия — самоуважение и чувство собственного достоинства — заставляют женщину приобретать знания и развивать свой интеллект. Препятствия на ее пути падают одно за другим. Теперь для женщины неграмотность вызывает больше нареканий, чем туфли или зонтик в прежние времена. Сегодня невест оценивают не по их умению вести хозяйство: девушек подвергают настоящим экзаменам, ибо ценность знаний сегодня признается всеми.

Благодаря этому процессу женщина Индии выходит из тесного домашнего мирка и вступает на широкую стезю общественной жизни.

Было время, когда Земля, окутанная густым туманом горячих испарений, не сознавала, какое место она занимает среди планет и созвездий. Но вот лучи солнца пробились сквозь пелену тумана, и с этого мига освобождения началась эра земной славы. Точно так же душа индийской женщины долгое время была окружена густым дымом сентиментальности, поднимавшимся от ее семейного очага. Но сегодня она ощущает тепло солнца, струящегося с безграничного неба, она видит свет мироздания. Это не значит, что она освободилась от всех традиционных пут, однако многие из них уже порваны. Достигнутые успехи особенно наглядны для тех, кто, подобно мне, принадлежит к прошедшему веку.

Сегодня повсюду женщины переступили порог своих домов и вышли в широкий мир. Это заставляет их принимать новые требования времени, иначе им пришлось бы со стыдом признать свою беспомощность и никчемность.

Я верю, что на нашей земле наступил поистине новый век. С древнейших времен мужчина возводил по своему разумению различные социальные структуры — это было его исключительной привилегией. Он один устанавливал законы общества и экономики, он один определял государственное устройство. Женщина, заключен-

ная в четырех стенах своего дома, не участвовала в этой работе. В результате вся наша цивилизация была обедненной: ей не хватало богатства, которое хранилось в душе женщины, такое же бесполезное, как золото в сундуках скупца. Но теперь эти сокровища открыты всем.

В эпоху младенчества Земли на первородных илистых почвах росли обширные леса. Деревья день за днем миллионы лет накапливали солнечную энергию. Потом эти леса были погребены под новыми слоями земли и там лежали в глубине, претерпевая сложные превращения. И когда человек вновь открыл для себя этот подземный мир, он смог использовать для своих нужд запасы солнечной энергии, сохранившиеся в угле. С использования этих огромных запасов энергии и началась современная эра истории человечества.

Сегодня взору человека открылись не материальные, а духовные сокровища. Женщина, столь долго остававшаяся в тени, сегодня явила нам свой новый образ. И когда разум мужчины соприкоснулся с этим новым разумом женщины, цивилизация получила новый могучий источник жизненной энергии. Этот процесс уже начался. Можно даже надеяться, что созданная мужчинами неустойчивая и порой опасная структура общества будет соответствующим образом исправлена и приведена в равновесие. Структура прежнего общества была подвержена постоянным историческим землетрясениям; кризисные факторы накапливались с давних времен, и предотвратить их было невозможно. Единственное, что нас утешает, так это то, что сегодня, когда мы перестраиваем наше общество в соответствии с требованиями новой эпохи, повсюду, в каждой стране, рядом с нами трудится новая женщина, готовая сказать свое слово и внести в общее дело свой вклад. И суть не в том, что она перестала закрывать лицо краем сари: она сбросила мысленную завесу, отделявшую ее от остального мира. Человеческое общество в целом, во всех его разнообразных аспектах, приобретает для женщины все большее значение. Поэтому она уже не согласится играть в куклы слепых предрассудков. Ее природный дар продолжать и поддерживать жизнь найдет в безграничном мире более полное воплощение, чем в замкнутом святилище домашнего очага.

С незапамятных времен люди приносили человеческие жертвы, чтобы их кровью скрепить здание общества. Личность грубо попиралась ради укрепления общественного порядка. Капиталисты отнимают жизнь у рабочих, чтобы умножить свои богатства. Сильные мира сего поддерживают свою власть кровью миллионов беспомощных тружеников. Народные массы впряжены в колесницу государства. В нашей цивилизации, основанной на грубой силе, нет места снисхождению. С ненасытной жестокостью охотника она ежеминутно убивает невинных. Человек противопоставляет себя всему живому, в том числе и самому человеку. Тигр не боится тигра, но люди пребывают в смертельном страхе перед людьми. В таких условиях цивилизация неизбежно порождает смертоносное оружие, которое станет, в конце концов, причиной ее собственной ужасной гибели. И этот процесс уже начался.

В то же время перепуганный человек пытается найти какую-то отдушину, какой-то выход в пацифизме, но это всего лишь самообман, ибо в душе его нет истинного стремления к миру. Общество, основанное на стремлении к разрушению, обречено.

Однако у нас еще остается надежда на новый созидательный век. Если эта надежда оправдается, женщины, несомненно, вложат все свои силы в процесс созидания нового. Зов времени проник в душу женщины; пусть же она очистится от всякого хлама, сложившегося в ней за века! Пусть откроет свое сердце, просветит разум и склонится перед алтарем знаний. Пусть поймет, что слепой консерватизм враждебен творческому началу. Новый созидательный век уже на пороге. Чтобы получить право вступить в него, женщина должна избавиться от всех заблуждений. Она должна преодолеть свое невежество и приниженность, забыть свои страхи, реальные и воображаемые. Пусть она найдет в себе силы для этого. И речь идет не о том, какую выгоду это принесет, — может быть, никакой! — речь идет о том, чтобы женщина заняла достойное место в новой жизни,

ПОЭЗИЯ И РИТМ

Столкнувшись со свободным стихом, неподготовленный читатель встает в тупик. И это не удивительно: ведь именно размер, с его стройным течением, несет в себе чувства, которые легко находят дорогу к человеческому сердцу.

Но дело не только в этом. Проза тесно связана с повседневной, будничной жизнью, а мир поэзии глубоко отличен от нее. Особенности поэтического языка подчеркивают это отличие; и коль скоро оно осознано, вы, можно считать, подготовлены к восприятию поэзии. Саньяси отличается от мирян своей накидкой цвета охры. Эта накидка повергает верующих к его стопам. Если бы не она, не было бы и такого преклонения перед саньяси.

Само собой разумеется, что смысл жизни саньяси — не в накидке, а в истинности его веры. Кто это понимает, тот только радуется отсутствию оранжевой накидки. «Я познаю истину своим разумом; в одеждах часто прячется лжеистина», — думает он.

Сам по себе размер еще не поэзия. Суть поэзии — в эмоциональности, размер играет лишь второстепенную роль, помогая ее выявлению.

Ритм непосредственно воздействует на читателей, кроме того, он привычен для них, а с привычкой нельзя не считаться. Было время, когда цезура делила стих на строго определенные отрезки, и у нашего уха выработалась

соответствующая привычка. Рифма тогда считалась совершенно обязательной.

Но вот привычка эта была нарушена: Модхушудон ввел в нашу литературу белый стих. При одинаковом количестве стоп поступь ритма сплошь и рядом взламывает границы строк. Иными словами, белый стих — это шаг в область прозы, хотя он и не порывает окончательно с традиционной метрикой.

Приведу еще пример недолговечности привычки.

В свое время считалось, что добронравная женщина должна пребывать в онтохпуре. Первые женщины, которые нашли в себе смелость нарушить это правило, порвали с традициями, поэтому на них смотрели косо, их осуждали за спиной, а нередко и в глаза, и высмеивали в комедиях — тогда это было очень модно. Известны случаи подлого отношения к женщинам, когда они наряду с мужчинами стали посещать университет.

Время меняет наши понятия. Добронравная женщина и сегодня остается добронравной женщиной, хотя она и освобождена от плена онтохпура.

Теперь уже не считается, что белый стих противоречит канонам поэзии, несмотря на то, что он далеко отошел от них.

Это нововведение прошло сравнительно легко потому, что тогдашние читатели, знавшие английский язык, вынуждены были уважать стих, которым писали Мильтон и Шекспир.

По этому поводу люди, консервативно настроенные, могут сказать: «Хотя белый стих и не ограничен четырнадцатью слогами, он все-таки согласуется с ритмикой пояра». Кое-кто упорно держится точки зрения, что своей поэтичностью белый стих обязан именно близостью к пояру. По их суждению, поэзия — не поэзия, если она не связана с пояром. Но что является и что не является поэзией, зависит от достоинства самого произведения, а не от читательских привычек. И это уже давно доказано белым стихом. А сегодня свободный стих доказывает, что и проза может быть напитана истинно поэтическим духом.

Что объединяет пешего воина и всадника? Общая цель — победить в сражении.

Цель поэзии — покорять сердца. Будет ли она гарцевать на коне стиха или пойдет пешком, в прозаическом строю, — неважно! Только по тому, может она или нет достичь своей цели, и следует судить о ней.

Поражение всегда поражение, кто бы его ни потерпел: конный или пеший. Сами по себе стихи — еще не поэзия: мы знаем тому тысячи примеров. И у нас будет множество доказательств, что прозаическое произведение — еще не поэзия, даже если его будут причислять к поэзии.

Стихотворная форма обладает красотой, возвышающей ее над прозой: одно это уже привлекательно. В дешевом шондеше может не хватать творога, но сахара-то, во всяком случае, достаточно! Однако есть такие требовательные люди, которым мало одного сахара. Они требуют, чтобы все было неподдельным, и с возмущением отвергают всякий суррогат. Они справедливо считают, что ценность поэзии определяется ее внутренними достоинствами, а не тем, есть или нет размер.

И в прозе и в стихах есть свой внутренний ритм. В стихах он проступает совершенно явно, в прозе же он глубоко скрыт. Если нарушить скрытый ритм, то поэзии в прозе будет нанесен смертельный удар. Понятие стихотворного ритма привычно нам: ритм этот подчинен определенным правилам. Другое дело — ритм прозы. Его надо чувствовать, и здесь не помогут никакие ученые трактаты. Многие забывают, что найти ритм в прозе — дело далеко не легкое: проза представляется им простой и естественной. Эта забывчивость опасна, ибо приводит к небрежности, а муза не терпит небрежности и строго карает за нее.

Несомненно, что свободный стих, лишенный тщательной отделки, достоин лишь презрения и осмеяния. Но настоящая поэзия остается поэзией, выражена она в стихах или прозе.

Теперь поэзия вовлекает в свой эмоциональный мир все, что она видит вокруг, и, даже воспарив в небеса, она не порывает связи с нашей грешной землей.

Призвание прозы — сблизить мир повседневности и мир эмоциональности, ибо нет для нее недостойных тем.

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ ХУДОЖНИКА

I

Я родился в 1861 году; год этот ничем не примечателен в истории, но он принадлежит к той великой в Бенгалии эпохе, когда в жизни страны слились потоки трех движений. Одно из них, религиозное, было основано раджей Раммохон Раем, человеком большого сердца и гениального ума. Оно было революционным, так как он пытался расчистить русло духовной жизни, которое в течение долгих лет засорялось обломками и песком материалистических верований. Лишенные духовной значимости, эти верования все свое внимание сосредоточивали на формальной обрядности. Люди, цепляющиеся за далекое прошлое, гордятся древностью своих богатств, величием старинных стен, которыми они себя обнесли. Они досадуют и сердятся, когда великая душа, правдолюбец, проламывает брешь в возведенной ими ограде и сквозь нее проникают солнечные лучи мысли и дыхание жизни. Идеи вызывают движение, а во всяком прогрессивном движении такие люди видят угрозу безопасности для своих кладовых.

Это происходило в то время, когда я родился. Я горжусь тем, что мой отец был одним из великих руководителей этого движения, во имя которого он подвергался остракизму и смело встречал оскорбления общества. Я вырос в атмосфере идеалов, которые были новыми и в то

же время старыми, гораздо более старыми, чем все, чем гордился тогдашний век.

В те же годы развивалось и другое, столь же значительное движение. В Бенгалии началась литературная революция. Ее вдохновителем явился Бонкимчондро Чаттерджи, мой современник: он был гораздо старше меня, но прожил достаточно долго, поэтому я мог встретиться с ним. До него в нашей литературе царила косная риторика, она убивала всякую жизнь и вешала на себя столько украшений, что они превращались в тяжкие оковы. Но Бонкимчондро отважно восстал против ортодоксальной веры в вечность надгробий и в совершенство, свойственное лишь тому, что мертво. Он освободил наш язык от безжизненного груза тяжеловесных форм и одним касанием своей волшебной палочки пробудил нашу литературу от векового сна. Пробудившись во всей своей силе и красоте, она озарила нас прекрасным светом великой надежды.

В это же время началось движение, называемое национальным. Оно не носило чисто политического характера, но в нем воплотился дух нашего народа, пытавшегося отстоять свою собственную личность. В нем нашел свое выражение гнев против оскорблений, которым постоянно подвергали нас пришельцы с Запада, по привычке, особенно сильной в те времена, разделявшие все народы на хорошие и плохие в зависимости от того, в каком полушарии они обитают.

Чувство пренебрежения и превосходства неизменно унижало нас и нанесло серьезный ущерб нашей культуре. Оно породило в сердцах нашей молодежи недоверие ко всему, что являлось наследием прошлого. Старинные индийские картины и другие творения искусства высмеивались нашими студентами, подражавшими своим европейским учителям в этот обывательский век.

И хотя позднее наши учителя изменили свою точку зрения, их ученики еще не обрели полную веру в наше национальное искусство. Слишком долго воспитывали их на третьесортных копиях французских картин, на кричаще-пестрых олеографиях самого низкого пошиба, на картинах, отмеченных печатью машинной стандартности, и

они все еще считают признаком высшей культуры презрение к творениям восточного искусства.

Тогдашние молодые люди, глубокомысленно кивая головой, заявляли, что подлинная оригинальность не в постижении ритма истины, таящегося в самом сердце реальности, а в полных губах, наруганных щеках и обнаженной груди, намалеванных на иностранных картинах. Тот же дух отрицания, порожденный крайним невежеством, насаждался и в других областях нашей культурной жизни. Молодое поколение подпало под гипноз людей с громким голосом и сильной рукой. Национальное движение провозгласило, что мы не должны отвергать прошлое только потому, что оно прошлое. Это движение отнюдь не было реакционным, напротив, оно явилось революционным, ибо с большой смелостью выступило против тех наших соотечественников, которые гордились простыми заимствованиями.

Во всех трех движениях, развивавшихся в то время, принимали активное участие и члены моей семьи. Мы были изгнаны из общества за наши вольнодумные взгляды на религию и, как все изгои, пользовались определенной свободой. Силой своей мысли и энергией своего духа мы должны были создать свой собственный мир.

Я родился и был воспитан в атмосфере слияния этих трех революционных движений. Моя семья жила своей особой жизнью, которая научила меня с самой юности искать и проверять мое самовыражение своими собственными критериями. Средством самовыражения был, несомненно, мой родной язык. Но этот язык принадлежал народу, и я должен был его преобразовать в соответствии со своими личными побуждениями.

Ни одному поэту не следует заимствовать средства выражения готовыми из какой-либо лавки безупречной респектабельности. Мало иметь собственные семена, надо еще и подготовить свою почву. И то, что каждый поэт имеет свои оригинальные языковые средства, отнюдь не означает, что он сам создал весь язык, просто он пользуется этим языком сугубо индивидуально и с помощью волшебной палочки жизни превращает его в свое собственное средство выражения.

Поэзия искони живет в сердцах народов, и они чувствуют потребность выразить свои чувства в совершенной форме. Для этого народы должны обладать подвижным и гибким средством, которое они могут из века в век заново применять к своим потребностям. Все великие языки претерпели и продолжают претерпевать изменения. Языки, которые противятся духу перемен, обречены заранее на гибель и никогда не принесут обильного урожая мыслей или литературных творений. Когда оболочка затвердевает, дух либо малодушно смиряется со своим заточением, либо восстает. Все революции состоят в борьбе Внутреннего против нашествия Внешнего.

То время, когда какое-то неодолимое внутреннее стремление человека, ломая установленный порядок вещей, вырвалось наружу и торжествующе заявило, что никогда не будет подавлено, стало великой главой в истории нашей планеты. Пусть это стремление поначалу казалось беспомощным, но разве сейчас оно почти не добилося победы? Так же и в нашей общественной жизни, революция происходит тогда, когда какая-либо сила сосредоточивает всю свою энергию на внешней стороне и тем самым угрожает поработить силу, таящуюся внутри нас.

Когда организация, подобная машине, становится центральной силой — политической, коммерческой, образовательной или религиозной, — она затрудняет свободное течение внутренней жизни народа и использует его для увеличения своей собственной власти. В настоящее время происходит быстрая концентрация власти. Снаружи уже слышен вопль угнетенного духа, стремящегося освободиться от стискивающих его болтов и винтов, от бессмысленных навязчивых идей.

Революция неизбежна, и не надо бояться оскорблений и непонимания тех, кто жаждет покоя и верит лишь в материальное начало, ибо такие люди принадлежат не современности, а мертвому прошлому, относящемуся к тем далеким дням, когда физическая сила преобладала над духом.

Чисто физическое преобладание носит сугубо механический характер. Современные машины есть не что иное, как воспроизведение наших тел, наших конечностей, только в увеличенном размере. Современный разум

еще не вышел из детского состояния, он восторгается огромными размерами тела, в котором заключена могучая физическая сила, восклицая: «Дайте мне эту большую игрушку, и не надо мне никаких чувств, они ее только испортят». Он не понимает, что это возвращает нас к допотопным временам, когда природа в изобилии производила гигантские тела, не оставляя, однако, места для внутренней свободы духа.

Все великие движения в истории человечества связаны с великими идеалами. Мне могут возразить, что такие воззрения на значение духа вот уже столетие находятся в агонии и близки к смерти, что мы можем положиться только на внешние силы и материальные основания. Однако я со своей стороны заявляю, что доктрина моих противников давно устарела. Она исчерпала себя на заре жизни, когда с лица земли были сметены все гигантские существа; и вместо них, в самом сердце вселенной, появился человек, слабый телом, но непобедимый разумом и духом.

Когда я впервые выступил на поэтическом поприще, писатели из наших образованных кругов черпали знания в английских учебниках, неспособных полностью насытить их разум. Думаю, мне повезло, что я не получил школьного образования, которое считается необходимым для мальчика из респектабельной семьи. И хотя нельзя сказать, что я был свободен от влияния, которое испытывали на себе другие молодые люди, творчество мое все же было спасено от инерции подражания. В своих стихах, в выборе слов и в своих идеях я повиновался капризам свободной фантазии, чем вызвал суровое осуждение ученых критиков и буйный смех остроумцев. Невежество в сочетании с ересью превратили меня в литературного изгоя.

Я начал свою литературную карьеру еще не оперившимся юнцом, я был самым молодым из группы, которая тогда впервые выступила в литературе. Я не обладал ни защитной броней зрелости, ни достаточным знанием английского, чтобы вызвать к себе уважение. Но в моем уединении, где презрение преобладало над редкими похвалами, я обрел свободу.

Постепенно я становился старше — правда, в том нет никакой моей заслуги. Подвергаясь насмешкам и лишь

изредка пользуясь чьей-либо поддержкой, я упорно прокладывал себе путь к признанию; в этом признании соотношение похвал и порицаний было примерно таким же, как соотношение воды и суши на нашей планете.

В молодости мне придавало отвагу мое раннее знакомство со старинной вишнуитской лирикой, отличавшейся свободой ритма и смелостью выражения. Мне было двенадцать лет, когда впервые напечатали эти стихи. Я тайком доставал эти книги из письменных столов старших. В назидание другим надо признать, что это было нехорошо для мальчика моих лет. Я должен был сдавать экзамены, а не идти по дороге, ведущей к снижению отметок. К тому же большая часть этой лирики была эротической и, откровенно сказать, мало подходящей для мальчика, еще даже не ставшего подростком. Но воображение мое было полностью захвачено красотой формы и музыкой этих строк, а их дыхание, исполненное жгучей чувственности, пронеслось мимо моей души, так и не задев ее.

Мое бродяжничество по тропам литературы было вызвано еще и другой причиной. Отец мой стал главной фигурой нового религиозного движения, строгого монотеизма, основанного на учении «Упанишад». А для моих бенгальских соплеменников это было, пожалуй, хуже христианства. Поэтому мы были изгнаны из общества, что, вероятно, спасло меня от другого несчастья, а именно — слепого подражания нашему прошлому.

Почти каждый член нашей семьи был наделен каким-либо талантом — одни были художниками, другие поэтами, третьи музыкантами; во всем нашем доме царила атмосфера, проникнутая духом творчества. Почти с самого детства я глубоко чувствовал красоту природы, ощущал тесную связь с деревьями и облаками. Все мое существо звучало в унисон с музыкой времен года. В то же самое время я был необыкновенно чуток к человеческой доброте. Все это искало своего выражения. Я стремился быть верным своим чувствам, хотя незрелость мешала мне облечь их в сколь бы то ни было прекрасную форму.

С тех пор я завоевал добрую славу на Родине. Но до самого последнего времени большая часть соотече-

ственников относилась ко мне враждебно. Некоторые говорили, что стихи мои чужды национального духа, другие жаловались на их непонятность, а третьи усматривали в них прямой вред. Я так и не получил полного признания со стороны своего народа, и это, пожалуй, к лучшему: ничто не действует столь разлагающе, как незаслуженный успех.

Такова история моей литературной деятельности. Я хотел бы рассказать о ней более подробно в каком-нибудь своем произведении на родном языке. Надеюсь, что когда-нибудь смогу осуществить это намерение. Языкам свойственна ревность. Они не отдают свои сокровища тем, кто пытается завоевать их расположение через посредника, близкого к сопернику. Мы должны ухаживать за ними сами. Поэзия не рыночный товар, переходящий из рук в руки. Нельзя добиться улыбки или нежного взгляда возлюбленной, пользуясь услугами поверенного, как бы усердно и ревностно ни исполнял он наших поручений.

Сам я тоже старался проникнуть в сокровищницу литературы на европейских языках задолго до того, как приобрел полное право на их гостеприимство. В молодости я попытался понять Данте, к несчастью пользуясь английским переводом. Я потерпел полный провал и осознал, что мой святой долг — отказаться от подобных попыток. Так Данте и остался для меня книгой за семью печатями.

Я хотел также познакомиться с немецкой литературой, читая Гейне в переводах, вообразил, что мне удалось уловить отблеск ее волшебного сияния. На мое счастье, я встретился с женщиной-миссионером из Германии и попросил ее помочь мне. Несколько месяцев я напряженно трудился, но моя сообразительность, качество весьма опасное, помешала мне проявить достаточную настойчивость. Я слишком легко угадываю значение незнакомых слов, и это нередко подводит меня. Однако моя учительница решила, что я почти овладел языком, хотя это не соответствовало действительности. Все-таки я прочел Гейне с уверенностью лунатика, пробирающегося во сне по незнакомым тропам, — и получил ни с чем не сравнимое удовольствие.

Потом я перешел к Гете. Тут я переоценил свои способности. Пользуясь небольшими запасами немецкого языка, я прочитал «Фауста». Мне кажется, все же, я сумел попасть во дворец, но не как человек, имеющий все ключи, а как случайный посетитель, которого допускают только в какую-нибудь гостиную, удобную, но не располагающую к интимности. Честно говоря, Гете так и остался для меня загадочным, как и многие другие великие светила.

Так оно и должно было случиться. Не совершив па-ломничества, не достигнешь святыни. И пусть никто не надеется познакомиться с моим истинным языком через переводы.

Что же до музыки, то я, кажется, имею некоторое право зваться музыкантом. Я сочинил много песен в нарушение всех общепринятых канонов, но добрые люди возмущаются наглостью человека, который отважен лишь потому, что ничему не учен. Однако я продолжаю сочинять, и господь простит мне, потому что я не ведаю, что творю. Возможно, это наилучший образ действия в сфере искусства. Ругая меня, люди все же поют мои песни, хотя и не всегда правильно.

Пожалуйста, не подумайте, что я тщеславен. Я способен судить о самом себе объективно и могу открыто восторгаться своими произведениями, потому что я скромен. Я могу не колеблясь сказать, что мои песни нашли путь к сердцу моей Родины, что они цветут вместе с цветами, которыми она так богата, и люди грядущего будут петь их в дни радости и печали и в дни празднеств. Это тоже дело революционера.

Если я неохотно высказываю свое суждение о религии, то это потому, что пришел к своей религии не через врата пассивного принятия какой-либо веры, к которой принадлежат от рождения. Я родился в семье, где были первые проповедники возрождения в нашей стране религии, основанной на изречениях индийских мудрецов, содержащихся в «Упанишадах». Но в силу особого склада ума, я не способен признать никакое религиозное учение только потому, что окружающие верят в его истинность. Я даже помыслить не мог о том, чтобы принять рели-

гию лишь на том основании, что все, кому я доверяю, не сомневаются в ее ценности.

Моя религия — прежде всего религия поэта. Она приходит ко мне теми же невидимыми и непроторенными путями, что и музыкальное вдохновение. Моя религиозная жизнь следовала той же таинственной дорогой развития, что и моя поэтическая жизнь. Каким-то образом им удалось повенчаться — и уже давно, но я очень долго не знал об их помолвке. Надеюсь, никто не обвинит меня в хвастовстве, если я скажу, что обладаю поэтическим даром, этим инструментом самовыражения, откликающимся на любое дуновение, исходящее из глубины чувства. С детства я был одарен тонкой чувствительностью, которая чутко отзывалась на трепет окружающего мира природы и людей.

Я был также наделен любознательностью, которая дает ребенку право на вход в сокровищницу тайны, тающейся в сердце всего сущего. Я пренебрегал занятиями, потому что они грубо отрывали меня от окружающего мира, который был моим другом и товарищем, и едва мне исполнилось тринадцать лет, я освободился от тенет системы образования, пытавшейся удержать меня в каменной оgrade занятий.

Я очень смутно представлял себе, кем или чем впервые были затронуты струны моего сердца, в этом отношении я подобен ребенку, не знающему ни имени своей матери, ни даже кто она. Я всегда испытывал чувство глубокого удовлетворения индивидуальностью. Это чувство проникало в глубь моей души по всем живым каналам, связывающим меня с окружающим миром.

Мое сознание никогда не оставалось безучастным к явлениям окружающего мира, что, несомненно, очень важно; облака и цветы говорили непосредственно со мной, и этого было для меня вполне достаточно, чтобы не быть к ним равнодушным. Навсегда запомнился мне тот день, когда, возвращаясь из школы, я вылез из экипажа и вдруг заметил в небе, за верхней террасой нашего дома, громады густых темных туч, расточающих обильную прохладную тень. Это чудо и эта безграничная щедрость наполнили меня ощущением той радости, которая есть

свобода, — такую свободу мы обретаем в любви самого близкого друга.

Мне хочется повторить то, что я уже говорил в одной из своих статей. Представьте себе, что на нашу землю прилетел житель другой планеты и услышал человеческий голос, записанный на граммофонную пластинку. Его внимание прежде всего привлечет вращающаяся пластинка. Он не способен постичь объективную истину, которая кроется в этом, и потому удовлетворяется установлением объективного научного факта — ведь пластинка есть нечто осязаемое, нечто поддающееся измерению. Он не поймет, как этот механизм может сказать что-нибудь душе. Но если в стремлении постичь тайну он встретится с композитором и внезапно проникнет в сердце музыки, то сразу же поймет значение музыки, как выражения личности.

Простая информация о фактах, открытие какой-либо силы суть проявления внешнего, а не внутреннего мира. Единственным критерием истины служит счастье. Мы узнаем истину по ее музыке, по той радости, с которой она приветствует истину, сокрытую в нас самих. Вот что является подлинной основой всякой религии, а не какие-либо догмы. Я уже говорил, что свет мы воспринимаем не как волны эфира, а утро не ждет, чтобы его представил нам ученый. Точно так же мы касаемся бесконечной реальности внутри нас, лишь когда постигаем чистую истину любви или добродетели. Тут не помогут ни толкования теологов, ни глубокомысленное обсуждение этических проблем.

Повторяю, что моя религия — это религия поэта. Она плод моего внутреннего видения, а не только знания. Честно признаюсь, что я не могу удовлетворительно ответить ни на вопрос о том, что такое природа зла, ни о том, что происходит после смерти. И все же я уверен, что бывали минуты, когда душа моя касалась бесконечного и глубоко познавала его сущность в озарении радости. В «Упанишадах» сказано, что наш разум и наши слова не могут проникнуть в Святилище Высочайшей Истины, и тот, кому это ведомо, избавляется от всех страхов и сомнений благодаря непосредственной радости души.

Ночью мы спотыкаемся о различные вещи и остро ощущаем их разобщенность, день раскрывает перед нами великое единство, объемлющее всех их. И человек, чье внутреннее видение омыто светом его сознания, сразу же постигает духовное единство, царящее над всеми расовыми различиями, и его разум, встречаясь с отдельными проявлениями разобщенности в человечестве, не принимает их как нечто раз и навсегда установленное. Такой человек сознает, что успокоение можно найти лишь во внутренней гармонии, обитающей в истине, а не в каких-то внешних обстоятельствах; он понимает, что прекрасное несет в себе вечное убеждение в нашем духовном родстве с реальностью, которая ждет своего совершенного воплощения в нашей ответной любви.

II

Известный комментатор вед Шайаначарья говорит: «Благословенна еда, принесенная богу и остающаяся в поле для свершения обряда, ибо она есть символ Брахмы, Прародителя Вселенной».

Из этого следует, что Брахма безграничен в своей щедрости, которая неизбежно находит выражение в вечном мировом процессе. Это целая доктрина о происхождении всего мира и, следовательно, о происхождении искусства. Из всех живых существ на земле только человек обладает жизненной и духовной энергией, превосходящей его насущные потребности, и это побуждает его творить ради самого творчества. Подобно Брахме, он черпает радость в произведениях, созданных не по необходимости и потому отражающих его расточительство, а не беспросветную нужду. Нормальным голосом можно разговаривать и даже кричать, то есть делать то, чего от нас требует повседневная жизнь; но голосом, наделенным особой красотой и выразительностью, мы можем петь, и в этом находим радость. Искусство раскрывает богатство человеческой жизни, которая ищет свободы в совершенных формах, являющихся в этом случае самоцелью.

Все косное и безжизненное только существует, а не живет. Жизнь — непрерывное творчество, она таит в себе

избыточные силы, переливающиеся через узкие границы Сегодня и Здесь в неустанном стремлении раскрыть себя в различных формах самовыражения. Наше тело имеет органы, необходимые для его жизнедеятельности, но оно не простоместилище желудка, сердца, легких и мозга. Оно представляет собой образ, — и его величайшая ценность в том, что оно может выразить свою личность. Оно обладает цветом, формой, способно двигаться, — эти качества в большинстве своем излишни, поскольку необходимы лишь для самовыражения, а не для самосохранения.

Эта живая атмосфера избыточного в человеке пронизана его воображением, как воздух светом. Воображение помогает нам объединить разрозненные факты гармонией и затем выразить эту гармонию в наших делах, направленных на достижение радости совершенства. Воображение пробуждает в нас Всечеловека, провидца и творца всех времен и народов. Непосредственное осознание действительности в ее чистейшей форме, не затемненной тенью своекорыстия, независимо от моральных и утилитарных соображений доставляет нам радость, как и самораскрытие нашей личности. То, что на обычном языке мы называем прекрасным, то, что проявляется в гармонии линий и красок, звуков или в сочетаниях слов или мыслей, восхищает нас только потому, что мы не можем не признать в нем Высшей Истины. «Любви достаточно она сама», — сказал поэт, она заключает в себе свое объяснение, радость, которую можно выразить лишь с помощью искусства, обладающего такой же законченностью. Любовь свидетельствует о чем-то существующем вне нас, но это «что-то» наделено интенсивностью, передающейся и нам. Лучи любви ярко освещают ее объект, даже если этот объект лишен каких-то ценных свойств.

Постигая мир окружающий, «Я есмь» во всем прозревает свою протяженность, свою собственную бесконечность. К несчастью, из-за нашей ограниченности и множества мелких забот большая часть мира, простершаяся вокруг нас, не озарена светом нашего внимания: все нам видится словно в дымке, проходит мимо нас, подобно каравану теней, ночным пейзажем, который мы видим из окна освещенного купе; мы знаем, что существует внеш-

ний мир и что это немаловажный факт, но в этот момент для нас гораздо важнее железнодорожный вагон.

Если бы свет нашей души мог со всей яркостью озарить хоть несколько из бесчисленного множества предметов в мире и таким образом сделать их для нас реальными, они постоянно взывали бы к нашему творческому сознанию, вечно требуя своего выражения. Эти предметы находятся в том же царстве, что и наше стремление к ценности нашего собственного «я».

Я вовсе не хочу сказать, что вещи, с которыми мы связаны узами своекорыстия, воплощают дух реальности, напротив, их затмевает тень, отбрасываемая нашим «я». Слуга не более реален для нас, нежели возлюбленная. Скованные узким пониманием полезности, мы все свое внимание переносим с человека, совершенного во всех отношениях, на человека, просто полезного. Толстый ярлык с указанием рыночной цены заслоняет собой абсолютную ценность реальности.

Сам факт нашего существования подтверждается тем, что все остальные также существуют и «Я есмь», заключенное во мне, пересекает границы своей конечности, как только оно глубоко постигает себя в «Ты еси». Такое пересечение границ конечности вызывает радость — радость, которую приносит прекрасное, любовь и величие. Самоотречение и, в еще большей степени, самопожертвование являются свидетельством познания бесконечности. Подобная философия и объясняет радость, которую мы черпаем во всех видах искусства, а произведения искусства усиливают чувство единства, являющего собой единство истины, заключенной в нас самих. Моя личность не что иное, как осознанный принцип живого единства; она одновременно и охватывает все явления, и переходит границы внешнего в этих явлениях, свойственных только мне: я имею в виду знания, чувства и желания, волю, память, любовь, деятельность, — словом, все, мне принадлежащее. Личность, которой доступно понимание Единого, выражает понимание в предметах, мыслях и делах, сгруппированных воедино. Принцип единства, который содержится в личности, более или менее полно выражается в прекрасном лице или картине, стихотворении, песне, характере или гармонии взаимосвязанных идей или явле-

ний; и все это становится остро ощущаемой действительностью и, следовательно, приносит радость. Представление личности о действительности, которая находит свое совершенное раскрытие в полной гармонии, нарушается с появлением диссонанса, потому что диссонанс противоречит понятию об единстве, заложенном в основе этого представления.

Все остальные факты были осознаны нами в результате постепенного накопления опыта, и наши познания о них постоянно претерпевают противоречивые изменения, благодаря все новым и новым открытиям. Мы никогда не можем быть уверены, что до конца постигли характер чего-либо существующего. Но эти познания были нами получены одновременно с убеждением, которое не нуждается ни в каких доказательствах. Это убеждение в том, что источником всей моей деятельности является моя личность: эта личность невыразима в словах, но в ее истинности я уверен больше всего на свете. Хотя все прямые свидетельства, которые могут быть взвешены и измерены, говорят о том, что знаки на бумаге оставляют мои пальцы, а не что-либо иное, ни один здравомыслящий человек никогда не усомнится в том, что не эти механические движения создают мои книги, а некая сущность, которую можно познать лишь через любовь, но не иначе. Таким образом, мы различаем две стороны в нашей личности: одна из них относится к законам окружающей среды, а другая к воле, обитающей в самой личности.

Личность — это ограничение безграничного: личное пробуждается в боге, когда он творит.

Он ограничивает себя пределами своего собственного закона; игра, которая есть этот мир, чья реальность заключена в его отношении к личности, продолжается. Предметы различаются не по своей сущности, а по своей видимости, иными словами, по отношению к тому, кто на них смотрит. Это и есть искусство, истинность которого проявляется не в сущности или логике, а в выражении. Абстрактная истина может принадлежать науке и философии, но реальный мир принадлежит искусству.

Мир как искусство есть игра Верховного Существа, упоенно творящего образы. Попробуйте разложить образ на составные части — он ускользнет от вас и никогда не

раскроет вечный секрет явления. Пытаясь обнаружить жизнь, скрытую в живой ткани, вы найдете углерод, азот и множество других вещей, совершенно непохожих на жизнь, но не ее самое. Явление не дает возможности судить о себе на основании своей внешней структуры. Вы можете назвать его майей — иллюзией и притвориться, что не верите ему, но великого художника, творца иллюзий, это не трогает. Ведь искусство — это майя, и оно не имеет никакого другого объяснения, кроме того, что оно кажется тем, что оно есть. Оно никогда не пытается скрыть свою неуловимость, оно смеется даже над собственными определениями и играет в прятки, то скрывая, то открывая свой лик, постоянный в его переменчивости.

Таким образом, жизнь, представляющая собой непрерывно длящийся взрыв свободы, находит свой ритм в постоянном возвращении к смерти. Каждый наш день, даже каждое мгновение есть смерть. Иначе перед нами была бы безликая пустыня бессмертия, вечно немая и неподвижная. Итак, жизнь есть майя, как любят повторять моралисты, *она есть* и *она не есть*. Мы находим в ней только ритм, в котором она проявляется. То же самое горные породы и минералы. Разве не доказала наука, что главное различие между элементами — это ритм? Отличие золота от ртути основано только на различных ритмах строения их атомов, подобно тому как различие между королем и его подданным заключается не в различии их тел, а в различных ритмах их положения. И здесь вы обнаруживаете за сценой художника, владеющего волшебным искусством ритма, который придает видимость телесного бестелесному.

Что такое ритм? Это движение, созданное и регулируемое гармоническим ограничением. Это творческая сила в руках художника. До тех пор, пока слова облечены в форму неритмической прозы, они не создают сколько-нибудь прочного ощущения реальности. Но стоит придать им ритм, как они начинают трепетать во всем своем великолепии. Возьмите, например, розу. В нежной ткани ее лепестков вы обнаружите все, что необходимо для цветка, но розу, представляющую собой майю, образ, вы не найдете. Ее законченность, которая несет на себе от-

печаток бесконечного, исчезает. Роза предстает предомной неподвижной, но ритм, вложенный в нее при создании, саму эту неподвижность наделил поэзией движения. Ту же поэзию движения вы найдете в динамических свойствах картины, обладающей полной гармонией. Она звучит, словно музыка, в нашем сознании, придавая ему естественный ритм движения, совпадающий с нашим собственным ритмом. Если бы картина состояла из негармоничной совокупности красок и линий, она была бы мертво-неподвижна.

Совершенный ритм сообщает произведению искусства свойства звезды, которая, несмотря на свою кажущуюся неподвижность, вечно движется, уподобляет его пламени, на первый взгляд неподвижному, но в действительности воплощающему в себе движение. Великая картина живет вечно, а газетные новости, даже самые трагические, мертвы. Некоторые из них могут просто затеряться в газете, так и не обратив на себя внимания, но если придать им надлежащий ритм, они засверкают вечным сиянием. Таково искусство. Одно лишь прикосновение его волшебной палочки придает неумирающую реальность любому предмету, связывает его с личностью, таящейся в нас. Мы стоим перед произведением искусства и повторяем: я знаю тебя, как самого себя, ты реально.

Один из моих китайских друзей, гуляя со мной по улицам Пекина, в большом возбуждении показал на осла. Обычно мы лишь тогда узнаем, что осел — реальное существо, когда он лягает нас или когда мы нуждаемся в его, столь неохотно оказываемой, помощи. Но в таких случаях мы познаем реальность не в осле, а вне его, в какой-нибудь нашей цели или телесной боли. Поведение моего друга сразу же напомнило мне китайские стихи, в которых восхитительное чувство реальности воспринимается так непринужденно и выражается столь просто.

Эта чувствительность к прикосновению внешнего мира и восторг, испытываемый нами при его познании, значительно снижаются, когда в нашем обществе появляется бесчисленное множество сложных целей, настойчиво требующих своего достижения, когда на нашем пути скапливаются проблемы, которые необходимо принять во вни-

мание и течение жизни замедляют вещи и мысли, не поддающиеся гармоничному сочетанию.

Это становится все явственнее с каждым днем, особенно в наш современный век, когда больше времени уходит на приобретение жизненных удобств, чем на наслаждение ими. По сути дела, жизнь погребена под материальными благами, подобно тому как заваливают сад кирпичами, привезенными для сооружения забора. Воздвигают целые горы кирпича и цемента; тщетно приходит весна в это царство мертвых вещей: цветы так и не распускаются.

Наше сознание подобно туристу, торопливо рыскающему по дешевым лавкам, где продаются всякие безделушки с весьма иллюзорной ценностью. Это происходит потому, что естественная тяга сознания к простой жизни заглушена постоянными заботами. Литература, им созданная, постоянно сует свой нос в самые неподходящие места в поисках необычных вещей и эффектов. Все ее силы уходят на то, чтобы казаться оригинальной. Она тшится непрерывно изменять стиль, как будто это мода на дамские шляпки; и ее произведения напоминают скорее хорошо отшлифованную сталь, чем цветущую жизнь.

Литературные моды быстро истощают себя и редко отличаются глубоким характером. На какой-то миг они поражают взор и тут же исчезают, как стремительно несущаяся пена. Попусту растрачивая все силы, подобная литература сама мешает своему внутреннему развитию; подобно осенним листьям, она за короткий срок претерпевает множество внешних изменений. С помощью румян и мушек она создает некую видимость современности, посрамляющую ее прежний, совсем недавний лик. Своими кривляниями она уподобляется кактусу в пустыне, которому не хватает скромности в его уродливых формах и миролюбия в колючках и который олицетворяет собой вызывающую неучтивость, столь характерную для напускной гордости бедняка. С чем-то похожим мы часто сталкиваемся при чтении произведений современной литературы; трудно не заметить их колючих парадоксов и судорожной жестикуляции. Нередко в этих произведениях встречается и мудрость, но эта мудрость потеряла свое спокойное достоинство, она боится равнодушия толпы,

которую привлекает все экстравагантное и необычное. Смотреть на мудрость, которая хочет казаться умной, так же печально, как и глядеть на пророка, прохаживающегося в шутовском колпаке перед восхищенной толпой.

Во всех великих произведениях искусства, в том числе и литературных, человек выражал свои обычные чувства в форме необычной, однако естественной. Вордсворт описывал в своих стихах жизнь, покинутую любовью, с обычным пафосом, которого вправе ожидать всякий нормальный разум в этой ситуации. И хотя картина, в которой он воплотил свои чувства, была неожиданной, каждый здравомыслящий читатель не может не восхищаться таким образом:

...и снег занес
Гнездо, что притаилось среди роз.

Как-то мне попало современное произведение, в котором появление звезд сравнивается с сыпью, внезапно проступившей на вздувшемся теле темноты. Автор, очевидно, боится писать о холодной чистоте усыпанного звездами неба, чтобы его не обвинили в банальности. С точки зрения реализма, образ, который он употребил, вполне уместен и может быть даже признан смелым в его беззастенчивой грубости. Но это не искусство — это визгливый крик, нечто, напоминающее современную рекламу, которая преодолевает невнимание толпы с помощью знания ее психологии.

Создавать иллюзию силы, выдвигая на первый план аномалию, — не признак ли это духовного паралича? Современное искусство пускает в ход всю свою ловкость, чтобы поразить и выставить напоказ необычное, и это свидетельствует об убывающей силе его воображения. Когда литература какой-либо эпохи всячески стремится к фальшивой новизне в форме и содержании, это значит, что она стареет, теряет чувствительность и хочет разбудить свой дремлющий вкус остротой неприличия и щекочущим прикосновением невоздержанности. Мне говорили, что все это лишь признаки реакции на литературу, созданную в прошлом веке, с ее приторно сладкой изысканностью, слишком уж роскошным туалетом и сверхутонченностью выражений. По-видимому, она достигла крайних пределов

утонченности, которая почти до неузнаваемости зашифровала свои условности, благодаря чему даже скромные таланты способны составить себе достаточно громкое имя. Возможно, это объяснение верно. Но, к несчастью, реакция на что-либо редко обладает спокойствием непосредственности, часто она представляет собой лишь обратную сторону медали, которую отвергает как фальшивую. Реакция против манерности может создать новый вид манерности, воинствующей манерности, которая подражает дикарю, раскрашивающему свое тело яркими красками, стараясь придать своему стилю некую примитивную грубость. Устав от аккуратно разбитых клумб, садовник с суровой решимостью начинает повсюду воздвигать искусственные скалы, избегая естественного вдохновения ритма из почтения к тирании моды. В превознесении мятежа проявляется то же чувство стадности, которое раньше проявлялось в восхвалении покорности и его противоположности — неподчинения, и сводящееся, в сущности, к той же покорности, только проявляемой с вызывающим видом. Фанатичное преклонение перед мужеством приводит к мускулистому атлетизму, пригодному лишь для цирка, а не к рыцарству, скромному и вместе с тем непобедимому, по праву претендующему на почетное место во всех областях искусства.

Защитники этого течения часто говорят, что подобное выставление напоказ кричащей грубости и дешевой сенсации оправдывается нелицеприятным признанием фактов как таковых. По их мнению, реализма не следует избегать, даже если он оборван и дурно пахнет. Но в тех случаях, когда это относится не к науке, а к искусству, мы должны провести границу между реализмом и реальностью. В естественной обстановке болезнь представляет собой реальность, которая не может быть отвергнута и литературой. Но болезнь в больнице относится к сфере данной науки. В этом случае болезнь — абстракция, и если позволить ей появиться в литературе, она может принять неправдоподобный вид из-за ее нереальности. Подобные блуждающие призраки плохо совмещаются с обычной обстановкой, неверные пропорции окружения приводят к искажению их собственных пропорций. Такое пренебрежение существенным не представляет собой ис-

куства, а является лишь трюком, использующим уродство, чтобы выдвинуть ложные притязания на реальность. К несчастью, нередко встречаются люди, которые верят, что нечто, с большой силой поражающее их, дает более широкий кругозор, чем уравновешенные и сдержанные факты, для постижения которых надо приложить усилия. Весьма возможно, что из-за недостатка досуга число таких людей увеличивается. Для того чтобы дать им стимул, который, как они хотят верить, является стимулом к эстетическому постижению действительности, опустошаются темные подвалы сексуализма и аптеки, торгующие моральной отравой.

Я вспоминаю простую строку из песни одного племени, живущего по соседству: «Мое сердце подобно каменистому руслу, скрывающему безрассудный ручей». Специалист по психоанализу несомненно определит это как типичный пример подавления желания и, таким образом, низведет эту строку до простой иллюстрации предполагаемого факта, точно так же мы можем подозревать, что в куске угля таится огненное вино солнца забытых веков. Но это — литература; неважно, что побудило воплотить этот факт в песню, главное, что он приобрел форму образа, творения сугубо личного и тем не менее всеохватывающего. Случаи подавления желания весьма многочисленны и обычны. Но это сравнение единично и необыкновенно. Эти стихи волнуют слушателя не потому, что выражают собой психологический факт, а потому, что содержат в себе нечто личное, отражая личную действительность, принадлежащую всем временам и всем народам в мире человечества.

Но это еще не все. По своей форме стихотворение, несомненно, несет на себе отпечаток личности, которая его создала. В то же время, сумев преодолеть личное, оно поднялось выше своего источника — эмоционального склада автора. Оно освободилось от цепей чьей-то одной жизни, достигло ритмического совершенства, которое ценно само по себе. Вот стихотворение, созданное, как свидетельствует его заглавие, в самом мрачном настроении. Никто не может сказать, что для ясного ума есть что-либо приятное в воспоминании о чувстве отчаяния. Однако эти стихи нельзя забыть, потому что, как только стихотво-

рение создано, оно навсегда отдаляется от источника своего возникновения: история его ступенчато выстраивается и на первый план выдвигается полная независимость. Личная печаль императора сразу же обрела свободу, как только приняла вид поэзии, выраженной в камне; она стала апофеозом рыданий, половодьем восторга, залившим каменистое русло — его страдающее сердце. То же относится и ко всякому творению. Капля росы не ведает, в своем законченном совершенстве, откуда она явилась на свет.

Употребляя слово «творение», я подразумеваю, что благодаря ему некоторые голые абстракции приняли форму конкретного единства в своем отношении к нам. Можно проанализировать сущность творения, но не это единство, которое проявляется в его самораскрытии. Литература как искусство представляет для нас тайну, заключенную в ее цельности.

Мы читаем:

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя,
Завладел любимой¹.

В этом стихотворении есть своя грамматика, свой словарь. Если мы расчленим эти стихи на составные части и попытаемся выпытать у них признание, стихотворение, которое представляет собой «единое целое», исчезнет, как легкий ветерок, — тихо и незримо. Никто не знает, почему стихи говорят больше, чем отдельные слова, из которых они сложены, как они преодолевают все свои законы и общаются с личностью. Смысл единства — это вечная загадка.

¹ Стихи Вильяма Блейка в переводе С. Маршака.

Что касается определенного смысла этих стихов, то здесь открывается широкое поле для предположений. Если бы их содержание было изложено в обычной прозе, мы выказывали бы нетерпение и даже, вероятно, стали бы искать противоречия. Мы, несомненно, попросили бы объяснить, кто был этот путник и почему он завладел любимой без всяких разумных побуждений для этого. Но когда перед нами стихи, нам незачем просить объяснения, если только мы не увлекаемся коллекционированием значений, как иные коллекционированием мертвых бабочек. Стихи как творение, означающее нечто большее, чем просто мысль, неизбежно завоевывают наше внимание; а смысл их слов вызывает такое же чувство, как улыбка на прекрасном лице, непостижимая, неуловимая и все же приносящая радость.

Единство стихотворения выражено в его ритмическом языке, в его характерности. Ритм проявляется не просто в соразмерном сочетании слов, но и в значимом соединении идей, в музыке мысли, порождаемой трудно определенным принципом расстановки, который основывается не на логике, а на внутренней интуиции. Трудно определить значение слова «характерность». Оно включает в себя целый ряд аспектов, которые сообщают ему большую динамичность. Сочетание этих аспектов может быть неуклюжим, неотделанным, нестройным. Однако оно обладает динамической силой в своей совокупности, властно требующей признания нашего разума — часто вопреки нашему желанию. Лавина обладает характерностью, которой лишена даже более тяжеловесная масса снега, если она неподвижна. Характерность лавины раскрывается в движении ее массы, в ее неисчислимых возможностях.

Художник должен напоминать миру, что благодаря истинности выражения мы глубже постигаем истину. Если созданный человеком мир представляет собой не столько выражение его творческого духа, сколько механическое устройство, предназначенное для выработки энергии, то наше выражение сковывается и ремесленная сноровка подменяет собой богатство, характерное для живого развития. В своей творческой деятельности человек наполняет природу своей собственной жизнью и

любовью. Но его узкопрактическая энергия вступает в противоречие с природой и изгоняет ее из его мира, исказив и осквернив ее уродством своих честолюбивых стремлений.

Мир, созданный самим человеком, с его режущими слух криками и чванством, накладывает на человека отпечаток мира, который не имеет ничего общего с личностью и поэтому в конечном итоге лишен всякого значения. Многие великие цивилизации погибли из-за такого неверного выражения человечности, из-за паразитизма, вскармливаемого повсюду богатством и приверженностью человека к материальным благам, из-за глумливого духа отречения и отрицания, которые преграждают нам путь к истине.

Художник должен провозгласить свою веру в вечное «да», заявляя: «Я верю в то, что над нашей землей и в ней существует идеал, идеал рая, являющегося не плодом фантазии, а, напротив, абсолютной реальностью, в которой все существует и движется».

Я верю в то, что этот рай можно разглядеть в солнечном свете и зелени земли, в красоте человеческого лица и богатстве человеческой жизни, даже в вещах, которые кажутся незначительными и незаметными. Повсюду на этой земле бодрствует и шлет свое приветствие Дух рая. Он тайно достигает нашего внутреннего слуха, настраивая арфу нашей жизни, которая воссылает музыку своих стремлений за пределы конечного, не только в молитвах и надеждах, но и в храмах, этих языках пламени, застывшего в камне, в картинах, увековечивших мечты, в танце, который представляет собой экстаз созерцания в неподвижном центре движения.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН»

Сэр!

Мои английские друзья оказали мне честь, пожелав услышать мое мнение относительно так называемой — за исключением более подходящего термина — «Новой конституции Индии». Позвольте прежде всего заметить, что распространенное на Западе представление о том, будто бы федерация, которую нам собираются навязать в самом центре, будет олицетворением полнейшей независимости, является глубоко ошибочным. Словом «независимость» широко пользуется Япония в Китае. Будем надеяться, что англичане не пойдут по стопам японцев и не станут употреблять его в том же значении, что и они.

Разрешите задать вам простой и ясный вопрос: о какой независимости может идти речь, когда народ нашей страны не имеет оружия, устранен от контроля над четырьмя пятими национального дохода и не оказывает никакого влияния на внешнюю политику государства? Я уверен, что англичане стали бы презирать самих себя, если бы им пришлось претерпеть нечто, хотя бы отдаленно напоминающее наше унижение, если бы им, как и нам, снисходительно предложили жалкую пародию на свободу.

Наши правители, наверное, возразят, что лишь жалость и любовь к нам да священный долг поддержания законности и порядка заставляют их, в дополнение

к собственным заботам, нести тяжкое бремя управления нашим государством. А если кто-нибудь из нас осмелится указать на отрицательные последствия их длительного господства: на вечную нищету, невежество, упадок жизненных сил и неуклонное падение ценности нашего человеческого капитала, то ему не миновать суровых порицаний. Что касается положительных последствий, то их очень нетрудно подытожить: достаточно подсчитать расходы на образование, здравоохранение и развитие экономики в Индии, а затем сравнить все это с положением в Японии.

Мне хочется прямо сказать англичанам: до тех пор, пока вы держите нас в тисках своей власти, вам никогда не удастся завоевать ни нашего доверия, ни нашей дружбы. Мы знаем, что у себя на родине вы проявляете много хороших черт, у вас замечательно развито чувство справедливости и честность. Быть может, именно поэтому вам трудно понять, как ваши соотечественники изменяют у нас в стране вашим лучшим традициям. Но вспомните о том, что владение империей всегда развращает людей, развратило оно и вас.

Не сомневаюсь, что среди вас есть благородные люди, которые уже давно понимают, что имперский престиж достался вам слишком дорогой ценою и что достигнутое вами величие уже начинает рушиться, ибо не может вам простить Немезида того, что вы осквернили лучшие свои качества. Эти люди сознают, я уверен, что под бременем разбухшей империи вы пали так низко, что уже не смеете быть справедливыми к тем мятежным народам, которые выступают против ваших интересов и достоинства, оскорбляя то, что вы разумеете под политической благопристойностью. Таких мужественных, мыслящих людей, готовых отказаться от сомнительного престижа империи, которая основана на грубой силе, среди вас еще очень немного, да и возможности их слишком малы, для того чтобы преградить путь слепой ярости, ведущей к самоуничтожению.

Если вас интересует мое личное мнение, то должен сказать, что не представляю себе, каким путем можно избежать катастрофы, поскольку все европейские державы сейчас только и заняты тем, что с бешеным усердием

изыскивают возможности для взаимного уничтожения. Тем не менее я не теряю надежды, что страдания и беды, если уж они неминуемы, не выйдут за все мыслимые пределы и не принесут с собой крушения европейской цивилизации, ибо в ней есть много прекрасного и достойного поклонения. Однако судьба действует слепо, и никто не знает, на что способна Немезида, если мы будем без конца бросать ей вызов.

Наша судьба связана с вашей судьбой, и, хотя падение империи принесет нашему народу избавление от состояния беспомощной зависимости, мы разделяем много надежд и стремлений с благородными умами вашей страны; так же, как и они, мы стремимся к их осуществлению; объединившись вместе с ними, мы противостоям темным разрушительным элементам, которые есть и среди вашего и среди нашего народа. Индийский народ никогда не давал клятвы в вечной вражде к английскому народу. Пробужденная Индия вместе с пробужденной Англией поднимается против тех безрассудных и зловещих сил, которые предают и нас и вас. Что же касается новой конституции, то о ней не стоит и говорить. Она сострепана политиками и чиновниками, которые часто без всякого суда и следствия бросали в тюрьмы лучших наших людей, как мужчин, так и женщин. Понятно, что она воплощает всю узость их мышления и мелочную подозрительность.

Нет, не можем мы ждать добра от этой мертворожденной конституции! Будущее наше — в умении объединить свои силы с теми силами на земле, которые жаждут положить конец эксплуатации человека человеком и нации нацией.

СТИХИ В ПРОЗЕ И СВОБОДНЫЙ СТИХ

Есть вещи, относящиеся к области духовных явлений, которые не так-то легко объяснить. Можно спорить о вещах конкретных, осязаемых. Но как быть, когда мы соприкасаемся с чем-то неуловимым и невыразимым? Как определить, прекрасно оно или нет? Здесь мы можем полагаться лишь на врожденное чутье и богатый опыт. Чтобы овладеть наукой, требуется усердие. Но одного усердия мало, чтобы выработать в себе хороший вкус; его не могут заменить ни ум, ни знания. Я могу сказать, нравится мне что-нибудь или нет, лишь полагаясь на собственный вкус. Вкус же зависит от многого: характера, способа мышления, образования, наконец социальной среды. Если ваш вкус сочетает в себе благородство, широту и тонкость восприятия, то он может служить надежным проводником по дорогам литературы. Однако для того, чтобы апробировать вкус, необходимо истинное мерило. Все суждения и оценки, основанные на вкусе, носят некоторый отпечаток неопределенности. Это подтверждается многовековым опытом литературы. Если человек недостаточно осведомлен в области науки, он обычно скромно сознается в своей некомпетентности. Когда же слышишь запальчивые споры между людьми, занимающимися искусством, становится грустно и хочется сказать: «Зачем вы спорите? Ведь у каждого свой вкус».

Поскольку эти споры не могут быть основаны на знании и опыте, в них проявляется безудержное высокомерие.

Споры, вызванные различием во вкусах, доходят до большого ожесточения, иногда даже до рукоприкладства. Невольно вспоминаются полные горечи слова Вараручи: «С лишенными вкуса — о вкусах не спорь!»

Поэт может без труда решить, кто способен и кто не способен ценить поэзию. Всех своих читателей он делит на две группы: на тех, кому нравятся, и тех, кому не нравятся его произведения. Существует извечная вражда между теми, кто создает творения искусства, и теми, кто их оценивает. Говорят, даже сам Калидаса пострадал от своих ценителей: ходят слухи, будто его «Облако-Вестник» подверглось грубой переделке.

Стихи, написанные традиционным языком, в традиционных размерах, читаются легко и гладко, если говорить только об их форме, а не о содержании. Но иногда, в поисках особой выразительности, поэт выходит за традиционные рамки. Читатель, сбитый с толку нарушением привычной формы, по крайней мере на некоторое время, отказывается принять новое, созданное поэтом. Пока путники не привыкнут к незнакомой дороге, они с недоверием и даже враждебно относятся к своему проводнику. Поэт же смело заявляет, что его мнение весомее, чем мнение читателей. Те возражают: «Поставщик должен принаравливаться к требованиям потребителей». Однако история не подтверждает их правоты. Испокон веков гонения на все новое приводят лишь к тому, что оно усиливается и крепнет.

Некогда я стал пробовать свои силы в стихах в прозе, а затем и в свободном стихе. Разумеется, я не рассчитывал на немедленное одобрение читающей публики. Но хотя мои попытки не получили признания, это еще не свидетельствует о том, что я потерпел неудачу. При всех обстоятельствах поэт всегда должен сохранять уверенность в себе.

Я уже давно занимаюсь литературой. Многим, возможно, мои произведения доставили радость, а многим, возможно, и нет. Опираясь на свой многолетний опыт, я позволю себе поделиться некоторыми соображениями, с которыми вы, разумеется, можете не согласиться.

Речь идет вот о чем. Сумеет ли поэзия сохранить свою сущность в прозаической оболочке? До сих пор она

была облечена в определенную форму, облегчавшую эстетическое восприятие. Свободный стих меняет не только форму поэзии, но и наши представления о ней и даже ее внутреннее содержание.

Повторяю, вопрос стоит так: зависит ли поэзия целиком от своей внешней оболочки? Некоторые считают, что да, я же считаю — нет. Поэзия не нуждается в украшательстве. Приведу пример из своей практики. Все вы знаете, что я написал стихотворение о Сатьякаме, сыне Джабалы, на сюжет старинного рассказа. Этот рассказ, написанный «презренной прозой», я нашел в «Чхандогья-Упанишаде». У меня не было ни грана сомнения в том, что это подлинная поэзия. Литературные критики, возможно, не согласятся с моим мнением: ведь это произведение написано не в ритме ануштубха, триштубха или мандакранта. На мой же взгляд, именно поэтому, а не почему-либо другому рассказ о Сатьякаме и принадлежит к поэтической классике. Будучи втиснут в какой-нибудь размер, он, бесспорно, страдал бы легковесностью.

В XVII веке некие авторы перевели Библию с греческого и древнееврейского языков на английский. Нельзя не признать, что песнь Соломона и Давида — это истинная поэзия. Такой изумительной силой наделен язык перевода, что в песнях ощущается самый дух и красота поэзии. Если бы свободное течение прозаического ритма было сковано цепями традиционных размеров, эти песни потеряли бы очень многое, если не все. В «Яджурведе» мы встречаемся с ладом удатта. Все, что написано в этом ладе, мы называем не стихами, а мантрами. Мы знаем, что цель мантры — усилить воздействие звуков, исполненных внутреннего значения. Она воздействует не только своим смыслом, но и звучанием: это, вероятно, замечали многие. Даже после того, как мантры прочитаны, мы еще долго слышим их отзвук в нашем сознании.

Однажды, в порыве легкомыслия, я перевел «Гитанджали» на английский язык. Мой перевод получил признание видных английских литераторов того времени: они считали, что это вклад в их собственную литературу. Английский вариант «Гитанджали» осыпали похвалами; я же не знал, что и думать, — похвалы эти казались мне преувеличением. Ведь я иностранец, в моих переводах не

было даже намек на четкий размер или рифму, и все-таки они сумели почувствовать эмоциональность моих стихов. Пришлось признать, что они правы. Мне кажется, мои стихи не пострадали от того, что я перевел их прозой; если бы я облек их в стихотворный метр, они, возможно, вызвали бы чувство недоверия и презрения.

Вспоминаю, как однажды я предложил Шоттендро: «Ты владеешь всеми размерами, как бог, попробуй же свои силы в свободном стихе».

В бенгальской литературе мало кто сравнится с Шоттендро, как создателем новых размеров. Может быть, привычка оказалась сильнее его, но он не принял моего предложения.

Стихи в прозе я впервые попробовал писать в «Миниатюрах». Конечно же, я не стал разбивать их на строки.

После «Миниатюр» я долгое время не писал стихов в прозе: вероятно, не хватало решимости.

Стихотворный язык как бы размеряет каждый свой шаг, он подчинен строгим правилам — метрике. Проза же не связана никакими узами: она выбирает любой путь по своему желанию. Язык прозы — это прежде всего язык политики и повседневной жизни. Но ему можно придать характер поэтический, и тогда он проявляет черты, отсутствующие в обыденной речи. В прозе нет расслабляющей сладости и ненужной красоты. Соединяя в себе гибкость и твердость, она позволяет создать новый, сдержанный стиль.

Когда танцует танцовщица в своих сверкающих украшениях, мы знаем, что все ее искусные движения заучены. С другой стороны, почти всякой молодой девушке естественно присуща грация. В ее движении есть свой ритм. Ритм этот не заученный. Он — в ее крови и плоти. Таков же и ритм стихов в прозе: это не беспорядочное, хаотичное блуждание, а размеренный шаг.

Сегодня я прочел статью в «Мохаммоди»: автор ее пишет, что мои стихи в прозе мало отличаются от моей обычной прозы. В «Последней поэме» ощущается, по его мнению, тот же поэтический дух. «Ну, и что из этого?» — хочется ему сказать. Неужели поэзия осквернена только потому, что вышла на улицу? Разве не читали мы стихов, написанных на самые прозаические темы? Возьмите, к

примеру, Браунинга. И разве не читали мы прозы, в которой проявляется богатство поэтического воображения? Проза и поэзия для меня родные сестры, а не свекровь и невестка.

Я не возражаю против того, чтобы проза была проникнута поэтическим духом, а поэзия приобрела серьезность прозы.

Спорить о вкусах — занятие бесполезное. Могу сказать одно: мною написано много стихотворений в прозе; и то, что я хотел в них сказать, я не смог бы выразить ни в какой другой форме. Они передают ощущения простой повседневной жизни. Может быть, они лишены пышного одеяния, но они не лишены красоты. И я думаю, что именно поэтому их можно отнести к произведениям чисто поэтическим.

Если кто-нибудь спросит меня: что же такое стихи в прозе и свободный стих и как они создаются, я отвечу: не знаю. Их поэтический дух не нуждается в доказательствах, его нельзя выразить словами. Все, что дает мне эстетическое наслаждение, — пусть это нельзя определить точно, — поэзия; а уж написано это стихами или прозой — для меня дело десятое.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Весь мир глубоко потрясен сообщением о новом проявлении высокомерной несправедливости со стороны нынешнего правителя Германии, но это только логическое завершение кампании запугивания слабых, начавшейся с преследования евреев в райхе и дошедшей до насилия, совершенного над смелой, подлинно либеральной страной — Чехословакией.

Наш народ устами Махатмы Ганди уже заклеил бесчеловечность, которая ради удовлетворения тщеславных прихотей одного человека и его сообщников ввергла мир в кровавую резню. Быть может, глас нашего народа и не дойдет до слуха правящей клики Германии, ибо он не может заглушить грохот снарядов. Но я не теряю надежды, что человеколюбие все же одержит победу и в мире, омытом потоками крови, навсегда обретут свободу все угнетенные, покончив с нищетой и бедностью.

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сегодня мне минуло восемьдесят лет. Позади осталась длинная дорога. Теперь, когда я подошел к ее концу, я могу беспристрастным взором оглядеть самое начало и понять глубокие перемены, которые произошли во мне и моих соотечественниках. В этих переменах и кроются причины наших нынешних бед.

Наше ближайшее знакомство с миром началось с Англии. Первые сведения о тех, кто пришел в нашу страну, мы почерпнули из великой английской литературы. Наши тогдашние знания не отличались ни разнообразием, ни широтою. Мы почти не имели доступа к сведениям о строении вселенной и ее таинственных силах, получаемым ныне из научных учреждений. Естествоиспытателей можно было пересчитать по пальцам. Чтобы слыть человеком образованным, достаточно было знать английский язык и разбираться в английской литературе. Мы восторгались логикой речей Бёрка, страстностью длинных изречений Маколея, до хрипоты спорили о драматургии Шекспира, поэзии Байрона и гуманном либерализме тогдашней английской политики. В те дни мы только еще начинали стремиться к национальной независимости и наша вера в благородство англичан оставалась непоколебленной. Даже наши вожди уповали, что мы получим свободу из великодушных рук победителей. Ведь Англия, думали мы, предоставляет убежище всем гонимым и преследуемым у себя на родине. Люди, не жалея жизни

боровшиеся за счастье своего народа, встречали в этой стране неизменное гостеприимство. Такая широта взглядов, такое человеколюбие вызывали глубокое уважение. Тогда еще оголтелый шовинизм, впоследствии проявленный англичанами, не вытеснил из их душ врожденного благородства.

Когда-то в юности я посетил Англию и слушал как в парламенте, так и за его стенами выступления Джона Брайта, проникнутые исконно английским духом. Его либерализм, чуждый всякой националистической узости, производил настолько сильное впечатление, что и теперь, в дни жестокого разочарования, во мне еще жива частица бывшего уважения. Возможно, мы проявляли чрезмерное преклонение, но мы, вне сомнения, заслуживаем похвалы за то, что при всем своем невежестве сумели оценить гуманность, проявленную чужим народом. Человеческие достоинства не являются монополией какого-нибудь одного народа — их не упрячешь в сундук, как прячет скряга свое богатство. Английская литература обогатила наши умы, и до сих пор она встречает отклик в моей душе.

Нелегко найти в бенгальском языке точный эквивалент для перевода английского слова «цивилизация». Обычно мы переводим его словом «культура». В нашей стране долго была распространена особая форма цивилизации; наше общество зиждилось на том, что Ману называл «праведной жизнью». В сущности, это была система обычаев, которых придерживались в древности на очень небольшой территории. Заповеди «праведной жизни» соблюдали только в Брахмаварте, местности, расположенной между реками Сарасвати и Дришадвати. В этих старинных обычаях было много жестокого и несправедливого. «Праведная жизнь» плохо совмещалась со свободой духа. Постепенно идеалы этой «праведной жизни», которую Ману видел некогда в Брахмаварте, стали олицетворять собой косность. В годы моего детства, под влиянием английского образования, просвещенные умы нашей страны восстали против заповедей «праведной жизни». Об этом хорошо рассказал Раджнарайон Бошу, повествующий в своей книге о деятельности образованного бенгальского общества того времени. Вместо

идеалов «праведной жизни» мы возвели на пьедестал цивилизацию, которую мы тогда отождествляли с английской цивилизацией. Наша семья целиком приняла изменения, происшедшие как в религии, так и в отношениях между людьми. Воспитанные на английской литературе, мы питали глубочайшее уважение к ее создателям. Это преклонение я сохранял всю первую часть моей жизни. Затем я с глубокой горечью увидел, как между нами и англичанами разверзлась пропасть. Да и кто бы не почувствовал разочарования, видя, с какой легкостью отбрасывают они свой цивилизованный лоск, когда речь идет о защите их корыстных интересов.

Наступил день, когда мне пришлось выйти из замкнутого круга своего увлечения литературой. Передо мной открылась картина, больно ранившая мое сердце, — картина ужасающей нищеты родного народа, лишенного всего, что необходимо для физического и духовного развития: пищи, одежды, образования, медицинской помощи и т. п. Ни в одной другой стране с современной формой правления не было ничего подобного. А ведь Индия долгое время служила источником обогащения для англичан. Ослепленный величием цивилизации, я и представить себе не мог, что ее гуманные идеалы могут быть так бесчеловечно извращены. Я понял свое заблуждение лишь после того, как увидел своими глазами, с каким безграничным равнодушием, даже уничижающим презрением относится нация, считающая себя цивилизованной, к нашему многомиллионному народу.

Своим мировым престижем Англия обязана высоко развитой промышленностью. Но она не желает применять ее достижения в нашей обездоленной Индии. На наших глазах Япония подняла свою промышленность и сумела обеспечить всеобщее благоденствие. Я сам наблюдал процветание этой страны, обладающей своей, национальной формой цивилизации. В России, где я также побывал, с большим, можно сказать, небывалым упорством ведется работа по распространению образования и здравоохранения. Благодаря настойчивым усилиям русских, в их необъятной стране исчезают невежество, нищета и унижение. Перед лицом их цивилизации равны все нации, она строит человеческие отношения на подлинно гуманной

основе. Признаюсь, я не мог удержаться от восхищения и зависти при виде того, как удивительно быстро возрождается народ этой страны. Когда я был в Москве, на меня произвела глубокое впечатление их национальная политика. В этой стране между мусульманами и немусульманами нет розни, вызываемой политическим неравенством: власть видит свое назначение в том, чтобы защищать интересы обеих сторон. В мире сейчас имеется лишь два государства, способных оказывать достаточно сильное политическое влияние на многочисленные другие страны, — это Англия и Советская Россия. Англия растоптала мужество покоренных народов и тем самым обрекла их на длительный застой. Напротив, многочисленные мусульманские народности, живущие среди пустынь, спаяны прочным государственным союзом с русским народом. Я могу подтвердить, что русские прилагают безграничные старания для всестороннего развития этих народностей. Я не только читал, но и видел сам, своими глазами, что во всех начинаниях советское правительство стремится заручиться их поддержкой. Политика, которую преследует это правительство, исключает неравенство и бесчеловечность. Власть не используется как орудие для подавления отдельных национальностей.

Я видел также, как пробужденный иранский народ, едва не раздавленный между жерновами двух империалистических европейских держав, сумел избежать гибели и прочно встал на свой собственный путь. Цивилизованная власть, утвердившаяся в этой стране, устранила смертельную вражду между мусульманами и поклонниками зороастризма. Решимость, с которой иранский народ дал отпор проискам европейских государств, — лучший залог его счастливого будущего. И сегодня я от всей души желаю иранскому народу процветания.

В соседнем Афганистане общественный строй не достиг еще высокого развития, просвещение делает лишь первые шаги. Ни одна из европейских держав, кичащихся своей культурой, не сумела подчинить себе афганский народ, поэтому ничто не мешает его расцвету. Несомненно, теперь он быстро двинется вперед по пути прогресса и свободы.

Индия, придавленная тяжестью английского владычества, прикрывающегося личиной цивилизации, беспомощно барахтается в трясине бездействия.

В своих низких, корыстолюбивых целях англичане отравили опиумом китайский народ, славный своей древней культурой, подорвали его жизненные силы, а затем захватили часть его территории. Теперь, когда все это кануло в забвение, английские политические деятели с преступным равнодушием взирают на бесчинства Японии, вторгшейся в Северный Китай. Из своей далекой Индии мы следили за тем, как Англия исподволь содействовала уничтожению республиканского правительства в Испании. Но нельзя забывать, что среди англичан были и такие, которые жертвовали своей жизнью во имя защиты свободы в Испании. Китай — страна восточная; может быть, поэтому англичане не проявили должного благородства по отношению к нему. И все же, когда я увидел, как некоторые из англичан рискуют своей жизнью ради защиты республиканского строя одного из европейских народов, я невольно вспомнил, что некогда они были для меня воплощением человеколюбия, я питал к ним полное доверие и уважение. Сегодня я хочу поведать прискорбную историю того, как постепенно мы утратили веру в европейскую цивилизацию. Самое страшное последствие английского владычества состоит не в том, что в нашей стране существует острая нехватка продовольствия и одежды, из рук вон плохо поставлено просвещение и медицинское обслуживание, а в том, что наш народ раздирается жестокой междоусобицей, какой нет ни в одной независимой мусульманской стране. А ведь ответственность за это падает в первую голову на нас! Неуклонно растущая национальная рознь никогда не привела бы к такому жуткому варварству, небывалому в истории Индии, если бы не тайное подстрекательство со стороны высших правительственных кругов.

Нельзя принимать всерьез утверждение, будто индийцы уступают в своем умственном развитии японцам. Главное различие между нашей страной и Японией заключается в том, что мы поработены Англией, а на Японии не лежит даже тень зависимости от какой-либо европейской страны. Английская цивилизация, если можно ее

назвать цивилизацией, ограбила нас. Что же принесла она взамен? Ничего, кроме видимости «законного порядка», установленного с помощью насилия.

Естественно, что мы не могли сохранить уважения к надменной западной цивилизации, которая обернулась к нам своей насильственной, а не свободолюбивой стороной. Отношения между нами и англичанами строились не на единственно правильной цивилизованной основе, они препятствовали нашему прогрессу. Я бы не хотел огульно обвинять всех англичан: мне посчастливилось знать среди них людей, исполненных истинного благородства; именно они не позволили мне утратить веру в английский народ. Нигде больше не встречал я такого величия духа, как у них. Лучший тому пример Эндрюз. Имея честь быть его другом, я лично убедился в том, что это настоящий англичанин и христианин, Человек с большой буквы. Сегодня, когда я стою на пороге смерти, для меня еще ярче воссияло его бескорыстие и мужество, исполненное величия. Я, как и весь наш народ, многим обязан ему; но особенно благодарен я ему за то, что на старости лет он помог сохранить мне пошатнувшееся было уважение к английскому народу, уважение, воспитанное английской литературой, которой я зачитывался с юных лет. Эндрюз навсегда останется для меня воплощением величия своего народа. Людей, подобных ему, я считаю не только своими близкими друзьями, но и друзьями всего человечества. Их дружба скрасила мою жизнь. И мне кажется, что именно они, эти люди, спасут славу английской нации. Если бы не они, я бы не мог не поддаться разочарованию в европейских народах.

Сейчас, когда я пишу эти строки, по Европе, оскалив клыки и выпустив когти, бродит жестокое чудовище, оно сеет ужас и страх. Дух насилия — это порождение западной цивилизации — пробудился ото сна: он растлевают человеческие души, отравляя своим зловонием воздух во всем мире. Не он ли виноват в нашей беспомощности, в нашей невылазной, беспросветной нищете?

Настанет день, когда, по воле судьбы, англичане вынуждены будут покинуть Индию, пока еще входящую в их империю. Какую ужасающую бедность оставят они после своего ухода, какое опустошение! Сколько грязи

останется после того, как схлынет поток их более чем векового господства. Когда-то я от всей души верил, будто духовное богатство Европы станет источником новой, подлинно прекрасной цивилизации. Теперь, в час прощания с жизнью, этой веры больше нет. И все же я не утратил надежды, что Избавитель грядет, и кто знает, возможно, ему суждено родиться в нашей нищенской хижине. Он понесет с Востока божественное откровение, ободряющие слова любви.

Что же представляет собой мир, который я оставляю, отправляясь в последнее странствие? Жалкие развалины, обломки некогда гордой цивилизации. Потерять веру в человечество — страшный грех; я не запятнаю себя этим грехом. Я верю, что после бури в небе, очистившемся от туч, засияет новый свет: свет самоотверженного служения человеку. Откроется новая, незапятнанная страница истории. И первым, быть может, воспрянет Восток, где рождается утренняя заря. Придет день, когда человек вступит на путь борьбы, чтобы, преодолев все препятствия, возвратить себе былую славу.

Думать, что человечество может потерпеть окончательное поражение, — преступно!

Сегодня мы воочию видим, какую опасность таит в себе безумный разгул агрессивных сил, их своекорыстная власть. Нет сомнения, что недалек тот день, когда оправдаются слова:

«Люди, кои не брезгают греховными средствами, могут преуспеть, добиться желаемого, одержав победу над врагами, но их ждет неминуемая духовная гибель».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «КАЛЬКУТТА МЬЮНИСИПАЛ ГАЗЕТ»

Меня глубоко огорчило открытое письмо мисс Ратбоун. Я не знаю, кто такая мисс Ратбоун, но ее письмо, по-видимому, отражает умонастроение среднего, «благонамеренного» англичанина. Очевидно, оно адресовано Джавахарлалу, и я не сомневаюсь, что, если бы этот благородный борец за свободу не сидел сейчас за тюремной решеткой, куда его упрятали соотечественники мисс Ратбоун, он дал бы достойную отповедь ее непрошеным советам. Но он вынужден хранить молчание. Поэтому, несмотря на свой недуг, я поднимаю голос протеста. Скверную услугу оказала эта дама своему народу, бросив такой неосторожный, я бы даже сказал, оскорбительный вызов нашей совести. Она, видите ли, потрясена нашей черной неблагодарностью. Как же так, недоумевает она, мы «утоляли жажду из источника английской мысли», а все-таки продолжаем заботиться о своей несчастной Родине.

Действительно, мы многим обязаны английской мысли, воплощающей в себе лучшие традиции западного просвещения, но позвольте мне заметить, что если она принесла пользу некоторым моим соотечественникам, то лишь вопреки попыткам ваших чиновников навязать нам никуда не годное образование. А познакомиться с западной культурой мы могли бы и с помощью других европейских языков. Разве все остальные народы мира ждали, пока англичане соблаговолят даровать им просвещение? Утверждать, как это делают наши так называемые английские

«друзья», что, не «просвети» они нас, мы продолжали бы прозябать во тьме средневековья, — просто беззастенчивая наглость. Не английская мысль хлынула на головы наших детей по официальным каналам британского ведомства просвещения, а лишь ее отбросы, которые отбили у них любовь к собственной культуре.

Допустим, что английский язык и в самом деле единственный доступный нам «канал просвещения». Чем же тогда объяснить, что сколько мы «ни пили из источника мудрости», в 1931 году, после двухвекового владычества Британии, лишь один процент местного населения умеет читать и писать по-английски, в то время как в СССР в 1932 году, на пятнадцатом году Советской власти, девяносто восемь процентов детей учились в школах! (Эти цифры взяты из ежегодника «Стейтсман», издаваемого в Англии, и вряд ли преувеличены, скорее, наоборот.) Конечно, то, что мы называем культурой, важно, но еще важнее элементарные жизненные блага, которые являются подлинным основанием для всякого просвещения.

Что же сделали для нашего бедного народа англичане, которые еще два века тому назад запустили руку в нашу казну и распоряжаются всеми нашими ресурсами. Оглядываюсь — и вижу вокруг себя изнуренных людей, молящих о куске хлеба. В селениях я встречал женщин, копающих грязь, чтобы найти несколько капель питьевой воды, ибо колодцы в индийской деревне еще более редки, нежели школы.

Жители Англии сами сейчас под угрозой голода, я это знаю и сочувствую им, но когда я вижу, что вся мощь британского флота брошена на охрану кораблей, подвозящих продовольствие к берегам Англии, и когда я вспоминаю, как на глазах у меня погибали от голода мои соотечественники, но к их дверям не подвезли ни одной телеги, груженной рисом, я не могу не сравнивать англичан у себя дома с англичанами, которые правят Индией.

Никто не решится утверждать, будто англичане кормят нас; но, может быть, мы должны благодарить их хотя бы за то, что они поддерживают порядок и законность в нашей стране?

Оглядываюсь — и вижу, что вся наша страна охвачена волнениями. Гибнет множество моих соотечественников,

имущество наше грабят, наших женщин обещивают, но могучая британская армия не двигается с места, и лишь из-за морей доносится глас англичан, упрекающих нас в неспособности навести у себя порядок.

В истории немало примеров, когда даже вооруженные до зубов воины отступали под натиском превосходящих сил, да и в нынешней войне хватает случаев, когда самые отважные среди английских, французских и греческих солдат вынуждены уступать силе более могущественного оружия. Но когда наши нищие, безоружные и беспомощные крестьяне убегают от вооруженных банд, унося с собой плачущих детей, британские чиновники смеются над нашей трусостью.

В Англии сейчас каждый гражданин вооружен для защиты родного очага от врагов; в Индии же даже обучение бою на палках запрещено законом. Наш народ умышленно разоружен и лишен силы, дабы он пребывал в вечном страхе и рабстве у своих вооруженных господ.

Англичане ненавидят нацистов только за то, что те покушаются на их мировое господство, а мисс Ратбоун хочет, чтобы мы рабски целовали руки ее соотечественникам за то, что наши руки они заковали в цепи. О правительстве судят не по лживым высказываниям его представителей, а по трудам и заботам о благе народа.

Если англичане для нас нежеланные гости, если для них нет места в наших сердцах, то это объясняется не столько тем, что они чужеземцы, сколько тем, что они обманули доверие нашего великого народа; притворяясь, будто они заботятся о нашем благе, англичане пожертвовали счастьем индийского народа ради того, чтобы туго набить карманы горсточки английских капиталистов.

Мне казалось, что приличия ради англичане должны хранить молчание о всех этих несправедливостях и благодарить нас за наше бездействие, но то, что они громоздят оскорбление на оскорбление и растравляют наши раны солью, переходит всякие границы добропорядочности.

КОММЕНТАРИИ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА

(Публицистика Р. Тагора)

Помещенные в 11 и 12 томах настоящего Собрания сочинений Рабиндраната Тагора статьи, «Воспоминания», «Письма о России», «Бенгалия» составляют важную часть его еще недостаточно изученного и даже полностью не собранного публицистического и эпистолярного наследия, они вводят читателя в необычайно широкий круг интересов великого индийского художника слова и мыслителя-гуманиста.

Здесь и углубленные наблюдения над самим собою, и напряженные раздумья об окружающем мире и человечестве. Общественные интересы Рабиндраната Тагора простирались от эстетики и чисто профессиональных вопросов художественного творчества до проблем женского равноправия, от педагогики до сельскохозяйственной кооперации. Публицистика Тагора наиболее красноречиво свидетельствует о его неустанных идейных исканиях и серьезной эволюции его взглядов и представлений — эволюции, которая отразила некоторые существенные черты исторического развития передовой общественной мысли в Индии. Поэтому знакомство с Тагором-публицистом имеет важное значение для понимания тенденций национально-освободительного движения.

Творчество Рабиндраната Тагора развивалось в обстановке нараставшего политического и социального кризиса, который переживала его родина. Сопротивление индийского народа

колониальному поработителю — крупнейшей и мощнейшей империалистической державе того времени — Англии, первоначально стихийное и разрозненное, на протяжении долгой жизни Тагора выросло в организованное и массовое национально-освободительное движение. Наряду с ростом национально-освободительной борьбы развивались социальные противоречия в самом индийском обществе. При этом, если в ранний период творчества Тагора в Индии только еще зарождалось буржуазно-демократическое движение, направленное против национального порабощения и феодального гнета, то на позднем этапе его жизненного пути уже проявились и противоречия, свойственные самому буржуазному обществу, возникло рабочее движение, началось распространение идей научного социализма.

Эта полная перемен и противоречий обстановка, становившаяся все более напряженной и политически насыщенной, обуславливала социально-политическую направленность интересов Тагора, который и как художник и как мыслитель олицетворял национальное пробуждение Индии. Близость Тагора к быстро развивавшейся общественной жизни его родины и связанная с этим высокая восприимчивость к совершавшимся в мире историческим событиям эпохи, в свою очередь, определили прогрессивную эволюцию взглядов великого гуманиста Индии — радикализацию его национально-освободительных и демократических стремлений.

Тагор вступил в сознательную жизнь на рубеже 70—80-х годов XIX века, когда становление буржуазных отношений в колониальной Индии и пробуждение национального самосознания индийских народов в общем еще только начиналось. В своих «Воспоминаниях» Тагор рассказывает, что в годы его детства и юности даже Калькутта — крупнейший город и столица Британской Индии, ее экономический и культурный центр — еще сохраняла заметные черты сельского быта, что и в европеизированном лицее — Бенгальской академии, где он одно время учился, в повседневном обиходе учеников еще соблюдались средневековые кастовые правила. Но в окрестностях Калькутты, в Бомбее и Мадрасе уже дымили первые фабрики и прокладывались первые железные дороги. Здесь же еще в первой половине XIX века возникли немногочисленные школы европейского типа, а в 50-х годах были учреждены три университета — первые в стране высшие учебные заведения.

Однако немногие крупные города, такие, как Калькутта, Бомбей и Мадрас, постепенно принимавшие капиталистический облик, возвышались, словно острова, над морем остальной Индии, которая еще оставалась по преимуществу средневековой.

Ведущую общественную роль в этих городах играли купцы-компрадоры. Сначала они посредничали в английской колониальной торговле, причем наиболее удачливые становились обычно младшими партнерами английских торговых домов, а затем некоторые из них стали наряду с англичанами заводить свои фабрики, которые, однако, находились под контролем английского капитала. В то же время особенно разбогатевшие торговцы-компрадоры захватили большую часть владений разоренной англичанами местной феодальной аристократии и сами стали крупными помещиками-заминдарами. Эта своеобразная купеческо-помещичья среда дала первых представителей национальной интеллигенции. К ней принадлежала и семья Тагора, игравшая в течение нескольких поколений ведущую роль в культурной жизни Бенгалии и Индии в целом. Его дед Дворконатх Тагор — один из наиболее образованных людей Бенгалии того времени — был другом и сподвижником первого индийского просветителя Раммохон Рая, которого нередко называют «отцом современной Индии». Вместе с небольшой группой единомышленников они основали в 1828 году в Калькутте первую индийскую общественную организацию нового типа, сохранявшую, однако, черты религиозного сообщества — «Брахмо Самадж», или «Общество Брахмы». Отец писателя, Дебендронатх Тагор, прозванный за свою ученость «махарши» («великим мудрецом»), стал впоследствии одним из основных руководителей этого общества.

Идеи Раммохон Рая и его последователей составили целый этап в развитии передовой общественной и философской мысли Индии вплоть до последней четверти XIX века. На этих идеях воспитывался и юный Рабиндранат Тагор; они легли в основу его мировоззрения, и Ганди назвал Тагора «одним из самых замечательных плодов» движения, начатого Раммохон Раем. В сущности, это были просветительские и религиозно-реформаторские идеи рационалистического характера, которые наряду с возрожденческим гуманизмом составили в Индии, как в свое время в Европе, основное содержание передовой общественной мысли и искусства, когда эпоха феодализма стала уходить в прошлое.

От «просвещения» Тагор унаследовал и пронес через всю свою жизнь веру в силу человеческого разума, который, как он писал, «стирает противоречие между познанным и непознанным», и веру в общественный прогресс. Он провозглашал и отстаивал идеал социального равенства, выступал горячим борником национального объединения путем ликвидации средневековых сословно-кастовых и религиозных перегородок, что было особенно характерно для индийских просветителей.

Выступая убежденным противником всякого рода угнетения, обветшалых социальных порядков и связанных с ними религиозных догм, Тагор и в своей публицистике остается прежде всего художником-исследователем человеческих душ. Красной нитью через всю публицистику Тагора проходит упорное стремление к раскрепощению человеческой личности, страстный протест против ее приниженности и порабощенности. Как и лучших индийских просветителей XIX века, например Биддашагора, о ком Тагор рассказал в одной из своих статей, его возмущает сервизм, угодничество перед колониальным хозяином, которые были свойственны многим из так называемых «высших классов» индийского общества. Утверждение личного достоинства и самостоятельности человека, его права на радостную земную жизнь не только обращалось у Тагора против средневековых установлений, но и выражало национально-освободительные стремления и утверждение национального достоинства индийцев. Впоследствии же гуманизм Тагора, первоначально направленный именно против средневековых общественных порядков и национального угнетения, привел его к критике буржуазных отношений, обусловил сочувствие идеям социализма.

* * *

Просветительскими в своей первоначальной основе являются проникнутые гуманизмом эстетические воззрения Тагора, а также его понимание общественной роли искусства, литературы, которое, как и само его художественное творчество, в ходе эволюции поэта приобретало все большую реалистическую углубленность и наполнялось боевым демократизмом.

Прекрасное Тагор связывает прежде всего с радостью жизни, а источник прекрасного он видит в «истине». При этом понятие «истины» у Тагора включает его деистическое представление о мире. Однако по существу дела Тагор видит исти-

ну — прекрасное — не в божественной сущности, вознесенной над материальным миром, а во внутренней гармонии самого материального мира — окружающей природы, и в человеческой добродетели, которая для Тагора состоит прежде всего в служении общему благу. Он говорит о «единении красоты и блага», и с течением времени именно социально-этическое истолкование прекрасного занимает все больше места в эстетических воззрениях Тагора, которые отражали его протест против эгоизма, алчного своекорыстия в буржуазном обществе. Решительный противник эстетства, Тагор находит прекрасное и в «обыденности», отбирая в ней все «благое» — истинно жизненное, народное, гуманистическое — то, что он называл «чудом в обыденности», и отбрасывая корыстную суету стяжательства.

Значение искусств, особенно литературы, Тагор видел прежде всего в их общественной роли, как средства «просвещения» в широком смысле и как средства «познания жизни». Свое реалистическое понимание искусства Тагор подчас связывает с традиционными идеалистическими понятиями «духовного видения» и «созерцания». На деле же речь идет именно о художественном познании реального мира с присущим этому познанию эмоциональным началом, что Тагор тонко и образно определял как «превращение явления внешнего мира в явление мира внутреннего». Показательно, что уже на склоне лет Тагор мечтал о подлинно художественном отображении «политической борьбы» в Индии. В статье «Значение литературы» он говорит о том времени, когда эта «борьба из газетного мира теней перейдет в сияющий мир литературы со всеми своими героическими деяниями, со всеми муками, со всеми неудачами и успехами, со всеми ошибками и заблуждениями... Сегодняшние разрозненные столкновения и противоречия выровняются в стройный ряд на необъятном общем фоне и обретут право на то, чтобы на них обратил свой взор Вечный человек». Это уже относится к итогу идейной эволюции Тагора, который в области эстетики ушел далеко вперед от своей исходной просветительской позиции.

* * *

Одной из характерных черт просветительства как исторического этапа в развитии общественной мысли было представление, что ликвидация феодальных общественных порядков создаст на земле царство всеобщего благополучия. Такое пред-

ставление было свойственно индийским просветителям XIX века. Критикуя феодальные установления у себя на родине, они, как, впрочем, просветители ряда других отсталых стран, в том числе и независимых, принимали за идеал уже утвердившиеся буржуазные порядки в Западной Европе, особенно в Англии. В условиях же колониальной Индии XIX века это, в свою очередь, порождало иллюзии, что английская власть будет содействовать установлению в стране таких же общественных порядков, как на Западе. Возмущаясь самодержавным характером английской власти, протестуя против колониальной эксплуатации страны и требуя расширения национальных прав индийцев, индийские просветители XIX века тем не менее признавали самое английскую власть определенным благом или, по крайней мере, меньшим злом для Индии по сравнению с властью индийских же феодалов. Как пережиток этих взглядов у Тагора, даже в поздний период его жизни, встречаются высказывания, что под властью раджей и заминдаров Индии было бы еще хуже. Мы говорим — пережиток, потому что в таких представлениях проявилась прежде всего крайняя слабость нарождавшихся буржуазных элементов Индии XIX века, включая и ту еще очень малочисленную национальную интеллигенцию, к которой принадлежала и семья Тагора. По его собственному выражению, это был лишь «маленький мирок», оторванный от массы народа, который фактически еще жил в средневековых условиях. Свое отражение — правда, в специфически личном, литературном преломлении — это получило в «Воспоминаниях» Тагора и в сборнике его писем «Бенгалия». Рассказывая о настроениях времен своей юности, вызванных знакомством с европейской, прежде всего английской, литературой, Тагор пишет: «Нашими литературными богами были тогда Шекспир, Милтон и Байрон... И все же наше положение было столь отлично от положения в Европе! Там дух возбуждения и мятежа был литературным преломлением истории. Выражение там соответствовало чувству. Вой бури слышен был потому, что и в самом деле была буря. Но то донесшееся до нас дуновение, которое взбудоражило наш маленький мирок, прозвучало едва ли громче шепота».

Лучшие представители формировавшейся национальной интеллигенции XIX века, начиная с Раммохон Рая, выступавшие с просветительских позиций, искренне сочувствовали народным массам, требовали улучшения их положения, ограничения про-

извола английского плантатора, местного помещика, колониального чиновника. Но они еще не видели в народных массах активной позитивной силы, а то и побаивались их стихийных выступлений, которыми тогда зачастую руководили отдельные феодалы, в той или иной мере ущемленные англичанами.

Тагор впервые близко узнал жизнь бенгальского крестьянства, когда он в начале 90-х годов был назначен своим отцом управлять одним из фамильных имений. Здесь, в деревне, были написаны письма, составившие сборник «Бенгалия». Читая эти письма, видишь, как в задумчиво-созерцательное настроение молодого поэта, в атмосферу его личного покоя и умиротворения от общения с природой врывается жестокая действительность нищей индийской деревни: «Как могут жить люди среди всего этого ужаса, нищеты и болезней?» И вместе с тем его упоминания о крестьянах рисуют их большими детьми, наивными и беспомощными.

В своих политических выступлениях участники первых индийских национальных организаций, возникших и выросших в XIX веке, обращались не к самому индийскому народу, но к английскому общественному мнению и к колониальным правителям Индии. Они ссылались на буржуазную демократию и гражданские права в Англии и противопоставляли их самодержавной власти колониальной бюрократии в Индии, называя эту власть «неанглийской». Они полагали, что сумеют побудить английские либерально-буржуазные круги добиваться изменений в системе управления Индией в интересах индийцев. Конечно, их ждало разочарование.

Поначалу подобные иллюзии оказали свое влияние и на формирование взглядов Рабиндраната Тагора, представ в его личном преломлении как «вера в благородство британского характера». В своей последней статье «Кризис цивилизации» (1941) он писал: «Наша вера в господство англичан оставалась непоколебленной. Даже наши вожди уповали, что мы получим свободу из великодушных рук победителей». Дальнейший ход событий в самой Индии и во всем мире привел Тагора к твердому убеждению, что английская власть является тягчайшим злом для Индии. Тем не менее, беспощадно обличая эту власть, требуя ее ниспровержения, он еще долго говорил о своей вере в британский характер и в «английский образ мысли, самой природе которого созвучны наши требования самоуправления», как он писал в 1918 году. Долгое время он не мог соотнести

внешне противоположные, но внутренне связанные явления: буржуазную демократию в самой Англии и колониальное порабощение Индии. Однако в дальнейшем Тагор своим путем пришел к раскрытию и этой связи, переходя от либерального просветительства к демократизму и все более сочувствуя социализму.

С юности и до конца своих дней Тагор не только жил интересами национально-освободительного движения, но и зачастую выступал непосредственным участником борьбы — как поэт-патриот, который пел свои песни на собраниях национальных организаций, и как публицист, живо откликавшийся на злобу дня, и как общественный деятель.

На открытии первой же сессии Национального конгресса в 1885 году Тагор, которому было тогда 24 года, пел перед делегатами, собравшимися в Калькутту со всей Индии, сложенную им патриотическую песню. Несколькими годами позже он положил на музыку стихотворение классика бенгальской литературы XIX века Бонкимчондро Чоттопаддхая «Приветствую Родину-мать!» — «Банде Матарам!» — и с тех пор эта песня стала гимном индийского национально-освободительного движения.

Примерно в это же время в индийском национальном движении стало складываться новое политическое направление, получившее название «экстремизма», или радикального национализма. Одним из его предтеч в Бенгалии был и Бонкимчондро Чоттопаддхай, который своим творчеством пробуждал патриотические и демократические стремления и стал властителем дум передовой бенгальской молодежи на рубеже XIX—XX веков. Тагор говорил, что растущее национальное движение, творчество Бонкимчондро и наследие Раммохон Рая сыграли решающую роль в формировании его мировоззрения.

Радикальные националисты — по преимуществу выходцы из новой, возникшей уже в конце XIX века национальной интеллигенции — выступили с критикой политического бессилия оторванных от народа либеральных деятелей, отвергая их политику «протестов и просьб» и иллюзорные надежды на благую роль Англии в Индии. В их среде стала зреть мысль о решительной борьбе за национальные требования, вплоть до установления суверенной республики, о необходимости вовлечения народных масс в национальное движение. Выступления ради-

кальных националистов нашли живой отклик у Тагора. Он поддерживал их критику либеральных деятелей и призыв опираться на свои собственные силы, работать для просвещения народных масс и улучшения их жизни. В 1889 году он писал: «Национальный конгресс может завоевать сердца нашего народа только в том случае, если он, опираясь на свои собственные силы, будет настойчиво служить стране. Если же, напротив, он считает своим долгом вилять конституционным хвостом перед сменяющимися друг друга хозяевами в зависимости от их настроения, то ему будут доставаться лишь обеды и пинки, в конце концов, его ожидает смерть на краю дороги».

Когда в 1905—1908 годах сначала в Бенгалии, а затем в ряде других районов Индии впервые начались организованные массовые выступления под национальными лозунгами, демонстрации протеста против раздела Бенгалии, бойкот английских товаров и движение за поощрение национального производства (свадеши), забастовки промышленных рабочих, Тагор оказался в гуще событий поднимавшейся национально-освободительной борьбы.

В 1907 году произошел временный раскол Национального конгресса. Этот раскол был вызван противоречиями между «экстремистами», которые звали к дальнейшему развертыванию массовых действий, и «умеренными», которые, оставаясь в основном на своих прежних либеральных позициях, опасались подъема массовой борьбы. Как человек, стоявший вне политических группировок, Тагор был приглашен председательствовать на ежегодной Бенгальской провинциальной конференции в Пабне в 1908 году. В своей «Речи председателя» Тагор горячо приветствовал начинавшееся политическое пробуждение индийского народа. Он прямо заявил, что речь идет о борьбе за национальную свободу, борьбе, требующей мобилизации всех сил, что «процветание» — то есть прогресс страны — «невозможно без подлинной власти». Призывая к единству национального движения и терпимости, Тагор вместе с тем по существу занял позицию, близкую радикальным националистам. Даже разделяя в какой-то мере «конституционализм» умеренных, Тагор поднимался выше их иллюзий и предрассудков, их боязни массовых действий. Явно обращаясь к «умеренным», он говорил: «Нельзя не признать, что, когда народ не подчиняется, а бунтует против тирании власти, положение становится за-

труднительным и даже опасным. Однако это вселяет в нас надежду, что жизнь, видимо, не совсем еще замерла в нас. Несмотря на угнетавшую нас в течение веков усталость, мы все еще способны ощущать боль».

Тагор высказался за создание широкой сети низовых национальных организаций, связанных с повседневной жизнью народных масс и отстаивающих их непосредственные интересы. Тагор хотел, чтобы, таким образом, Национальный конгресс был превращен из верхушечной организации в действенную национальную массовую партию. Это была программа передовых сил, и Тагор выступил ее решительным сторонником.

Он категорически отвергал индивидуальный террор, к которому стали прибегать некоторые радикальные националисты — участники подпольных организаций. В статье «Да исполнится воля хозяина» он пронизательно указывал на определенную общность между террористами и либералами, которые при всей противоположности их позиций и деятельности, а также несмотря на различие их классовой природы, тем не менее являлись продуктом одних и тех же социально-исторических условий. Как либерал, так и террорист каждый по-своему были далеки от народных масс, а сами эти массы только еще начинали пробуждаться от средневекового застоя и не были подготовлены к борьбе. Характеризуя это положение, Тагор писал, что если действовать по стародавней привычке, полагаясь на «неизменную волю хозяина», то есть без утверждения и развития демократических основ национального движения, то оно не достигнет своей цели.

* * *

Пробуждение национального самосознания индийцев на рубеже XIX и XX веков вызвало сдвиги не только в собственно политической, но и в общественной мысли передовых кругов индийского общества. Общественно-политическое развитие Индии ставило новые вопросы, которые не были известны либеральным просветителям XIX века. Публицистика Тагора, особенно относящаяся уже к началу XX века и последующему времени, ярко отразила новые социальные проблемы, волновавшие передовых людей Индии, равно как и поиски их решения. Возмущение растущим экономическим ограблением страны и

национальным гнетом, мучительная ломка патриархальных отношений, обострение старых социальных противоречий разлагавшегося феодализма и развитие новых антагонизмов в индийском обществе в результате начавшегося утверждения капитализма в самой Индии, — все это подрывало свойственную либеральным деятелям XIX века идеализацию «западной», то есть буржуазной цивилизации и веру в то, что с установлением в Индии аналогичных порядков наступит всеобщее благоденствие. Дело началось с критики «западной» цивилизации как источника национального порабощения и ограбления неевропейских народов, вопреки провозглашенным принципам демократии. Еще в 1893 году Тагор писал: «Кто эти люди, которые говорят нам о священности человеческой жизни и проповедуют высокую мораль — люди, которые истребили индейцев, которые расстреливают, как собак, австралийских аборигенов, в том числе и беспомощных женщин, часто убивают и наших соотечественников, но остаются безнаказанными потому, что судьи принадлежат к их расе?» Постепенно передовые индийцы — и среди них Тагор — стали открывать для себя внутренние противоречия буржуазного общества. Они стали находить параллель господству капиталистических держав над порабощенными народами колоний в господстве богачей над народными массами метрополии. В годы первой мировой войны Тагор писал: «В так называемых свободных странах большинство народа вовсе не свободно, меньшинство распоряжается большинством даже без ведома последнего».

Появление такого рода взглядов было связано с пробуждавшимся в Индии интересом к идеям социалистического движения на Западе и первым ознакомлением с ними. Еще в начале 90-х годов Тагор опубликовал как познавательный материал самого общего характера несколько заметок о рабочем вопросе и социалистическом движении и среди них небольшую статью «Социализм». При всей наивности изложения социалистических идей Тагор тем не менее отмечал главное: ликвидация самодержавной власти «короля и аристократии» и утверждение буржуазных свобод — «либерализма» в Англии, то есть, по существу, то, к чему стремилось и индийское национально-буржуазное движение, не привело к действительному освобождению народных масс, а обусловило установление «власти капитала». Он говорит о нарастании социалистического движения в Европе, которое стремится «ликвидировать власть

богатых и установить свободу для народных масс». О своем отношении к социализму Тагор прямо заявлял в одном из своих писем тех лет, помещенных в сборнике «Бенгалия», где он писал: «Я не знаю, достигим ли социалистический идеал более равномерного распределения благ, но если нет, то воля провидения поистине жестока, а человек несчастнейшее из творений». Выступления Тагора в 90-х годах отразили как пробудившийся интерес передовых индийцев к идеям социализма, так и еще чрезвычайно смутные и наивные представления о нем. И тем не менее первое же знакомство с идеями социализма, пусть даже еще очень отдаленное, расширяло кругозор, ставило новые вопросы, давало толчок развитию передовой общественной мысли в Индии, усиливая именно национально-освободительные и демократические стремления. Спустя многие годы в статье «Смена эпох» (1933) Тагор вспоминал об этом времени: «В наших ушах зазвучали призывы разорвать цепи политического рабства. И одновременно тревожное предостережение тем, кто пытается превратить человека в рыночный товар. Поистине, для нас это было совершенно новой точкой зрения...»

Характерную черту развития индийской общественной мысли, особенно с конца XIX и в первое десятилетие XX века, составляли взаимодействие и столкновение националистического и социального начал, что отражало условия действительности колониальной Индии. Стремление к национальному объединению перед лицом колониального поработителя зачастую порождало различного рода утопические попытки найти выход из обострившихся социальных противоречий без существенного преобразования экономических отношений, в лучшем случае лишь посредством ограничения эксплуатации. Отсюда появление в Индии на рубеже XIX и XX веков различного рода утопических социальных концепций. Обычно они были связаны с подчеркиванием индийской самобытности, а эту самобытность усматривали главным образом в религиозности индийцев. Освященные религией индуизма патриархальные отношения и некоторые обусловленные ими моральные нормы рассматривались как социальный идеал, противопоставлявшийся буржуазному строю, а индийская религиозность или религиозная мораль противопоставлялись «материалистическому духу» Запада, то есть буржуазной морали чистогана. Такого рода взгляды весьма широко распространялись в Индии с конца XIX века и в большей мере захватили радикальные круги национального движе-

ния. Они получили название «индуистского возрождения» или «неоиндуизма».

Разделяя патриотические стремления, руководившие многими приверженцами «возрождения индуизма», Тагор, однако, решительно отвергал проповедь национальной исключительности, равно как и возвеличивание индуизма. Показательно отношение Тагора к Махатме Ганди и его учению. Тагор высоко чтит Ганди и, по существу, поддерживал его принципы самоотверженной массовой борьбы против национального гнета мирными — «ненасильственными» — средствами. Но Тагор отвергал гандистские идеи опрощения, возврата к патриархальной старине. В частности, он выступил против призыва Ганди к ручному прядению. Свою позицию он изложил в статье «Стремление к свараджу», где показал утопичность и отсталость гандистского социального идеала.

Либеральным иллюзиям о якобы прогрессивной в конечном счете роли буржуазной Англии в Индии, с одной стороны, и националистической идеализации уходящих в прошлое патриархальных отношений, с другой, Тагор с течением времени все более решительно противопоставлял свой основной и абсолютно правильный вывод, что английское колониальное господство в действительности задерживает развитие Индии, обрекая ее на чудовищную нищету и отсталость, что вся система английского правления Индией поддерживает феодальные пережитки в общественно-экономическом строе и в сознании людей и, в свою очередь, опирается на них, что национальное освобождение Индии невозможно без борьбы за социальное раскрепощение народных масс. К этому выводу Тагор пришел не сразу и формулировал его по-своему, что, однако, не меняет самой сути дела. В 1933 году в статье «Смена эпох» он писал: «Все это время мы надеялись, что тоже сумеем не отстать от общего хода истории, что колесница нашей страны покатится по дороге прогресса и что сами англичане помогут ее движению вперед. Однако, прождав достаточно долго, мы видим теперь, что колеса нашей колесницы неподвижны... Получилось так, что именно тесная связь с Европой (то есть связь колониальная. — Э. К.) и лишила Индию величайшего дара современности: в солнечном сиянии нового дня Индия осталась единственным темным пятном». И тут же Тагор со всей силой своего публицистического дара обрушивался на тех, кто, выступая за политическую независимость страны, «тем не менее призывают нас

смириться с социальным и религиозным неравенством». Он указывал, что «сама привычка принимать как неизбежное все условия, в которых человек живет от рождения, — самое прочное звено в цепи нашего политического рабства». Как убежденный демократ, Тагор говорил о непреходящей ценности «идеалов, за которые сражались сторонники реформации и солдаты Французской революции».

Вместе с тем нужно сказать, что Тагор подчас словно бы увлекался, отстаивая «европейские идеалы просветителей». Некоторые его высказывания таковы, что ведут к отрицанию объективно-прогрессивной направленности идеологии радикального национализма. В начале 20-х годов Тагор выступил с критикой не только гандистских идей возврата к патриархальной старине, но также и возглавленного Ганди движения «несотрудничества», то есть своего рода политического бойкота английских колониальных властей. Сам лозунг «несотрудничества» показался Тагору призывом к изоляции индийцев от остального мира. «Я полагаю, — отвечал ему Ганди в 1921 году, — что поэт напрасно обеспокоен негативным аспектом несотрудничества. Мы утратили способность говорить «нет», считается почти кощунством говорить «нет» правительству. Наш сознательный отказ от сотрудничества имеет то же значение, что и очистка поля от сорняков, которую должен сделать земледелец, прежде чем сеять».

Политические, а во многих отношениях и социальные устремления индийских деятелей, выступавших с позиций радикального национализма, который отразил как сильные, так и слабые стороны национально-освободительного движения, были весьма близки и самому Тагору. Характерно, что Махатма Ганди впоследствии писал о своих разногласиях с Тагором: «Я не нашел действительного конфликта между нами. Я начал с намерения обнаружить конфликт между Гурудевом («божественным учителем», как называли Тагора. — Э. К.) и мною, а кончил замечательным открытием, что никакого конфликта нет». Тагор же называл гандистские политические принципы «новым методом в истории революций», соответствующим «духовным традициям нашей страны».

В отличие от просветителей XIX века, Тагор сумел увидеть зло «буржуазности», сочетавшееся в Индии со злом средневековья. В своих идейных исканиях он стремился найти выход

из растущих социальных противоречий — путь к освобождению от угнетения человека человеком. Этот путь первоначально виделся Тагору, так же как и целому ряду других индийских мыслителей того времени от Бонкимчондро Чоттопаддхая до Ганди, в проповеди абстрактно гуманистических идеалов, в моральном совершенствовании. В 1891 году, тогда же, когда Тагор впервые познакомился с социалистическими идеями и выказывал сочувствие идеалу социализма, он тем не менее писал: «Страдания, нищета, гнет сильного и уничтожение слабого... Вот невыносимые беды Индии. С кем же мы поведем борьбу за их искоренение? С извечной жестокостью самой человеческой природы!»

Но если многие радикальные националисты связывали свою моралистическую проповедь с религией индуизма, а также проповедовали, как Ганди, возрождение патриархальных отношений, то Тагор, отталкиваясь от просветительской и реформаторской традиции Раммохон Рая, отвергал религиозную догматику вообще и ортодоксальный индуизм в частности. Идеям индуистского возрождения он противопоставлял свою проповедь гуманизма и морального совершенствования вне какой-либо конкретной религии, но тем не менее в связи с религиозным сознанием. Его позиция была близка, в частности, к религиозным воззрениям Л. Н. Толстого. Тагор хотел, «чтобы религия родилась изнутри», и называл это «великой задачей человеческой жизни». Подобные взгляды были свойственны отнюдь не только Тагору, но и ряду индийских мыслителей и радикальных деятелей национального движения, в том числе Бонкимчондро Чоттопаддхаю. Вместе с тем и самому Тагору отнюдь не были чужды надежды на особую роль индийской «духовности» как воплощения гуманистического идеала, на особую спасительную миссию Индии и Востока вообще в предотвращении антигуманизма буржуазной цивилизации. Отсюда настойчиво выдвигавшаяся им концепция, известная в наши дни под названием «Восток — Запад». Эта концепция подчеркивает вклад народов Востока в мировую культуру, отражая тем самым утверждение их национального достоинства, и поощряет обмен культурными ценностями, к чему столь горячо стремился Тагор. Вместе с тем, эта концепция нередко включает в себя утопическую надежду разрешить противоречия буржуазной цивилизации путем сочетания «научно-технических достижений Запада» с «духовностью Востока».

Наряду с проповедью гуманистических идеалов вообще, Тагор напряженно искал конкретные пути к их осуществлению. Еще в своей «Речи председателя» на Бенгальской национальной конференции в 1908 году Тагор стремился привлечь общественное внимание к неимоверно тяжелой доле индийского крестьянства и, по сути дела, призывал к его организации на демократических началах, просвещению и вовлечению в национальное движение. С этим призывом Тагор связывал также и свои мечтания об обществе, свободном от эксплуатации и угнетения. Путь к этой цели он полагал найти в возрождении гибнущей индийской сельской общины, которую называл «матерью нашей нации», и, что весьма знаменательно — хотел, чтобы крестьянская община стала «опорой национальной борьбы». Тогда же Тагор первым или, во всяком случае, одним из первых в Индии высказал идею коллективного ведения хозяйства крестьянами на кооперативных началах и на основе современной агрокультуры в сочетании с мелким механизированным промышленным производством в деревне. Он призывал также к созданию демократического сельского самоуправления, способного стать опорой массового национального движения и защитить крестьян от произвола помещика.

Искренне сочувствуя крестьянам, говоря о том, что он стыдится своего положения заминдара, Тагор в одиночку пытался что-то сделать для них — организовал кооператив, открыл школы и больницы у себя в имениях и т. п. Но его проект создания своего рода общины — фаланстера, да еще в условиях колониальной Индии, оставался сугубо утопичным, тем более, что он предлагал учреждать крестьянские производственные кооперативы без ликвидации полуфеодалного помещичьего землевладения. Он старался убедить помещиков — заминдаров стать «друзьями и защитниками» крестьян и «жертвовать личными интересами ради всеобщего блага» — типичная моралистическая проповедь, с которой выступали многие национальные лидеры, особенно на первоначальном этапе развития освободительной борьбы. Нужно сказать, что в то время ни одна национальная организация в Индии, какого бы политического направления

она ни придерживалась, не выдвигала требования полной ликвидации помещичьего землевладения как такового. В лучшем случае речь шла лишь об ограничении феодальной эксплуатации крестьян и помещичьего произвола.

* * *

Сочетание национально-освободительных стремлений с поисками путей к осуществлению своего социального идеала ярко проявились у Тагора также в его воззрениях по вопросам образования, тем более, что именно образование Тагор считал главной сферой своей общественной деятельности. Это соответствовало его основному убеждению, сложившемуся еще на рубеже XIX и XX веков, что действительный общественный прогресс может быть достигнут лишь на основе «преобразования самой человеческой природы». Первейшим средством достижения этой цели, естественно, представлялось правильное воспитание человека. Концепции Тагора восходят еще к воззрениям просветителей на роль образования и в то же время отмечены характерными моралистическими поисками избавления от противоречий и антагонизмов буржуазной цивилизации. При всей утопичности некоторых общих представлений Тагора о социальной роли образования, его конкретные требования в области реорганизации и развития образования, его практическая деятельность и педагогические воззрения отражали реальные потребности национального возрождения и развития страны.

Тагор восставал против примитивности и убогости существовавшей в Индии системы образования и справедливо возлагал главную ответственность за это на колониальных правителей. Его возмущала антинациональная направленность этой системы, которая вела к отрыву интеллигенции от действительной жизни родины, от ее народных масс, воспитывала пренебрежительное отношение к национальной культуре и преклонение перед всем английским, а следовательно, и перед колониальными хозяевами страны, и ни в коей мере не соответствовала нуждам страны, особенно в том, что касалось подготовки научных и технических кадров. Концентрированное выражение антинационального характера колониальной школы в Индии, а также органической порочности ее педагогической системы Тагор видел в том факте, что преподавание в средних и высших учебных заведениях велось на английском языке.

Он решительно отвергал имеющий и по сей день хождение среди индийской интеллигенции взгляд, будто использование английского языка как официального и как языка преподавания якобы способствовало объединению народов многонациональной Индии. Английский язык — «искусственное препятствие», которое «не пропускает наш родной язык в храм культуры, обрекая его на прозябание на задворках», — писал он. Важный вывод, к которому пришел Тагор на основании своего общественного опыта, — вывод о тормозящей роли английской власти в Индии — он развивал в выступлениях по вопросам образования и культуры. «Нам приходится содержать наше правительство не только за счет налогов, — писал Тагор в статье «Центр индийской культуры», — но и за счет родного языка и национальной культуры, от которой зависит все будущее нашей родины».

Вместе с другими передовыми деятелями страны Тагор вел упорную и поистине самоотверженную борьбу за утверждение и развитие национальной культуры и образования, и эта борьба являлась неотъемлемой частью национально-освободительного движения. Важное средство борьбы за национальную культуру Тагор видел в создании независимых от колониальной власти национальных учебных заведений. Отстаивая идею независимых национальных школ, Тагор ссылался на высказывания Л. Н. Толстого о том, что можно просвещать народ «не спрашивая разрешения у властей». Первую свою школу Тагор открыл в 1901 году в родовом поместье Шантиникетоне, преодолевая всякого рода трудности, и материальные и политические: основание этой школы было охарактеризовано властями как «предосудительное начинание». В 1921 году Тагор основал там же университет Вишвабхароти. Как писал Джавахарлал Неру, Шантиникетон стал «одним из очагов индийской культуры». Здесь Тагор стремился проводить на практике свои педагогические воззрения. Прежде всего он ратовал за связь обучения с жизнью. Тагор не только развивал этот общий принцип воспитания, но и стремился придать ему конкретную общественную направленность — осуществить связь образования с условиями национальной жизни в Индии, чтобы тем самым сблизить интеллигенцию с народными массами. Правда, подчас связь образования с национальной жизнью трактовалась им как прямое соответствие внешних признаков и условий — сидение на полу, предельная скромность обстановки учебных помещений или даже отрицание их необходимости. При этом Тагор ссы-

дался как на бедность страны, так и на древние традиции обучения в Индии. В то же самое время Тагор говорил о необходимости соединения учебной деятельности с научными исследованиями, что является одним из важнейших принципов современной высшей школы.

Как педагог-гуманист, Тагор требовал уважения к личности ребенка и бережного отношения к нему. Тагор развивал и стремился применить на практике такие педагогические идеи, как трудовое воспитание и развитие чувства гражданственности, поощрение инициативы и самостоятельности учащихся в приобретении знаний, наглядное и активное обучение, воспитание чувства близости к природе. Особое внимание Тагор-педагог уделял одному из наиболее важных вопросов педагогики — вопросу о роли социального происхождения, внешкольной среды и школы в формировании человеческой личности. Тагор отстаивал демократическую идею равенства обучения для всех, хотя неизбежно сталкивался с фактической невозможностью ее осуществления на практике в классовом обществе, тем более в колониальной стране. Выдвигал Тагор и другое, уже абсолютно нереальное положение об изоляции подрастающего поколения от социальной среды. Это положение было порождено идеалистическим представлением Тагора о главенствующей роли «преобразования человеческой природы», морального совершенствования.

При всем этом основным и решающим в общественной позиции Тагора были отнюдь не те или иные иллюзии и заблуждения, а его действительное стремление к национальному и социальному раскрепощению своего народа, его мечта о лучшем будущем Индии, о справедливом обществе, свободном от эксплуатации и угнетения. Именно поэтому Тагор выступал на стороне передовых общественных движений и идей, возникавших и утверждавшихся в ходе национального развития Индии и мирового развития, именно поэтому он внес и свой немалый вклад в дело прогресса.

* * *

В годы накануне и во время первой мировой войны, в обстановке назревавшего кризиса мирового капитализма, Тагор жил напряженным ожиданием обновления мира. Он словно предчувствовал приход новых, свежих сил и в самой Индии, и во всем мире, ждал освобождения человечества от скверны

нищеты, социального неравенства, войн и национального угнетения. Вот почему первые же, еще очень скудные, известия о Великой Октябрьской социалистической революции, дошедшие в Индию, сразу же привлекли его внимание. В своей статье «На распутье», опубликованной в одном из калькуттских журналов в июле 1918 года, он писал: «Мы очень мало знаем о происхождении нынешней революции в России, и по тем скудным сведениям, которые у нас имеются, мы не можем уверенно судить, выражают ли происходящие там бурные события неукротимый протест души человеческой против благополучия, основанного на отрицании морали... Возможно, что Россия потерпит неудачу; но даже если она падет со знаменем подлинных идеалов в руках, то в своем падении она уподобится утренней звезде, которая гаснет, возвещая утреннюю зарю Новой Эры. Если Индия не хочет утратить свое достоинство, то пусть она не стремится пробиться к нечестивому пиршеству варваров минувшей ночью, но займет свое место в утреннем шествии к правде — источнику души человеческой».

В свете не только этого высказывания, но и всей направленности мыслей и стремлений Тагора, вполне понятно его «огромное желание побывать в России». Эта поездка состоялась в 1930 году и оказала огромное влияние на писателя. О своих впечатлениях и раздумьях во время посещения Советского Союза Тагор рассказал в сборнике «Письма о России». Эта книга, получившая большой международный резонанс, сыграла важную роль в правдивом ознакомлении индийской и международной общественности с советской действительностью тех лет и первыми достижениями страны социализма. Вместе с тем, наиболее ярко отражая социально-политические позиции великого художника и мыслителя Индии, «Письма о России» дают ценный материал для понимания нараставшей тенденции к объединению сил национального освобождения с силами социализма в едином потоке мирового революционного движения.

Тагор неоднократно говорил, что целью его посещения Советского Союза было ознакомление с конкретными достижениями, особенно в области образования и культуры, а также с начавшейся коллективизацией сельского хозяйства или, как он говорил, «кооперативным движением». Но, разумеется, дело не ограничивалось только этим. Он считал для себя «недостойным» не поехать туда, где совершалось действие «огромной исторической драмы».

Советский Союз Тагор видел прежде всего глазами индийского патриота — просветителя и демократа. При этом еще задолго до посещения Советского Союза он знал, что условия жизни народных масс в царской России вообще, и особенно на ее колониальных окраинах, были сопоставимы с индийскими — факт, в свое время отмеченный В. И. Лениным. Тем разительнее были для Тагора достижения молодой Страны Советов, которые он увидел собственными глазами. «Как же мне, несчастному индийцу, не удивляться, когда я вижу, что они всего за несколько лет избавились от вековых наслоений невежества и бессилия», — писал он.

Его поразила огромный размах усилий, направленных на развитие образования и культуры народных масс в Советском Союзе, в том числе в национальных республиках, а это с особой убедительностью показало ему возможность возрождения его собственной родины и в то же время лишней раз дало почувствовать всю тяжесть национального и социального гнета, которому подвергалась Индия.

На фоне грандиозной коллективной работы, которую он увидел в СССР, какими малоэффективными показались Тагору и его собственные одинокие усилия в Шантиникетоне. «Я был бы счастлив, — пишет он, — если бы обладал хоть в какой-то мере той неиссякаемой энергией, смелостью, знаниями и умением жертвовать собой, какие проявляются здесь в деле просвещения».

Разумеется, Тагор придавал значение не только количественным показателям достижений Страны Советов. Со свойственной ему углубленностью и в характерном гуманистическом плане раскрывает он их качественное значение. Он говорит об изменении «духовного облика народа», об обретении некогда забытыми и невежественными крестьянами «человеческого достоинства», о раскрепощении творческих сил человека: «Среди народов мира Россия стоит теперь с высоко поднятой головою: разум ее независим и руки свободны».

Тагор видел большие трудности и материальные лишения, которые советский народ — труженик и созидатель — вынес на своих плечах. Но он несколько не абсолютизировал этих трудностей, ни в какой мере не позволял им заслонять главного, что открылось его взору в Советском Союзе. Прежде всего Тагор был близок трудящемуся народу своей собственной родины и потому хорошо представлял себе исходный уровень нищей и отсталой царской России, с которого начинал строить

советский народ. Он лично убедился, что гигантские усилия советских людей действительно закладывали основы подъема благосостояния и культуры, а это было для него главным. Его наблюдения имеют сейчас актуальное значение, особенно для молодых государств, перед которыми стоит задача подъема национальной экономики и культуры. Одно из основных требований демократических сил в этих странах состоит в том, чтобы привилегии богатых были ликвидированы и бремя национального развития было по справедливости возложено на всех, а не только на трудящийся народ. В некоторых из молодых государств, становящихся на некапиталистический путь развития, это требование уже начинает проводиться в жизнь, что, в частности, обеспечивает мобилизацию сил народа на национальное строительство. Еще в 1930 году Тагор, побывав в Советском Союзе, высказывал мысль о том, что справедливое распределение бремени развития на всех принципиально меняет социальный характер этого бремени и отношение к нему. «Бремя реформ», проводимых в России, очень велико, — писал он, — людям не хватает пищи, не хватает одежды, но это бремя разделяют все, сверху донизу. Такое бремя не так мучительно тяжело, ибо самопожертвование проявляют все до одного».

Во время пребывания в Советском Союзе Тагор настойчиво старался уяснить причины стремительного продвижения по пути прогресса народов в прошлом отсталой России. Он по-своему признавал всемирное значение преобразований в СССР, а также особую актуальность опыта Советского Союза для народов, которые, как и его собственный народ, вели борьбу против империализма за национальное освобождение и возрождение.

Разумеется, Тагор рассматривал и истолковывал положение в Советском Союзе в свете сложившихся у него идеалов и представлений прогрессивных, гуманистических и демократических по своей общей направленности, но в какой-то мере исторически ограниченных и утопичных. В то же время советская действительность оказывала мощное влияние на его социально-политические представления, углубляя и радикализируя их. Читая «Письма о России», можно увидеть, как растет и углубляется понимание Тагором причин увиденного им прогресса Страны Советов. Поначалу он говорил об образовании, как о единственном средстве, которое позволило «начать общий подъем» в Советском Союзе. Однако Тагор отнюдь не остано-

вился на этом. Наряду с достижениями в области образования в Советском Союзе он увидел осуществление на практике идеала социального равенства, который на протяжении многих лет он сам вынашивал. «Рабочие и крестьяне, сбросив иго унижения, сразу распрямились и высоко подняли головы», — писал он уже во втором письме из Москвы. Столь же хорошо понятно Тагору значение ниспровержения царского самодержавия, он полностью одобрял и решительное уничтожение духовного гнета церкви. «Страшная тяжесть царского гнета и религии давила на плечи России, а сегодня каждый, кто приедет сюда, увидит собственными глазами, какие огромные возможности открылись перед страной, когда это бремя сброшено».

Вместе с тем вполне естественно, что сама по себе несравненно более сложная проблема создания социалистического общества, в некоторых своих аспектах отнюдь не была легкодоступной для понимания Тагора. Его представления о социализме были по преимуществу абстрактно-моралистическими. В этих представлениях Тагора — человека, выросшего в крестьянской стране, — по-своему отразилась хорошо известная двойственность мечтаний и стремлений крестьянства. Вот почему в размышлениях о собственности, которые мы находим в «Письмах о России», он говорит, что частная собственность выражает индивидуальность для «обычного человека», и что он не хочет полной ее ликвидации. Но в то же время он высказывается за ограничение размеров собственности и изъятие «излишка» богатства у отдельных лиц «в пользу общества».

Вместе с тем «Письма о России» с полной очевидностью свидетельствуют об усилении антикапиталистической направленности взглядов Тагора. Это находило свое выражение в усилении его критики буржуазной цивилизации, что особенно заметно именно в «Письмах о России», — в конкретном требовании ограничения частной собственности, которое он здесь выдвигает, в одобрении социалистических преобразований в Советском Союзе. Следует также заметить, что Тагор не очень-то настаивал даже на мелкой частной собственности. Он издавна интересовался вопросом коллективного ведения хозяйства крестьянами на кооперативных началах и одобрял начавшуюся коллективизацию — «исчезновение межей» в Советском Союзе. Он с надеждой ждал дальнейших результатов опыта построения социализма в СССР.

Сложность и определенная противоречивость социальных воззрений Тагора наглядно проявились в его отношении к революционному насилию и диктатуре пролетариата. Складывавшееся у него десятилетиями идеалистическое представление об общественном прогрессе и утопические мечтания о преобразовании классового общества путем воспитания и убеждения — все это по традиции обуславливало неприятие Тагором революционного насилия. Он повторяет и в «Письмах о России» свои старые мысли о распространении образования и развитии крестьянской кооперации, что видится ему путем к созданию справедливого общества, так сказать, миром и ладом. И в то же самое время он с пониманием говорит в «Письмах о России» о всенародной мобилизации и объединении усилий в СССР для осуществления тех общественных преобразований, к которым он сам горячо стремился и реализацию которых в Советской стране он целиком одобрял. Тагор сумел увидеть, что единство советского народа коренится в самом общественном строе Советского Союза, противоположном буржуазному обществу. «Такое глубокое единение, — писал он, — невозможно в других странах, где эгоистичное соперничество из-за денег и власти разъединяет общество». Наконец, нельзя не воздать должного прозорливости индийского мыслителя, который видел отнюдь не только негативную сторону ограничений социалистической демократии в то время, когда он посетил Советский Союз, но и понимал, что эти ограничения обусловлены противодействием враждебных новому общественному строю сил, внутренних и особенно международных, что они отнюдь не присущи органически этому строю и будут преодолены.

В статье «Кризис цивилизации», написанной в 1941 году за несколько месяцев до смерти, а также в своих последних письмах Тагор вновь и вновь говорит о своей вере «в цивилизацию России», перед лицом которой «равны все нации», о своем «восхищении и зависти», которое он испытывает при виде того, как «удивительно быстро возрождается народ этой страны».

И уже на смертном одре в августе 1941 года он сказал, что именно советский народ одолеет фашизм — «они, только они сделают это».

Если попытаться обобщенно представить идейную эволюцию Тагора, то можно сказать следующее: восставая против колониального порабощения и социального гнета, Тагор от

просветительских идеалов приходил к критике буржуазного строя с демократических и в то же время утопических позиций, а опыт действительного осуществления на основе социалистического преобразования общества в Советском Союзе тех идеалов национального и социального равенства, которые были исходными для Тагора, подводил его к социализму. В свою очередь, под влиянием увиденного и понятого в Советском Союзе, в обстановке широкого подъема национально-освободительной борьбы индийского народа Тагор в последнее десятилетие своей жизни с новой силой и как никогда ранее решительно обличает колониальный режим, требует национальной свободы, зовет к борьбе за нее, к национальной революции: «Цепи, которыми опутали нашу страну, можно порвать лишь настойчивыми, повторяющимися усилиями... Сегодня мы смотрим на господство англичан с презрением и ненавистью. В этой ненависти наша сила, и благодаря ей мы победим», — заключает он свои «Письма о России», а в 1938 году он пишет: «Будущее наше — в умении объединить свои силы с теми силами на земле, которые жаждут положить конец эксплуатации человека человеком и нации нацией». Таков основной вывод, к которому пришел в итоге всей своей жизни Рабиндранат Тагор, великий индийский писатель и мыслитель-гуманист.

Э. Комаров

СТАТЬИ

«Р а д х и к а» В и д ъ я п а т и. Статья напечатана в декабре 1891 года в журнале «Шадхона». На русский язык переводится впервые.

Стр. 7. *Видьяпати* (XV в.) — индийский поэт. Писал на майтхильском и санскритском языках. В его произведениях воспевается любовь бога Кришны и пастушки Радхи.

Чандидас (ок. XV в.) — индийский поэт. Единственное сохранившееся его произведение, условно называемое «Шрикришнокиртон» («Песнопение в честь бога Кришны»), также посвящено любви Кришны и Радхи.

Стр. 10. *Шурошал* — род барабана.

Коротал — тарелки (музыкальный инструмент).

Социализм. Статья появилась в журнале «Шадхона» в мае 1892 года. В бенгальское собрание сочинений не вошла. Переводится впервые.

Что мешает образованию. Выступление Тагора на митинге в Раджсахи, опубликованное в декабре 1892 года в журнале «Шадхона».

Статья переведена на русский язык (см. Сочинения, т. 8, Гослитиздат, М. 1957.)

Стр. 15. *«Борнободх», «Шишушикха», «Нитипусток»* — книги для начального чтения.

Стр. 16. *На бенгальском языке нет почти ничего, кроме переводов «Рамаяны» и «Махабхараты»...* — Переводы «Рамаяны» (Криттибаш) и «Махабхараты» (Каширам Дас) пользуются большой популярностью в Бенгалии.

Стр. 18. *Шанкарачарья* (VIII в.) — индийский реформатор, основатель религиозно-философского учения веданты.

Стр. 20. *Промежуточный курс* — курс обучения в университете, дающий право на сдачу экзаменов на степень бакалавра.

Стр. 23. *«Бонгодоршон»* — бенгальский ежемесячный журнал, основанный Бонкимчондро Чоттопаддхаем. Играл большую роль в литературной жизни Бенгалии.

Шурджомукхи, Комолмони, Чондрошекхор и Протап — героические романы Бонкимчондро.

«Радж Сингх». Статья опубликована в марте 1893 года в журнале «Шадхона».

Посвящена разбору романа «Радж Сингх», принадлежащего перу Бонкимчондро. (См. «Радж Сингх», Гослитиздат, М. 1962).

Переводится впервые.

Стр. 27. *Радж Сингх* (XVII в.) — правитель Мевара, который вел борьбу против Великих Моголов.

Стр. 32. *Зеб-ун-ниса* — дочь могольского императора Аурангзеба, портесса, которая писала под псевдонимом Махби.

Бонкимчондро. Выступление на заседании библиотеки имени Чайтаньи (Чойтонно), напечатанное в журнале «Шадхона» в апреле 1894 года.

Переводится впервые.

Стр. 34. *«Биджой-бошонто», «Голембаоли»* — романы, написанные в XIX веке, примитивные по содержанию.

Стр. 35. *Раммохон Рай* (1774—1833) — индийский религиозный реформатор, основатель общества «Брахмо Самадж». Память его высоко чтят в Индии.

Стр. 36. *Тантры* — священные книги.

Стр. 39. *Всякий раз, когда бенгальский язык попадал в беду и громко взывал о помощи, он спешил к нему в образе милосердного Вишну...* — Намек на легенду о Прахладе, сыне мудреца Хиранья-Кашипу. Прахлад с детства был ревностным поклонником бога Вишну. Отец приказал убить сына, но Вишну, представ в образе льва, растерзал Хиранья-Кашипу.

Стр. 40. *«Жизнь Кришны»* — произведение Бонкимчондро (1886 г. и переработанное издание в 1892 г.), посвященное религиозным вопросам.

Стр. 43. *Ишшорчондро Гупто* (1812—1859) — бенгальский поэт и журналист.

Динобондху Миттро (1830—1873) — бенгальский драматург, автор пьесы «Нилдөрпон» («Голубое зеркало»).

Стр. 44. *Как новый Бхагиратх, низвел он на землю бенгальской литературы великую Гангу мыслей...* — Бхагиратх — мудрец, который, по преданию, низвел Гангу на землю. В его честь она получила имя Бхагиратхи.

...«полноводной, плодородной, ласкаемой южными ветрами...» — цитата из стихотворения «Банде Матарам» Бонкимчондро, которое было патриотическим гимном Индии.

Бенгальская национальная литература. Выступление Тагора на юбилейном собрании Бенгальского литературного общества, опубликованное в апреле 1894 года в журнале «Шадхона».

Русский перевод: Р. Тагор, Сочинения, т. 8, Гослитиздат, М. 1957.

Стр. 46. *Бхубанешвар* — город в дельте реки Маханади, знаменитый своими многочисленными храмами: их сохранилось около пятисот.

Канарак — место в штате Орисса, где находится храм Солнца, прославленное творение индийской архитектуры.

Стр. 47. *Канва* — мифический мудрец, считающийся автором некоторых гимнов из «Ригведы».

Канада — легендарный основатель религии вайшешика, в основе которой лежит учение, что мир состоит из скопления мельчайших частиц — атомов.

Рагхава — имя Рамы, героя «Рамаяны», как потомка Рагху.

Кауравы — сыновья царя Дхритараштры, одна из враждующих сторон в «Махабхарате».

Нанду и Упананда — династии древней Индии.

Канаудж, Кошала, Каши, Канчи — древние индийские государства.

Индрапрастха — столица Пандавов («Махабхарата»).

«Раджатарангини» — поэтическая хроника Кашмира, написанная Калханой на санскритском языке (XII в.).

Магадха — государство в Бихаре, где правила династия нандов.

Удждаини — столица полулегендарного царя Викрамадитьи, при дворе которого, согласно преданию, жил Калидаса.

Притхвирадж (ум. в 1192 г.) — индийский царь, правивший в Дели.

Чандабардан — придворный поэт Притхвираджа.

Чандрагупта — (ум. в 301 г.) — правитель династии Маурья. Существует версия, по которой его возвышению содействовал Чанакья (Каутилья) — автор известного древнего трактата «Артхашастра», посвященного вопросам государственного устройства.

Стр. 48. *Вишнуитская поэзия (лирика)* — средневековая поэзия, воспевающая любовь бога Кришны и пастушки Радхи.

Стр. 49. *Веданта* — наиболее распространенная индийская религиозно-философская система.

Стр. 50. *Йога* — одна из школ индийской религии и философии, якобы основанная Патанджали.

«Брахмасутра» — древний трактат по веданте.

«Упанишад» — третий раздел вед. «Упанишад» существует очень много, некоторые ученые насчитывают несколько сотен.

Б и д д а ш а г о р. Выступление Тагора на собрании в память Ишворчондро Биддашагора (1820—1891), известного бенгальского просветителя и общественного деятеля. Опубликовано в 1895 г.

Переводится впервые.

Стр. 69. *Шомбху Чондро* — младший брат Биддашагора, его биограф.

Стр. 70. *Абхиманью* — отважный воин, герой «Махабхараты». *Минт Гхат* — место на берегу реки, около монетного двора в Калькутте.

Стр. 71. *Сачи Деви* — мать Чайтаньи (Чойтонно), известного религиозного реформатора и проповедника.

Боробазар — место, находящееся недалеко от дома, где жил Биддашагор.

Стр. 75. *Бетюн Джордж Эллиот Дринкватер* (1801—1862) — основатель первой женской школы в Калькутте.

Шакунтала. Статья написана в 1902 году.

Цитаты из пьесы «Шакунтала» приводятся по изданию: *Калидаса*, Избранное, Гослитиздат, М. 1956. Перевод К. Бальмонта.

Стр. 87. ...*брак гандхарвов* — особая форма брака в Индии, совершавшегося без благословения родителей.

Стр. 88. *Ришьяшинга* — отшельник, по преданию, рожденный от самки оленя. Детство свое провел в лесу и до возмужания не видел ни одного человеческого существа.

Стр. 92. «*Уттара Рамачарита*» — стихотворная драма Бхавабхути (VIII в.) о жизни Рамы.

Обращение к студентам. Текст выступления Тагора в марте 1905 года в Калькутте. «Обращение к студентам» опубликовано в журнале «Бонгодоршон» (апрель 1905 г.).

Переводится впервые.

Стр. 106. *Каста дом* — низшая каста в Бенгалии.

Стр. 109. *Вьяса* — мифический мудрец, считающийся составителем вед и автором «Махабхараты».

Васиштха — мудрец, якобы сочинивший много ведических гимнов.

Вишвамित्रа — легендарный мудрец, рожденный кшатрием (каста правителей и воинов) и сумевший стать брахманом. По преданию, создал один из небесных миров.

Проблемы образования. Выступление на митинге в Калькутте в июне 1906 года, напечатанное в журнале «Бонгодоршон» в том же месяце.

Русский перевод: Р. Тагор, Сочинения, т. 8, Гослитиздат, М. 1957.

Стр. 117. *Тол и чатушпати* — санскритские школы.

Стр. 118. *Брахмачарья*. — По индийским религиозным установлениям, жизнь каждого правоверного брахмана делится на четыре периода — ашрама. Браhmачарья, самый первый из них, — период учения.

Сассапарель — вечнозеленое растение из семейства лилейных, употребляющееся в медицине.

Стр. 123. *Яджнявалкья* — мудрец, по преданию, автор свода законов.

П р е к р а с н о е. Статья была напечатана в декабре 1906 года.

Переводилась на русский язык: Р. Тагор, Сочинения, т. 8., Гослитиздат, М. 1957.

Стр. 135. *Царь Паушья молвил сыну мудреца Уттанке...* — Паушья и Уттанка упоминаются в ведах и «Упанишадах».

Стр. 136. *Акбар* (1542—1605) — император из династии Великих Моголов.

Стр. 139. *К их дхрупаде не примешана мелодия кхеял...* — Дхрупада — торжественная классическая мелодия; мелодия кхеял более позднего происхождения и отличается сравнительно легким характером.

Стр. 143. *Гаури* — одно из имен супруги бога Шивы.

Ашока (ум. ок. 232 г. до н. э.) — древнеиндийский царь. Его правление считается веком расцвета Индии.

Бодха Гайя — место, где Будда сидел под смоковницей, предаваясь созерцанию.

Стр. 145. *Ума* — одно из имен супруги бога Шивы.

Стр. 147. *Пещеры Элефанты* — пещеры на острове в бомбейской гавани, где находятся храмы, высеченные в скалах, — великолепные памятники индийского искусства.

П р е к р а с н о е и л и т е р а т у р а. Статья опубликована в апреле 1907 года в журнале «Бонгодоршон».

Переводится впервые.

Стр. 150. *Словно горы Виндхья, оно поделило бы истину на прекрасную Арьяварту и не прекрасную Южную Индию.* — Виндхья — горы на северо-востоке Индии. Арьяварта (букв. земля ариев) — местность между Гималаями и горами Виндхья.

Стр. 153. *...ведь погибла же из-за красоты золотая столица Ланки...* — Ланка — город на Цейлоне, спаленный хвостом царя обезьян Ханумана во время знаменитого похода за освобождение Ситы («Рамаяна»), также название Цейлона.

Стр. 158. *Мукундорам Кобиконкон* — поэт XVI века, автор классической поэмы в честь богини Чанди (Дурги, супруги Шивы).

Речь председателя. Речь на бенгальской провинциальной конференции в Пабне в 1908 году. Это было первое собрание, на котором председательствовал Тагор.

В феврале 1908 года речь была опубликована в журнале «Пробаши».

Переводится впервые.

Стр. 162. *Подобно Бхарате, я буду считать себя лишь временным заместителем старших и положу перед собой символ их власти...* — Когда Рама отправился в изгнание на четырнадцать лет, его брат Бхарата положил деревянные сандалии Рамы на трон и правил от его имени.

...внутренний конфликт, который недавно потряс Конгресс... — В 1907 году на сессии в Сурате произошел раскол Индийского национального конгресса на умеренных и экстремистов.

Стр. 165. *Керзон Джордж Натаниел* (1859—1925) — английский политический деятель. В 1899—1905 годах вице-король Индии.

Стр. 168. *Морли Джон* (1838—1923) — английский политический деятель, в 1905—1910 годах государственный секретарь по делам Индии. Подавил движение против раздела Бенгалии.

Стр. 174. *Оказалось, что за день мы способны собрать достаточную сумму для Национального фонда...* — Тагор принял активное участие в движении против раздела Бенгалии. По его призыву в Национальный фонд было за один день внесено около 50 000 рупий.

Стр. 185. *Айравата* — слон, появившийся при пахтанье молочного океана, его хозяин — Индра, бог-громовержец.

Стр. 186. *Ардходайя* — благоприятное время для каких-либо начинаний, отмечаемое в календаре.

Да исполнится воля хозяина. Выступление на митинге в Калькутте 4 августа 1917 года. В том же месяце опубликовано в журнале «Пробаши» и почти одновременно вышло отдельной брошюрой.

Переводится впервые.

Стр. 189. *Сколько времени пройдет...* — Пародия на популярную песню.

Стр. 192. *Парашар* — мудрец-риши, которому приписываются некоторые гимны из «Ригведы».

Стр. 193. *«Счастье не в скудости...»* — цитата из «Чхандогьи упанишады».

Стр. 195. *Шани* — Сатурн.

Мангал — Марс.

Раху и Кету — названия планет, также высшая и низшая точка пересечения орбит.

Стр. 198. *«Только тот постиг истину...»* — «Иса упанишада».

Стр. 203. *Экалабья отрубил себе большой палец и отдал его жестокому Дроначарье...* — Дроначарья — учитель воинского ремесла. Его любимым учеником был Арджуна, но Экалабья превзошел Арджуну в стрельбе из лука. Поэтому, ради своего любимца, в плату за обучение Дроначарья попросил у Экалабьи его большой палец.

Стр. 206. *Шудра* — представитель низшей касты в древней Индии.

Стр. 208. *Бехула* — героиня поэмы, посвященной богине змей Манасе.

Стр. 210. *«Даже маленькая добродетель внутри нас...»* — «Бхагавадгита».

Центр индийской культуры. Лекция, прочитанная Р. Тагором во время его поездки по Южной Индии в 1919 году. Издана Обществом развития национального образования в том же году.

Переводится впервые.

Стр. 224. *Джогодишчондро Бошу* (1858—1937) — бенгальский ученый-ботаник.

Профуллочондро Рай — бенгальский ученый-химик.

Броджендронатх Шил — бенгальский ученый.

Стр. 227. *Патхшала* — начальная школа.

Стр. 230. Подобно царю Хануману из нашего древнего сказания, который не знал, какая трава ему понадобится, и понес на себе целую гору со всевозможными травами... — Рану, которую получил Лакшмана («Рамаяна»), можно было излечить только волшебной травой вишальякарани, которая росла на горе Гандхамадане. Хануман, обезьяний царь, не сумел ее распознать и принес с собой всю гору.

Стр. 231. Хугли — река, отделяющая предместье Калькутты — Ховру от самого города. Через Хугли был перекинут понтонный мост. Время от времени его разводили, чтобы пропускать суда.

Наланда и Таксила — известные центры просвещения в древней Индии.

Стр. 239. Сёгун — титул командующего армией в феодальной Японии, являвшегося фактическим правителем страны.

Стр. 241. Брахмаварта — долина между реками Сарасвати и Дришадвати.

Стр. 248. Тапована — лесная школа в древней Индии.

Стр. 250. Шантам, Шивам, Адвайтам (миротворящий, благой, единый) — триединая формула, означающая бога Брахму.

«Зряч лишь тот, кто зрит все сущее в самом себе» — цитата из «Иса упанишады».

Стремление к свараджу. Статья написана в сентябре 1925 года. В том же месяце опубликована в журнале «Шобудж поттро».

В этой статье Тагор полемизирует с Ганди, который провозгласил чаркху (прялку) средством достижения свараджа (самоуправления). Ганди ответил статьей «Поэт и чаркха», которая была напечатана в его газете «Молодая Индия» в ноябре 1925 года.

Переводится впервые.

Стр. 252. ...не так давно наш народ взбудоражила весть о том, что сварадж уже близко... — В 1920 году Ганди выдвинул программу достижения свараджа за один год.

Стр. 255. Кхилафат (халифат). — Турецкий султан считался халифом мусульман всего мира. После поражения Турции в первой мировой войне у нее были отняты территории, считавшиеся священными землями Ислама. Это вызвало негодование индийских мусульман. В 1919 году было решено, что Кон-

гресс будет активно участвовать в движении кхилафат за пересмотр условий мирного договора.

Стр. 259. *«Самое малое прикосновение истины спасает от самого глубокого отчаяния»* — цитата из «Бхагавадгиты».

Школа поэта. Статья опубликована в октябре 1926 года в журнале «Вишвабхароти куортерли».

Переводится впервые.

Стр. 271. *...родственные души Востока и Запада, Мария и Марфа.* — Мария и Марфа (библ.) — сестры Лазаря.

Стр. 273. *К счастью, помощь пришла от одного американского друга...* — Речь идет о Леонарде К. Элмхерсте, друге Тагора, который организовал в Шриникетоне Институт сельского возрождения.

Распространение образования. Обращение к студентам и профессорам Калькуттского университета в феврале 1933 года. Вышло брошюрой в мае того же года.

Переводится впервые.

Стр. 281. *Дхрува* — легендарный мудрец, по милости бога Вишну вознесенный на небо и ставший Полярной звездой.

Прахлад — мифический последователь Вишну.

Карна — сын Кунти и бога солнца Сурьи, сводный брат Пандавов («Махабхарата»). По преданию, родился в доспехах и вооруженный.

Харишчандра — сын мудреца Тришанку, царь, славный своим благочестием и справедливостью.

Смена эпох. Статья опубликована в журнале «Пори-чой» в июле 1933 года.

Переводится впервые.

Стр. 292. *«Бидда и Шундор»* — поэма о любви Бидды и Шундора, написанная Бхаротчондро Раем (1712—1760).

Стр. 295. *Виллингтон* (1866—1941) — вице-король Индии.

Стр. 296. *«И все-таки человек останется человеком»* — строка из известного стихотворения Р. Бернса «Честная бедность».

Стр. 300. *«Блэкс и тэнс»* — так были прозваны английские войска, принимавшие участие в подавлении ирландского вос-

стания 1916 г. (по цвету их мундиров: блэк — черный, тэн — рыжий).

Джалианвалабаг — место в Амритсаре, где 13 апреля 1919 года английские войска открыли огонь по безоружной толпе людей. В знак протеста Тагор отказался от почетного звания, присвоенного ему британским правительством.

Раммохон Рай, паломник Индии. Выступление на митинге в Калькутте в декабре 1933 года по случаю столетия со дня смерти Раммохон Рая. Участникам митинга раздавался печатный текст этого выступления.

Переводится впервые.

Стр. 304. *Пусть придут ко мне люди...* — «Таиттирийа упанишада».

Я знаю, знаю... — «Шветашватара упанишада»

Стр. 306. *Мы должны идти вместе, как один...* — «Ригведа».

Стр. 308. *Кабир* (XV в) — индийский поэт и религиозный реформатор.

Даду (1544—1603) — средневековый поэт-проповедник.

Стр. 311. *Тот, кто видит все существа в себе самом...* — «Иса упанишада».

Стр. 312. *Тот единый, не имеющий цвета...* — «Шветашватара упанишада».

Значение литературы. Статья опубликована в августе 1934 года в журнале «Пробаши».

Переводится впервые.

Стр. 319. *Гангшалик* — небольшая птица, живущая обычно около воды.

Стр. 320. *Бхартрихари* — (VII в.) санскритский поэт и грамматик.

Стр. 324. *Если на нашей улице произойдет нечто, подобное эпизоду с Драупади...* — Драупади — общая жена пяти Пандавов («Махабхарата»). Старший брат Юдхиштхира проиграл ее в кости, и она стала рабыней. Глумясь над нею, Духшасана срывал с нее одежды, но бог Кришна снова и снова одевал ее.

Кхандава — лес на берегу Джамуны, где Пандавы построили город Индрапрастху. Кхандава была сожжена богом огня Агни с помощью Кришны и Арджуны.

Стр. 326. *Бенгома-бенгоми* — две сказочные птицы.

Рамачандра — Рама («Рамаяна»).

Стр. 330. *Когда охотник убил одну из цапель, поэт был сильно потрясен; его возмущение излилось в новом размере стиха...* — Подразумевается легендарный создатель «Рамаяны» — Вальмики, якобы сочинивший начальные строки поэмы, после того как увидел гибель цапли.

Ж е н щ и н а. Выступление на заседании Конференции бенгальских трудящихся женщин, которая состоялась в октябре 1936 года в Калькутте. Опубликовано в ноябре 1936 года в журнале «Пробаши».

Переводится впервые.

Стр. 335. *...моя старшая сестра...* — Шоудамини Деби (1847—1920).

П о э з и я и р и т м. Статья опубликована в ноябре 1936 года.

Переводится впервые.

Стр. 341. *Пояр* — четырнадцатисложный размер, широко употребляемый в бенгальской поэзии.

В е р о и с п о в е д а н и е х у д о ж н и к а. Первую часть этой статьи составляет лекция Р. Тагора в Китае (1924). Вторая часть — его выступление в даккском университете, опубликованное в апреле 1926 года в «Вишвабхароти куортерли» в 1926 году под названием «Значение искусства». Объединив оба текста, Тагор значительно переработал их перед напечатанием в журнале «Контемпорари индиан философи» (1936).

Переводилась на русский язык: «Восточный альманах», № 3, Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 353. *Шайаначарья* (XIV в.) — комментатор «Ригведы».

Стр. 363. *Личная печаль императора сразу же обрела свободу, как только приняла вид поэзии...* — Император — Шах Джахан, который выстроил мавзолей Тадж Махал для своей любимой жены Мумтаз Бегум.

Открытое письмо редактору «Манчестер гардиан». Опубликовано в феврале 1938 года.

Переводится впервые.

Стр. 366. *«Новая конституция Индии...»* — Имеется в виду закон об управлении Индией, подготовленный английским правительством в 1935 году. Закон предусматривал образование индийской федерации и устанавливал выборные органы в провинциях, которые должны были находиться под контролем губернаторов. Закон был введен в действие в апреле 1937 года без той его части, которая касалась образования федерации.

Стихи в прозе и свободный стих. Статья была напечатана в августе 1939 года.

Переводится впервые.

Стр. 370. *Вараручи* — поэт, который якобы жил при дворе царя Викрамадитьи.

Стр. 371. *Сатьякама* — сын Джабалы, которая не знала, от кого ее сын. Поэтому Сатьякама не знал, может ли он считать себя брахманом. Его сомнения рассеял мудрец Гаутама, который сказал: «Ты истинный брахман, ибо в сердце твоём — благо».

...ануштубха, триштубха или мандакранта — старинные санскритские ритмы.

«Яджурведа» — вторая из четырех вед.

Стр. 372. *Шоттендро* — Шоттендронатх Дотто (1882—1922) — бенгальский поэт.

Заявление по поводу начала второй мировой войны. Опубликовано в октябре 1939 года.

На русский язык переводится впервые.

Кризис цивилизации. Статья Р. Тагора, прочитанная по случаю его восьмидесятилетия в Шантиникетоне (14 апреля 1941 г.). В тот же день раздавалась брошюра с текстом.

Статья кончается стихотворением «Вот человек великий» (см. 8-й т. наст. собр. соч., стр. 445).

Переводилась на русский язык: Р. Тагор, Сочинения, т. 8, Гослитиздат, М. 1957.

Стр. 376. Джон Брайт (1811—1889) — английский политический деятель, либерал.

Раджнарайон Бошу (1826—1899)— бенгальский литературовед и критик.

Стр. 380. Эндрюз Чарльз Фрир (1871—1940) — английский миссионер, близкий друг семьи Тагоров.

Открытое письмо в редакцию «Калькутта мьюниси пал газет». Опубликовано в 1941 году.

Переводится впервые.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Шантиникетон. Манговая роща, место занятий Р. Тагора с учащимися.
2. Общежитие учащихся.
3. Р. Тагор произносит речь на митинге протеста против расправы с заключенными тюрьмы Хиджли (1931).
4. Р. Тагор пишет приветственную телеграмму ссыльным на Андаманских островах (1937).
5. Джавахарлал Неру на открытии Хинди-Бхавана (1939).
6. Р. Тагор и М. Ганди в Шантиникетоне (1940).
7. Р. Тагор в Шантиникетоне (1941).

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

«Радхика» Видьяпати. Перевод с бенгальского В. Гороновой	7
Социализм. Перевод с бенгальского Э. Комарова	11
Что мешает образованию. Перевод с бенгаль- ского Р. Валуевой	15
«Радж Сингх». Перевод с бенгальского С. Цы- рина	27
Бонкимчондро. Перевод с бенгальского Т. Ше- стаковой	34
Бенгальская национальная литература. Перевод с бенгальского Е. Алексеевой	45
Биддашагор. Перевод с бенгальского Е. Алексе- евой и А. Саховалера	61
Шакунтала. Перевод с бенгальского С. Цырина	85
Обращение к студентам. Перевод с бенгальского А. Саховалера и И. Товстых	102
Проблемы образования. Перевод с бенгальского А. Саховалера и И. Товстых	113
Прекрасное. Перевод с бенгальского Ю. Фролова	131
Прекрасное и литература. Перевод с бенгаль- ского И. Товстых	149
Речь председателя. Перевод с бенгальского А. Саховалера и С. Цырина	161
Да исполнится воля хозяина. Перевод с бенгаль- ского Б. Карпушкина и Ф. Мендельсона . .	189

Центр индийской культуры. Перевод с анлийского Ф. Мендельсона	216
Стремление к свараджу. Перевод с бенгальского В. Гороновой и Ф. Мендельсона	251
Школа поэта. Перевод с английского Ф. Мендельсона	262
Распространение образования. Перевод с бенгальского Ф. Мендельсона и И. Товстых . .	279
Смена эпох. Перевод с бенгальского Ф. Мендельсона и С. Цырина	291
Раммохон Рай, паломник Индии. Перевод с английского Ф. Мендельсона	303
Значение литературы. Перевод с бенгальского Б. Карпушкина	317
Женщина. Перевод с бенгальского В. Гороновой и Ф. Мендельсона	332
Поэзия и ритм. Перевод с бенгальского М. Давыдовой	340
Вероисповедание художника. Перевод с английского А. Саховалера	343
Открытое письмо редактору «Манчестер гардиан». Перевод с английского Р. Петросян	366
Стихи в прозе и свободный стих. Перевод с бенгальского М. Давыдовой	369
Заявление по поводу начала второй мировой войны. Перевод с английского Р. Петросян	374
Кризис цивилизации. Перевод с бенгальского И. Товстых	375
Открытое письмо в редакцию «Калькутта мьюнисиपाल газет». Перевод с английского Р. Петросян	382
Комментарии	387
Список иллюстраций	425

Рабиндранат Тагор
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 11

Редактор А. Ибрагимов
Художественный редактор Г. Клодт
Технический редактор Ж. Примак
Корректоры Р. Пунга и А. Юрьева

✱

Сдано в набор 2/VII 1965 г.
Подписано в печать 19/X 1965 г.
Бум. 84×108¹/₃₂. 13,375 печ. л.=22,47 усл.
печ. л. 20,94 уч.-изд. л.+7 вкл.=21,29 л.
Тираж 93500. Зак. 1693. Цена 66 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

✱

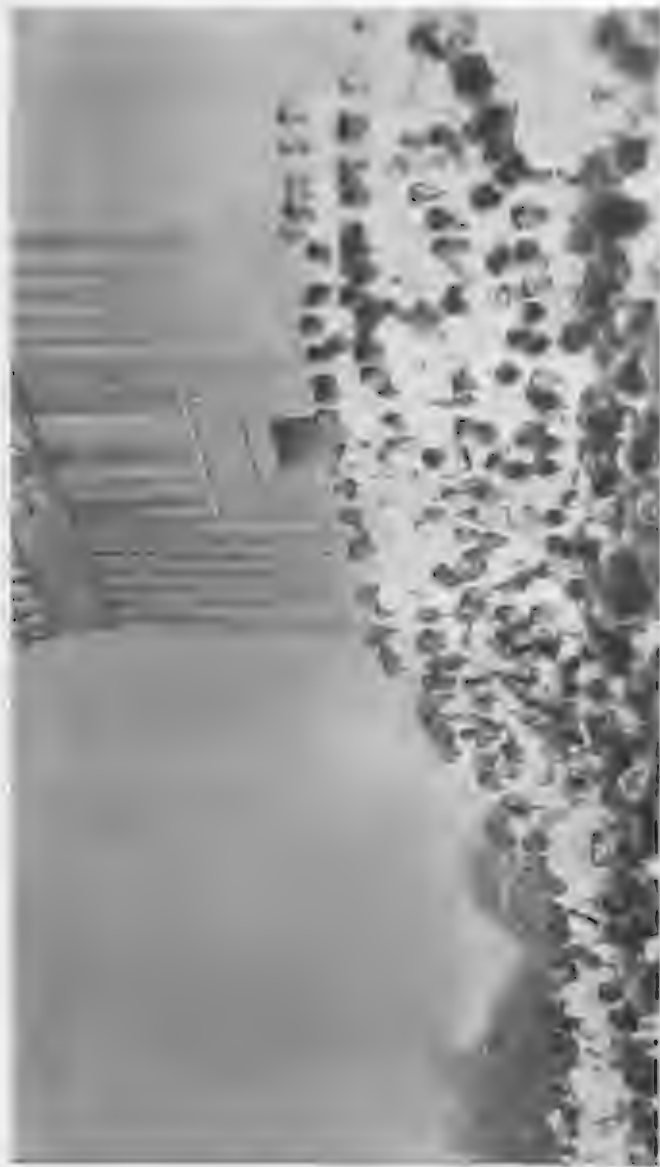
Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Шаантиникетон. Манговая роща, место занятий Р. Тагора с учащимися

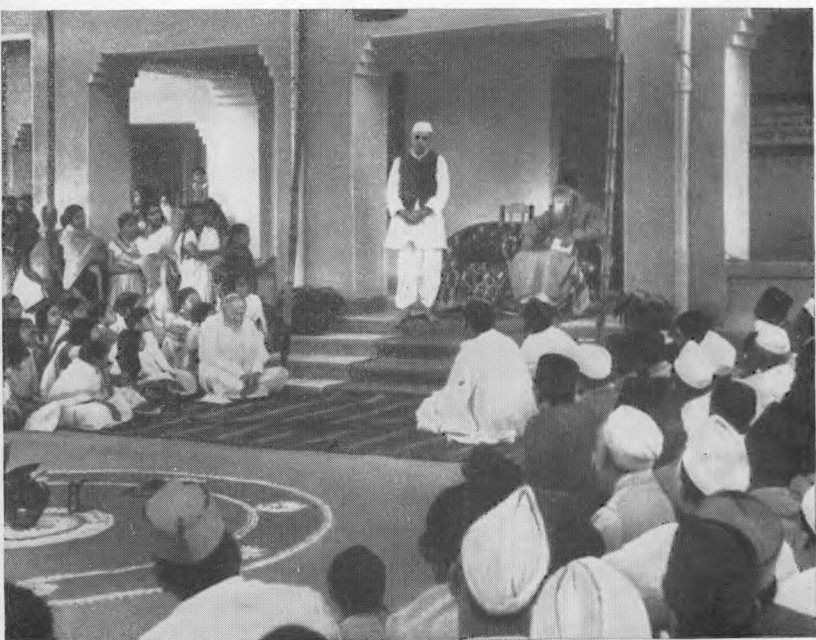
Общежитие учащихся

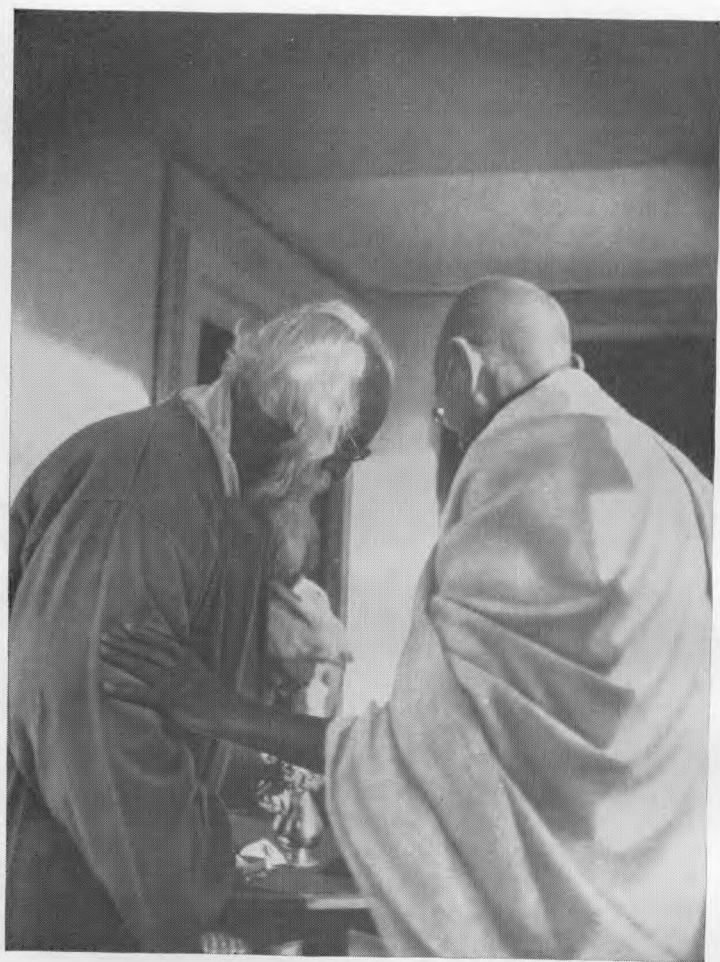
Р. Татон организует реча на антико протеста против расизма
и сегрегационного геноцида Нидерланд
(1931)

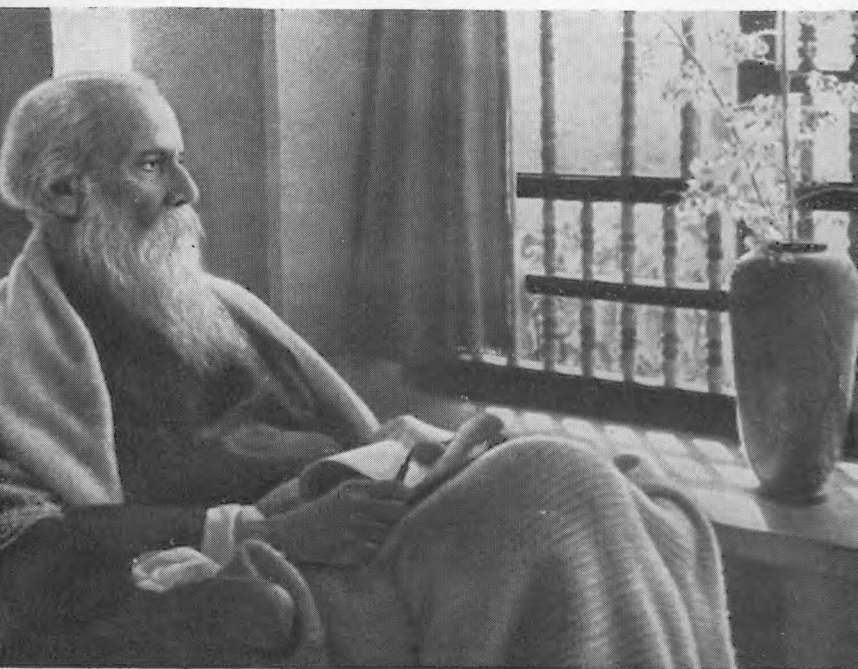
Р. Тагор пишет приветственную телеграмму ссыльным
на Андаманских островах
(1937)

Джавахарлал Неру на открытии Хипди-Бхавана
(1939)

Р. Тагор и М. Ганди в Шантиникетоне
(1940)

Р. Тагор в Шантиникетоне
(1941)

